

# ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

**№ 1(27)**

**СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА  
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА  
ПОЛИТИКА  
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ  
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ  
ГЕОПОЛИТИКА  
ЭКОНОМИКА  
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»  
ПУБЛИКАЦИИ  
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**EDITOR'S PAGE  
PRESSING TOPIC  
POLITICS  
FOREIGN AFFAIRS  
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION  
GEOPOLITICS  
ECONOMICS  
ROUND TABLE  
PUBLICATIONS  
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

# ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

## Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа.

*Издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»*

*и Бюро социально-экономической информации.*

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,

председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель

главного редактора – **Юрий Поройков**, к. филос. н.

Редакционный совет: **Михаил Делягин**, д.экон.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

**Владимир Егоров**, д.филос.н., президент-ректор Российской академии госслужбы при Президенте РФ

**Сергей Караганов**, д.ист.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН

**Андрей Кокошин**, д.ист.н., член-корреспондент РАН, председатель К-та Госдумы РФ

**Николай Михайлов**, д.экон.н., член совета директоров АФК «Система»

**Александр Назарчук**, д. филос. н., проф. филос. ф-та МГУ

**Алексей Пушкин**, к.ист.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

**Александр Рар**, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике

**Владимир Рыжков**, к.ист.н., депутат Госдумы РФ

**Леонид Слуцкий**, д.экон.н., первый зам. председателя Комитета по международным делам Госдумы РФ

**Андрей Федоров**, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

**Александр Ципко**, д. филос. н., гл. науч. сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственные

за выпуск:

**Константин Радовицкий**, к.соц.н.

**Игорь Измоленов**, к.ист.н.

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

# СОДЕРЖАНИЕ

## СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов .....5

## АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (Экспресс-анализ)

*Политический ландшафт страны в год выборов*

Михаил Делягин. Двухпартийность и «проблема-2008»  
– факторы нестабильности .....10

Александр Ципко. Еще раз о «левой ноге» партии власти .....15

## ПОЛИТИКА

Эберхард Шнайдер (Германия). Преемник Путина. *Взгляд со стороны* ...20

Павел Холоден. Региональные выборы  
как подготовка к общенациональным выборам .....31

Геннадий Марченко. Политика как театр.  
*Театрократический подход в политическом консультировании* .....39

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тома Гомар (Франция). Российский вектор политики Парижа:  
преодолеть статус-кво .....53

Беатрис Хойзер (Германия). Культурная революция  
в подавлении повстанчества .....67

Инна Шумилина. «Новый курс» США в Ираке:  
старые цели в новой PR-упаковке .....82

Максим Братерский. Иранский ядерный кризис  
достанется в наследство следующей администрации США .....92

## В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сергей Кортюнов. Глобализация и национальная идентичность .....109

Александр Дугин. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна .....124

## ГЕОПОЛИТИКА

Евгений Вертлиб (Германия). Геостратегический контекст  
проблематики национальной безопасности России  
и стабильности Центрально-Азиатского региона (*Окончание*) .....136

Владимир Дергачев (Украина). Трансформация технологий  
новейшей геополитики .....168

## ЭКОНОМИКА

Николай Михайлов. Системный форсайт  
и стратегическое планирование развития .....181

## «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

1. 15 лет СНГ: состояние и перспективы .....191

2. Каким быть отечественному образованию? .....201

## ПУБЛИКАЦИИ

Расим Агаев (Азербайджан). Тайна «Черного сада» .....218

## ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Глобализация как постидеология.  
*О новой книге Збигнева Бжезинского «Выбор: мировое господство  
или глобальное лидерство»* .....226

Новые книги, которые могут вас заинтересовать .....232

Об авторах .....246

# CONTENTS

## EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov .....	5
----------------------	---

## PRESSING TOPIC (Express-analysis)

*Political scenery in the year of elections*

Mikhail Delyagin. Bipartisanship and the problem-2008: the factors of instability .....	10
Alexander Tsipko. Few more words on the government party's «left leg» ....	15

## POLITICS

Eberhard Schneider (Germany). Putin's successor. <i>Foreign view</i> .....	20
Pavel Kholodyon. The regional elections as a preparation to federal ones ...	31
Gennady Marchenko. Politics as theatre. <i>The theatrecratic approach in political consulting</i> .....	39

## FOREIGN AFFAIRS

Thomas Gomart (France). The Russian vector of the policy followed by Paris: To overcome the status quo .....	53
Beatrice Heuser (Germany). The cultural revolution in counterinsurgency ...	67
Inna Shumilina. The U.S. «new deal» in Iraq: the old objectives in new pr-wrapping .....	82
Maxim Bratersky. The Iranian nuclear crisis: the inheritance-to-be for the next U.S. Administration .....	92

## IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Sergey Kortunov. Globalization and national identity .....	109
Alexander Dugin. Posthumanism. The man in the world of Postmodern ...	124

## GEOPOLITICS

Eugenie Vertlib (Germany). Geostrategical context of the problems of Russia's national security and the Central Asia regional stability ( <i>Conclusion</i> ) .....	136
Vladimir Dergachev (Ukraine). Technologies transformation in the newest geopolitics .....	168

## ECONOMICS

Nikolay Mikhailov. Systems foresight and strategic planning of development .....	181
---	-----

## ROUND TABLE

<i>15 years of the CIS: status and perspectives</i> .....	191
<i>National education: what it should be like?</i> .....	201

## PUBLICATIONS

Rasim Agayev (Azerbaijan). The secret of the 'Black garden' .....	218
---	-----

## NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Globalization as post-ideology On «Concerning The Choice. Global Domination or Global Leadership?» by Zbigniew Brzezinski (M., 2006) .....	226
--	-----

Books that Might Be of Interest .....	232
---------------------------------------	-----

SUMMARY .....	236
---------------	-----

OUR AUTHORS .....	246
-------------------	-----

## **СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА**

За прошедшие три месяца произошло немало событий, оказавших существенное влияние на текущие политические процессы, их динамику и направленность. Порой трудно избавиться от ощущения, что на земле становится все теснее и неудобнее, страны все чаще начинают задевать локтями друг друга, все более настойчивыми кажутся попытки более сильных навязывать свой строй мысли и образ жизни менее сильным, по-своему расставить мебель в чужом доме и повесить в них свои иконы. И уж совсем нестерпимо, когда начинают рыть окопы у твоих ворот...

Нечто вроде этого и происходит сегодня в нашем мире, обремененном грузом трудноразрешимых проблем, враждой и стереотипами старого мышления. США, по уши завязшие в Ираке и Афганистане, тащат, тем не менее, на Алеутские острова, поближе к Камчатке, самый большой радар морского базирования для усиления системы ПРО, а НАТО копает котлованы для тех же целей в Чехии, затем будет копать – в Польше, а если повезет, то и на Украине... Может, потому и тащат, и копают, что где-то постоянно вязнут, а денег на все всегда не хватает?

Это, конечно, очень простой ответ, но даже более полный и обстоятельный все равно сведется к проблеме своевременного наполнения и опустошения военного бюджета, которым всегда измерялись и будут, увы, измеряться самые завиральные идеи и проекты военных, начиная с мирового господства. Откуда иначе эта задумка защищаться от иранских и, тем паче, северокорейских ракет, глядя в прицел, направленный на Россию?

Дипломатический язык, как правило, избегает очевидных слов и прямых оценок. В статье *Инны Шумилиной* «Новый курс» США в Ираке: старые цели в новой PR-упаковке» читатель найдет красноречивое подтверждение этому. «Для описания существующей ситуации, – пишет она, – Буш использовал выражение «мы не выигрываем и не проигрываем». Ранее в речах президента преобладало словосочетание «мы, безусловно, выигрываем». Такой разворот во мнении он назвал «своей верой в победу». И последующий анализ смыслов и сигналов в речи Бу-

ша дает достаточно полное представление об истинных целях и намерениях президента: если не нейтрализовать, то, по крайней мере, смягчить реакцию общественности на провал операции в Ираке.

Для аудитории, искушенной в политических словосплетениях, в которых более всего ценится умение сказать все, ничего не говоря, мюнхенская речь В.Путина о проблемах международной безопасности, конечно же, показалась непривычно откровенной и резкой. Еще бы, вещи названы своими именами и оказалось, что волки, якобы сменившие свой пищевой рацион на траву, по-прежнему охотятся за овцами, причем преимущественно на чужих пастбищах.

Эта ситуация, подробно проанализированная многими специалистами, вряд ли нуждается в новых комментариях. В любом случае я разделяю лишь основные мнения, сходящиеся в том, что сегодняшняя политика США, ЕС и НАТО зримо расшатывает международную безопасность и грозит серьезными осложнениями в будущем. Прав Сергей Караганов, считающий, что выступление российского президента станет «холодным душем» для США, ее возрастающего пыла, попыток возродить дух «холодной войны». Не менее и не более того. Не мало, когда сидишь на пороховой бочке.

И, тем не менее, позволю себе несколько суждений по этому поводу – в продолжение своих заметок в предыдущем номере, где я, как мне представляется достаточно ясно выразил свое негативное отношение как к мировой политике США, так и к делам, и к словам ее партнеров. А начну с выдержки из статьи французского политолога Тома Гомар, впервые выступающего в нашем журнале.

Говоря о множестве течений в восприятии Францией России, он подчеркивает, что попытки связать будущее страны с будущим ее президента серьезно влияют на политическую ориентацию Парижа и западных союзников, размышляющих над проблемой, как построить «неизбежное «стратегическое партнерство» с непредсказуемым режимом, невосприимчивым к постороннему мнению и имеющему иное восприятие времени?». Вопрос, собственно, в том, какую позицию *следует занять по отношению к России, исходя из предположения, что проведение более жесткой политики внутри страны рано или поздно проявится и во внешней политике*».

Что здесь для нас важно – вот это самое предположение, которое выступает в качестве основной доминанты в определении позиции ведущих государств мира по отношению к стране, «невосприимчивой к постороннему мнению». Ни в коей мере не вступая в дискуссию с автором, хочу отметить лишь, что и сама Франция, как известно, проявила свое «непослушание» отказом участвовать в военной авантюре американцев в Ираке и была, кстати сказать, морально поддержана «непредсказуемой» Россией. И речь, в данном случае, идет, конечно же, о не-

восприимчивости вообще как принципе деятельности, а о неприятии навязываемых ей демократических норм Запада как безусловно образцовой модели цивилизованного государства.

Но Тома Гомар, несомненно, прав в том, что предположения, вытекающие, скорее, из собственных представлений о должном и нужном, чем из реальной оценки существующего в реальном времени и обстоятельствах, может основательно исказить политическую ориентацию любого государственного деятеля. Что, собственно, и произошло и с министром обороны США Гейтсом, поставившего Россию в один ряд с Ираном и Кореей среди вероятных противников США и с генеральным секретарем НАТО Япом де Хоопом Схеффером, считающего, что «укрупнение альянса не происходит в ущерб кому-либо» и увидевшего в нарисованной ему наглядно картине мира лишь «несогласованность между партнерством НАТО с Россией... и речью президента Путина». Жаль, что никто ему не напомнил об истерике, в которую впала Америка в 1961 году, когда советские ракеты оказались у нее под боксом, на Кубе.

Вообще же меня несколько удивляет однозначная реакция и многих комментаторов, поспешивших, на мой взгляд, сделать слишком широкие обобщения. «Готовимся к войне?», «Палец на крючке войны», «Назад в будущее», «Пережить бы 2007» – уже сами заголовки множества опубликованных в последнее время статей свидетельствуют о многом.

«Мир, похоже, – считает Глеб Павловский, – накренился к большой войне... И пока никто не предлагает мало-мальски представимый вариант мирной трансформации мировой системы, вероятность войны растет. Как это повлияет на наши внутренние дела, неизвестно, но все ключевые события, скорее всего, будут происходить также в следующее президентство».

Вот с этим последним заключением трудно не согласиться – и повлияет, и многое, действительно, будет происходить в дальнейшем, но уже с учетом и при воздействии сказанного нынешним президентом сегодня.

Что же касается возможности большой войны, то вряд ли можно о ней говорить сейчас всерьез. Как, впрочем, воспользуюсь чужой формулировкой, «проталкивать ее в сферу политики и выводить в базовые установки, на которых строятся отношения между государствами». Словно, и вправду, нет разницы между словесной дуэлью и действительной политикой в реальности. Сейчас мы признаем «серьезной ошибкой» недооценку в свое время факта выхода США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и уничтожение всего имеющегося арсенала их, а также, как, не исключено, сожалеем о ликвидации военных баз в Европе и Азии. Все остальное и есть следствие этих по-

спешных или вынужденных решений, что надо, несомненно, признать и сделать необходимые выводы.

Кстати заметить, о планах размещения элементов ПРО в Западной Европе нам было известно даже не вчера, и сегодняшнюю жесткую реакцию на практическую реализацию этих планов можно вполне объяснить досадой на собственный допущенный просчет. Да и последовательное включение почти всех стран бывшего восточного блока – участников Варшавского договора, как помнится, сопровождалось нашим же откровенным заигрыванием с НАТО. Или мы, действительно, были столь наивны, что не понимали, что в одно прекрасное время увидим перед своим носом частокол из натовских государств?

Все наши многочисленные неувязки, взаимные тычки и эскапады раздраженных слов поверх действительно существующих проблем в отношениях с нашими бывшими союзниками сыграли в том совсем немалую роль, как и способы их решения. Кому это может понравиться? Или мы хотим увидеть натовцев из окна девятиэтажки Смоленска? Многим не очень по душе сегодняшний Лукашенко, но, загнанный в угол и поддерживаемый соседями, он может преподнести нам немало сюрпризов.

Сказано: история не дает уроков, она наказывает за невыученные уроки.

И тот же имидж России, «упавший за рубежом и не выжавшийся», как прозвучало из уст одного нашего высокопоставленного чиновника, требует, несомненно, большего внимания, чем попытки поднять его с помощью контрпропагандистских брошюр и телепередач, повторяющие, по сути, приемы и методы советской пропаганды.

Несомненно, требуется пересмотр многого из того, что еще вчера казалось возможным и приемлемым. Мир, действительно, меняется, изменяется и гигантское пространство бывшего СССР, а значит, и поле мировой политики России, которое, как ни считай, начинается у ее границ. Статья *Евгения Вертлиба (Германия)*, публикуемая в этом номере, дает убедительное представление о тех сложных и неоднозначных процессах, которые протекают в Центральной и Средней Азии – этом важнейшем для нас регионе мира, требующих от России, как он считает, «еще более обдуманных, адекватно размерам угроз, и просчитанных внешнеполитических шагов».

Внешние угрозы России принимают все более системный характер, и с этим нельзя не согласиться. Но, как предупреждает *Владимир Дергачев (Украина)* в своей статье «Трансформация технологий новейшей геополитики», самые изощренные из них, направленные на манипулирование сознанием (подсознанием) граждан государств, являющихся объектом воздействия, позволяют бескровно захватывать чужие территории изнутри. Что автор весьма убедительно и демонстрирует на



примере прокатившихся по пространству бывшего СССР так называемых «цветных» революций.

А закончить свои заметки я хотел бы весьма дельным, на мой взгляд, советом одного малоизвестного, но, несомненно, неглупого человека: «Предстоящие вам испытания вы должны рассматривать как урок, который необходимо усвоить. Вам не следует презирать своего противника. Смотрите на него, как на дорожного регулировщика, который заставил вас двинуться в другом направлении. Куда приведет этот путь, вы узнаете. То, что сейчас кажется вам таким ужасным и действующим на нервы, со временем обернется вам на пользу, как бы дико это сейчас не звучало».

*В. Гусев.*

# **АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

## **ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ**

*О политическом ландшафте страны в год парламентских выборов  
размышляют члены редакционного совета Вестника –*

*доктор экономических наук Михаил Делягин*

*и доктор философских наук Александр Ципко*

Михаил ДЕЛЯГИН

### **ДВУХПАРТИЙНОСТЬ И «ПРОБЛЕМА-2008» – ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

#### **Полуторапартийная система и ее недостатки**

Долгое время базовой конструкцией российской политики была одно-, она же – «полутора-» партийная система, в которой политическая жизнь должна была концентрироваться внутри одной «партии власти» (как это есть в Китае и Японии, как это было в СССР, послевоенной Германии и ряде стран Латинской Америки).

Принципиальной новацией стало кардинальное изменение самого понятия «партия власти». Во всех вышеперечисленных примерах под ней понимается партия, которой принадлежит власть; в России же «партия власти» – та, которая сама принадлежит власти.

«Полуторапартийность» была связана с необходимостью наличия при «партии власти» значительного числа разнообразных и также управляемых политических структур, которые не только повышали явку на выборы, но и оказывали влияние на саму «партию власти», пугая и раздражая ее и тем самым помогая удерживать ее под контролем.

Система сдерживания носила многоуровневый характер: подобно тому, как второстепенные политические силы давили на «партию власти», на них самих влияли разнообразные маргиналы, на тех, в свою очередь, отщепенцы и так далее – до величин совершенно ненаблюдаемых. Политическая система напоминала велосипедный пелетон, в котором группу назначенных лидеров, образующих «Единую Россию», сдерживали и корректировали, прямо или опосредованно, десятки разнообразных структур, в основном также контролируемых государством.

Недостатки этой системы очевидны.

Прежде всего, она представляет собой подлинное болото интриг, в котором резвятся проходимцы всех мастей и наклонностей. Для них по вполне объективным институциональным причинам создаются наиболее благоприятные условия.

При наличии лишь одной «партии власти» мест у кормушки хватает далеко не всем лоялистам, в особенности искренне преданным власти (такие люди, как правило, считают излишним участвовать в слишком грязных интригах, ошибочно полагая, что их искренность и профессионализм гарантируют им соответствующую их способностям должности). Буквально за несколько лет эта особенность нечаянно, без чьего-либо злого умысла, превратила ряд вполне лояльных ранее чиновников в оппозиционеров, часто эффективных и потому создающих серьезную головную боль.

С другой стороны, ряд сторонников президента Путина не согласны сидеть с известными деятелями «Единой России» (под иным названием созданной еще Березовским и компанией) не то что в одной фракции, но даже на одном гектаре.

Создание полуторапартийной системы экспериментально подтвердило прописную истину, по которой безнаказанность рождает коррупцию. Номенклатура осознала, что после вступления в правильную партию и водружения на стену правильного портрета каждый ее член может творить с подведомственным людом что угодно, и любой его обличитель станет в лучшем случае «экстремистом». В результате тотальность коррупции стала, похоже, создавать проблему уже не только для государства, но и для наиболее крупных, а значит, и наиболее влиятельных коррупционеров.

Проблемой стало и естественное усыпление электората, грозящее таким снижением явки на выборы, компенсация которого даже пресловутым «административным ресурсом» означала бы «игру на грани фола».

### **Управляемая двухпартийная система: преимущества и недостатки**

Руководство страны попытается решить эти разнообразные проблемы одним-единственным элегантным ходом: созданием для власти полноценной «второй ноги» (такое ощущение, что кто-то читал незабвенное маоцзэдуновское «нельзя идти на одной или полутора ногах») и переходом от управляемой «полуторапартийной» к не менее управляемой, но все же двухпартийной системе.

Привычная для России система правления за счет поддержания баланса между враждующими группировками в ближайшем окружении лидера перенесена из кулуарных интриг в официальную политику.

Две партии объективно выражают интересы наиболее значимых сил в обществе, характер которых определяется уровнем развития общества. В новейшей, постиндустриальной демократии, например, США, они отражают интересы двух основных общественных групп, объединяющихся вокруг различных сфер бизнеса, предлагающих обществу различные модели развития; в классической демократии – вокруг основных классов; в условиях родоплеменных и раннефеодальных отношений – вокруг племен.

В современной России две партии выражают интересы групп реально имеющей влияние социальной прослойки, то есть правящей бюрократии. Правая по своей политике «Единая Россия» выражает позицию «либеральных фундаменталистов», а призванные быть левыми и патриотичными эсеры – alter ego силовой олигархии.

Создавая, пусть и искусственным образом, пусть и под своим жестким многоуровневым контролем, конкуренцию между лояльными бюрократическими партиями (в силу жесткости контроля данная конкуренция неминуемо будет ограниченной), власть предъявляет им огромные требования, связанные с принципиально новым, публичным и конкурентным характером их существования.

Если партии смогут выжить, развиваться и бороться за симпатии избирателей в условиях пусть даже и ограниченной, и искусственной, но все же конкуренции, это будет означать перерождение, своего рода успешное воспитание конкуренцией и для «Единой России», и для эсеров. В результате они (или хотя бы одна из них) станут жизнеспособными, что приведет к их переориентации с выражения интересов отдельных высших чиновников на интересы значительно более широких групп в госаппарате, затем – в элите общества (то есть среди людей, участвующих в принятии принципиальных решений или являющихся примером для подражания), а потом, постепенно – и в самом обществе.

Постепенное расширение групп, на которые опираются партии, диктуется логикой конкурентной борьбы двух группировок, при которой каждая из них в поисках новых союзников вынуждена опускаться на все более низкие уровни социальной пирамиды.

Результатом может стать перерождение двух группировок бюрократии в демократическую двухпартийную систему, опирающуюся на учет интересов различных общественных групп.

Не факт, что государство осознает этот путь до конца. Скорее всего, когда приближение двухпартийной системы к народу начнет вызывать ревность госаппарата и создавать реальную угрозу его тотальному контролю за политическим пространством, партии (или одна из них) будут одернуты, и их стихийное приближение к обществу будет остановлено.

Помимо объективной несовместимости демократизации с фундаментальными интересами бюрократии, трансформация «управляемой демократии» в нормальную может быть прервана и тактическими причинами.

Прежде всего, бюрократические, по своей сути, партии могут просто не выдержать повышенных требований, объективно предъявляемых к ним новыми, относительно конкурентными условиями. Ради самосохранения они (или одна из них) в той или иной форме потребуют от власти прекращения «эксперимента» и кардинального ограничения конкуренции (она неминуемо будет восприниматься проигрывающей стороной как «недобросовестная»). Непосредственной реакцией станет возврат к нормальным для бюрократических партий формально неконкурентным условиям.

С другой стороны, бюрократические партии могут начать рассылаться сами под давлением даже ограниченной конкуренции, и тогда их придется спасать (аналогичным образом), либо менять.

Поэтому крах попытки (да еще, скорее всего, и неосознанной) демократизации созданной политической системы представляется наиболее вероятным сценарием.

Однако это не будет решением проблемы, так как подковерная конкуренция, активизированная ее партийным оформлением, будет продолжаться, подтачивая всю политическую систему. Более того, институционализация борьбы между двумя кланами (в том числе в виде перевода ее в русло борьбы между двумя партиями) объективно усиливает и ожесточает ее, подрывая дееспособность управляющей системы и создавая качественно новые угрозы политической стабильности.

Два клана, получивших в виде партий не просто специализирующиеся на политической борьбе друг с другом и отделенные от повседневной управленческой деятельности организационные структуры, но еще и структуры, полностью легальные, открытые и официально признанные именно в этом своем наиболее разрушительном качестве, превращаются в значимые факторы системной дестабилизации.

Создание двухпартийной системы является своего рода «точкой невозврата» в нарастании нестабильности: даже организационная ликвидация одной из партий (что будет восприниматься как простая бюрократическая несправедливость, но не изменение «правил игры»), не говоря уже о попытках призвать их к порядку, не остановит спущенных с цепи «псов войны».

Это становится особенно опасным в условиях неопределенности с выбором преемника.

### **В 2008 году стоит ждать кандидата «второго уровня»**

Власть – особенно в России с отсутствием устоявшихся институтов и традициями самозванчества – наиболее уязвима именно в процессе смены высшего руководителя. Поэтому наше будущее определяется решением «проблемы-2008».

Сложность заключается в необходимости совместить почти несовместимое. Прежде всего, новый руководитель должен быть легитимен в

глазах и Запада, через активы контролирующего российскую элиту, и России. Между тем, первое подразумевает подчинение закону, а второе – управление им, так как в российской традиции «настоящий» царь сам является источником права и потому не только не должен, но и не может подчиняться ему как высшей реальности. Попытка исполнить формальные требования права будет ощущаться Россией как «юридическое наперсточничество» и потому приведет к делегитимизации власти внутри страны; попытка же в соответствии с российской традицией встать «над правом» является оскорблением почти религиозных святынь Запада и грозит поэтому изоляцией с его стороны (неприемлемой для российской элиты, держащей свои активы именно на Западе).

Помимо этой философской проблемы, есть проблема политическая. В России сложилось два основных клана – «либеральных фундаменталистов», ориентированных на Запад для передачи ему российских ресурсов в обмен на личное потребление в развитых странах, и «силовых олигархов», стремящихся к изоляции от Запада и самостоятельному грабежу российских ресурсов. Эти кланы делятся на множество мелких, жестоко грызущихся группировок, но принципиальное деление именно таково.

Путин – единственный человек, устраивающий обе группировки и при этом способный управлять страной. Однако его сохранение на третий срок, которого жаждут истосковавшееся по покою российское общество, нуждающийся даже в дурной стабильности бизнес и научившиеся проходить процедуру назначения губернаторы, неприемлемо для российской элиты в целом, так как вызовет непонимание Запада и создаст угрозу для ее зарубежных активов.

Поэтому преемник, скорее всего, все-таки будет. При этом он должен быть близок к Путину настолько, что причинение ему зла для него должно быть тем же самым, что причинение зла самому себе.

Простое требование минимальной способности к управлению отсекает почти все нещадно «раскручиваемые» официальной пропагандой кандидатуры. Поэтому разумно присмотреться к фигурам «второго уровня», пока держащимся в тени. Каждая из них принадлежит к одному из двух основных кланов и потому нуждается в «противовесе», который не позволит ему уничтожить политических конкурентов.

Поддержание этого «противовеса» делает необходимым сохранение за кулисами российской политики В.Путина в качестве верховного арбитра. Наиболее предпочтительной для этого позицией, позволяющей сочетать неуязвимость с возможностью вмешательства в любые вопросы государственного управления, представляется пост председателя Конституционного суда. Возможно, с этой идеей связан переезд Конституционного суда в Санкт-Петербург, намеченный на время сразу после президентских выборов.

В случае удачи преемник будет временным, по сути дела, президентом, и значение его будет невелико, – страна будет жить ожиданием

возвращения Путина, которое просто по законам ожидания будет досрочным.

Однако во время этого ожидания – также просто из-за объективно обусловленной слабости «промежуточного» президента – в стране может сложиться распределенная модель власти, при которой она уже будет не сконцентрирована в руках «нового царя», а демократически распределена между целым рядом институтов.

Александр ЦИПКО

## ЕЩЕ РАЗ О «ЛЕВОЙ НОГЕ» ПАРТИИ ВЛАСТИ

Поддержанная Путиным инициатива председателя Совета Федерации Сергея Миронова собрать под себя весь левый центр, объединить вокруг своей Партии жизни и остатки «Родины», и набирающую силу Партию пенсионеров вызвала не только растерянность в рядах партии власти, но и смятение из-за утраты с таким трудом восстановленных ориентиров в нашем все еще хаотичном политическом пространстве.

Это какой-то ералаш в политике, который вызывает немало вопросов и опасений.

Идея существования одновременно двух партий власти не укладывается не только в европейское политическое сознание, но и в российское, уже, казалось бы, ко всему привыкшее. Еще более непривычно для русского человека видеть в роли левого революционера, на словах сотрясающего устои нынешнего, как он говорит, «олигархического режима», второе лицо в государстве, спикера российского Сената, который все эти годы штамповал своей сенаторской печатью все прорыночные, пролиберальные законы, в том числе и пресловутый закон о монетизации.

Вполне допускаю, что Сергей Миронов как классический тип советского интеллигента, познавший тяготы жизни простого человека, имеет левые убеждения. Но его руководящее положение среди новой, буржуазной по духу и по задачам элиты, в глазах населения трудно совместить с абсолютно левой и по духу, и по букве программой его партии.

Даже вечный оппозиционер Геннадий Зюганов уже не воспринимается протестным электоратом как свой, как лидер обездоленных. И всему виной его буржуазный образ жизни и вполне респектабельный вид сытого и удовлетворенного жизнью человека. Только человек, не отдающий себе отчета, в какой стране он живет и в какую эпоху он занимается политикой, может верить в возможность создания социал-демократической, системной левой партии в России.

Вот почему я бы не связывал негативное, более того, раздраженное отношение единороссов к инициативе Сергея Миронова только с боязнью конкуренции, с опасением потерять монополию на власть и т.д.



Честно говоря, наша журналистская братия, тем более, молодая журналистская, раздирающая на куски и без того малый авторитет «ЕР», мало что может понять в сути происходящих на ее глазах событий, в особенностях и уникальности сложившейся в России после 1993 года политической системы. Да, не имеют наши партии ничего общего с европейскими политическими партиями. Да, не имеет борьба между партиями ничего общего с политической борьбой в странах европейской демократии. У нас партии не борются за власть. Они воюют всего лишь за место под президентским солнцем. Сейчас даже КПРФ борется за место под президентским солнцем.

И лидеры, и актив «ЕР» не настолько наивны, чтобы не понимать, что они никакая не партия власти, а, в лучшем случае, лишь, как говорили в советские времена, «приводной ремень» между администрацией президента и местной властью. Все они, здравые люди, активно наблюдают за развернувшейся на экранах телевизоров кампанией по пропаганде преемников и видят, что ни они, якобы, члены правящей партии, ни их лидеры не имеют никакого влияния на решение главного вопроса – вопроса о том, кто после Путина станет руководителем России. Даже молодые члены «ЕР», активисты «Молодой гвардии», догадываются, что их партия – лишь группа поддержки президента и его начинаний, как и то, кстати, что на декабрьских выборах 2007 года, в момент перехода власти от Путина к преемнику, они могут потерять значительную часть электората.

В прошедшем 2006 году я имел как лектор возможность общаться с рядовым активом «ЕР» в различных городах – и в Томске, и в Иваново, и в Туле, и в Вологде, и в Ярославле, и во многих других областных центрах новой, посткоммунистической России. И могу с полной уверенностью сказать, что не за властью пришли в «ЕР» все эти люди, в подавляющем большинстве – партийные и комсомольские активисты времен перестройки. Те из них, кто устоял в начале 90-х и накопил в своем бизнесе жирок, шли в «партию власти», чтобы сохранить свой статус-кво.

Не забывайте, что среди руководителей «ЕР» областного и районного звена подавляющая часть – бывшие члены КПСС, бывшие парторги крупных заводов, заведующие отделов облисполкомов, методисты бывших партийных кабинетов и т.д. А в роли подручных, организаторов и координаторов партийной жизни, у них, удачливых представителей третьего и четвертого эшелона бывшей власти, служат бывшие политработники Советской армии.

Такова иерархия власти на региональном уровне «ЕР» во многих областях страны. И по-другому в России, где смена строя и власти на многих свалилась как снег на голову, где в подавляющей части российской провинции не было никаких оппозиционеров, не было своих Поповых, Собчаков, Немцовых, и быть не могло.



Новая формация и новая партия власти могли создаваться только из представителей бывшей советской элиты, и она должна была быть построена в соответствии с ее сознанием и психологией, то есть по законам однозначной иерархии.

В таких условиях, при таком человеческом материале, мы могли выйти из смуты девяностых, только создавая подобие советской вертикали власти. Естественно, что и «Единая Россия» как организующая и направляющая сила на местах могла строиться только как подобие КПСС. И совсем не случайно почти все главы субъектов Федерации, вслед за Лужковым и Шаймиевым, стали членами «ЕР».

Ничего плохого в этом нет. Без воссоздания привычной вертикали власти, где наверху – глава государства и лидер нации, под ним – его партия, организующая и направляющая жизнь на местах, а внизу – ее рядовые члены, мы к стабильности прийти не могли. В России стабильность связывается не столько с четко обозначенными правилами игры, сколько с четко выстроенной иерархией власти, при которой отчетливо видно, что выше, что ниже, кто главный, кто – второстепенный.

Понятно, что в условиях частной собственности невозможно воспроизвести КПСС в старом виде, с ее неисчерпаемым административным ресурсом. Но все же предполагалось само собой разумеющимся, что президент будет транслировать свой административный ресурс вниз, своей партии, и укреплять ее позиции. Предполагалось, что Путин всегда и при всех условиях будет отдавать предпочтение своей партии, той, которая безоговорочно поддерживала все его начинания и которая в глазах народа воспринимается как пропутинская партия. Но оказалось, что Путину одновременно люб и Грызлов с «ЕР», и Миронов со своей «Справедливой Россией», а административный ресурс стал растекаться уже по двум рукам.

Вот почему и восприняли единороссы и наверху, и внизу претензии Миронова на создание второй партии власти как «провокацию», как нарушение негласной договоренности между Путиным и членами «ЕР». Они думали, вступая в «ЕР», что идут в партию стабильности во имя стабильности. А выясняется, что на самом деле с таким трудом выстроенная стабильность рушится. Отсюда и растерянность единороссов на местах.

Какой же, спрашивается, идейный и политический смысл в выборах, если две основные партии пропрезидентские? Не лучше ли Путину самому определиться и сказать народу, какая партия ближе к нему, а какая дальше?

Нельзя усиливать и без того сильную сумятицу в головах людей. В условиях неизбежного для нашей политической системы возрастания неопределенности в момент смены власти не надо ослаблять «ЕР», единственную более или менее отлаженную систему организации общественной жизни на местах.

Мне совсем не симпатичны новые законы о выборах, которые приняло парламентское большинство. Но я не могу не видеть, что «ЕР» много дала для упрочения политической стабильности в России. Она решила, по крайней мере, две задачи, без которых трудно было обеспечить нынешнюю стабильность, – во-первых, вывела региональную элиту на федеральный уровень, во-вторых, начала дело консолидации новой российской элиты.

Во времена Ельцина, при всем хаосе, царившем в стране, был Совет Федерации, который объединял элиту страны, был собранием наиболее влиятельных и сильных людей России. В момент потрясений он имел все, чтобы выступить в роли авторитетного центра власти. Сегодня же, когда Совет Федерации стал собранием новых «бывших» и удачливых бизнесменов, нуждающихся в депутатской неприкосновенности, роль собирателя элиты, безусловно, принадлежит «ЕР».

И я полагаю, что в этот ответственный и сложный период развития страны, когда из-за неотработанности механизма преемственности власти угрозы разрушения стабильности усиливаются, опасно распылять и административный ресурс, и руководящую элиту по двум партиям власти. Ни к чему хорошему это не приведет. Уже сейчас некоторые региональные руководители – члены «ЕР» – начинают смотреть по сторонам и выжидают, «чья возьмет», какая из двух партий власти окажется ближе к Путину.

Не думаю также, что появление второй «партии власти» будет способствовать укреплению и развитию многопартийности в России, на что, скорее всего, рассчитывал Путин, когда неожиданно для всех дал «зеленый свет» инициативе Сергея Миронова.

На самом деле, сдерживает развитие многопартийности, реальной демократии в России не монополия «ЕР», которая, в принципе, достаточно прозрачна, а сама наша политическая система, выросшая из гражданской войны 1993 года. Сдерживает развитие демократии закрепленное в Конституции откровенное игнорирование партийного фактора при формировании органов власти, при решении вопроса о власти в стране.

И самое главное. Партийный фактор, принадлежность к партии не играют абсолютно никакой роли при выборе президента России. Владимир Путин в тот момент, когда он стал преемником Ельцина, не принадлежал ни к одной из политических партий России. Непартийными являются и нынешние кандидаты в преемники Путина – и Дмитрий Медведев, и Сергей Иванов.

Партийный энтузиазм единороссов, по моему мнению, потому и ослаб в последний год, как я имел возможность убедиться во время своих командировок, что ни один из лидеров «ЕР» не оказался в списке возможных кандидатов в президенты. Не играет никакой роли партийный фактор и при формировании верхней палаты парламента.

Многие из единороссов еще весной прошлого года надеялись, что Путин станет их реальным лидером и поведет их к победе на декабрьских выборах в Думу 2007 года. Но теперь они уже опасаются, что после того, как Путин назовет преемника, они перестанут быть пропутинской партией и за них мало кто пойдет голосовать.

Ничего, абсолютно ничего не даст в сложившейся морально-психологической ситуации в России для укрепления многопартийности появление второй, на этот раз левой, партии власти. Несомненно, полемика, обмен словесными уколами между верным путинцем Грызловым и верным путинцем Мироновым придают недостающую интригу нашей скучной политической жизни. Но ничего, абсолютно ничего это не дает и для преодоления бутафорского характера нашей демократии.

Так что лично мой анализ инициативы Сергея Миронова убеждает меня в том, что рассредоточение административного ресурса по двум рукам подрывает доверие населения и к власти, и к самому Путину. Для русского человека власть была и остается, прежде всего, крепко сжатым кулаком. Власть, которая свои ресурсы распыляет в разные стороны, по определению, не может быть сильной властью.

Далее. Нельзя не видеть, что предстоящая борьба между двумя пропутинскими партиями усиливает и среди элиты, и среди населения настроения неопределенности, неуверенности в будущем, которые и без инициатив Сергея Миронова подтачивают слабые моральные силы России. Наши олигархи не верят в будущее страны, которая дала им несметные капиталы, а потому все самое главное, что у них есть, держат за рубежом, включая и свои деньги. Многие из них прожигают свою жизнь в кутежах, среди безумной роскоши, ибо живут одним днем. Простые люди, по существу, нищие на фоне несметных богатств Абрамовичей и Прохоровых), тоже не думают о завтрашнем дне, ибо все, что у них есть, продается сегодня.

Таков нынешний политический ландшафт, где люди – с сознанием и психологией временщиков, где сосуществуют две партии власти, где неясно, кто подлинный путинец и кто неподлинный путинец, и где, самое главное, непонятно, чего хочет сам Путин, кого он намерен сделать своим преемником, какую партию сделать главной.

Эберхард ШНАЙДЕР (Германия)

## **ПРЕЕМНИК ПУТИНА**

*Взгляд со стороны*

Второй срок полномочий президента России Владимира Путина заканчивается 8 марта 2008 г. Конституция не разрешает ему находиться на этой должности три срока подряд. В силу этого в России возникает проблема преемственности, имеющая политическую значимость, поскольку вся система власти в стране ориентирована на президента. Если у Путина действительно будет «наследник», это будет равнозначно изменению политической системы России.

Ниже излагаются возможные варианты решения проблемы преемника нынешнего президента, причем порядок их перечисления не соответствует степени их вероятности.

### **Вариант 1: третий срок**

В соответствии со статьей 81 Конституции Российской Федерации, президент избирается на четыре года и не может занимать эту должность более двух сроков подряд (п. 3). Согласно статье 136 поправки к 81-й статье принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона. В этой связи они должны быть одобрены большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы (п. 2 ст. 108) и не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации. При этом поправки вступают в силу только после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации (ст. 136), т.е. не менее чем 59 субъектами из нынешних 88.

Путин располагает конституционным большинством в Госдуме. У партии власти «Единая Россия» в нижней палате парламента 310 депутатов, или 68,9%<sup>1</sup> от общего числа. В Совете Федерации из 178 депутатов 84 (47,2%) впервые стали его членами. Очевидно, большая часть

---

<sup>1</sup> <http://www.duma.gov.ru>

остальных депутатов, вошедших в состав верхней палаты после вступления в силу нового закона о порядке ее формирования в 2000 г., поддерживает Путина в случае выдвижения им соответствующей инициативы по изменению конституции.

Видимо, более сложным делом может оказаться обеспечение большинства для принятия законопроекта о конституционных новациях в двух третях региональных парламентов. «Единая Россия» опирается на абсолютное большинство лишь в 22 из 88 субъектов Федерации, иными словами, только в четверти от общего числа<sup>2</sup>. Но если Кремль просигнализирует региональным парламентам о том, что он нуждается в их вотуме доверия для внесения поправок в основной закон страны, свой голос за них отдадут также и оппозиционные фракции.

В последние месяцы Путин неоднократно повторял о своем нежелании баллотироваться в третий раз<sup>3</sup>. Несмотря на это, в последнее время постоянно предпринимаются попытки подтолкнуть его к выдвижению своей кандидатуры на следующих выборах, а также инициировать соответствующие конституционные новеллы. В октябре 2004 г. этот путь выбрал и успешно прошел белорусский президент Александр Лукашенко. К настоящему времени за третий срок Путина высказались девять президентов республик и губернаторов областей.

Внести изменения в конституцию можно и путем проведения референдума. В этой связи президент России может заявить, что он лично против включения в основной закон положения о возможности пребывания на высшем государственном посту три срока подряд, но он подчиняется воле большинства населения. Согласно закону о референдуме от 28 июня 2004 г.<sup>4</sup> (п. 4 ст. 6) (сомнительное утверждение – п.п.: 4. На референдум могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией Российской Федерации к ведению Российской Федерации, а также к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; кроме того, смотри ниже решение ЦИК. – *Прим. пер.*) изменить конституцию можно путем референдума. Но положения пункта 3 статьи 7 закона запрещают проводить референдум в течение последнего года срока полномочий Госдумы, который заканчивается 7 декабря 2007 г. Поскольку упомянутый правовой акт о референдуме является федеральным конституционным законом, при соответствующем

<sup>2</sup> Петр Панов. Российские политические партии в региональных политических процессах: проблема эффективного представительства. Документ для XX Конгресса Международной ассоциации политической науки 9–13.07.2006 в Фукуока. Коммерсант, 14.03.2006 г.

<sup>3</sup> Последний раз по этому вопросу Путин высказался публично перед населением 25.10.2006 (<http://www.kremlin.ru/appears/2006/10/112959.shtml>).

<sup>4</sup> Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»; <http://www.kodeks.ru/noframe/LegRFsearch?d&nd=901901263&nh=0&ssect=0>

щей политической воле он может быть изменен таким образом, чтобы референдум можно было провести также и в течение последнего года текущего срока полномочий. Для этого потребуется не менее двух третей голосов всех депутатов Госдумы и трех четвертей голосов всех членов Федерального совета (п. 2 ст. 108 Конституции).

27 сентября Центральная избирательная комиссия приняла единодушное решение о противоправности запланированного референдума независимо от того, как будет сформулирован вопрос. На референдуме можно выдвигать вопросы, которые бы по смыслу уточняли содержание конституционной статьи, но не вносили бы кардинальных поправок<sup>5</sup>.

В роли основного протагониста усилий по переизбранию Путина на третий срок выступает заместитель руководителя администрации президента и глава его канцелярии Игорь Сечин. Сохранение Путиным за собой высшего государственного поста позволит ему и его окружению остаться на своих постах, благодаря которым они не только осуществляют политическую власть, но и уже превратились в бюрократических олигархов, руководящих стратегическими отраслями экономики.

### Вариант 2: центрист

В начале своего пребывания в должности президента Путину необходимо было обеспечивать баланс между пятью властными группировками, которые могли бы стремиться видеть в его лице представителя своих интересов: «семейные» Ельцина, поскольку после своей отставки 31 декабря 1999 г. первый президент назначил Владимира Владимировича исполняющим обязанности президента; олигархи, ибо именно олигарх Борис Березовский, обладавший в то время наибольшим политическим влиянием, во многом предопределил выбор кандидатуры Путина и рекомендовал его Ельцину в качестве его преемника; силовики, так как до своего назначения на пост председателя правительства в августе 1999 г. Путин возглавлял ФСБ; либеральные реформаторы, ведь в 1990 г. тогдашний мэр-реформатор Санкт-Петербурга Анатолий Собчак назначил Путина, учившегося ранее у него на юридическом факультете Ленинградского университета, своим заместителем, а также региональные лидеры, потому что Путин пришел из регионального органа власти.

Тем временем Путин уже вывел из политической игры три группировки: «семейных» Ельцина, олигархов и региональных лидеров. Таким образом, на арене осталось только две коалиции – силовиков и реформаторов, успевших уже перейти на позиции центристов. Именно между ними разыгрывается борьба за кандидатуру преемника нынеш-

<sup>5</sup> <http://www.prognosis.ru/print/html?id=8059>

него президента. Наглядной иллюстрацией к этому служит неожиданное назначение 14 ноября 2005 г. реформаторски настроенного бывшего руководителя президентской администрации Дмитрия Медведева первым заместителем председателя правительства и министра обороны Сергея Иванова – заместителем премьер-министра, курирующим военно-промышленный комплекс, с сохранением за ним прежней должности. Оба – выходцы из Санкт-Петербурга, являющегося оплотом Путина.

В качестве претендента на высший пост Дмитрий Медведев представляет интересы центристов. Он родился в 1965 г. в Ленинграде, который с 1991 г. вновь называется Санкт-Петербургом. До 1987 г. он изучал юриспруденцию в Ленинградском государственном университете (ЛГУ) имени А.А.Жданова (Путин закончил этот факультет в 1975 г.). С 1989 по 1996 г. Медведев работал юридическим экспертом при председателе Комитета по внешнеэкономическим связям А.Собчаке (на самом деле – эксперт Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга. – *Прим. пер.*), бывшем университетском преподавателе Путина и Медведева, который в этот период становится мэром-реформатором Санкт-Петербурга. Одновременно Медведев занимает должность доцента в ЛГУ. После кратковременного и не слишком успешного периода работы в частном секторе он становится заместителем руководителя аппарата правительства при премьер-министре Путине и затем – руководителем его предвыборного штаба. В декабре 1999 г. Путин назначает его заместителем руководителя администрации президента, 3 июня 2000 г. – первым заместителем руководителя и 30 октября 2003 г. – руководителем. 3 июня 2000 г. Медведев был избран председателем Совета директоров ОАО «Газпром» вместо Виктора Черномырдина.

На посту первого заместителя председателя правительства Медведеву поручено осуществить до президентских выборов четыре национальных проекта: в области жилья, здравоохранения, образования и сельского хозяйства. Медведев абсолютно лоялен Путину, но при реализации проектов не блещет инициативой и изобретательностью. (Статья написана до проведения Президентом известных кадровых изменений и новых назначений. – *Прим. ред.*).

К группе центристов можно причислить заместителя руководителя администрации президента Владислава Суркова, в компетенцию которого входят вопросы внутренней политики, прежде всего, взаимодействие с «Единой Россией», помощников президента по внешней политике – Сергея Приходько, по вопросам развития отношений с Евросоюзом – Сергея Ястржембского, по вопросам образования и науке – Джохан Поллыеву и по правовым вопросам – Ларису Брычеву, а также министра экономического развития Германа Грефа и министра финансов Алексея Кудрина. Во внешней политике центристы выступают за сотрудничество России с США и Европой.



Медведев намерен позиционировать себя в качестве демократа. Так, в конце июля он раскритиковал концепцию «суверенной демократии», выдвинутую Сурковым для партии власти «Единая Россия», как далеко не идеальный термин<sup>6</sup>. Новое понятие было призвано стать ответом на критику Запада по поводу укрепления авторитарных тенденций во внутренней политике России. Одновременно Сурков хотел выдвинуться на роль своего рода нового главного идеолога, что у него не получилось, поскольку его новое определение демократии для России вызвало несогласие даже у Путина.

По мнению Медведева, «если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус», так как «это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии»<sup>7</sup>. Вместе с тем дискуссия показала, что лагерь реформаторов политически неоднороден.

### Вариант 3: силовик

Силовики, сделавшие своими идеологическими принципами патриотизм с опорой на силу, православие и приоритет государственной экономики, представляют собой политически неоднородный, но действующий на коллективных началах альянс людей с различными интересами. Так, среди них имеется группа «либеральных силовиков», всегда поддерживавших контакт с питерскими реформаторами и ставящих свои личные интересы над групповыми. Их лидером является генерал-лейтенант ФСБ, министр обороны и заместитель премьер-министра Сергей Иванов.

В отличие от Медведева С.Иванов – самостоятельная фигура. Он считается наиболее подготовленным кандидатом на пост президента. Он читает почти все документы, предназначенные для президента и которые по содержанию выходят далеко за рамки его компетенции.

Родился в 1953 в Ленинграде. Учился на филологическом факультете (английский язык) ЛГУ. В 1974 г. в течение 4 месяцев находился на стажировке в лондонском университете Темз Вэли (Thames Valley University). Как и Путин, закончил в 1977 г. Высшие курсы КГБ СССР в Минске и в 1982 г. – Московскую высшую школу КГБ по подготовке разведчиков для работы за рубежом (на самом деле – «101-ю школу» ПГУ КГБ СССР. – *Прим. пер.*) (Путин это сделал в 1985 г.)<sup>8</sup>. В 1980-е годы находился в зарубежных командировках в Лондоне, Хельсинки, Кении и Стокгольме. При Путине (1998–1999) Иванов занимал пост

<sup>6</sup> The Moscow Times, 26.7.2006.

<sup>7</sup> Эксперт, 24.7.2006.

<sup>8</sup> Instytut Wschodni, Russia 2005. Report on Transformation. II Europe – Russia Forum Vilnius March 23–24, 2006.



заместителя директора ФСБ и затем преемника Путина в должности секретаря Совета безопасности (ноябрь 1999 – март 2001). Как председатель Комиссии по военно-промышленным вопросам С. Иванов распоряжается военным бюджетом в размере \$25 млрд. Путин будет оценивать итоги его политической деятельности по результатам «строительства вооруженных сил», осуществляемого вместо военной реформы, которую С.Иванов разработал будучи на посту секретаря Совбеза в 2000 г. и от которой, очевидно, уже отказались.

Во главе радикальных силовиков, наиболее решительно выступающих за перераспределение собственности в экономике, стоит заместитель руководителя администрации президента и начальник канцелярии Игорь Сечин. В состав группы входят директор ФСБ Николай Патрушев, министр внутренних дел Рашид Нургалиев (в период 2000–2002 гг. заместитель директора ФСБ) и до начала июня – генеральный прокурор Владимир Устинов, сын которого Дмитрий женат на дочке Сечина Инге Игоревне, а также утвержденный на свой пост 8 июня 2006 г. председатель правления государственного нефтяного концерна «РОСНЕФТЬ» Сергей Богданчиков. С июля 2004 г. председателем Совета директоров Роснефти является Сечин. В прошлом году он выступал за поглощение Роснефтью «Газпрома», в то время как Медведев добивался противоположного варианта (поглощение «Газпромом» Роснефти). Поскольку оба деятеля не смогли договориться о том, какой же концерн должен остаться, Путин прекратил процесс объединения, к которому, по сути, оба и стремились.

Еще одну подгруппу возглавляет помощник президента по кадровым вопросам генерал-лейтенант ФСБ Виктор Иванов, который в период 1999–2000 гг. был заместителем директора ФСБ. Он тесно связан с Сечиным, курирует нефтегазовый, военно-промышленный и авиационный комплексы.

Внешнеполитическая доктрина силовиков предусматривает внутреннее укрепление РФ во имя решения, по сути, неимпериалистической задачи по восстановлению военного и политического доминирования России в СНГ. В этих целях они пытаются применять традиционные методы влияния: регулирование поставок сырья, установление визового режима, размещение военных баз, использование этнических русских, а также союзных политических сил в странах СНГ. Они выступают против европеизации России и вместо этого хотят активизировать связи с Китаем и Индией путем проведения совместных учений, продаж оружия, развития сотрудничества в нефтегазовой сфере, поскольку оба азиатских государства испытывают растущий энергетический голод.

3 июня 2006 г. Путин неожиданно сместил генерального прокурора Устинова, занимавшего свой пост с мая 2000 г. Совет Федерации 142 голосами «за» (проголосовавших «против» не было) принял решение в

поддержку ходатайства президента о смещении. А ведь еще в апреле 2006 г. Путин с успехом предложил верхней палате продлить полномочия Устинова еще на пять лет. Вместо Устинова президент РФ назначил в середине июня министра юстиции Юрия Чайку, не представляющего интересы ни силовиков, ни центристов.

#### Вариант 4: компромиссная фигура

Если Путину не удастся договориться с силовиками и центристами относительно «пакетного решения» в духе компромисса: представитель одного лагеря становится президентом, другого – премьером, – не исключено, что он предложит кандидатуру человека со стороны, в биографии которого будут прослеживаться связи с обеими властными группировками. Отвечая на вопросы журналистов 15 июня 2006 г. в Шанхае, Путин заявил, что он может предложить в качестве своего преемника деятеля, который не будет так известен, как двое других, имея в виду Сергея Иванова и Дмитрия Медведева. Путин еще раз подтвердил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру в третий раз и что он не желает менять конституцию. Это нанесло бы ущерб его моральному авторитету как главе государства. Нельзя требовать от населения соблюдения законности, если сам его нарушаешь.

Компромиссной фигурой мог бы стать Владимир Якунин, с июня 2005 г. возглавляющий ОАО «Российские железные дороги» и поддерживающий дружеские отношения с Путиным со времени совместной работы в Санкт-Петербурге. Якунин, сохраняющий политическую самостоятельность, родился в 1948 г. во Владимире, его детство прошло в Эстонии. В 1971 г. он окончил Ленинградский механический институт, затем работал в Государственном институте прикладной химии и с 1977 г. в Государственном комитете Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям. С 1985 по 1991 г. находился в командировке в Постоянном представительстве СССР при ООН. С 1988 г. – первый секретарь миссии, исполнявший функции офицера КГБ. Когда в 1998 г. Якунин занимал должность начальника Северо-Западной окружной инспекции Главного контрольного управления Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, будущий глава ФСБ Николай Патрушев был его правой рукой.

Якунин проявляет большой интерес к внешней политике, склонен к открытости. Совместно с Российской академией наук он создал Центр подготовки программ, подобно тому, как в 1999 г. Путин основал Центр стратегических разработок. Он активно выражает свое мнение по политическим вопросам, на семинарах выступает с докладами на тему «Как в современном государстве можно объединить власть и управление?» (название доклада не подтверждено (неизвестно где, когда), скорее всего, автор не совсем правильно перевел его с русского. –

*Прим. пер.*). Якунин хотел бы создать новую инфраструктуру не только для РЖД, но и для всей политической сферы<sup>9</sup>.

Наряду с авиацией, железные дороги являются важнейшим средством передвижения в стране с одиннадцатью часовыми поясами, без развитой сети автомагистралей. По словам заместителя премьер-министра Александра Жукова, реформа России без реформы российских железных дорог невозможна<sup>10</sup>. Реформа РЖД – это экзамен для Якунина.

Косвенным доказательством выбора Якунина в качестве преемника Путина станет его назначение на пост председателя правительства еще до президентских выборов. Правда, в качестве предпосылки успешной работы он должен обеспечить поддержку со стороны министров финансов и экономики.

### **Вариант 5: президент российско-белорусского союзного государства**

Еще одним вариантом решения проблемы преемника могло бы стать президентство в Союзе Россия – Белоруссия. Конституция Союза разрабатывается совместной комиссией во главе с председателями обоих парламентов Борисом Грызловым (Россия) и Владимиром Коноплевым (Белоруссия). Выборы парламента союзного государства назначены на 2007 г. У Союза будет лишь 8 полномочий, делегируемых Россией и Белоруссией: они касаются таможи, охраны границ, технического сотрудничества, нормативно-правовой базы, финансовой и кредитной политики, платежного средства и ряда других функций. Кремль надеется, что в Союз вступят Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Армения. В 2008 г. Путин может стать первым президентом Союза.

### **Вариант 6: глава правительства Путин**

Преемник Путина назначает его главой правительства, обладающего компетенциями главы кабинета западной страны. Правда, подобный шаг также потребует изменения конституции в сторону укрепления позиций руководителя кабинета за счет полномочий президента, как это произошло, например, на Украине.

### **Вариант 7: слабый политик**

Еще одним вариантом могло бы стать выдвижение Путиным в качестве своего преемника слабого политика, например, председателя Госдумы Бориса Грызлова, бывшего министра внутренних дел, тесно свя-

<sup>9</sup> <http://www.lenpravda.ru/monitor1.phtml/=563>

<sup>10</sup> Коммерсант, 7.8.2006.

занного с нынешним президентом РФ. Одновременно Грызлов является председателем партии власти «Единая Россия». Через два года после своего избрания, т.е. в середине своего четырехлетнего срока полномочий, «технический президент» уходит в отставку, чтобы Путин вновь смог баллотироваться на пост президента страны, что допускается конституцией, запрещающей лишь осуществление президентских обязанностей три срока подряд. Возможно также, что Медведев, если он станет президентом, откажется от повторного выдвижения своей кандидатуры, чтобы освободить место для Путина.

### **Вариант 8: господин Икс**

Возможно, сегодня Путин сам еще не знает, кого он будет рекомендовать в качестве своего преемника в начале 2008 г. В Москве говорят, что он быстро меняет свое мнение и легко поддается влиянию своего ближайшего окружения. Поэтому автор не исключает, что преемником Путина станет тот, кто не упоминался в вышеперечисленных вариантах и кто сегодня не находится в поле зрения.

### **Оценка степени вероятности каждого варианта**

При оценке степени вероятности того или иного из изложенных вариантов следует иметь в виду складывающуюся конкретную политическую обстановку. При определенных обстоятельствах она может повлиять на решение избирателя. Если, например, за несколько дней до выборов случится теракт, то это, вероятно, добавит дополнительные голоса силовому Сергею Иванову.

К президентским выборам Кремль согласует единую кандидатуру и не будет выставлять Медведева против Иванова или Якунина. Вероятно, Борис Грызлов как председатель партии «Единая Россия» также не станет вступать в борьбу против кандидата Кремля, соперником которого, видимо, будут председатель ЛДПР Владимир Жириновский и председатель КПРФ Геннадий Зюганов.

Согласно данным соцопроса Левада-центра за декабрь 2006 г., за Медведева готовы были проголосовать 38%, за Иванова – 23%, за Жириновского – 12% и за Зюганова – 10%<sup>11</sup>. Но эти цифры еще мало о чем говорят. Шансы сменить Путина будут только у того кандидата, рейтинг которого составит 40% против 15 у его конкурента. Ввиду того, что Путин еще не назвал своего фаворита, приведенные данные лишь показывают, что избиратели не знают, за кого они должны проголосовать, и поэтому называют имя кандидата, которого чаще всего показы-

<sup>11</sup> <http://www.levada.ru/vybory2008.html>

вают по телевизору<sup>12</sup>. Другой соцопрос Левада-центра, проведенный в октябре 2006 г., выявил готовность трети электората голосовать в соответствии с рекомендацией президента<sup>13</sup>. В любом случае второй тур выборов состоится<sup>14</sup>, поскольку ни один из кандидатов в первом туре не наберет абсолютного большинства голосов.

Какой же из приведенных сценариев передачи президентской власти окажется наиболее вероятным? Прежде всего, следует проводить различие между тем, чего хочет Путин, и тем, чего добивается его окружение. Первый вариант (внесение поправок в конституцию, позволяющих баллотироваться третий раз подряд) противоречит воле Путина, но не исключен.

На ком Путин остановит свой выбор? В настоящий момент трудно предсказать, станет ли его избранником центрист (Дмитрий Медведев) или силовик (Сергей Иванов). Если по важному вопросу имеются альтернативные варианты, то в характере Путина не торопиться с решением, а предоставить обоим кандидатам шанс, чтобы посмотреть, кто из них одержит верх. Между двумя конкурирующими группировками нет фундаментальных политических различий. И те, и другие за сильное государство, а также за госконтроль над ключевыми отраслями промышленности – в первую очередь, нефтегазовой сферой. Соперничающие стороны отличаются друг от друга лишь отношением к демократическим нормам, которые одни стараются соблюдать, а другие использовать в целях манипуляций.

Если в отношениях между противоборствующими лагерями возникнет патовая ситуация и компромисс будет невозможен, то Путин, видимо, выдвинет третьего кандидата, поддерживающего связи с обеими группами, которые бы в его лице могли увидеть проводника своих интересов. У четвертого варианта немало шансов. Обе группировки постараются переманить эту компромиссную фигуру (возможно, Якунина) на свою сторону.

Наиболее нереалистичным вариантом, видимо, следует считать пятый сценарий – избрание Путина президентом Союзного государства Россия–Беларусь. Лукашенко не готов согласиться на Союз на российских условиях. А Путин не хочет передавать Союзу важные полномочия в духе предложений Лукашенко.

И уж совсем маловероятным можно считать вариант с изменением конституции по украинскому образцу с целью укрепления полномочий премьер-министра, которым затем станет Путин.

<sup>12</sup> Мнение Б.Макаренко из Центра политтехнологий в Москве (Коммерсант, 5.8.2006).

<sup>13</sup> <http://www.newsru.com/russia/02nov2006/preziodent.html>

<sup>14</sup> Из интервью директора ИСОА Вагифа Гусейнова для АПН, 7.6.2006.

Намного более реалистичен седьмой вариант: Путин на относительно короткий период времени берет паузу и затем вновь баллотируется после отставки третьего президента. В любом случае после истечения второго срока полномочий у Путина будет достаточно политического авторитета, чтобы успешно и эффективно воспрепятствовать действиям своего преемника, с которыми он не согласен.

Независимо от того, какой компромисс будет найден в отношении решения проблемы преемника, в любом случае новый президент будет иметь ограниченное пространство для маневра, так как ему придется учитывать интересы обеих группировок. В силу этого, видимо, следует исходить из того, что «либерально-консервативная» политика синтеза взглядов силовиков и либералов/центристов будет продолжена в форме комбинации сильного, при необходимости, авторитарного государства и либеральной экономики с сохранением госсектора в ключевых отраслях промышленности.

Павел ХОЛОДЕН

## **РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ КАК ПОДГОТОВКА К ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫМ ВЫБОРАМ**

8 октября 2006 г. в Астраханской, Липецкой, Новгородской, Свердловской областях, Приморском крае, республиках Карелия, Тува и Чувашия, а также Еврейской автономной области прошли выборы депутатов региональных законодательных собраний.

**Значение выборов.** Важность прошедших выборов состоит в том, что если раньше региональные выборы рассматривались как некая особая реальность, имеющая мало влияния на общероссийскую политику, то после введения в регионах смешанных избирательных систем, а в особенности с появлением «единых дней голосования», этот подход сменился на прямо противоположный. Теперь региональные выборы часто рассматривают как «репетицию» федеральных, в особенности, если они пройдут уже через год. Кроме того, это были вторые выборы после принятия поправок в избирательное и партийное законодательство. Они позволили власти и партиям провести одну из финальных репетиций накануне федерального выборного цикла 2007–2008 годов.

Это же справедливо в отношении предстоящих региональных выборов 11 марта с.г. в 14 различающихся по социально-экономическим параметрам субъектах, которые, вкупе с прошедшими, позволят с большей степенью определенности судить о реальном соотношении сил в канун общенациональных выборов. Это касается, прежде всего, двух основных конкурирующих партий – доминирующей «Единой России» и «Справедливой России», для которых весенняя кампания станет первой «проверкой на прочность».

Важно также отметить, что на этих выборах уже действовали семипроцентный проходной барьер, запреты на создание избирательных блоков и на протестное голосование. Немалую политическую выгоду от этого получила «Единая Россия»: раньше «губернаторские» и «предпринимательские» блоки активно конкурировали с ней в борьбе за голоса лояльных власти избирателей. Отсутствие же в четырех регионах в бюллетенях графы «против всех», как и предполагалось, сказалось на явке избирателей – в сложившихся условиях отказ от голосования стал чуть ли не единственной формой электорального протеста.

**Результаты выборов 8 октября 2006 года  
в сравнении с предыдущими выборными кампаниями:**

	Результаты выборов в Госдуму 07.12.2003	Средний результат по 8 регионам 12.03.2006	Средний результат по 9 регионам 08.10.2006
«Единая Россия»	37,6	37,5	46,0
Партия жизни	1,9	5,2	12,3
Партия пенсионеров	3,1	8,1	11,8
«Родина»	9,0	10,5	5,3
КПРФ	12,6	13,6	12,7
ЛДПР	11,5	8,3	6,2
«Патриоты России»	–	4,5	3,4
«Яблоко»	4,3	2,0	2,3
«Свободная Россия»	–	3,3	7,1
Против всех	4,7	9,4	5,1
Недействительные	1,6	3,2	3,4

Отличительными чертами выборов также стали крайне высокий избирательный залог и отказ большинства территориальных избирательных комиссий от общественных наблюдателей.

**Особенности прошедших выборных кампаний.** Прошедшие выборы отмечены достаточно массированным административным давлением на оппонентов «Единой России». Если в марте 2006 года от участия в выборах отстраняли, в основном, «Родину», в этот раз предпринимались попытки не допустить до выборов едва ли не всех серьезных конкурентов «партии власти» в борьбе за электорат. Однако снятие конкурентов с выборной дистанции далеко не во всех случаях пошло на пользу самим «единороссам». Наибольший «недобор» (по сравнению с плановым заданием федерального руководства) голосов у «ЕР» обнаружился как раз в тех регионах, главы которых взяли на себя повышенные обязательства и начали напропалую снимать конкурентов «партии власти».

**Итоги выборов.** Анализ полученных по партийным спискам результатов позволяет говорить, в первую очередь, о достаточно успешном выступлении «Единой России»: средний процент отданных в поддержку партии голосов составил 46%, на 9% превысив аналогичный показатель весенней региональной кампании. Таким образом, решение стратегической задачи по получению конституционного большинства в Госдуме следующего созыва, требующее стабильных результатов в 45–50%, при сохранении обозначенной тенденции выглядит вполне реальным.

Однако на фоне общей положительной картины можно отметить и явные неудачи. Прежде всего, это касается одного из ключевых по степени политической и экономической «ресурсоемкости» регионов – Свердловской области. Ключевыми факторами снижения результата



«ЕР» в данном случае стали низкий уровень явки избирателей, активная агитация со стороны «несистемных» игроков («пенсионная забастовка») и недостаточная эффективность кампании, проведенной непосредственно руководством местного отделения «ЕР». При этом снижение явки можно назвать стратегическим просчетом свердловских властей, не посчитавших нужным стимулировать электоральную активность в расчете на то, что чем меньше избирателей придет на участки, тем больше голосов получит «партия власти».

Стоит также отметить, что кампания «Единой России» была невыразительной, довольно бессодержательной; акцент на «национальные проекты», которые большинству российских граждан пока не дали никаких осязаемых результатов, явно не оправдывал себя. Соответственно, и ориентиры «Единой России» в этой кампании все чаще ставились под сомнение.

В итоге в трех регионах результат «ЕР» оказался ниже запланированного генсоветом партии, а в пяти – не были выполнены «повышенные обязательства», взятые на себя региональными лидерами, возглавлявшими списки «партии власти».

Шумиха по поводу объединительного проекта «Справедливой России» способствовала некоторому повышению общественного внимания ко всем трем его потенциальным участникам, причем к РПЖ и «Родине» – в большей степени, чем к РПП. Общерегionalные итоги кампании РПЖ хотя и выглядят достаточно успешными, но не представляются адекватными вложенным в проведение агитации ресурсам – как финансовым, так и административным. Рейтинг известности партии повысили и многочисленные скандалы, связанные с отстранением партии от участия в выборах с последующим восстановлением по решению Верховного Суда РФ. Однако если сопоставить результаты РПЖ с обладающей куда более скромными административными возможностями РПП, представляется, что электоральный потенциал последней более высок. Достаточно сказать, что во всех шести регионах, где РПП участвовала в выборах, партия преодолела 7%-ный барьер, показав средний результат в 11,7%.

Основное внимание аналитики конечно же уделили результатам РПЖ, амбиции которой выглядели самыми впечатляющими. Она участвовала в выборах в семи из девяти округов, причем в Липецкой области ей было позволено даже использовать в своей избирательной кампании изображение В.Путина. Липецкая кампания была особо принципиальной для РПЖ и потому, что ее список в этом регионе возглавлял сам С.Миронов.

Стоит отметить сохранение позиций **КПРФ**, несмотря на то, что средний результат партии по сравнению с итогами весенней кампании несколько понизился (до 12,6% против 13,5%). Наиболее успешно партия выступила в регионах, традиционно отличающихся высокой

долей «коммунистического» электората – таких, как Республика Чувашия или ЕАО. Вместе с тем в Липецкой и Астраханской областях ожидания КПРФ не оправдались. В первом случае решающую роль сыграла административная поддержка, оказанная губернатором Королевым соратникам спикера СФ Миронова, во втором – предсказуемый успех «Родины», список которой возглавлял депутат Госдумы О. Шеин, имеющий значительный рейтинг влияния и налаженные контакты в областной администрации.

Таким образом, можно говорить о тенденции к постепенному вытеснению КПРФ на периферию «левопатриотического» политического фланга «новыми левыми». О том, насколько успешно им удастся это сделать, можно будет судить уже по итогам следующих региональных выборов, которые состоятся в марте 2007 г.

Относительно неудачно в ходе осенней кампании выступила ЛДПР – главным образом, из-за провала партии в традиционно отличающемся высокой долей протестного электората Приморском крае.

Важно отметить, что коль скоро «Единая Россия» смогла удержать свой уровень поддержки за счет мобилизации тяги избирателей к сильному государству, защищающему «коренное население», то потерять поддержку должна была партия, для которой эта тематика составляет основу публичной самопрезентации. Так что определенное отступление партии Жириновского было объективно предопределено. Кроме того, люди, голосующие за ЛДПР, поддерживают сильное государство и имперские амбиции и, в общем, негативно относятся к социалистической модели. Но при этом к носителям власти в современном российском государстве – если не считать президента В.В.Путина – они не испытывают никакого доверия, да и вообще не любят «начальников». Однако в этом году лидер ЛДПР предстал перед своими избирателями слишком респектабельным, слишком системным. Тем не менее окончательные выводы о политических перспективах сторонников В.Жириновского делать пока преждевременно. ЛДПР всегда выступала на региональных выборах менее успешно, чем на федеральных.

Итоги региональных выборов для других политических сил можно оценить следующим образом. Про **либералов** сказать что-либо трудно – поле либеральной оппозиции практически было свободно. Возможно, это исключительный случай. СПС сосредоточился на выборах в Пермском крае, где показал отличные по нынешним временам результаты (второе место после «Единой России»).

Партия **«Яблоко»** сначала говорила о желании взять тайм-аут после провала на мартовских выборах. Затем было анонсировано участие партии на выборах в Карелии, Приморском крае и Свердловской области. В Приморском крае и Свердловской области «Яблоко» не преодолело избирательный барьер. В Карелии же был скандал: партию сняли с выборов «из-за недемократичности устава». Интересно, что инициа-

тиву проверки устава взял на себя региональный избирком, который обратился в управление Федеральной регистрационной службы (ФРС) и добился снятия «Яблока». Все судебные инстанции (включая и Верховный Суд) поддержали это решение, даже несмотря на официальную поддержку «яблочников» со стороны ряда членов ЦИК (непосредственно избирательные процедуры нарушены не были).

**Основные перспективы мартовских региональных выборов.** Основными вехами партийной жизни в 2007 году будут два дня «Ч»: 11 марта, когда в 14 регионах пройдет генеральная репетиция думской кампании – выборы в местные парламенты, и собственно сама «премьера» – 7 декабря, день выборов в Госдуму. Выборы 11 марта пройдут в Вологодской, Ленинградской, Московской, Псковской, Орловской, Омской, Самарской, Томской и Тюменской областях, в республиках Дагестан и Коми, Ставропольском крае, а также в Санкт-Петербурге. Выборы в парламент объединенного Красноярского края состоятся 15 апреля.

Судя по тому, как проходит подготовка к этим выборам, основная борьба теперь развернется между «Единой Россией» и «Справедливой Россией», в которую в некоторых регионах может вмешаться КПРФ. Что касается «Единой России», то принцип формирования избирательных списков традиционно будет основан на привлечении возможно большего числа «паровозов». В этом качестве выступают «статусные» кандидаты (политики, общественные деятели, спортсмены и др.), призванные «конвертировать» собственный ресурс известности и влияния в получаемые партией «на выходе» голоса избирателей. Несмотря на усиление идеологической и кадровой работы в партии, административный ресурс по-прежнему остается одной из ключевых составляющих ее успехов на региональном политическом пространстве. В 13 из 15 субъектов списки «ЕР» возглавляют региональные руководители. Также в «тройки» вошли мэры региональных столиц, спикеры местных парламентов, а также руководители отделений партии в субъектах Федерации.

Основными факторами потенциального снижения электоральной поддержки «единороссов» могут стать, в первую очередь, политическая слабость региональной власти, приводящая к недостаточной эффективности использования административного ресурса, и угроза усугубления противоречий между существующими на местном уровне группами интересов, вызванная появлением второго претендента на роль «партии власти».

«Актуальные левые» смогут противопоставить «единороссам», прежде всего, личный административный ресурс и популярность председателя Совета Федерации. Стратегическую задачу «Справедливой России» можно сформулировать следующим образом: «стать второй фракцией по численности в законодательных собраниях и второй партией по весу и влиянию». Успех партии можно прогнозировать в тех

регионах, в которых происходит укрепление позиций «актуальных левых» на муниципальном уровне. Яркий пример подобного расклада сил представляет ситуация в Ставропольском крае, где губернатор не является сильной политической фигурой и находится в конфликтных отношениях с руководством местного отделения «ЕР», а мэры четырех крупных городов – члены РПЖ.

Для «Справедливой России» на данном этапе наиболее перспективными регионами являются Самарская область, Ставропольский край и Санкт-Петербург. В других «предвыборных» субъектах перспективы «Справедливой России» выглядят скромнее. Популистская стратегия и риторика сохраняются в качестве основного элемента предвыборной деятельности «Справедливой России» как минимум до середины марта. Результаты мартовских выборов могут спровоцировать эволюцию «СР» в сторону большей конкретики программных положений.

В целом же значение региональных выборов 11 марта, исходя из перспективы грядущей федеральной избирательной кампании, состоит в том, что результаты голосования в 14 различающихся по социально-экономическим параметрам субъектах позволят с большей степенью определенности судить о реальном соотношении сил, прежде всего, двух конкурирующих партий – доминирующей «Единой России» и «Справедливой России», для которой весенняя кампания станет первой «проверкой на прочность».

**Анализ региональных выборов позволяет сделать следующие выводы.** Федеральные выборы 2007 г. для «Единой России» будут не настолько простыми, как представляется на первый взгляд. Будут действовать факторы риска, в самой «Единой России» говорят, что Кондопога убавила партии 7–10% в Карелии. От того, насколько напряженной будет социальная обстановка, очень многое зависит, потому что подвижки между двумя субкультурами непредсказуемы. Главное, что партии обязательно нужно будет достраивать свою федеральную программу региональными программами.

Тактика привлечения «паровозов» для более эффективного использования административного ресурса в ходе агитации, вероятно, останется приоритетной для «Единой России» и на следующих региональных выборах. Вместе с тем, как показали итоги осенней кампании, для успешного решения поставленных задач необходимо усилить контроль за работой региональных отделений партии и обратить особое внимание на существующие конфликты региональных групп интересов, с тем чтобы минимизировать их возможное негативное влияние на итоговый результат «ЕР».

В экспертном сообществе полагают, что прошедшие выборы подтвердили жизнеспособность проекта по созданию «второй партии власти». Они показали, что союз РПЖ, РПП и «Родины» действительно стал второй партией власти. В отношении перспектив «Справедливой России» стоит отметить увеличение «политического капитала» РПП, что может повли-

ять на расстановку сил участников проекта. Актуальность и востребованность «социальной» риторики позволяет благоприятно оценить его перспективы, однако нужно учесть, что уровень электоральной поддержки объединенных «левых» отнюдь не будет сопоставим с арифметической суммой голосов, поданных за участников проекта по отдельности, а будет во многом определяться тем, насколько эффективно им удастся выстроить взаимодействие внутри партии и на уровне региональных элит.

«Справедливая Россия» должна также объяснить избирателю, в чем именно состоит «актуальная левизна» объединительного проекта – чем она лучше фирменной «старой советской левизны» КПРФ или узкой секторальной левизны, которую успешно эксплуатирует Партия пенсионеров. Партия оказалась весьма привлекательным объектом для политических инвестиций со стороны не вписавшихся в «Единую Россию» регионалов. При этом идеологический фактор большого значения не имеет – в партию идут и прагматичные бизнесмены, и выходцы из других политических партий, причем их спектр весьма широк – от «Яблока» до НБП. Правда, этот процесс происходит неравномерно – в тех регионах, где представители элит идут в партию менее охотно, она не проходит в законодательные собрания. В условиях объединительного процесса это для нее не слишком опасно – в этих субъектах Федерации нередко достаточно сильны позиции РПП или «Родины», на основе которых и будут формироваться региональные отделения новой партии.

КПРФ, «Яблоко» и ЛДПР находятся в сложном положении. Хотя результаты КПРФ на региональных выборах и раньше были, как правило, скромными, итоги нынешних выборов отчетливо продемонстрировали, что многие избиратели испытывают усталость от КПРФ и более не видят практического смысла в голосовании за эту партию. Партия, несмотря на масштабную поддержку избирателей в прежние годы, не смогла конвертировать эту поддержку в реальное присутствие во власти, а нередко и нарочито уклонялась от вхождения во власть. Коммунисты подтвердили, что их стагнационного существования хватит для прохождения в Думу, но не более того.

В случае «Яблока» переход голосов уже произошел – как при снятии партии с выборов (Карелия), так и естественным путем. Успех «актуальных левых» отчасти затрагивает и интересы ЛДПР, однако этот самый старый спойлер российского избирательного поля будет, скорее всего, задействован «ЕР» и ее кремлевскими кураторами как раз для борьбы против «Справедливой России». Можно предположить, что именно Жириновский и будет озвучивать самые радикальные лозунги против «актуальных левых» в кампании-2008.

Прошедшие выборы, которые можно считать модельными для предстоящих в декабре 2007 г. выборов в Государственную Думу, показали, что властная элита хотела бы иметь в следующем парламенте устойчивое пропрезидентское большинство, но при этом ни одна из пар-

тий не должна обладать конституционным большинством, поскольку чтобы сохранить пространство для маневра, новому главе государства, выборы которого пройдут почти сразу после парламентских, потребуется разнородное пропрезидентское большинство.

Главным политическим событием 2007 года должны будут стать парламентские выборы, которые в России играют роль, в частности, «индикатора» общественных настроений накануне президентской избирательной кампании. Объективно можно прогнозировать на них более высокую конкуренцию, чем это представлялось даже полгода назад, – это связано с фактором «Справедливой России». Сокращение числа партий (преимущественно за счет мелких, оттягивавших на себя часть голосов избирателей) и отмена графы «против всех» может повысить удельный вес «полезного голосования» (за партии, которые пройдут в парламент), несмотря на повышение избирательного барьера.

«Единая Россия» должна остаться сильнейшей партией с результатом 35-45%. Это может позволить ей создать сильнейшую фракцию в Думе, по численности приближающуюся к парламентскому большинству. Однако получить свыше половины депутатских мандатов она сможет лишь при наиболее благоприятном для себя сценарии. Формировать конституционное большинство партии и в этом случае придется, договариваясь с другими прокремлевскими политическими силами. Резервуара в виде независимых одномандатников, вступающих во фракцию «партии власти» после выборов, при пропорциональной системе не существует.

«Справедливая Россия» должна перейти избирательный барьер с результатом в 10-20% – в зависимости от степени успешности завершения процесса партстроительства, эффективности избирательной кампании, а также позиции Кремля по отношению к этой партии. При сохранении и развитии нынешних тенденций партия может претендовать на результат, более близкий к верхней планке, чем к нижней.

КПРФ и ЛДПР, как и в прошлый раз, могут получить «на двоих» 25%. Обе партии практически гарантированно проходят в Думу, а соотношение сил между ними зависит от политической конъюнктуры на момент выборов. Результаты региональных выборов показывают, что эти партии вряд ли смогут как принципиально улучшить свой результат, так и «провалиться», потеряв слишком много голосов по сравнению с предыдущими выборами.

У либералов появляется пока не очень значительный шанс преодолеть 7%-ный избирательный барьер. Если они смогут договориться об участии в выборах только одной партии либерального направления, то она может получить результат, сопоставимый с числом голосов, поданных за СПС в 1999 году. В этом случае в Думу может пройти пятая партия – в отличие от прошлых выборов. Если либералы не смогут согласовать свои позиции, то они, скорее всего, вновь окажутся за пределами парламента.

Геннадий МАРЧЕНКО

## ПОЛИТИКА КАК ТЕАТР

*Театрократический подход в политическом консультировании*

Весь мир театр – и мы в нем актеры...

*В.Шекспир*

Все мы – смешные актеры в театре  
господа бога...

*Н. Гумилев*

По данным «Словаря политических метафор», в политическом лексиконе метафора «театр» занимает пятое место по сравнению с метафорой «игра», стоящих на девятом месте<sup>1</sup>.

О.Н.Григорьева в статье «Политический театр современной России» приводит обширный перечень терминов, имеющую театральную специфику и давно вошедших в политический лексикон. Политическое пространство описывается такими терминами, как «сцена» или «подмостки», «авансцена» или «арена». Исполняемая политиком функция – «роль» или «ария», исполнители – «актеры» (пренебрежительно – марионетки). Авторы политического действия часто именуются «сценаристами» и «драматургами». Его организаторы или менеджеры – «постановщиками», «режиссерами» (издевательски – «кукловодами») и «хормейстерами». Планы, программы и т.п. регулирующие политику документы – «пьесой», «сценарием» или «либретто».

Думается, что дело не только в том, что театральные метафоры удачно отражают некие характерные черты политики, но и в том, что между театром и политикой существует органическое созвучие.

С удивительной точностью и образностью уподобляет выборы в странах с традиционной культурой спектаклю С.Тамбиа. «Идея театрализованного го-

<sup>1</sup> Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.



сударства, перенесенная и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате наступающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы – это спектакли и соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию. По существу, выборы, служат квинтэссенцией политического театра»<sup>2</sup>.

По мнению многих философов, современная жизнь обретает черты карнавала, зыбкости и условности, по меткому утверждению Ги Дебора, формируется «общество спектакля», именно такое название он дал своей книге, получившей всемирную известность. У человека, оказавшегося в пространстве спектакля, ощущение реальности вытесняется знанием, сконструированным его авторами, и он оказывается в состоянии социальной изоляции, утрачивается способность критического анализа<sup>3</sup>.

Как заключает С. Кара-Мурза, «использование технологий политического спектакля стало общим приемом перехвата власти... подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура», а новые «революции становятся общемировым спектаклем, к трансляции которого привлекаются мировые СМИ»<sup>4</sup>.

У авторов замечательной монографии П. Пайна и Дж. Гилмора «Экономика впечатлений», носящей выразительный подзаголовок «Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена», эти принципы обрели форму требований последовательности, развития и продолжительности событий<sup>5</sup>, что весьма значимо и для постановки событий в политике, для ивент-менеджмента (управления событиями).

Авторы выделили четыре вида театра – театр импровизаций, уличный театр, сценический театр и театр гармонизирующий<sup>6</sup>. Каждый из данных видов театра может очень эффективно использоваться в различных политических кампаниях – необходимость импровизации возрастает при решении тех или иных проблем, например, в случае неожиданной атаки соперника. Сценический театр возникает в случае выступления перед избирателями, а уличный театр играется разносчиками слухов в транспорте или на рынке. Наконец, гармонизирующий театр соединяет различные элементы в телероликах или кинофильмах о политике.

Одним из обоснований театрократического подхода служит концепция американского социолога и социального психолога Ирвинга Гофмана (1922–1982), описывающего человека с помощью понятий «сцена», «передний план», «авансцена», «закулисная зона», «обстановка», «внешний вид».

<sup>2</sup> Тамбиа С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтничных обществах. М.: Наука, 1994.

<sup>3</sup> Ги Дебор. Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.

<sup>4</sup> Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Юценко, Саакашвили... М.: Изд-во «Алгоритм», 2005. С. 63, 76.

<sup>5</sup> Пайн П. Дж. Б., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С. 135.

<sup>6</sup> Там же, с. 157–173.



На реальной сцене – митинге, в выступлении по телевидению и т.п., или виртуальной сцене (в газетной публикации или листовке) политик проявляется как публичный деятель. За кулисами протекает вся подготовительная работа к публично-политическим действиям, именно в ней находятся все политические консультанты. Основной ситуационный термин для анализа человеческой деятельности в гофмановской социальной драматургии – исполнение (performance) – обозначает все проявления активности индивида или «команды» индивидов во время их непрерывного присутствия перед какой-то «аудиторией»<sup>7</sup>.

По мнению автора книги «Конструирование политического спектакля» Мюррей Эдельман, театрализация политики ведет к тому, что политики наделяются символическими смыслами – компетентности, зла, национализма и т.п., что помогает «придавать смысл беспорядочному миру политики», а сама вера в лидерство становится эффективным политическим инструментом<sup>8</sup>.

Немецкие политологи Томас Мейер и Мартина Кампманн анализируют феномен политической театральности и театрализации политики, сопоставляют логики и законы политики и театра. В их основе лежит рассмотрение политики сквозь призму телевидения и СМИ в целом<sup>9</sup>. Т.Мейер вводит понятие «электронной сцены или подмостков», на которых политик выступает как актер, что требует от него постоянного совершенствования в актерском мастерстве. Он приходит к выводу, что высшие формы театральности, возникшие в реальном театре, были с успехом перенесены на политическую «сцену», потеряв при этом связь с реальностью. В итоге политические действия стали оцениваться, в первую очередь, по критериям зрелищности и развлекательности.

Связь театра и политики обусловлена как культурно-генетическими факторами, так и современными, модернизационными воздействиями на общество. Театральность в политике с древних времен обуславливается наличием в ней повторяющихся действий, отложившихся в общей и политической культуре – ритуалов, обрядов и этикетных действий (слагаемых театральности, по Н.Евреину) и необходимостью для политиков соблюдать традиционно сложившиеся, зависимые от социально-политических условий роли. Как свидетельствуют социально-психологические исследования, эти ритуалы (салюты, гимны,

<sup>7</sup> Гофман, Ирвин. Представление себя другим в повседневной жизни / Ирвин Гофман; Пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – (Logica socialis); Кравченко Е.И. Ирвин Гоффман. Социология лицедейства. М.: МГУ, 1997; Ковалев А.Д. «Социальная драматургия» Ирвина Гоффмана в контексте истории социологической мысли (к вопросу об американской версии социологического номинализма) // Новое и старое в теоретической социологии / РАН. Ин-т социологии. – М., 1999. – Кн. 1 / А.Б.Гофман, Ю.Н.Давыдов, И.Ф.Девятко и др.; Под ред Ю.Н. Давыдова.

<sup>8</sup> Edelman, Murray Constructing the Political Spectacle. The University of Chicago Press. 1988.

<sup>9</sup> Meyer, Thomas: Die Inszenierung des Scheins. Voraussetzung und Folgen symbolischer Politik. 1. Aufl. Frankfurt/Main: Suhrkamp 1992; Meyer, Thomas, Martina Kampmann Politik als Theater, Berlin 1998.

приветствие флага и т.п.) очень эффективно способствуют укреплению доверия к власти и патриотизма<sup>10</sup>.

Как замечает И.М.Смелянская, «современную политическую культуру Россия, как и Западная Европа, вырабатывала не без влияния театрального искусства»<sup>11</sup>. А.Пензин усматривает в революциях XX века костюмированные и театральные характеристики, поскольку в них всегда есть элементы постановочности<sup>12</sup>.

Вторит данному мнению суждение Г.Павловского, вдохновленного опытом «оранжевой» украинской революции: «Само понятие «революции» в наших странах приобрело несколько карнавальный характер»<sup>13</sup>. Вторжение в современную жизнь телевидения или Интернета, активное распространение так называемой уличной политики придают политике в целом все более и более визуальный, виртуальный характер.

Многие современные политики считают необходимым в целях формирования положительного имиджа участвовать в различных обрядовых действиях – в свадьбах и похоронах, карнавалах, сабантуях и пр. Авторы статьи «Юмор как «безопасный секс» в политике» М.Кошелек и Д.Сурманидзе считают необходимым «при помощи легальной и регулярной социальной инверсии сбрасывать напряжение, которое накапливается в обществе»<sup>14</sup>. Если же упростить высказанную выше мысль, то она обретает форму крылатого афоризма – «хлеба и зрелищ» – политического императива политики всех времен и народов.

Политические акции, собирающие большие аудитории и одновременно транслируемые по телевидению, приобретают черты театрализованных шоу. Как замечает С.Н.Дрожжин, участие политиков в развлекательных программах позволяет «лучше соблазнять избирателей в другом регистре»<sup>15</sup>. Например, всевозможные митинги и демонстрации, конференции и съезды, инаугурации президентов и губернаторов и пр. нередко начинаются и завершаются концертами.

Эффективность таких театрализованных действий весьма высока из-за того, что в них соединяются различные средства информационного воздействия – звучащий текст, музыка, свет и пластика движе-

<sup>10</sup> Майсерс Д. Социальная психология. – СПб., 1997. С. 640.

<sup>11</sup> Смелянская И.М. Сценарии политической жизни Сирии и Египта XVIII в. // Политическая интрига на Востоке. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 474–476.

<sup>12</sup> Пензин А. Украина во мгле: диалектика «оранжевой революции» // [www.apn.ru](http://www.apn.ru).

<sup>13</sup> Павловский Г. Внешняя политика России на постсоветском пространстве // [www.kreml.org](http://www.kreml.org).

<sup>14</sup> Кошелек М., Сурманидзе Д. Юмор как «безопасный секс» в политике // PR-Диалог №4, июль-август 2002.

<sup>15</sup> Дрожжин С.Н. Информационно-пропагандистское проникновение США в страны Западной Европы. – Научно-аналит. обзор. – М.: 1987. С. 78.

ний, а их участники логикой организуемого действия далеко не всегда по своей воле втягиваются в него и испытывают его влияние<sup>16</sup>. Особую роль эти театрализованные шествия и организуемые по законам шоу-бизнеса встречи с населением играют в американских избирательных кампаниях, что составляет необходимую деталь стиля американских выборов. Из этого же разряда – различные организуемые консультантами события (event), происходящие на фоне специально создаваемых ярких «театральных» декораций<sup>17</sup>.

Кстати, именно театральностью отличается PR от рекламы. В «оранжевой революции» органично переплелись шоу и политика: «Сцены стояли во всех стратегических пунктах: у зданий правительства, у Рады, на площадях. Шоу, песни, музыканты использовались «оранжевыми» как оружие революции»<sup>18</sup>. Главная сцена Майдана была оборудована передвижной телестанцией, транслировавшей происходящее в прямом эфире и через спутник для мировых телезрителей, а перед нею освещался по всем законам светового шоу монумент Независимости. На Европейской площади в 200 метрах от Майдана устраивались ежевечерние танцы<sup>19</sup>, на митингах беспрестанно скандировались и даже пелись лозунги, звучал барабанный бой.

Театральное воззрение на политику во многом вызвано и наличием в ней лиц, которые, будучи в тени («за кулисами»), иногда определяющим образом воздействуют на принимаемые политиком решения. Автор монографии «Основы политического консультирования» Л.В.Поляков отмечает некий «массовый стереотип, отражающий взгляд на политику как на кукольный театр, в котором невидимые руки находящиеся в тени кукловодов ловко оперируют пляшущими на авансцене марионетками»<sup>20</sup>. В данном случае подразумеваются стоящие за спинами политиков лица или институты и, в частности, консультанты, которые ими манипулируют. В конце XX века появился даже термин «социально-событийная режиссура».

Возрастание значения зрительных образов как средства обретения и сохранения власти во многом обусловлено визуализацией жизни, порожденной изобретением телевидения, обретением политикой уличности, приданием ей массовости. Отражением данной тенденции стало введенное В.Г.Вахрушевым и И.А.Гороховским понятие «визуального образа избирательной кампании», понимаемое как совокупность пе-

<sup>16</sup> См. об этом *Кара-Мурза С.Г.* Наступление Голема // Наш современник, 1996, №8.

<sup>17</sup> *Почепцов Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Издательство «Европа», 2005. (Технологии). С. 38.

<sup>18</sup> *Осинов В.* Сообщение, 2005, № 1.

<sup>19</sup> *Эксперт* (Украина). – 2004. – 20–26 декабря. – С. 54.

<sup>20</sup> *Поляков Л.В.* Основы политического консультирования: теория и практика: Учебно-методическое пособие. – М., ИДУ – Изд-во МГУ, 2004. – Политический разум и практика политики. С. 89.

чатных средств агитации – листовки, плакаты и т.п.<sup>21</sup> Увеличение влияния телевидения на общество и политику возвысило требования к телегеничности и публичным качествам политиков в целом<sup>22</sup>.

Интересно, что специфика политической жизни США и России называется и проникновением в политический лексикон соответствующих метафор. Автор одного из первых учебных пособий по политической лингвистике А.П.Чудинов пришел к выводу, что для американской политики более характерны метафоры, связанные с кино, а для российской – с цирком. «Создатели российских политических текстов нередко обращаются к образам, характерным для традиционных русских национальных зрелищ (раек, балаган, действо)»<sup>23</sup>.

В детстве я хотел стать тапером в борделе или политиком. Разница, по правде, небольшая.

*Гарри Трумэн, президент США*

Для любого современного политика, особенно избираемого, принципиально необходимы известность и популярность (так называемая «актерская» слава), достигаемые актерскими же методами. Еще известный римский политик Цицерон говорил, что «нельзя допускать, что хорошие качества были свойственны только актерам и ораторам, а нам были чужды»<sup>24</sup>.

Число примеров от древности до наших дней, когда политик не только политик, но и актер, бесчисленно. Римский император Нерон пел и выступал на сцене. Ярким воплощением театрократического подхода в политике является Иван Грозный, умеющий непрерывно менять различные роли. Как отмечает исследователь посланий Ивана Грозного к Курбскому академик Д.С.Лихачев: «Игра в посланиях – отражение игры в жизни. Чаще всего для Ивана Грозного было характерно притворное самоуничижение, иногда связанное с лицедейством и переодеванием»<sup>25</sup>. Он придумал себе литературный псевдоним «Парфений Уродивый», играя, в 1574 году передал царский чин Симеону Бекбулатовичу и венчал его венцом, а сам сажился далеко от него вместе с боярами. Проверая лояльность к себе, он устранился от дел и ушел в Александровскую слободу.

<sup>21</sup> Вахрушев В.Г., Гороховский И.А. // Избирательные технологии и избирательное искусство. Под общей ред. С.В. Устименко. М: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН). С. 108.

<sup>22</sup> Профессор В. Разуваев, подчеркивая воздействие телевидения на политику, говорит следующее: «на телевидении особо ценится телегеничность, умение выступать перед аудиторией и добрые отношения с журналистами». Коллекция НГ. – 1998. № 7.

<sup>23</sup> Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Изд-во «Флинта». Изд-во «Наука», 2006. С. 203.

<sup>24</sup> Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: 1975. С. 91.

<sup>25</sup> Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981. С. 188.

Схожую по смыслу пьесу разыграл Сталин, предложивший на одном из пленумов освободить его от должности Генерального секретаря, против чего энергично выступило все его окружение<sup>26</sup>. Общеизвестный политик-актер В.В.Жириновский снимается в кинофильмах, выступает на эстраде с песнями, танцует, а депутат И.Хакамада снялась в клипе эстрадной группы «Дубы-колдуны» в роли принцессы. Не счесть музыкальных инструментов, на которых играли политики: саксофон – Б.Клинтон, гармонь – губернатор Свердловской области Э.Россель и пр.

Представление политики в образе театра весьма характерно, т.к. этот образ, по мнению известного российского консультанта С.А.Маркова, «удачно сочетает в себе бесконечный сюжет, привычных героев и азарт спортивной игры». Политический театр – «это одновременно азартная игра и представление». Опираясь на связанную с театром лексику, автор вводит любопытные типы политиков. В первом ряду – «народные артисты», занимающие места в федеральном парламенте, а также главы регионов. Второй ряд занимают «заслуженные артисты» – главы местного самоуправления и депутаты местного парламента. Наконец, третий ряд – политики местного значения. Особый тип – «политические клоуны»<sup>27</sup>.

Выдающийся итальянский писатель, нобелевский лауреат Луиджи Пиранделло писал, что Муссолини – «истинный человек театра, который выступает как драматург и актер в главной роли в Театре Веков». Бывший президент Чехии Вацлав Гавел, одновременно известный драматург, подчеркивая взаимосвязь театра и политики, сказал в одном из интервью: «Опыт работы в театре применим в политике».

Как отмечает автор статьи в «Независимой газете», «многие деятели культуры в последнее время ангажированы политикой, а многие политики – Мельпоменой»<sup>28</sup>. Политики (В.Брынцалов с супругой, В.Жириновский и др.) используют актерские приемы в целях создания и укрепления своего имиджа, и их с полным правом можно назвать поистине выдающимися артистами. Некоторые деятели отечественного театра и кино (С.Говорухин, И.Кобзон и А.Розенбаум, В.Евдокимов, Н.Губенко, Н.Михалков и др.), используя артистическое дарование, сделали незаурядную политическую карьеру и стали признанными политиками. В этом же ряду президент США Рональд Рейган и нынешний губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, уже упомянутый Вацлав Гавел.

Значение театральности особенно возрастает в переходные эпохи, связанные со сменой политических режимов. В период перехода от старой советской к новой – демократической – системе закладывались, как отмечает известный драматург А. Гельман, «основы политики как театра, основы театральной политической системы и даже больше того – театрализованной общественной системы»<sup>29</sup>. Б.Н.Ельцин

<sup>26</sup> Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. – М., 1988. С. 134.

<sup>27</sup> Марков С. PR в России больше чем PR. Технологии и версии. М., 2001. С. 4, 7.

<sup>28</sup> Независимая газета, 03.2000.

<sup>29</sup> Александр Гельман. Политика как театр // GAZETA.RU: Выпуск № 079 25.06.1999.

первый из советских руководителей противопоставил аппаратной политике М.С.Горбачева публичную политику, сделал ставку на народ, для исполнения избрав роль борца с привилегиями, антикоммуниста.

С этой точки зрения весьма характерно интервью Г.Я.Явлинского «Русскому журналу», которое буквально пронизано театральной лексикой. «Представьте себе театр. В партере сидит 160 миллионов людей. На сцену выходит главный герой. Сначала бурные и продолжительные аплодисменты. Потом пауза – он должен что-то сказать. И тут начинается самое главное. Дело не в том, что он роли не знает, он даже не понимает, в каком спектакле участвует. Он ждет суфлерской подсказки. Но суфлерская будка на сцене не одна. И из каждой кричат разное. В некоторых будках сидят по двое-трое и сражаются между собой за то, какой текст надо произносить. Главный герой все смешивает и выдает дикую абракадабру. У зрителя глаза – на лоб. Но тут интеллектуалы начинают искать смысл в его монологах. Они сообщают, что на самом деле он думает другое. Что на самом деле он совсем не такой, а гораздо лучше. Что потом все будет хорошо, что мораль укрепитя, возродится армия»<sup>30</sup>.

Принципиальный момент, связанный с противоречием между реальным состоянием страны и нарастанием театральности политики, тонко подметил А. Гельман. «Страна развалилась, экономика развалилась, вся культура развалилась, но тот театр, о котором мы ведем здесь речь, театр политики, все эти годы развивался, обнаруживал новые формы, можно сказать, процветал»<sup>31</sup>. Это противоречие преодолевается, и наибольшее единение между реальной политикой и театром, с точки зрения политического консультанта С.Белковского, достигается «в театре выборов. Собственно, успех выборов для той или иной партии напрямую связан с наличием в политической силе этого театрального элемента». Причем этот феномен театрокрации распространяется на все слои общества, и было бы наивным предполагать, что «продвинутый» электорат, который голосует за СПС, менее подвержен действию этого феномена, чем «совковый» электорат КПРФ, поскольку это театры разных режиссеров, разных актеров, разных типов зрителей, но феноменология здесь абсолютно одинакова»<sup>32</sup>.

Иногда тенденция театрализации выборов соединяется с выносом актов аппаратной, теневой политики на публичные подмостки, что ярко выразилось в избирательной кампании Б.Ельцина 1996 г. В ходе поездки по стране он неоднократно подписывал собственные указы перед населением, которому его решения адресовались. Так произошло в по-

<sup>30</sup> Интервью Г.Я. Явлинского // Русский журнал. 2000.

<sup>31</sup> Александр Гельман. Политика как театр // GAZETA.RU: Выпуск № 079 25.06.1999.

<sup>32</sup> Россия – страна политического язычества? Станислав Белковский: Политика – театр тотемов (Генеральный директор Совета по национальной стратегии отвечает на вопросы наших корреспондентов) // Завтра, 18-02-2003.



ездке на Кубань (16 апреля 1996), где на площади, перед строем казаков, был подписан указ о представлении земли зарегистрированным казачьим обществам и льгот тем из них, которые взяли на себя обязательства по несению государственной службы<sup>33</sup>.

### Плюсы и минусы театрократического подхода

Излишняя «театрализация политического сознания» влечет за собой серьезные последствия для человека и общества. Основанный на театрократической парадигме подход ведет к разделению общества на зал и сцену, отделенную от зала рампой. Находящиеся же в театре лица, в свою очередь, разграничиваются на зрителей, наблюдающих за политическим представлением, – «публику» и исполнителей тех или иных ролей. Согласно такому представлению большая часть общества обрекается на роль наблюдателей извне и лишь эмоционально взвизгивающих на происходящие в политике процессы, а взаимодействие между политикой и народом трактуется как одностороннее. Реальная же политика в ее увязке с интересами людей в таком представлении упраздняется и становится игрищем, балаганом.

Даже автор книги, целиком посвященной анализу политики как спектаклю, М.Эделман высказывает критические слова в адрес театрократического подхода. «Политические проблемы есть конструкция, составленная из существующих идеологий и политического языка. Главная особенность политической проблемы – ее неразрешимость, как, например, безработица. Поэтому она превращается в рассказ, который используется для пробуждения масс. Это объясняет, почему сущность всегда приносится в жертву драматическому спектаклю в стремлении повысить поддержку политическим лидерам, одновременно создавая огромную дистанцию между политической повесткой дня и личным благополучием»<sup>34</sup>.

Мало того, этот подход преувеличивает конструктивистскую природу политики: есть создатели политики – «драматурги» или «консультанты», создающие сценарий или драматическую интригу, подогревающую интерес людей к политике. Есть ее реализаторы – конкретные политические фигуры («актеры»), есть и на расстоянии наблюдающий за действием народ, который далеко не всегда безмолвствует.

Критическую позицию в этом смысле занимает известный политолог Е.Б.Шестопал. «Если говорить всерьез, то мне кажется, что наши политики и политтехнологи насмотрелись фильмов типа «Хвост виля-

<sup>33</sup> Мороз О. 1996: Как Зюганов не стал президентом. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2006. С. 227.

<sup>34</sup> Edelman, Murray Constructing the Political Spectacle. The University of Chicago Press. 1988. P. 35.

ет собакой». Они всюду занимаются «постановками», но любопытно вот что: когда спектакли выходят на сцену, авторы сами начинают верить в собственные выдумки и проникаются сознанием своего всемогущества. На самом деле не все можно «срежиссировать», далеко не все социальные процессы поддаются подобной регулировке. Можно уговорить тех же шахтеров лечь на рельсы или, хорошенько заплатив, организовать выступления за или против правительства. Но подкупить всех не удастся – денег не хватит даже у крупных олигархов»<sup>35</sup>.

Против уподобления политики театру в контексте политического консультирования возражает генеральный директор консультативной кампании «Никколо М» Е.В.Егорова. «Хороший актер, как правило, пуст как личность. Потому что только вакуум можно наполнять образами. А хороший политик может быть плохой, неприятной нам с вами личностью, но обязательно сильной и с неким содержанием... Наше воздействие на него минимально. Потому что клиент – не объект, а субъект. На него нельзя воздействовать, с ним можно только разговаривать»<sup>36</sup>.

Метафорические модели «театра» или «игры» в их отнесении к политике акцентируют моменты искусственности, «ненастоящей» жизни, рассчитанной на зрителей, в них подчеркивается неискренность персонажей политического спектакля. В этом смысле эта лексика, как подчеркивает О.С.Иссерс, имеет в языке СМИ отрицательную оценочную окрашенность и участвует в осуществлении стратегии дискредитации»<sup>37</sup>. Помимо этого, театрализация (визуализация) политики ведет к стиранию граней между политиком и его образом (имиджем), для зрителя политик неотличим от его имиджа, что снижает рациональность восприятия и суждения о политике.

Как замечает Г.Г.Почепцов, «в отличие от актера, политик пытается изобразить себя одновременно и автором пьесы, и режиссером. В этом плане актер честнее политика, он играет в пьесе, где автор и режиссер вынесены на афишу»<sup>38</sup>. Многих вводит в заблуждение театральность, карнавальность современных бархатных революций, являющиеся по заключению А.Чадаева, «стилем эпохи», хотя в реальности под их оболочкой скрывается серьезное перераспределение власти в политической системе»<sup>39</sup>.

<sup>35</sup> Какой роман у Президента с народом, размышляет политический психолог Елена Шестопаля // «Век», Москва, 26 апреля 2002 г.

<sup>36</sup> *Саша Пушкин*. Макиавелли «под ключ» / Работать с президентом – высший пилотаж для консультантов. / «Эгоист generation», № 2 февраль 2003 г.

<sup>37</sup> *Иссерс О.С.* Посмотрите на кого он похож! (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета, 1997, Вып.3. С.81.

<sup>38</sup> *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. Рефл бук, Вакл. – М.: 2002. С. 267.

<sup>39</sup> *Чадаев А.* Оранжевый огонь // Сообщение, 2005, № 1.



Невзирая на прозвучавшую выше критику, следует подчеркнуть значимость данного подхода для практической политики, правомерность переноса типичных для театра терминов в сферу политического анализа. Так, Е.Г.Морозова в книге «Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии» замечает, что «часто встречающееся отождествление политического маркетинга с театрализованными политическими шоу не так уж и беспочвенно»<sup>40</sup>. Известный социолог Юрий Левада в статье «Человек политический: сцена и роли переходного периода советского общества» выделил три типа ролей на политической сцене. В советском обществе действовало классическое «одобрямс», перестроечные годы – массы стали «зрителями», сейчас наступил период «массового участия»<sup>41</sup>.

Используемый социологами и политологами термин «ролевая функция» (роль) заимствован из театральной практики и обладает с ней схожими признаками – сочетание предопределенных функций и неповторимого вклада конкретного лица. Эти роли нередко не соответствуют их характеру, поэтому люди, становящиеся государственными служащими, также должны в чем-то меняться, чтобы справиться со своей ролевой функцией, привнести в них свою личностную специфику. Д.Паламбо и С.Мейнард-Мууди выделяют следующие общие «ролевые функции» людей, работающих в государственных учреждениях и организациях: политические исполнители (political executive), т.е. руководители исполнительных органов власти; карьерные государственные служащие, занимающие ответственные должности (desktop administrators); специалисты (professionals); государственные служащие низового звена (street-level bureaucrats). Особо выделена такая ролевая функция, которая приблизительно соответствует понятию «политический деятель» (political entrepreneur)<sup>42</sup>.

Еще в 1996 году Г.Павловский применительно к президентским выборам выдвинул идею победы через «информационную драматургию кампании», а разновидностями «общественно-политической драматургии» полагает анекдот, сценарий и миф<sup>43</sup>. Иное наполнение понятию драматургии избирательного процесса придает М.Лозовой, под которой он понимает «использование действий, обеспечивающих создание такого контекста восприятия кандидата, который демонстрирует

<sup>40</sup> Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. Раздел 2. § 1. 28.10.2004.

<sup>41</sup> Левада Ю. «Человек политический: сцена и роли переходного периода советского общества» // Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. С. 97.

<sup>42</sup> Palumbo D., Meynard-Moody S. Contemporary Public Administration. – N.-Y.-L., 1991. P. 107–129.

<sup>43</sup> Засурский И. Масс-медиа второй республики. – М., 1999. С. 100.

его преимущества перед соперниками и гарантирует поддержку большинства избирателей»<sup>44</sup>.

Автор книги «Чистые» и «грязные» технологии выборов» А.А.Максимов, характеризуя роль сценария, являющегося неотъемлемой частью «стратегии и тактики кампании», подчеркивает его драматургическую природу применительно к избирательным кампаниям. «Хорошо прописанный и реализованный сценарий способен во все время кампании держать в напряжении соперников и избирателей. Необходимо привлечь внимание избирателей, удержать его, как в хорошо поставленном фильме»<sup>45</sup>.

По существу, драматургом и одновременно режиссером является «массовик», организующий массовые мероприятия, или пиарщик, разрабатывающий и проводящий события (event). Сценарный аналитик должен владеть сценической драматургией, придавая каждому событию (выступлению) наибольшую эффектность и выразительность<sup>46</sup>. Так, в период войны Ирака против Кувейта видная PR-фирма Hill&Knowlton, работавшая на Кувейт, поставила душераздирающий телевизионный спектакль. В центре сюжета – извлечение иракскими солдатами только что родившихся младенцев из инкубатора и последующее их укладывание на бетонный пол, а главной свидетельницей оказалась дочь посла Кувейта в США<sup>47</sup>. Из этого же разряда были книга и фильм о Джессике Линч, которая была ранена, спасена в иракском госпитале и освобождена американскими солдатами<sup>48</sup>.

В Чехословакии разработчиком сценария и постановщиком спектакля под названием «Устранение коммунистического руководства» оказалась секретная полиция<sup>49</sup>. Но особенным цинизмом отличался телеспектакль «Тимишоара», поставленный для свержения и убийства Н. Чаушеску в ходе событий в Румынии в 1989 г., недалеко отстоящий от учиненного нацистами поджога рейхстага. Недавно похороненные трупы были спешно выкопаны или собраны в моргах, а затем изуродованы, чтобы продемонстрировать по телевидению зверства режима<sup>50</sup>.

<sup>44</sup> Лозовой М. От «блицкрига» к искусству побеждать // Избирательные технологии и избирательное искусство. Под общей ред. С.В.Устименко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН). С. 119.

<sup>45</sup> Максимов А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов. М., 1999. С. 36.

<sup>46</sup> McAdam D. a.o. It's about time temporality in the study of social movements and revolution // Silence and voice in the of contentious politics. – Cambridg, 2001. P. 346–348.

<sup>47</sup> Rampton S., Stauber J. Weapons of mass deception. The uses of propaganda in Bush's war on Iraq. – New York, 2003.

<sup>48</sup> Younge G. Private Lynch's media war continues as Iraqi doctors deny rape claim // Guardian. – 2003. – November 12.

<sup>49</sup> Almond M. 1989 without Gorbachev // Virtual History. – New York. 1999.

<sup>50</sup> Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Изд-во «Алгоритм». 2005. С. 70–71.

Подробно о технологиях организации «бархатных» революций в Восточной Европе и СССР рассказали сотрудники спецслужб Франции, ФРГ и США в немецком документальном фильме «Шах и мат семье Чаушеску» (реж. С.Брандштеттер, 2004).

Осуществляя борьбу с враждебной по отношению к гитлеровской Германии пропагандой, нацисты разработали и провели, по существу, театрализованную кампанию «шепота» по распространению контрслухов с использованием устного канала. «Агент в гражданской одежде или военном мундире громко беседовал с товарищем в людном месте, чтобы их могли послушать охочие до новостей жители данной местности. Агент внедрял слух, содержание которого было разработано соответствующими органами. Правительство надеялось, что этот слух, в конце концов, подавит слух подрывного характера на ту же тему»<sup>51</sup>.

Во многом театральная природа политики привела к вторжению в собственно российский театр тематики политических консультантов – появлению пьесы Александра Гельмана «Профессионалы победы» – о тех, кто делает президентов, и спектакля, поставленного на сцене Театра.doc по пьесе Ольги Дарфи и Екатерины Нарши «Трезвый пиар. Голоса».

В некоторых случаях названия известных пьес становятся политическими символами, например, название оперы П.И.Чайковского «Лебединое озеро» стало некоей эмблемой августовского путча 1991 года.

Принципы театрократического подхода во многом направляют деятельность консультанта-имиджмейкера. Необходимо написать сценарий политического представления, в котором определить действия участников, выбрать «амплуа» – тип имиджа, позиционировать его среди других участников политического действия, обучить клиента навыкам исполнения роли, поставить ему улыбку или движения перед избирателями. В этом плане для исправления дефектов и ошибок в речи кандидатов используется даже компьютерная или электронная техника, соответствующие программы или логометр, корректирующие невнятное произношение, плохую дикцию, быструю речь и т.д., а в ходе телевизионных выступлений – телесуфлер.

Г.Г.Почепцов формулирует требования к актерским качествам политика. Он должен уметь четко и образно формулировать проблему, порождать яркие и зрелищные ситуации, «наравне с актером владеть своим телом, выдавая наружу только те сообщения, которые требуются в данный момент»<sup>52</sup>. Необходимо сориентировать мышление политика на анализ производимого его действиями и выступлениями впечатления на массы, используя социологические методы (аплодисмен-

<sup>51</sup> Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. – Смоленск, 1996. С. 517.

<sup>52</sup> Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. Рефл бук, Вакл. – М.: 2002. С. 279.

тов – недостаточно, тем более, что они нередко организуются с помощью клакеров).

Дэвид Герген, работавший с четырьмя американскими президентами, говорит, что «достаточно часто и президенты, и политики оцениваются по их исполнению: как хорошо они играют в игре»<sup>53</sup>. Помощник М.Тэтчер Пауэл весьма высоко оценивал ее артистические способности: «Не сомневаюсь: если бы Тэтчер не была крупным политическим деятелем, она вполне могла бы стать актрисой. Впрочем, она такой и была – в политике»<sup>54</sup>. Но в особенности зрелищность, театральность необходимы для начинающих, малоизвестных политиков и политических организаций и партий, вступающих на тернистую тропу политики.

Театрократический подход не есть академический подход или теоретическая конструкция, отвлеченная от реальной, практической политики. Он может и должен активно использоваться и в целях политического анализа, и при проектировании политического процесса, и в ивент-менеджменте, и как одно из оснований политического консультирования. И примеров тому немало.

<sup>53</sup> *The New York Times Magazine*. – 1993. – Oct. 31.

<sup>54</sup> *Замятин Л.М.* Горбачев и Мэгги. – М., 1995. С. 121.

Тома ГОМАР (Франция)

## **РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ ПАРИЖА: ПРЕОДОЛЕТЬ СТАТУС-КВО<sup>1</sup>**

Российский вектор внешней политики Парижа завершает свой цикл, запущенный в 1998 году с появлением «Екатеринбургского треугольника». Этот «треугольник» должен был закрепить за Россией ее особое положение на европейском континенте в условиях неуверенности в исходе ее переходного периода. Франко-германский тандем претендовал также на то, что он обладает достаточным весом, чтобы стабилизировать «Большую Европу».

Восемь лет спустя положение радикально переменилось. Перенесенный в рамки трансатлантических отношений, этот «треугольник» выступил против англо-американского вторжения в Ирак, что привело, кроме всего прочего, к напряженности в отношениях с новыми странами-членами НАТО и ЕС, стремление которых вступить в эти организации диктовалось, прежде всего, желанием освободиться от российского влияния.

Из трех стран именно Россия претерпела наибольшие изменения за последний период. Ее активный экономический рост, вкупе со стремлением к могуществу, позволил ей повысить свой международный статус и расстаться с ярлыком страны, получающей помощь. Знамения времени: если в 1998 году на повестке дня стоял вопрос о российском внешнем долге, то в сентябре 2006 года в центре обсуждения находилось ее участие в концерне EADS.

Для Жака Ширака Москва – это «стратегический партнер», необходимый для его концепции «многополярного мира». Поэтому он приложил все усилия к тому, чтобы завязать тесные отношения с Владимиром Путиным, несмотря на то, что появление последнего в Кремле вызвало охлаждение франко-российских отношений<sup>2</sup>. В глазах французских властей Владимир Путин воплощал собой образ того, кто, «оставаясь реалистом, был готов пойти как можно дальше в отношениях с

<sup>1</sup> Эта статья написана по результатам семинара «Is Russia a Neo-Imperialist or Post-Imperial Actor?», организованного IFRI и CSIS 6 ноября 2006 года.

<sup>2</sup> См. по данному периоду: Th. Gomart, *Les Rapports russo-français vus de Moscou*, Paris. Ifri, 2002.

Западом». Другими словами, «Путин остается наименьшим злом»<sup>3</sup>, что не мешает рассматривать возможный «перевод политического курсора»<sup>4</sup> по отношению к России с учетом развития ее внутренней и внешней политики.

Такой перевод курсора может повлиять на место Парижа в ряду западных держав и отношения, которые группа этих государств поддерживает с Москвой. Действительно, внешняя политика России вдохновляется и проводится сегодня представителями течения, для которого Запад не просто перестал существовать, но и утратил всякую привлекательность в качестве примера<sup>5</sup>. Тезис о российской специфичности возобладал: Москва намерена идти своим путем, не следуя чужим моделям и без помощи из-за границы. Россия приняла к сведению факт серьезной деградации трансатлантических связей и действует отныне в рамках коалиций *ad hoc* для защиты своих насущных интересов. Эта ставшая уже заметной тенденция заставляет задаться следующим вопросом: в какой мере французская политика способствовала утверждению этого российского тезиса о расколе Запада?

Отношения с Москвой позволяют наполнить содержанием концепцию многополярного мира, отстаиваемую в Париже, концепцию, в которой трудно провести различие между многополярностью и многосторонностью. Россия считает себя одним из самостоятельных полюсов могущества, рассматривая многосторонность, скорее, как средство поддержания своего влияния, нежели как инструмент урегулирования международных проблем.

Другими словами, Париж стремится к выработке общих позиций и коллективности действий, в то время как Москва – к укреплению своей стратегической самостоятельности. Как и политика ее партнеров, политика Франции обусловлена противоречивым толкованием путинской России, которая воспринимается одновременно как демократический режим в стадии развития и как регрессирующий авторитарный режим.

Французская политика зачастую колеблется в ответе на вопрос, надо ли пытаться изменить ситуацию в России, прочно и надолго закрепив ее в Европе, или же использовать отношения с Москвой, чтобы усилить собственный вес в ЕС, а также, возможно, в трансатлантическом масштабе и даже в мировом.

<sup>3</sup> Беседа с французским дипломатом. Москва, март 2006 года.

<sup>4</sup> Беседа с французским дипломатом. Париж, март 2006 года.

<sup>5</sup> См. по первому пункту у Y.Fedorov, «Boffins» or «Buffons»: Different Strains of Thought in Russia's Strategic Thinking», *Chatham House Briefing Paper*, REP BP 06/01, Londres, mars 2006, и по второму D.Trenin, «Russia Leaves the West», *Foreign Affairs*, July/August 2006.

## Основные интерпретации режима Путина

Схематично во французском восприятии России можно выделить две группы существующих течений. Три первых течения сходятся в резкой критике режима Путина: это защитники «прав человека», обеспокоенные ужесточением внутренней политики, критики «русской великодержавности», взволнованные проявлениями национализма, и, наконец, эксперты, указывающие на двойственность российской политики в области нераспространения ОМУ. На противоположном полюсе – три других, позитивно настроенных течения, которые подчеркивают значение осуществленной в России стабилизации.

Придерживаясь концепции равновесия между великими державами (*balance of power*), представители первого течения второй группы рассматривают Россию как «великую страну» и «стратегического партнера», с которым всегда можно договориться.

Для второго течения Россия – это, в первую очередь, новый быстро растущий рынок, в который стоит инвестировать. Третье течение видит в Путине последнего защитника российских интересов: подобно русскому де Голлю, он проводит политику национальной независимости. Для всех трех течений этой группы характерен глубокий оптимизм по поводу дальнейшей эволюции России.

При внимательном рассмотрении становится понятно, что различные восприятия современной России основаны в значительной степени на интерпретации личности самого Владимира Путина. Вследствие этого видение России «кремленизировано» и создает картину чего-то монолитного и гораздо более сплоченного, чем в реальности, так как российский президент воспринимается как своего рода стержень, на котором держится вся система. Методический подход, при котором будущее страны тесно увязывается с будущим ее президента, сказывается на политической ориентации и предлагает упрощенную альтернативу: если Путин – чекист, то российский режим обречен на развитие, выходящее за рамки «нормального», и на деградацию; если Путин – голлист, то Россия находится на пути подъема и национальной самостоятельности.

Такой подход структурно отражает то, как воспринимается Россия Путина во Франции, но опровергается многочисленными факторами.

### *Не голлист*

Значительная часть французской элиты, действительно, видит во Владимире Путине «последнего государственного деятеля» на международной сцене<sup>6</sup>. В то же время значительная часть прессы и интеллигенции относится к нему с глубокой враждебностью и без колебаний

<sup>6</sup> Беседа с французским дипломатом, сентябрь 2006 года.



проводит аналогии со Сталиным<sup>7</sup>. Для них выходец из органов госбезопасности обречен вечно нести на себе неизгладимый отпечаток «первородного греха», коим является связь с КГБ.

Первое течение имеет тенденцию представлять Владимира Путина как «российского де Голля», озабоченного восстановлением государственности и проведением самостоятельной национальной политики. Эта поощряемая коммуникационной политикой Кремля и самим Путиным<sup>8</sup> параллель усиливает его образ государственника и представляет его в качестве современного и честного реформатора-патриота. Этот образ распространяется и на его окружение. Такая параллель ведет к экстраполяциям, вроде сравнения алжирской войны с чеченской<sup>9</sup>. На самом деле, ссылки на голлизм как политику национальной независимости России появились еще до Путина, в начале девяностых годов<sup>10</sup>.

Сравнение, тем более историческое, — еще не довод. Будучи лестным для Кремля, оно порождает путаницу относительно природы политического режима в России. Поправки напрашиваются по целому ряду пунктов.

Во-первых, историческая легитимность власти де Голля была обусловлена тем, что он отказался признать капитуляцию во время войны, провозгласил лозунг сражающейся Франции и отверг внешнее вмешательство. Что же касается Владимира Путина, то его привела к власти «семья» Ельцина, преследовавшая цель гарантировать собственные клановые интересы. Выбранный за свою лояльность Путин не имеет никаких иных оснований легитимности, кроме своего бюрократического опыта<sup>11</sup>.

Во-вторых, де Голль строил государственную систему по своей мерке, укрепив свою легитимность ядерным оружием и всеобщими выборами, в ходе которых он был вынужден считаться с реально существующей, хорошо структурированной и поддерживаемой извне (кстати, самой Москвой) оппозицией<sup>12</sup>. Путин же имитирует систему политической конкуренции, опираясь на «Единую Россию», в то время как понятия правового государства и политического выбора по-прежнему лишены реального смысла.

<sup>7</sup> См., например, у D.Vernet, «Le désordre règne à Moscou», *Le Monde*, 15/10/2006.

<sup>8</sup> См., например, V.Nikonov, «La Russie et l'Occident: des illusions au disenchantment», *Critique Internationale*, n 12, 2001, p.188–189.

<sup>9</sup> См., например, у M.Evangelista «Is Putin the New de Gaulle? A Comparison of the Chechen and Algerian Wars», Cornell University, The Marion Einaudi Center for International Studies, Paper n05-05, October 2005.

<sup>10</sup> См. B.Lo, *Russian Foreign Policy in Post-Soviet Era, Reality, Illusion and Mythmaking*, New York, Palgrave, 2002, p. 59–60.

<sup>11</sup> Кроме Путина, в списке фигурировал министр путей сообщения Аксененко, министр иностранных дел Иванов и министр внутренних дел Рушайло. См. Lilia Shevtsova, *Putin's Russia*, Washington D.C.Carnegie, 2003, p. 29.

<sup>12</sup> Для справки: на парламентских выборах 1962 года Французская коммунистическая партия получила 21,9% голосов. В 1965 году де Голль был вынужден пройти второй тур выборов, имея соперником Франсуа Миттерана.



В-третьих, во внешней политике параллель между де Голлем и Путиным наталкивается на два фундаментальных различия. Франция де Голля всегда оставалась членом Атлантического альянса, тем более, в случае кризисов (берлинского и кубинского). Кроме того, внешняя политика голлизма была носителем проекта строительства единой Европы на основе франко-германского примирения. Что касается внешней политики России, ловкая в тактическом плане, она терпит провал во всех проектах региональной интеграции (таких, например, как строительство единого экономического пространства с Украиной, Казахстаном и Белоруссией). Не будучи способной преодолеть стремление к доминированию в двусторонних отношениях, российская внешняя политика в итоге оказывается бесплодной.

И последний пункт сравнения: непосредственное окружение президентов. Даже если не идеализировать задним числом прошлое голлистской Франции, сравнение в функционировании верхушки двух государств, Елисейского дворца и Кремля, кажется неуместным. Во Франции охотно приравнивают управленцев-капиталистов эры Путина к технократам-модернизаторам эры де Голля. В действительности, под прикрытием общих фраз, окрашенных национализмом, идут процессы накопления личных состояний, которые в некоторых случаях выглядят ничем не лучше «дикой приватизации» ельцинского периода.

Этот неформальный дирижизм характерен не столько для государства, осуществляющего стратегию целостного развития, направленного, в частности, на то, чтобы воспользоваться имеющимися средствами для диверсификации своей экономики, сколько для кланов, которые стремятся не упустить случая добиться максимальной концентрации власти за минимальный отрезок времени. Владимир Путин и его непосредственное окружение охраняют статус-кво, для которого характерны логика бюрократического и авторитарного режима, сконцентрированного в самом себе и оторванного от общества, продолжающийся де-факто основных национальных богатств и, наконец, институциональные ограничения свободы, целью которых является обеспечение беспрепятственной передачи власти внутри самой руководящей группы.

Так что Путин – не голлист. Но он и не чекист, который просто был повышен в звании. Второе течение концентрируется на близости Владимира Путина к «силовикам», то есть к представителям силовых структур, которая якобы ведет к «милитаризации» российского властного аппарата.

### *Не чекист*

В этой интерпретации складывается исключительно мрачный образ Владимира Путина. На самом деле его практические действия у власти опираются на двойственность его политической культуры. С одной сто-

роны, его прошлое офицера разведки предполагает его предрасположенность к закрытости, секретности и манипулированию. Но к этому аспекту следует добавить влияние его политического наставника – Анатолия Собчака, его первое университетское юридическое образование<sup>13</sup>, а также опыт работы сначала в Санкт-Петербурге, затем за кулисами Кремля – до назначения на официальные должности (Совет безопасности, премьер-министр, а затем и президент). Без сомнения, его опыт власти и контакты, в частности международные, оказали влияние на его поведение. Обладая европейским складом ума, Путин придает самое большое значение правовым аспектам процессов (в качестве примера: Кремль тщательно позаботился о том, чтобы разрушить «ЮКОС» путем судебных решений) и действует на международной арене рациональными и внушающими доверие методами. Кроме того, такой подход делает из «силовиков» основную опору президентской власти, в то время как на самом деле она опирается в одинаковой мере и на тесные связи с крупным бизнесом, и на либеральных технократов<sup>14</sup>.

Доминирование «силовиков» предполагает «милитаризацию» элиты<sup>15</sup>. Но этот тезис сейчас ставится под сомнение<sup>16</sup>. Настойчивость напоминаний о «силовиках» наводит на мысль о существовании какой-то однородной и структурированной группы, действующей в общих целях. Но среди представителей силовых структур факторы различий проявляют себя значительно сильнее, чем факторы единения. Деловые и личные интересы провоцируют в этих группах напряженность и постоянное соперничество. Кроме того, термин «милитаризация» предполагает усиление веса в обществе данной социальной группы, в то время как, скорее, наблюдаются процессы социальной маргинализации вооруженных сил. Однако выбор этого термина отражает представления, доминирующие во властных элитах, которые продолжают в большинстве своем рассматривать международные отношения через призму вопросов безопасности.

Делая из Путина чекиста, это течение приукрашивает задним числом период Ельцина. Такой подход спорен, поскольку заставляет забыть размах беспорядка переходных лет. На самом деле оба режима разделяют две главные общие черты: гиперконцентрация президентской власти, которая усиливает вес президентской администрации в

<sup>13</sup> S.Charap, «The Petersburg Experience, Putin's Political Career and Russian Foreign Policy», *Problems of Post-Communism*, n 1, 2004, p. 55–62.

<sup>14</sup> L.Shevtsova, «Putin's Legacy: How the Russian Elite Is Coping with Russia's Challenges», Carnegie Moscow Center, Briefing n 4, June 2006, p. 2.

<sup>15</sup> См. следующие работы: O.Khryshtanovskaya and S.White, «Putin's Militocracy», *Post-Soviet Affairs*, n 4, 2003, p. 289–306; O.Khryshtanovskaya and S.White, «Inside the Putin Court: A Research Note», *Europe-Asia Studies*, n 7, 2005, p. 1065–1075.

<sup>16</sup> См. например B.Renz, «Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of *Siloviki* in Contemporary Russian Politics», *Europe-Asia Studies*, n°6, 2006, p. 903–924.

ущерб всем остальным противовесам, и война в Чечне, которая прямо отражается на балансе отношений между гражданскими и военными.

Истинным различием между двумя режимами является энергетическая манна.

### **Основные ориентации французской политики**

Эти интерпретации прямо отражаются на направлениях политики Парижа в отношении России. Российская и французская политические элиты хорошо понимают друг друга на концептуальном уровне: якобинской логике близка необходимость «вертикали власти» для обеспечения экономического развития. Французская политика, которая является, прежде всего, «елисейской», направлена на преумножение личных контактов на самом высоком уровне и на поиск поддержки со стороны Кремля, рассматриваемого как наивысшее выражение одновременно и российского государства, и российского общества, с целью подписания крупных контрактов или с тем, чтобы заручиться дипломатической поддержкой.

Политизируя сверх меры личные отношения, этот подход приводит к разделению между теми, кто рассматривает участие российского государства как высшую гарантию, и теми, кто, напротив, усматривает в его участии серьезную опасность ввиду его подчинения интересам отдельных лиц и групп.

#### *Каковы результаты?*

На дипломатическом поле привилегированные отношения с Кремлем позволили Елисейскому дворцу укрепить свою многополярную риторику. Россия, рассматриваемая как глобальный партнер, позволяет Парижу обогатить свою гамму дипломатических решений. По словам окружения обоих президентов, персональные и регулярные контакты между ними способствовали снижению напряженности в некоторых вопросах или развитию динамики, выходящей за рамки сугубо двусторонних отношений. Правда это или нет, но Париж считает, что обладает «политическим капиталом» в отношениях с Москвой, который может использоваться в таких чувствительных сферах, как замороженные конфликты или права человека<sup>17</sup>.

С 2000 года французский экспорт нарастал, хотя торговый дефицит при этом увеличивался из-за роста цен на энергоносители. В 2004 году Франция была на 9-м месте среди поставщиков России (4,06% рынка). Из европейских партнеров ее опережает Германия (13,99%) и Италия (4,23%). Франция находится на 8-м месте по прямым инвестициям в

<sup>17</sup> Беседа с французским дипломатом, Париж, сентябрь 2006 г.

Россию (на 5-м среди европейских стран) после Кипра, Соединенного Королевства, Нидерландов и Германии<sup>18</sup>. Трудно установить прямую связь между качеством политических связей и ростом торговых обменов, даже если последние, несомненно, выигрывают от наличия у сторон общей воли к созданию благоприятной для ведения бизнеса атмосферы. Несмотря на заявления о поддержке малых и средних предприятий<sup>19</sup>, французские власти поддерживают, прежде всего, подписание «крупных контрактов», в частности в сферах энергетики и самолетостроения. Под этим углом зрения участие «Внешторгбанка» в концерне EADS и решение «Газпрома» отодвинуть иностранных участников от Штокманского месторождения явились, несмотря на отрицание российской стороны<sup>20</sup>, одновременно и неожиданностью, и неудачей для французских властей. Эти решения вызвали в Париже неуверенность по поводу истинных намерений Москвы, поскольку они внесли разлад во франко-германскую солидарность, отстранив одновременно и Соединенные Штаты<sup>21</sup>.

В течение 2003 года общая позиция Парижа, Берлина и Москвы по Ираку упростила переговоры относительно нового формата отношений между ЕС и Россией и, в частности, разработку «четырех пространств» сотрудничества. Во французском МИДе принято считать, что динамика отношений между тремя странами позволила тогда преодолеть качественный порог в отношениях между ЕС и Россией накануне двойного расширения НАТО и ЕС. Но самая энергичная критика этого трехстороннего формата исходит как раз от новых членов, особенно от Польши. Французские и немецкие дипломаты прекрасно осознают необходимость подать сигнал новым членам и обнадежить их в отношении собственной российской политики, не поддаваясь при этом тому, что часто воспринимается как своего рода «антироссийская истерия». Соппротивление Варшавы началу переговоров о новом соглашении Россия–ЕС на Хельсинкском саммите (ноябрь 2006 г.) иллюстрирует пределы такого подхода.

Париж и Москва придают неодинаковое символическое, политическое и дипломатическое значение американо-британскому вторжению в Ирак. Для Москвы речь идет о нарушении, сравнимом с интервенцией НАТО в Косово, тогда как для Парижа – это законченное выражение

<sup>18</sup> Посольство Франции в России – Экономическая миссия, «Франко-русские экономические отношения», март 2005 г.

<sup>19</sup> Национальная Ассамблея, доклад депутата Эрвэ Маритона, июль 2003 г.

<sup>20</sup> Выраженное, в частности, на XII семинаре Ифри-МГИМО по вопросам безопасности, Париж, октябрь 2006 г.

<sup>21</sup> См. в числе многочисленных статей, вышедших на эту тему: V.Malingre, «L'offensive politique de Russie SA», *Le Monde*, 18/09/2006 ; L.Mandeville, «Paris mal à l'aise face à son partenaire russe», *Le Figaro*, 22/09/2006 ; J.-L. Constanza, «Les Russes chez EADS ou l'or des farfadets», *Les Echos*, 27/09/2006.

одностороннего подхода американцев, неспособных прислушаться к своим традиционным союзникам. Три года спустя франко-германо-российское сближение по Ираку оказывается одним из источников путаницы между *интересами* и *ценностями*, последствия которой начинают ощущать Париж. Выступление против войны в Ираке явилось апогеем французской дипломатии Жака Ширака и привело, судя по всему, французские власти к превозношению своего российского партнера. Как заявил Жан-Пьер Раффарен в Москве (октябрь 2003 г.): «Ось Париж–Берлин–Москва способна защитить некоторые ценности и сыграть экономическую роль». Если аргументы об открытии российского рынка и приобщении со временем России к существующей на Западе практике отчасти верны, их связь с принципами, которыми должна руководствоваться французская политика, ошибочна, поскольку российские власти открыто отвергают любой разговор о ценностях.

### *От Ирака к Украине: обманчивое единство ценностей*

Во время событий в Ираке или на Украине ссылка на «ценности» оси Париж–Берлин–Москва позволяла Елисейскому дворцу подпитывать многополярную риторику и едва прикрываемый ею антиамериканизм: ссылка на международное право использовалась в рамках трансатлантических отношений для консолидации отдельных дипломатических позиций, при этом не учитывались в достаточной мере действия Кремля внутри страны и вне ее границ и совсем игнорировалось российско-американское сближение на почве борьбы с терроризмом. Французским властям всегда было трудно преодолеть следующее противоречие: Россия, будучи союзницей Франции против англо-американского вторжения в Ирак, разделяет в то же время с Вашингтоном концепцию глобальной войны против терроризма (Global War on Terrorism-GWOT). Французские власти не учли основополагающий фактор: Россия, так же, как и США, находится в состоянии войны, со всеми вытекающими отсюда последствиями для внешней и внутренней «антитеррористической» политики, проводимой Путиным<sup>22</sup>.

Но даже если в среде французской элиты по этому поводу имелись разнообразные мнения, так как допускалось существование российской «зоны влияния», то «оранжевая революция» на Украине вернула к разговорам о ценностях. Критикуя «продвижение демократии», за которое выступает Вашингтон, поддерживаемый новыми членами НАТО, с учетом событий в Ираке, Париж не мог не задаться вновь вопросами о сущности царящего в России режима, особенно после Беслана (сентябрь 2004 г.) и в свете пробуксовывания внутренних реформ.

<sup>22</sup> См. по этому основополагающему вопросу P. Baev, «Putin's Counter-Terrorism: The Parameters of a Strategic Dead-End», *Small Wars and Insurgencies*, n 1, 2006 г. С. 1–21.

Оглядываясь назад, «ось Париж–Берлин–Москва» может иметь два диаметрально противоположных прочтения. Первое из них продиктовано обеспокоенностью ущербом, нанесенным европейской сплоченности, и российскими отклонениями от курса. Установив привилегированные отношения с Москвой, Париж и Берлин пренебрегли, таким образом, новыми членами и такими нарождающимися демократиями, как Украина или Грузия. Сторонники такого прочтения событий считают, что эта ось способствует сохранению подхода в терминах «игры с нулевой суммой» и усиливает позиции Москвы в качестве великой энергетической державы, которые позволяют ей использовать в своих целях международную напряженность. Сконцентрировавшись на Кремле, сторонники такого прочтения событий, возможно, не учитывают глубокие изменения, происходящие в российском обществе, жаждущем нормального существования и совершенно неготовом к неоколониалистским экспериментам<sup>23</sup>.

Второе прочтение событий претендует на более глобальную перспективу. Его сторонники считают, что ось Париж–Берлин–Москва является форматом, способным стабилизировать многополярную систему, но расходятся в оценке этого вопроса. Для одних эта «ось» является способом уравновесить американский унилатерализм, который представляется главным дестабилизирующим фактором международной системы. Для других, наоборот, франко-германское ядро, включив в себя Россию, умножит тем самым свой большой промышленный, технологический и энергетический потенциал, не являясь при этом группировкой сил, враждебных по отношению к Лондону и Вашингтону. Следуя логике адмирала Рауля Кастекса в современном контексте<sup>24</sup>, сторонники этого видения считают эту группу государств наиболее способной конкурировать с ростом могущества Китая и одновременно служить мировой коалицией против радикального ислама.

### Какой партнер?

В преддверие президентских выборов (во Франции – в мае 2007 г., в России – в марте 2008 г.) необходимо оценить эту политику поддержки российского режима с точки зрения соотношения затрат и выгод, тем более, что Кремль далек от того, чтобы вести себя также доброжелательно по отношению к Парижу и имеет тенденцию рассматривать любое партнерство как наименьшее зло. Кроме того, убийство знаковых фигур (А.Козлова и А.Политковской) и решения, недавно приня-

<sup>23</sup> Результаты опроса о связи между национальной идентичностью и восприятием территории, проведенного в марте 2003 г., см.: J.O'Loughlin and P.Talbot, «Where in the World is Russia?», *Eurasian Geography and Economics*, n 1, 2005, p. 23–50.

<sup>24</sup> Адмирал Рауль Кастекс (1878–1968), автор нескольких основополагающих работ по стратегии, неоднократно предупреждал о «китайской угрозе».



тые в сфере энергетики (в частности, по условиям эксплуатации Штокмановского месторождения) усиливают беспокойство по поводу менее сговорчивого и склонного к индивидуализму партнера.

С французской стороны начинают проявляться досада и разочарование. Предвыборный период, несущий в себе нестабильность, в России уже открылся, и вследствие этого началась борьба между крупными клановыми группировками, которые бьются за энергетическую ренту и за доступ в Кремль. Во внешнеполитическом плане стремление Москвы к международному признанию выражается в проведении многовекторной дипломатии, одержимой двумя основными заботами: максимизацией энергетической ренты и укреплении суверенитета<sup>25</sup>.

Кремль по-прежнему предпринимает все новые тактические ходы, но убедить в своей стратегической ориентации ему так не удастся.

### *Неизбежный и непредсказуемый партнер*

Так же, как Вашингтон, Берлин или Лондон, Париж оказывается вследствие этого перед следующей трудностью: как построить неизбежное «стратегическое партнерство» с непредсказуемым режимом, невосприимчивым к постороннему мнению и имеющим иное восприятие времени? Природа этого партнерства в большой степени зависит от анализа связи, существующей между внутренней и внешней политикой. Эта связь находится в центре споров о позиции, которую следует занять по отношению к России. Если факт ужесточения внутренней российской политики не вызывает сомнений, то далеко не все согласны с тем, что проведение более жесткой политики внутри страны рано или поздно проявится и во внешней политике<sup>26</sup>.

Эта опасность чаще всего анализируется через призму неоимпериализма, который якобы является сутью внешней политики России, нацеленной на сохранение своего влияния в ближнем зарубежье и на утверждение своих позиций путем массированных инвестиций, в частности в энергетический сектор<sup>27</sup>. При таком подходе в

<sup>25</sup> По внутренней политике см. Th. Gomart, «Russie: trop-plein d'énergie ou d'inerties?», in Th. de Montbrial et Ph. Moreau Defarges, *Ramses 2006*, Paris, Dunod, p. 79–93. По внешней политике см. Th. Gomart, «Politique étrangère russe: l'étrange inconstance», *Politique étrangère*, n 1, 2006, p. 25–36 или русскую версию той же статьи «Парадокс непостоянства» в журнале *Россия в глобальной политике*, № 3, май-июнь 2006.

<sup>26</sup> По поводу аргументов, что с Москвой невозможно ограничить все обсуждения, как это предлагают реалисты-традиционалисты, только вопросами энергетической безопасности и нераспространения, см. J. Goldgeier and M. McFaul, «Russia's No Democracy. So What?», *Washington Post*, 09/04/2006. Относительно аргументов, подчеркивающих характер «wishful thinking» этого подхода. См. B. Lo, «Evolution or Regression? Russian Foreign Policy in Putin's Second Term», Nupi, August 2006, p. 72–73.

<sup>27</sup> J. Bugajski, *Cold Peace*, Washington, Praeger/CSIS, 2004.

качестве примера приводится тесная связь между ужесточением внутренней политики и проведением более жесткой политики в отношении Грузии<sup>28</sup>. Этот тезис о неоимпериализме упрощает реальность и умышленно преувеличивает возможности России. Скорее, следует говорить о постимпериализме как переходной фазе, всегда полной рисков, в рамках которой Москва пытается переопределить свою систему влияния, не отказываясь в то же время от завоеванных позиций<sup>29</sup>.

Этот процесс переопределения представляет собой смесь изоляционизма и интервенционизма. В действительности российская элита разрывается во внешней политике между безудержным индивидуализмом и с трудностями отказа от средств вмешательства, унаследованных от переходного постсоветского периода. Первое радикальное изменение, внесенное Владимиром Путиным во внешнюю политику, – подход, при котором она рассматривается как инструмент максимизации выгоды от освоения природных ресурсов страны, что представляет собой прямо противоположный подход по отношению к советской эпохе, а также очевидным образом выбивается из имперской логики<sup>30</sup>. Есть, однако, три фактора, которые способствуют неуверенности в эволюции именно в этом направлении: война в Чечне, которая усиливает автономию аппарата обороны, рост военных расходов и энергетическая политика. Вернувшись в ряд великих держав благодаря своей энергетике, Россия действует в этой области согласно логике экономического экспансионизма, который рано или поздно неизбежно столкнется с требованиями рынка и правилами регулирования торговли, особенно если Москва ускорит свое вступление в ВТО.

### *(А) нормальный партнер*

Россия воспринимается приблизительно одинаково всеми своими партнерами, которые, однако, расходятся в точках зрения на политику, которую следует проводить по отношению к ней. Эти расхождения больше заметны в отношении бывших советских республик, нежели самой Российской Федерации, и особенно ярко проявились в случае «цветных революций». Поддержка, оказанная Со-

<sup>28</sup> О связи между убийством Анны Политковской и кризисом в российско-грузинских отношениях см. статью L.Mandeville, «L'assassinat d'Anna Politkovskaïa démontre l'Occident sur la Russie de Poutine», *Le Figaro*, 10/10/2006.

<sup>29</sup> См. по этому вопросу Th. Gomart, «Quelle influence russe dans l'espace post-soviétique?», *Le Courrier des pays de l'Est*, n 1055, 2006, p. 4–13.

<sup>30</sup> Анализ первого президентского срока В.Путина в этой области см. Th. Gomart, «Vladimir Poutine ou les avatars de la politique étrangère russe», *Politique étrangère*, n 3-4, 2003, p. 789–802.



единенными Штатами и ЕС этим движениям на постсоветском пространстве, вдохновлялась не только демократическим альтруизмом. Не только россияне продолжают мыслить категориями зон влияния.

Исходя из этого, анализ связи между внешней и внутренней политикой основан на принципе, согласно которому недемократический режим представляет собой угрозу не только для соседей, но и для партнеров. Являясь политической, экономической и стратегической аномалией, Россия не способна проводить «нормальную» внешнюю политику, не таящую в себе угрозы. Такой подход приводит к неизбежному подчеркиванию «а-нормальности» России и ее несоответствия западным критериям оценки<sup>31</sup> и игнорирует реакцию российских политических кругов на догмат «продвижения демократии», который отстаивает Вашингтон и который воспринимается как попытка дестабилизации. Это настораживает Москву, а агрессивные отношения за границы способствует росту популярности Кремля. Другими словами, чем больше Запад критикует Россию по поводу ценностей, тем более имперскими методами может действовать Москва.

Россия Владимира Путина фундаментально придерживается логики прямого невмешательства (это также возможная интерпретация украинского кризиса), стараясь избежать бесполезных столкновений. Она пытается, иногда неловко, иногда успешно, приспособиться к меняющемуся международному окружению. Ее элиты разделены между различными течениями в том, что касается отношений, которые следует поддерживать с Западом<sup>32</sup>. Самое большое противоречие возникает между их индивидуальным стремлением интегрироваться в мировую элиту и коллективным стремлением подпитывать риторику о внешней угрозе, оправдывающей сегодняшнюю организацию и концентрацию власти.

Если копнуть глубже, Россия стремится показать, что модель отношений между государством и обществом, которая отстаивается Западом, не так уж универсальна, как утверждает последний. Ясно, что Москва не следует ни логике конфронтации, ни изоляции по отношению к Западу, как это было в эпоху «холодной войны». Зато западные страны пока так и не приняли к сведению, что Москва уже учла факт отсутствия единства на Западе и действует в соответствии с этим.

<sup>31</sup> См. B.Lo, «Evolution or Regression?» *op.cit.*

<sup>32</sup> По поводу этой мысли о скорее прагматичной, нежели имперской России см. A.Tsygankov, «Projecting Confidence, Not Fear: Russia's Post-Imperial Assertiveness», *Orbis*, n 4, 2006, p. 677–690. Анализ различных школ отношений с Западом см. A.Tsygankov, «Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power», *Post-Soviet Affairs*, n 2, 2005, p. 132–158.

Париж и Москва поддерживают отношения, сохраняющие существующий статус-кво. Чтобы добиться реального эффекта воздействия на общее окружение, обе столицы должны, безусловно, избавиться от ряда привычек в своих двусторонних отношениях. Что касается Парижа, то пересмотр его российской политики потребует способности выйти за рамки двусторонних отношений и отказаться от изживших себя речей о «привилегированных отношениях», так как они усугубляют его дискомфортное положение в ЕС, не принося при этом ощутимых результатов. В реальности способность Парижа влиять на ситуацию в России практически нулевая. Поэтому Франции следует вновь привязать свою политику к политике своих партнеров и установить системную связь между франко-российскими отношениями и диалогом Россия–ЕС.

Во-вторых, следует переосмыслить осевую роль России на евразийском пространстве. Политика на российском направлении могла бы служить катализатором трансатлантической и паневропейской политики и способствовать движению к евразийской политике, которая как таковая еще не осмысливается. Эта политика, которая еще не обрела своего имени, могла бы рассматривать Россию как необходимое звено в любом предприятии, направленном на Восточную Европу, Кавказ, Среднюю Азию (включая Афганистан), и как часть уравнения, которое надо построить с Китаем и Индией. С этой точки зрения рассуждения об имперской натуре России, о ее реальных или предполагаемых зонах влияния имеют значение, так как могут обусловить дипломатическую ориентацию. Чтобы преодолеть статус-кво, необходимо как можно скорее осмыслить Россию как страну, простирающуюся далеко за Урал.

Беатрис ХОЙЗЕР (Германия)

## КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОДАВЛЕНИИ ПОВСТАНЧЕСТВА

Говорят, до того, как войска США впервые были размещены в Ираке, солдатам в учебных целях показывали разысканный почти забытый кинофильм «Битва за Алжир» (*La Battaglia di Algeri*). Снял его покойный итальянский режиссер-марксист Гилло Понтекорво (умер 12 октября 2006 г.), на экраны он вышел в 1966 году, в том же году получил Золотого Льва на венецианском кинофестивале, и тогда же французы объявили этому фильму бойкот.

Фильм создавался для того, чтобы разоблачить недостойное поведение французских военных во время алжирской войны, и в нем в ряде ключевых моментов были задействованы очевидцы, по сути, бывшие алжирские террористы. Методы, которые применяли алжирцы, а впрочем, и те, какими пользовались французы, показались интересными инструкторам США.

В кинофильме целые эпизоды – описание того, как происходила вербовка повстанцев, структура повстанческого движения и иерархия в нем, роль и цель пыток – явно взяты из классического труда Роже Тринке «Современная война: Французский взгляд на борьбу с повстанчеством», впервые опубликованного в 1961 году, а ныне вновь выпущенного в свет издательством *Praeger* в серии «*Praeger: Классика международной безопасности в эпоху борьбы с повстанцами*», а также из другой классической книги, основанной на французском опыте, – «Война против повстанчества: Теория и практика» Давида Галула (впервые издана в 1964 году)<sup>1</sup>.

Тринке, родившийся во Французских Альпах в 1908 году, в конце 1930-х годов был направлен во Французский Индокитай в качестве профессионального военного. Вторую мировую войну он провел в Китае, а потом вновь был

---

<sup>1</sup> Roger Trinquier: *Modern Warfare: A French View on Counterinsurgency*, впервые издана во Франции под названием *La Guerre Moderne* (1961), пер. Даниэль Ли, автор предисловия Бернард Фолл, автор вступительной статьи Элиот Коэн (Westport, Ct: Praeger, 2006); David Galula: *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice* впервые издана в 1964 г., автор предисловия Джон А. Нагл. (Westport, Ct: Praeger, 2006.)

направлен в Индокитай, где командовал 20000 солдат во времена разгрома французов при Дьенбьенфу. Вполне понятно, что его направили в Алжир, где он лично участвовал в битве за Алжир 1957 года и остался глубоко убежден в том, что французская методика подавления повстанцев позволяла надеяться на успех, когда французское правительство во главе с де Голлем решило уступить и в начале 1960 года признало независимость Алжира. После чего Тринке обратился к преподаванию и написанию книг, чем и занимался до самой смерти, последовавшей в 1986 году.

Давид Галула, тоже француз, но уже *pied noir*, из «черных»: он родился в 1919 году в Тунисе и вырос в Касабланке. Во время Второй мировой войны сражался в Северной Африке, Италии и Франции, за годы «холодной войны» обрел первоклассный опыт повстанческих движений в Китае во времена Китайской революции, в Греции во время второй волны гражданской войны (Галула был там военным наблюдателем ООН) и вновь на действительной службе во французских вооруженных силах в Индокитае и Алжире. Как и Тринке, он был убежден, что французские операции против повстанцев достигли пика, когда до победы оставался шаг-другой, но политики – и прежде всего де Голль – влезли не в свое дело и сдали Алжир (знакомая песня о ноже в спину, которую охотно подхватили те военные в США, кто считал, что операции против повстанцев уже многого достигли, когда политическая власть утратила волю довести войну до победного конца). Галула умер в 1967 году, за год до новогоднего наступления вьетнамцев (операция «Тет»), положившего конец желанию американского населения и дальше поддерживать войну во Вьетнаме и побудившего американцев добиваться вывода войск США, что в конечном счете и произошло в 1973 году.

Оба автора исследовали недавние примеры повстанческих и противоповстанческих операций, помимо тех, в каких принимали участие сами. На их взгляды сильно повлияла обстановка «холодной войны», в которой все эти случаи повстанчества несли в себе сильный элемент идеологического противоборства между Востоком и Западом и были связаны – прямо либо косвенно – с поддержкой повстанцев основными коммунистическими государствами: СССР и (или) Китаем, с одной стороны, и правительствами Запада (Франции, США, Великобритании) – с другой.

Почти неизбежно они ставили знак равенства между повстанцами и революционерами, коммунистическими движениями. Тринке при этом заходил настолько далеко, что полагал, будто революционная война и противоповстанчество, призванное сокрушить ее, уже стали доподлинными формами «современной войны», которые оттеснили все иные формы (в особенности такую, как войны всеобщие) далеко на задний план.

Для обеих книг характерен технико-организационный подход в крайнем его выражении. Взяв на вооружение нечто сходное с системным анализом, авторы почти всецело сосредоточиваются на тактике, организационных структурах и операциях повстанцев, а затем переходят к выработке структур, процедур и контропераций, которые используют технические и структурные слабости повстанцев и строятся

на мощи регулярных противоповстанческих сил и государственного аппарата, втягивающихся в это неравное соперничество.

Труд Тринке основывается на собственном опыте активного участия в попытках бороться с алжирскими повстанцами с использованием разведки, арестов и пыток (последние рассматриваются как необходимое зло) для добывания сведений и выявления повстанческой организации. Книга исключительно информативна в качестве вводного курса по французскому подходу к Алжиру. Он делает упор на политической составляющей (в особенности на потребностях социальных, экономических и политических реформ) в борьбе обеих сторон за поддержку населения: повстанцы используют в основном оружие террора, а французская сторона, с точки зрения Тринке и Галула, представляет интересы громадного большинства населения.

И все же Тринке ни слова не говорит об особенной культуре той страны, в какой ведется «современная война». Не говорит об этом и Галула: и для того, и для другого это не является осознанной переменной, вероятно, потому, что французы за столетие или около того накопили предостаточно знаний об обеих основных культурах, в среде которых находили применение своим боевым средствам противоповстанчества.

Старая колониальная держава Франция не испытывала недостатка в людях, для которых и арабский, и вьетнамский языки были родными, или во французах, родившихся и выросших в тех странах и привыкших к смешению культур еще в ту пору, когда за ними ходили кормилицы и няньки. И все же тот факт, что успех не сопутствовал им при столкновении с насильственными движениями за независимость как в Индокитае, так и в арабском мире, дает основание предположить, что отсутствие у французов акцента на культурных различиях, понимания того, почему местные жители активно не желают становиться клонами французов, возможно, явилось ахиллесовой пятой их противоповстанческих операций. К тому же трудно не согласиться с едкой критикой сэра Адама Робертса по адресу «группы французских теоретиков, писавших в 1950-х – начале 1960-х годов о *guerre révolutionnaire*, войне революционной», за отрицание «сложностей» у противостоящих им повстанцев и за стремление низвести их до какого-то придатка к идеологической борьбе между коммунизмом и либеральной демократией Запада<sup>2</sup>.

В этом смысле, вероятно, нет ничего хорошего в том, что на этих уроках, которые Понтекорво замыслил как моральное обвинение французской методики борьбы с повстанчеством, в начале 2000-х годов стали учиться американские вооруженные силы. Галула в своей книге много внимания уделяет анализу китайско-индокитайской тео-

<sup>2</sup> Adam Roberts: «The 'War on Terror' in Historical Perspective», *Survival* Vol. 47 No. 2 (Summer 2005), p. 105.

рии революционной войны и сам подгоняет предлагаемые им стандарты борьбы с повстанчеством под фазовую модель, отысканную им в дальневосточных концепциях.

Эти идеи фазового и пошагового подходов в начале 2000-х годов проникли в доктрину США, о чем говорит боевой устав армии США по борьбе с повстанчеством FM 3-07.22 (временный) от 1 октября 2004 года<sup>3</sup>, который, однако, в ряде случаев оказался несостоятельным в Ираке. Классический труд Галула цитируется также в новом боевом уставе армии США по борьбе с повстанчеством FM 3-24/FMFM 3-24, который в форме окончательного проекта размещен в Интернете с декабря 2006 года<sup>4</sup>.

Видимо, мы имеем дело с практикой умиротворения верующих в старое божество в ходе строительства храма божеству новому, поскольку акценты технико-организационного подхода и подхода Галула с Тринке, а также, по сути, уставных документов армии и морской пехоты США по борьбе с повстанчеством 1980-х годов<sup>5</sup> и «Пособия по противопартизанским операциям» армии США начала 2000-х годов<sup>6</sup>, разительно отличаются от новой доктрины США, изложенной в новом FM 3-24 (окончательном проекте июня 2006 года), в чем мы с вами и имеем возможность убедиться.

Документы 1980-х годов писались во времена, когда «противоповстанчество» было запретным выражением, вызывавшим живые ассоциации с провалом во Вьетнаме, а потому действо получило название «конфликта малой интенсивности»<sup>7</sup>. Противопартизанское пособие 2004 года отводит в лучшем случае 10 процентов из своего 230-страничного объема вопросам политическим, таким, как цели партизан, психологические факторы в противопартизанских операциях, социологическим и экономическим факторам. Остальное – в высшей степени тактико-техническое и намеренно нацеленное только на «активный военный элемент» в любом повстанческом движении<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> См.: <http://www.fas.org/irp/doddir/army/fmi3-07-22.pdf> (по состоянию на 26 октября 2006 г.).

<sup>4</sup> US Army and US Marine Corps: Counterinsurgency (Окончательный проект – не для применения) FM 3-24, FMFM 3-24 June 2006 (Final Draft). Со времени написания этой статьи боевой устав армии США и корпуса морской пехоты по борьбе с повстанчеством FM 3-24 вступил в действие в исправленном виде с 15 декабря 2006 года. Ознакомиться с ним можно в Интернете по адресу <http://usacac.army.mil/CAC/Repository/Materials/COIN-FM3-24.pdf>. Устав подвергся общей лингвистической правке, но все положения, которые рассматривались в данной статье, остались прежними.

<sup>5</sup> Боевой циркуляр Армии США 100-20 «Конфликт малой интенсивности» («Low Intensity Conflict») от июля 1986 г.

<sup>6</sup> Опубликовано в: Guilford, CT: Lyons Press, 2004.

<sup>7</sup> См., например: Lt Col Peter A. Bond: «In search of Low-Intensity Conflict», Military Review Vol. 66 (Aug 1986).

<sup>8</sup> Министерство армии [США]: U.S. Army Counterguerrilla Operations Handbook (Guildford, CT: Lyons Press, 2004), p. 1–5.

Мы находим общие описания стандартных засад и ловушек, опасных районов и того, как продвигаться через них, баз оперативной поддержки, которые порадовали бы Вобана\*, а также замаскированных паучьих нор. Огромное внимание уделяется направлениям атак, углу огня и окружению сил противника. Стиль пособия напоминает многие предыдущие, вплоть до щедро иллюстрированных боевых уставов XVIII века с их приверженностью углам, графическим построениям и математике.

Ясно, что повстанчество в Ираке, последовавшее за классической чистой победой войск США и Великобритании, заставляет переосмыслить доктрину США. Тенденция состоит в отходе от тактико-техно-организационного направления Тринке, Галула и доктрины США о конфликте малой интенсивности 1980-х годов. Боевой устав армии США по борьбе с повстанчеством FM 3-07.22 (временный) от 1 октября 2004 года уже довольно близок новому проекту<sup>9</sup>.

Проект 2006 года боевого устава по борьбе с повстанчеством, который должен был быть (уже?) введен в действие с 1 октября 2006 года, напротив, уделяет подобным техническим вопросам немногим более 10 процентов. Его содержание и дух также отличны от предшественника 1980-х годов и от «Пособия по борьбе с повстанчеством» 2004 года, как мышление Клаузевица\*\* отлично от мышления Бюлова\*\*\*, которого Клаузевиц высмеивал за чисто математический подход к стратегии. Можно даже сказать, что проект превосходит Клаузевица, поскольку тот едва-едва уяснил для самого себя ту великую истину, что способы

\* Вобан (Vauban) Себастьян Ле Претр де (1633–1707), французский военный инженер, маршал Франции (1703), маркиз. Изложил научные основы фортификации, разработал метод постепенной атаки крепостей, один из основоположников минно-подрывного дела. – *Прим.пер.*

<sup>9</sup> См. <http://www.fas.org/irp/doddir/army/fmi3-07-22.pdf> (по состоянию на 26 окт. 2006 г.).

\*\* Клаузевиц Карл (1780–1831), немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. С 1792 г. в прусской армии, до 1808 г. адъютант принца Августа Прусского, участвовал в войне с Францией 1806–1807 гг. В 1808–1809 гг. начальник кабинета председателя Военно-реорганизационного комитета генерала Б. Шарнхорста, принимал активное участие в подготовке реорганизации армии. В 1810–1812 гг. преподавал в Офицерском военном училище, написал «Обзор военного обучения (Важнейшие принципы войны)». В 1812–1814 гг. находился на российской военной службе, участвовал в Отечественной войне 1812 года.

\*\*\* Бюлов Фридрих Вильгельм фон (1755–1816), прусский генерал от инфантерии, граф фон Денневиц. В прусской армии с 1768 г. Участвовал в войнах с Францией в 1792–1795 гг. и 1806–1807 гг. В 1812 г. сменил Л.Йорка на посту губернатора Восточной и Западной Пруссии, где сформировал резервный корпус, с которым участвовал в кампании 1813 г. в районе Берлина, затем в составе Северной армии Бернадота под Лейпцигом, при изгнании французов из Нидерландов в Бельгии и в сражении при Лане. В 1815 г. командовал 4-м корпусом, атака которого при Ватерлоо содействовала разгрому наполеоновской армии. – *Прим.пер.*



ведения войны зависят от каждой конкретной эпохи и конкретной культуры<sup>10</sup>.

Культура – по контрасту – лежит в самой сердцевине нового боевого устава. Воздействие антропологии теперь всеобъемлюще.

Тут есть смысл сказать несколько слов по поводу этого возродившегося интереса к культуре и антропологии. В колониальную эру, в том числе и в Первую мировую войну, «практическая антропология» (Бронислав Малиновский) использовалась для поддержания жизнеспособности Британской империи, а также для того, чтобы держать немцев подальше от сфер британо-американских интересов.

В 1919 году американский антрополог и убежденный пацифист Франц Боас обвинил антропологов, которые пошли на службу своим государствам и тем самым «проституировали науку, используя ее в качестве прикрытия для своей шпионской деятельности»<sup>11</sup>. Однако Вторая мировая война (война справедливая, если таковая и велась когда-либо со стороны союзников) вновь вынудила правительства Запада прибегнуть к услугам антропологов. Во время и после той войны антропологи вроде Маргарет Мид и Рут Бенедикт (по иронии судьбы – ученицы Боаса) обрели широкую известность своими исследованиями, подкреплявшими государственную политику.

Впрочем, затем последовал период, когда многие из их коллег укрылись в башнях из слоновой кости. Подобно множеству других гуманитариев и обществоведов, они предпочли держаться в стороне от любого сотрудничества с государством или, как они сами выражались, отказались поддерживать государства, которые посчитали морально порочными и ошибочными в проводимой ими политике.

Тут возникают забавные параллели между отчуждением многих американских интеллектуалов от «истеблишмента» и всего связанного с властями предрержащими. Вызвано оно было, как принято утверждать, их возмущением расовой сегрегацией и войной во Вьетнаме и одновременно возникшим сопротивлением «истеблишменту» и государству по другую сторону Атлантики, в обеих половинках Европы: в свободной Европе Запада и социалистической Европе, – которое, ясное дело, никак нельзя объяснить неприятием расовой сегрегации и войны во Вьетнаме. Дело не в том, что на Западе антропологи, а наряду с ними и другие обществоведы с политологами и конечно же историки, снимали с себя всяческую социальную и политическую ответственность. Однако они избрали для себя роль критиков, борющихся за перемены «активистов», добивающихся того, чтобы власть в любой форме представляла в глазах всех и вся как институт морального ренегатства.

<sup>10</sup> On War Book VIII.

<sup>11</sup> Montgomery McFate: «Anthropology and Counterinsurgency: The Strange Story of their Curious Relationship» // Military Review (March-April 2005), pp. 24–38.



Одновременно продолжалось еще большее обособление научных дисциплин, становившихся изолированными ветвями громадного древа науки о человеке, и преобладающие школы политологии и теорий международных отношений небрежно отмахивались от антропологии с историей. В 1960-х годах в США системный анализ и исследование операций вовсю использовались в военной доктрине, упор в которой делался на анализ военных возможностей, они же оказывали сильное воздействие на стратегическое мышление, например, во Франции<sup>12</sup>.

После Вьетнама люди, желавшие казаться отпетыми «реалистами», вновь открыли для англо-говорящего мира немецкие теории политической власти XIX века, наряду с немецким способом ведения войны от Кенигсратца до Курска. Военные в США в своей стратегии вновь обратились к культу решающего сражения, который проповедовали Жомини и ранний Клаузевиц. В теории международных отношений господствовали понятия власти и национальных интересов (на этих последних стадиях «холодной войны» даже идеологию гнали прочь). Военная доктрина США, основанная на воздушно-наземном сражении и подавляющем превосходстве в огневой мощи, с соответствующим боевым циркуляром армии США 100-20 «Конфликт малой интенсивности» июля 1986 года, определялись как простое обращение воздушно-наземного сражения в антипартизанскую войну<sup>13</sup>.

Звучали и голоса вопиющих в пустыне. Один из них принадлежал Адде Бруммер Боземан (1908–1994), адвокату из латышских немцев, которая до приезда в США (где ей отказали в праве заниматься юридической практикой) училась в Берлине, Гейдельберге, Гааге и Лондоне. В ее работе о международных отношениях, которая сильно тяготела к ее правовым познаниям, тем не менее подчеркивалась важность такой переменной, как культура<sup>14</sup>, что совершенно справедливо было высоко оценено Ричардом Шульцем и Андреа Дью из Флетчеровской школы права и дипломатии университета Тафта. Идя против преобладающей волны теорий международных отношений «реалистов», немногочисленные региональные специалисты убеждали, что понимание иных культур – основное для понимания иных политик и стратегий и в целом необходимое для взаимодействия подобающим образом с другими, будь они союзники или противники<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> См., к примеру, все более и более непостижимые труды Люсьена Пуарье, имеющие отношение к стратегическому мышлению.

<sup>13</sup> Ian F.W. Beckett: *Modern Insurgencies and Counter-Insurgencies: Guerrillas and their Opponents since 1750* (London and New York: Routledge, 2001), p. 204.

<sup>14</sup> См., в частности: Adda B. Bozeman: *The Future of Law in a Multicultural World* (Princeton, NJ.: Princeton University, 1971) and *Politics and Culture in International History* (Princeton, NJ.: Princeton University, 1960).

<sup>15</sup> См., к примеру: Michael McGwire: *Military Objectives in Soviet Foreign Policy* (Washington DC: Brookings, 1987), или Theodore Robert Posner: *Current French*

Общеизвестно, что стратегии в «холодной войне», в особенности ядерные стратегии, проистекали из идеологий, национальных культур и убеждений тех, кто их формулировал, и никоим образом не стремились вникнуть в военное мышление противника с тем, чтобы организовать состояние собственных дел и возможностей с учетом его психологической слабости<sup>16</sup>. Критиковали подобное положение немногие, зато его отметали в сторону как едва ли существенное «победители» в «холодной войне» (и первой войны в Заливе 1991 года).

Югославские войны за отделение вновь привлекли внимание к высказываниям тех специалистов по международным отношениям, войне и военным доктринам, которые занимались проблемами личности, идей, восприятия, идеологии и культуры, над которыми никогда не прекращали работать антропологи и другие обществоведы.

Еще в середине XX века школа историографии «Анналы» во Франции очень многое почерпнула из социальной антропологии, обратив полученные знания в особый исследовательский аспект различных умонастроений. Данный подход расширялся, и ныне его зачастую называют (особенно за пределами Франции) «культурной» историей, что в странах вроде Германии еще и путанно именуется «лингвистическим оборотом», категорией, заимствованной из литературной критики. К 1990-м годам, когда некоторые историки с удовольствием возглашали о своем веровании в то, что ничто не может быть доказано как истина, поскольку источники – всего-навсего тексты, иные социальные и культур-антропологи, наряду с иными политологами, призывали возобновить учет культурных переменных для нашего более полного проникновения в суть насильственных конфликтов.

Призыву этому явно последовали два политолога Флетчеровской школы, Ричард Шульц и Андреа Дью. Вместе с тем, невзирая на ряд важных пронищательных суждений, их работа «Повстанцы, террористы и вооруженные формирования» разочаровывает как неглубокая попытка поспешно и топорно применить данный призыв к изучению культуры противника<sup>17</sup>. Не радуют в их работе и знатоки культур Сомали, Чечни, Афганистана и Ирака, о которых идет речь. Судя по сно-

---

Security Policy: The Gaullist Legacy (New York: Greenwood Press, 1991); Philip Gordon: A Certain Idea of France: French Security Policy and the Gaullist Legacy (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993); David Chuter: Humanity's Soldier: France and International Security, 1919-2001 (Oxford: Berghahn, 1996); Beatrice Heuser: 'Beliefs, Cultures, Proliferation and Use of Nuclear Weapons', in Journal of Strategic Studies Vol. 23 No. 1 (March 2000), pp.74-100; Kerry Ann Longhurst: Strategic Culture: the Key to Understanding German Security Policy? (Birmingham: 2000).

<sup>16</sup> См., к примеру: Beatrice Heuser: Nuclear Mentalities? Nuclear Strategies and Beliefs in Britain, France and the FRG (Basingstoke: Macmillan, 1998).

<sup>17</sup> Richard H. Schultz and Andrea J. Dew: Insurgents, Terrorists and Militias – The Warriors of contemporary Combat (New York, Columbia University Press, 2006).

скам, нет никаких признаков того, что использованы хоть какие-то источники на языках этих стран (на деле вообще не использованы работы на каком-либо языке, кроме английского). Таким образом, подчеркивая важность отличительных черт культуры, они сами не в состоянии получить к ним непосредственный доступ и действуют на уровне аспирантов, которые основывают свои труды на уже вышедшей литературе. Нет никаких свидетельств, что кто-нибудь из авторов проводил оригинальные исследования («работал в поле») по рассматриваемым культурам (или, коли на то пошло, хотя бы находился в одной или нескольких из указанных стран более или менее длительное время). Как и те политологи, кого авторы сами критикуют, они полагают, что, будучи учеными вообще и специалистами по политике США (кем они являются), они способны судить и оценивать любую зарубежную культуру, попросту кое-что подначитавшись о ней.

Похоже, их большое открытие состоит в признании неизбывной важности племен и кланов, тогда как (как верно указывают авторы) политологи, с их гегелевским низкопоклонством перед государством, об этом давным-давно и думать забыли, создавая чисто умозрительные модели того, каким видели свой склонный к войнам мир прусские ученые и философы XIX века (и вспомните: все эти Фихте с Трейчке и их наследники, вплоть до Карла Шмита, умели воображать хорошую войну). Еще Шульц и Дью верно отмечают, что в мире полным-полно культур, в которых убийство и война рассматриваются как нечто желанное, нечто, утверждающее мужественность, как выражение фамильной чести, *Dieu le veut*\* (мы и сами не так давно были такими же). И, следовательно, глупо предполагать, будто все культуры стран, чьи правительства когда-то подписались под Уставом ООН (который требует отказа от войны как средства ведения политики) или под Всеобщей Декларацией прав человека (основанной на праве каждого на жизнь и на жизнь без страха и угнетения), хоть чуточку придают значение подобным обязательствам. Порыв изгнать войну есть (специфически присущий западной культуре) продукт кровавого остерегающего опыта, обретенного Западом в двух мировых войнах в XX веке, и Устав ООН является непосредственным культур-продуктом этого<sup>18</sup>. Два хороших наблюдения, умело проработанных.

Увы, затем Шульц и Дью принялись «просвещать» о Сомали, Чечне, Афганистане и Ираке, пустив в ход консервированные истории. Им даже в голову не приходит, к примеру, указать, что все четыре культуры испытывают сильное воздействие ислама, причем не самых мирных его ответвлений. Они ничего не пишут о последствиях полигамии, которая

\* Того хочет Бог (франц.). – Прим. пер.

<sup>18</sup> Его преамбула даже начинается со слов: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...»

широко практикуется в исламских культурах, представляемых в книге, о групповой сплоченности: она увеличивает размер клана, зато и ведет к иным формам внутрикланового соперничества между сыновьями одного отца, но от разных матерей (одним из известных библейских примеров этого являются отношения соперничества Иосифа и его старших братьев и близкие отношения между ним и его младшим братом, сыном той же – любимой – жены старого патриарха Иакова). Таким образом, в стороне остались многие другие структуры, помимо кланов и племен.

Авторы с похвальным рвением определяют несколько коллективных травм и местных героев восстаний прошлого, которых предположительно все еще хранит коллективная память этих культур, однако итоги, к каким они приходят, едва ли выходят за рамки сотен существующих книг о повстанчестве и борьбе с ним. Итоговое резюме выглядит так: эти повстанцы ведут партизанскую войну, в которой они сражаются мелкими, подвижными отрядами, стараются избегать ожесточенных боев, прибегают к тактике терроризма, если чувствуют, что их загнали в угол, хорошо используют местность, которую знают лучше своих противников, и высоко ценят помощь извне в виде поставок всех видов. Это ничем не отличается от повстанцев далекого прошлого: Шульц и Дью сами обращают внимание на примеры из античности и старых времен, почти все из которых – примеры реакционных, консервативных, ксенофобов-инсургентов, начиная с Арминия с его херусками, переходя к Испанской войне за независимость от наполеоновской Франции и кончая всеми приводимыми современными сюжетами.

Авторы утверждают, что территория операций расширилась, операции стали «разнообразнее», что сегодняшние повстанцы отличаются от инсургентов прошлого, поскольку многие из них связаны охватившим весь мир исламским отторжением Запада. Что ж, в «холодной войне» повстанцы и борцы с повстанцами во всем мире имели тенденцию искать поддержки или у СССР, или у США, или у Китая, или у нескольких из них поочередно, или в комбинации, что еще больше увеличивало их ресурсы и потенциал к эскалации. «Революционная» война коммунистов Мао, вьетнамских коммунистов против сначала французов, потом американцев и все время – против вьетнамцев, не бывших коммунистами, или алжирского ФНО против Франции, в огромной мере трактуется как националистическая, ксенофобская и антизападная. Мало что ново под солнцем.

По-видимому, большего можно было бы ожидать от настоящих регионально-культурных специалистов и, наверное, применения концептуального инструментария культур- и социальных антропологов. На наших глазах общее открытие делают и призывники, кому предназначен новый боевой устав США по борьбе с повстанчеством, и некоторые из ученых, постигающие, что многого можно добиться сотрудничеством. Ведущая фигура среди ученых, естественно, культур-антрополог Монтгомери Макфейт, член Американской ассоциации за развитие оборонной поли-

тики на научной основе при Научно-исследовательской службе военно-морских сил, которая утверждает, что понимание зарубежных культур и обществ стало приоритетом национальной безопасности. Чем более неконвенционален противник, тем больше у нас потребности понимать его общество и подспудные движущие силы культуры. Для того чтобы разбить незападных противников, которые транснациональны по размаху, лишены иерархии в структуре, привержены методам подполья и действуют вне пределов национальных государств, нам необходимо отточить нашу способность понимать зарубежные культуры и общества<sup>19</sup>.

Просто поразительно, что д-ру Макфейт все еще необходимо снова утверждать совершенно очевидный вывод, который прослеживается, по меньшей мере, до Сунь Цзы, а именно: полезно знать своего врага и, сражаясь с ним, принимать во внимание его особенности<sup>20</sup>. Однако ясно, что понадобилась ее явно значительная сила убеждения (вполне достаточная, чтобы вогнать в краску зависти кого угодно, кроме, пожалуй, Генри Киссинджера), чтобы революционизировать всю целиком доктрину США борьбы с повстанчеством.

Совершенно очевидно, что потребовались высокоинтеллектуальные генералы, способные сопоставить ученую теорию со своим собственным боевым опытом и воспринять помпезные теории (хотя и выведенные эмпирически), предложенные антропологией, каковыми и оказались генерал-лейтенант армии США Дэвид Петраус, командующий Центром сводных вооружений армии США, и генерал-лейтенант Джим Маттис, командующий управлением боевого развертывания корпуса морской пехоты США. Стоит внимательно сравнить проект боевого устава со статьями генерала Петрауса и д-ра Макфейт, опубликованными в 2005–2006 годах в издании вооруженных сил США «Милитари ревью», как во многих его местах становится заметна их рука<sup>21</sup>.

Уже боевой устав FM 3-07.22 (временный) содержит раздел, подчеркивающий важность культуры, в которой происходит борьба с повстанчеством<sup>22</sup>. В значительной степени, однако, речь все еще идет о вопросах технических, взять, например, раздел о контроле за толпой и защите от враждебно настроенных групп хулиганов<sup>23</sup>, который целиком опущен в проекте боевого устава FM 3-24. Вместо этого проект

<sup>19</sup> См.: <http://ww2/newsletters/originator/articles/2004/dec/10/culture.asp>, p. 1 (по сост. на 13.12.04). См. также: Montgomery McFate: «Iraq: The Social Context of [I]mprovised [E]xplosive [D]evices», Military Review Vol. 85 No. 3 (May-June 2005), а также: «The Military Utility of Understanding the Adversary's Culture», Joint Forces Quarterly (3rd Quarter 2005).

<sup>20</sup> Сунь Цзы «Трактат о воинском искусстве», часть III.

<sup>21</sup> Lt Gen David H. Petraeus: «Learning Counterinsurgency: Observations from Soldiering in Iraq», Military Review (Jan.-Feb. 2006), pp. 2-12; Montgomery McFate & Andrea V. Jackson: «The Object beyond War: Counterinsurgency and the Four Tools of Political Competition», Military Review (Jan.-Feb. 2006).

<sup>22</sup> Pp. 4–3 to 4–6.

<sup>23</sup> FMI 3-07.22, pp. 6–10 to 6–21.

ФМ 3-24 в дотоле небывалой степени сосредоточен на анализе общества, в котором возникает повстанчество, на его культуре или культурах, верованиях, своеобразии (своеобразиях), структурах, организациях, общественных институтах, ролях, статусах, общественных нормах, ценностях, отношениях и представлениях<sup>24</sup>. К примеру, мы читаем: «Солдаты и морские пехотинцы обязаны понимать следующее относительно населения в зоне проведения операций (ЗО):

- Каким образом организованы ключевые группы общества.
- Отношения и противоречия между ними.
- Идеологии и устные предания [sic!], вызывающие отклик у этих групп.
- Интересы и мотивации группы.
- Средства общения внутри группы.
- Система руководства обществом»<sup>25</sup>.

Устав нацеливает на получение сведений о повстанцах, их руководителях, кадрах, организациях и учреждениях, но еще и о виде повстанчества, к какому они примкнули (перечислены обычные стандарты, такие, как последователи Мао, Че Гевары)<sup>26</sup>. Офицерам предлагается анализировать и создавать концептуальные модели (в уставе они названы «шаблонами» – не для того ли, чтобы не было похоже на системный анализ?) проблем, с которыми они сталкиваются (повстанчество и его конкретное проявление), и разрабатывать противоповстанческие операции, соответствующие данным моделям, постоянно помня о целях борьбы с повстанчеством (в уставе это вымученно именуется «логическими направлениями операций»).

Это, как следует понимать, должно быть процессом многократным, когда обстановка периодически переосмысливается, модель соответственно меняется, вносятся поправки с учетом предыдущих ошибок и разрабатываются новые противоповстанческие операции. В таком контексте рассматривается особая роль «целевых групп по выполнению боевой задачи» (старая добрая прусская *Auftragstaktik*) применительно ко всем чинам («придание полномочий самым низким уровням»<sup>27</sup>) на основе глубокого постижения политических целей и ограничений операции и сопутствующей ответственности каждого за свои действия, что всегда с трудом находило отклик как у бюрократов, так и у военных. Подчеркивается важность координации усилий военных и гражданских ведомств США и властей страны пребывания, а также ее вооруженных сил и полиции, которые должны быть готовы – в долгосрочной перспективе – взять на себя всю ответственность за борьбу с повстанчеством. Особое значение придается и усилиям по удовлетворению нужд и жалоб простого населения, за

<sup>24</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), Chapter 3 on Intelligence, pp. 3–1 to 3–11.

<sup>25</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft) p. 1–18.

<sup>26</sup> Ibid. Pp. 3–11 to 3–14.

<sup>27</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), p.1–21.



поддержку которого ведут борьбу повстанцы и власти страны пребывания. В данном контексте классическая витиеватая фразеология о необходимости завоевать «сердца и умы» сводится к необходимости убедить местное население, что успех борьбы с повстанцами отвечает их собственным чаяниям, а потому и нет никакого смысла поддерживать повстанчество<sup>28</sup>.

Это весьма и весьма соответствует обретенному в Ираке опыту, где большие группы населения не были расположены помогать ни одной из сторон и где среди населения давно уже утвердилась «усталость от оккупации», что не позволяет больше рассчитывать на его восторженную поддержку<sup>29</sup>.

Применяя подход культур-антрополога, можно добавить, что Ирак отнюдь не принадлежит к «улыбчивым культурам», а потому нет ничего удивительного в том, что опыт сэра Роберта Томпсона, которого радостно приветствовали сельские жители в Юго-Восточной Азии (региона, известного тем, что в нем полным-полно «улыбчивых культур»), в Ираке воспроизвести не удалось<sup>30</sup>.

Подчеркнута необходимость удовлетворять основные потребности населения – от безопасности до канализации – и целого спектра того, что во времена Вьетнама звалось гражданскими действиями (вплоть до предоставления рабочих мест, дабы отвратить радикализацию безработных, в особенности молодых мужчин, а также строительства школ, больниц, дорог...). Здесь устав строится на практике, с которой столкнулись войска США в Ираке<sup>31</sup>.

Приложения ориентируют на дальнейший социо-антропологический анализ повстанцев и страны пребывания (в том числе «анализ социальной организации», что сделало бы честь курсу «социология»), на то, какими критериями нужно руководствоваться при отборе переводчиков (обходной способ указать на опасность их пристрастности и их собственных планов), как выступать с публичными заявлениями (в том числе и по технике речи). Есть весьма доброкачественное приложение по правовым вопросам и – уже в более традиционном стиле – по планированию и по воздушной поддержке.

Впечатляет то, что устав завершается аннотированной библиографией, включающей почти 60 превосходных названий – больше, чем

<sup>28</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), Appendix A-4, см. также John A. Lynn: «Patterns of Insurgency and Counterinsurgency», *Military Review* (July-Aug. 2005), p.27.

<sup>29</sup> Christopher M. Ford: «Speak no Evil: Targeting a Population's Neutrality to Defeat Insurgency», *Parameters* (Summer 2005), p. 54.

<sup>30</sup> Томпсон вспоминает: «Многое можно почерпнуть даже из выражения лиц жителей деревень, ставших объектами операций по зачистке и задержанию, если посещать их более или менее регулярно. Лица, которые поначалу покорны и равнодушны, а то и злоежи, спустя шесть месяцев полны радостных приветственных улыбок. Люди понимают, на чьей стороне победа». Цит. по: *Defeating Communist Insurgency: The Lessons of Malaya and Vietnam*, quoted in Draft FM 3-24, p.5–24.

<sup>31</sup> См.: Maj Gen Peter W. Chiarelli, & Major Patrick R. Michaelis: «The Requirements for Full-Spectrum Operations», *Military Review* (July-Aug 2005), pp. 4–17.



некоторые университетские преподаватели рискнут предложить своим студентам, осваивающим данный предмет академически. Она явно включает в себя взгляды, изложенные как практиками, так и учеными ряда отраслей общественных наук, чьи статьи в американских журналах, вроде «Милитари ревью» и «Параметерз», показывают, что сделанные в уставе акценты отражают более общее развитие взгляда на предмет. В частности, даже в скрытом виде приемлет и вбирает в себя кое-какие стандартные пункты британской критики того, как США используют коалицию (COIN). Речь о чрезмерном использовании огневой мощи, несоразмерной заботе о сохранности американских войск вплоть до ущерба целям коалиции («Чем больше оберегаешь свои войска, тем меньше ты защищен», «Чем больше используется силы, тем меньше от нее отдачи», «Чем успешнее действует коалиция, тем меньше войск требуется и тем больше риск, на какой приходится идти», «Для коалиции лучшее оружие – не стрелять»<sup>32</sup>), а также о стойкой неспособности военного руководства США признавать ошибки и полностью менять курс, а не надеяться на мелкие поправки существующего направления действий<sup>33</sup>. Ответом устава на последнее замечание стал многократный, непрерывный, реагирующий на конкретную обстановку процесс планирования коалиции<sup>34</sup>.

Это поистине устав борьбы с повстанчеством, составленный думающим человеком, или мне следовало бы сказать – мечта университетского преподавателя?

Сильный всеобъемлющий акцент устава на культурном анализе и признании первостепенной важности необходимых лингвистических навыков (вплоть до племенных различий в произношении) внушают полное доверие всем, кто разделяет веру в центральное место культуры как ключевой переменной в групповых отношениях. Но сколько руководящих военных офицеров («командиров и плановиков»<sup>35</sup>) могут похвастаться навыками, необходимыми для такого рода анализа в ходе выполнения боевой задачи? Как смогут они судить хотя бы о том, что их переводчик говорит на местном наречии (одном из, возможно, нескольких местных наречий?) с нейтральным акцентом, который не делает его сразу же непригодным в глазах (или, точнее, ушах) местной аудитории как выходца из другого племени или иного региона, возможно, такого, к которому относятся с враждебностью? Как смогут они определить, пользуется ли переводчик словарным запасом, сво-

<sup>32</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), p. 1–22.

<sup>33</sup> Наиболее красноречиво они изложены бригадным генералом Найгелем Айлуин-Фостером в: Brigadier Nigel Aylwin-Foster: «Changing the Army for Counterinsurgency Operations», Military Review (Nov.-Dec. 2005), pp. 2–15.

<sup>34</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), Chapter 4 on «Designing Counterinsurgency Operations».

<sup>35</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), p.3–1.

бодным от жаргонизмов, не чересчур усложненным и в то же время не слишком простецким или грубым? Как можно создавать разветвленные общественные организации, если по сей день в разных странах и даже в США или международных учреждениях используются различные написания имен и фамилий, изначально обозначенных знаками любых иных алфавитов, кроме латинского, когда даже региональным специалистам трудно различить одного от другого среди множества Джонов-сынов-Джека или Мухаммедов Ибн Али?

Обозначенная здесь задача попросту колоссальна, и сомнительно, чтобы ее можно было оставить на усмотрение отдельных личностей, которые успеху своей карьеры обязаны не лингвистическими или антропологическими познаниями, а умению воевать, организовывать и вести за собою людей.

Выход напрашивается сам собой, а именно: набирать больше гражданских региональных специалистов и специализированных социальных и культур-антропологов в качестве советников для офицеров на всех руководящих должностях борьбы с повстанчеством, при том условии, что военные окажутся так же открыты для экспертных советов, какими оказались генералы Петраус и Маттис в отношении д-ра Макфейт. В свою очередь, ученые должны с радостью покидать свои башни из слоновой кости и отдаваться практическому применению своих навыков, будучи уверены, что вся операция, какую им предстоит поддержать, проводится на уровне высоких этических стандартов: минимум сопутствующего ущерба, избежание потерь среди гражданских лиц, более высокий риск для войск США в коалиции, чем в предыдущих операциях, настоятельно предлагаемых данным боевым уставом<sup>36</sup>. Однако даже в этом случае, возникает мысль: откуда можно за одну ночь набрать, возможно, 50, а то и 100 специалистов? Офицерское звание в войсках резерва в обмен на грант, достаточный для получения высшего образования, – вот очевидный ответ<sup>37</sup>, тот, над которым хорошо бы поразмыслить всем другим правительствам, вовлеченным в схожие операции.

Однако ничто не ограждает от опасности того, что, как и во Вьетнаме, сокрушительное поражение на поле гласности, за которым следует отставка высшего политического руководства, не выбьет напрочь почву из-под ног даже самых удачных и всесторонне продуманных операций коалиции, каковыми были (во Вьетнаме) «Гражданские операции», «Поддержка революционного местного развития» или «Программа объединенных действий».

<sup>36</sup> FM 2-24/FMFM 3-24 (Draft), p.1-22, and Chapter 7: «Leadership and Ethics for Counterinsurgency», and Appendix D «Legal Considerations».

<sup>37</sup> Особенно если принять во внимание акцент боевого устава FM 2-24/FMFM 3-24 (проект) на огромной важности и пользе открытых источников (р. 3–2), с чем я соглашаюсь от чистого сердца, памятуя о собственных исследованиях в области разведки, выработки политики и важности открытых источников.

Инна ШУМИЛИНА

## **«НОВЫЙ КУРС» США В ИРАКЕ: СТАРЫЕ ЦЕЛИ В НОВОЙ PR-УПАКОВКЕ**

### **Американцы меняют отношение к проблеме Ирака**

Состоявшиеся в конце 2005 – начале 2006 г. выборы в Ираке и последовавшее за ними формирование там национальных органов власти позволили тогда администрации Джорджа Буша с оптимизмом оценивать результаты своей военно-политической кампании в этой стране. Но начиная с весны 2006 г. положение в Ираке начало резко ухудшаться: ежедневные теракты иракских и иностранных террористов против местных жителей, нараставшие столкновения шиитских и суннитских боевиков, резкое увеличение числа жертв среди американских военнослужащих – все это ввергло Ирак в пучину хаоса.

К середине осени 2006 г. события в Ираке радикально изменили настрой общественного мнения в США. Обнародование цифр о потерях объединенных сил коалиции в Ираке с марта 2003 по сентябрь 2006 г. выглядели впечатляюще. Согласно подсчетам Associated Press count, 2700 человек из них – военнослужащие США. К концу осени 2006 г. этот показатель перешагнул отметку в 3000 (армия Великобритании лишилась в Ираке 118 военнослужащих, Италии – 33, Испании – 11, Болгарии – 13, Польши – 17, Украины – 18). В США начало заметно возрастать число критиков политики Буша в Ираке.

Подготовленный в начале осени в конгрессе США аналитический доклад показал, что война в Ираке обходится американским налогоплательщикам почти в \$2 млрд. в неделю, что вдвое превысило сумму бюджетных затрат на эти цели в первый год после ввода американских войск в марте 2003 г. Между тем надежд на улучшение ситуации не просматривалось: межрелигиозное насилие продолжало нарастать – шииты на юге ожесточенно боролись за власть; боевики-сунниты то и дело вступали в вооруженное противостояние с официальными силами безопасности страны, в которых существенно преобладают арабы-шииты; курдские сепаратисты обосновались в горных районах на севере Ирака, регулярно нападая на представителей турецких служб безопасности. Террористические группировки, включая сеть «Аль-Каида», активизировались, пред-

принимая как «прямые» вылазки (в Ираке, Афганистане и Сомали), так и пропагандистские акты, подобно тому, как в октябре 2006 г. «зонтиковая» структура повстанческих группировок – Совет Шуры моджахедов – объявила о создании в шести провинциях Ирака «исламского государства», якобы неподконтрольного центральной власти.

Таким образом, если ситуация в Ираке в целом в конце 2005 – начале 2006 г. все еще воспринималась американским общественным мнением как оправданный силовой вариант ликвидации угрозы, исходившей от режима Саддама Хусейна, то в начале осени 2006 г. число сторонников и противников политики администрации сравнялось (по данным опроса Гэллапа – по 49%), после чего противники американского присутствия в Ираке начали устойчиво преобладать в опросах. Масла в огонь общественных настроений подливали и видные американские генералы, делавшие заявления с публичной критикой линии тогдашнего главы Пентагона Дональда Рамсфелда, а также требовавшие дополнительного финансирования операций в Ираке и Афганистане на сумму в \$99, 7 млрд.

Обострение ситуации в Ираке напрямую повлияло на результаты избирательной гонки в конгресс США (ноябрь 2006 г.), которая стала, по сути, общенациональным опросом американцев на тему Ирака: республиканцы потерпели поражение – большинство в обеих палатах конгресса сформировали демократы. Более того, руководители Демократической партии начали со все большей уверенностью заявлять о том, что именно Ирак (а точнее – «провалы Буша в Ираке») станет тем рычагом, который приведет их, демократов, в Белый дом в 2008 году. В этих условиях администрация Буша взялась за разработку и популяризацию своей новой стратегии в Ираке, призванной не столько нормализовать положение в этой стране, сколько повысить уровень поддержки администрации в самих Соединенных Штатах. Не только демократы, но и немало представителей Республиканской партии начали требовать от главы Белого дома корректировки линии в Ираке.

Более того, к концу 2006 г. стало очевидно, что под угрозой провала оказывается не только военная операция США в Ираке, но и вся линия Буша по борьбе с международным терроризмом. Все восьмилетнее президентство Джорджа Буша-младшего может войти в историю США как «грандиозный провал». Таким образом, к началу 2007 г. проблема Ирака вновь оказалась самой горячей для президентства Буша, главным критерием его успешности.

### **PR и информобеспечение подготовки «нового курса» в Ираке**

Тенденция нарастания потенциала критики и, соответственно, сокращения масштабов общественной поддержки политики Белого дома в Ираке набирала силу на протяжении последних лет. Если в конце

2005 – начале 2006 гг. эти настроения колебались в критической зоне 50% с переменным успехом (плюс 1–2%) в пользу одного или другого лагеря, то с осени 2006 г. впервые решать жизненно важную для себя и будущего Республиканской партии проблему Ирака Буш был вынужден уже в ярко выраженной неблагоприятной атмосфере общественных настроений в США (рейтинг поддержки опустился до рекордно низкой оценки в 31%).

Отсюда и повышенный интерес экспертов к методам PR и информобеспечения готовившегося осенью 2006 г. обновленного курса Буша в Ираке.

Сегодня можно утверждать, что основным приемом администрации на стадии подготовки нового плана по Ираку был **«сброс проблемы в общество»**, т.е. инициирование общественных дискуссий по многим информационным каналам, в том числе и посредством создания «мозговых центров», призванных дать оценку положения и политики США в Ираке и предложить свои рекомендации.

Таких групп было создано несколько, но самой громкой и значимой из них стала двухпартийная комиссия под руководством видного республиканца Джеймса Бейкера (бывшего госсекретаря при Джордже Буше-старшем) и демократа Ли Гамильтона. Судя по всему, ее рекомендации стали достаточно выгодным для Буша информационным фоном, поскольку они заведомо представлялись не слишком симпатичными в силу пораженческого и даже капитулянтского контента, чуждого ментальности американцев – от тезиса начать выводить войска США из Ирака до приглашения «врагов США» – Сирии и Ирана – к участию в нормализации ситуации в Ираке и т.д.

Эти рекомендации вызвали неоднозначную реакцию общественного мнения, раскололи его и, в общем-то, сыграли роль некоего «отрезвляющего фактора», заставив многих американцев всерьез задуматься над проблемой. Можно сказать, что рекомендации Бейкера-Гамильтона мобилизовали еще остававшийся у Буша так называемый «дремлющий ресурс» общественной поддержки. В результате в опросах, прессе и на телевидении громче, чем раньше, зазвучали мнения такого плана: «перемены нужны, но нельзя капитулировать так, как предлагают Бейкер с Гамильтоном». Во многом на антитезе этому докладу Буш и выстроил свое выступление 11 января 2007 г.

На протяжении последних месяцев 2006 года задача PR-команды Дж.Буша сводилась во многом к тому, чтобы подчеркнуто демонстрировать «открытость президента к любым предложениям по Ираку». Под телекамеры глава Белого дома проводил как «открытые» консультации с членами специальной комиссии конгресса США по Ираку, так и «закрытые», такие, к примеру, как заседание Совета национальной безопасности в поместье президента под Кроуфордом (штат Техас) с участием главных политических помощников президента и «силови-

ков». Все встречи проходили в «рабочем порядке», но неизменно сопровождались короткими беседами Буша с журналистами, из которых следовало, что работа над «новой стратегией продвигается хорошо».

Представители администрации, уполномоченные делать публичные заявления для прессы, не уточняли детали «нового курса» вплоть до января 2007 г., разъясняя позицию президента в самом общем виде. Так, приблизительно за месяц до выступления Буша пресс-секретарь Белого дома Тони Сноу в интервью телеканалу «Си-эн-эн» делал акцент на необходимости для президента «перед объявлением нового курса сравнить данные доклада независимой комиссии по Ираку с документом из Объединенного штаба по национальной безопасности США». Через две недели после этого его заместитель Скотт Станзелл также старался донести до журналистов самый общий настрой администрации, сообщая, что президент, министры и помощники рассмотрят «все потенциальные варианты» и «примут во внимание все существующие мнения» в отношении нормализации ситуации в Ираке. Таким образом, официально Белый дом весь декабрь 2006 г. уходил от конкретики, осторожно пробрасывая в СМИ в виде полуофициальной информации идею о необходимости временно увеличить американский военный контингент в Ираке до 25–30 тысяч военнослужащих. Таковыми были рекомендации нового руководства Пентагона (в ноябре 2006 г. Дональд Рамсфелд был заменен на Роберта Гейтса), согласиться с которыми якобы склонялись президент Буш и вице-президент Дик Чейни.

Если, однако, отследить выступления президента Буша на протяжении всего прошлого года, то становится очевидным, что некоторые штрихи будущей стратегии обозначались им уже с лета 2006 г. Не ставя под сомнения основополагающие линии всей иракской кампании, Буш постоянно говорил о необходимости новых тактических решений. Впервые публичное признание допущенных ошибок прозвучало в начале зимы 2006 г. на совместной пресс-конференции Джорджа Буша с премьер-министром Великобритании Тони Блэром. Тогда же глава Белого дома заявил, что примет окончательное решение о «новой стратегии» после изучения докладов Пентагона, госдепартамента и Совета национальной безопасности. Опубликованный же несколькими днями раньше доклад Бейкера-Гамильтона Буш назвал «очень важной частью дискуссий», подчеркнув, что основательно обсудил его содержание с британским коллегой. Подчеркнув «серьезность» отношения к рекомендациям Группы по изучению ситуации в Ираке, Буш, тем не менее, определенно дал понять, что не будет принимать их как обязательное руководство к действию («Я не думаю, что Джеймс Бейкер и Ли Гамильтон полагают, что мы согласимся со всеми их выводами»). Особенно сомнительными в глазах Буша выглядели рекомендации определить жесткие сроки вывода американских войск и предложение привлечь к мирному процессу Иран и Сирию.

Впервые некоторые важные элементы «новой стратегии» были оглашены на пресс-конференции 20 декабря в Белом доме. Тогда Буш упомянул возможность увеличить контингент американских войск в Ираке. Заявление носило характер осторожного «пробрасывания» этого особо спорного тезиса. «Мы должны укрепить наши вооруженные силы», – сказал Буш, который еще летом 2006 г. достаточно категорично на публике отрицал такую возможность. «Вопрос изучается. Министру обороны Роберту Гейтсу поручено обсудить эти планы с военным командованием», – заявил президент.

Объясняя свою позицию, Буш увязал этот вопрос с более широким контекстом борьбы с исламскими экстремистами по всему миру: «Анализ показывает, что эта идеологическая война будет продолжаться еще некоторое время, и нам потребуются военные, которые способны поддерживать наши усилия и помочь нам добиться мира». Подчеркнув, что минувший год иракской кампании был трудным для США, он заявил, что американские войска не покинут Ирак до тех пор, пока миссия не будет выполнена. Цели же американской политики остаются неизменными – помочь иракскому правительству взять под контроль ситуацию и обеспечить возможность свободному Ираку оставаться союзником в борьбе с терроризмом. Для описания существующей ситуации Буш использовал выражение **«мы не выигрываем и не проигрываем»**. Ранее в речах президента преобладало словосочетание **«мы, безусловно, выигрываем»**. Такой разворот во мнении он назвал «своей верой в победу».

Провозглашенная 11 января 2007 г. «новая стратегия» вызвала шквал критики в адрес президента. Политические аналитики обвиняли его в том, что факт признания им «тактических ошибок направлен на достижение сегодняшних политических целей». Национальные опросы продемонстрировали, в свою очередь, что две трети американцев не восприняли новый план президента («не удовлетворены работой Буша в качестве президента»).

### Анализ смыслов и сигналов в речи Буша

Между тем это первое обращение Буша к согражданам, в своем большинстве настроенным к президенту скорее отрицательно, представляет собой образец весьма профессионального PR, апеллирующего как к чувствам, так и к разуму потребителя этой информации. А потому базовые послы и структура речи в целом достойны более детального смыслового анализа, который приводится ниже.

**«Сегодня в Ираке наши войска ведут сражение, исход которого определит направление войны с терроризмом – и нашу безопасность здесь, у себя дома в Америке».**

Свой обычный тезис об увязке ситуации в Ираке с борьбой с терроризмом в данном случае Буш сразу усиливает акцентом на угрозу, ко-



торую представляет Ирак для безопасности каждого отдельного американца на территории США. Этот ход американский президент уже с успехом использовал в своей речи по случаю пятой годовщины событий 11 сентября 2001 г. в Солт-Лейк-Сити. Тогда Буш заявил, что поражение в Ираке перенесет битву на другое поле, создаст угрозу для союзников на Ближнем Востоке и в конечном счете для американцев – «на улицах собственных городов». Ход беспроеигрышный, поскольку такая комбинация «отрезвления – устрашения» не может остаться незамеченной, оказывая эмоциональное воздействие на слушателей и зрителей.

**«Когда я обращался к вам год назад, 12 миллионов иракцев отдали свои голоса за построение объединенного и демократического Ирака. Выборы 2005 г. стали важным достижением и прорывом».**

Как видим, этот посыл Буша призван подчеркнуть успех Белого дома в деле политических преобразований Ирака на демократических началах. Лейтмотив понятен и ясно «прочитывается»: «Наши жертвы были не напрасны, но противники демократии в Ираке решили сорвать наши благие планы». Здесь же просматривается и другой пласт проблем: Белый дом сохраняет курс на возрождение Ирака в прежних границах единого федерального государства. Предлагаемые некоторыми «мозговыми центрами» в США идеи раскола Ирака на три самостоятельных зоны пока неприемлемы для администрации Буша.

**«Но в 2006 г. произошло прямо противоположное: всплеск насилия в Ираке, особенно в Багдаде, перечеркнул политические успехи и достижения иракцев. Террористы «Аль-Каиды» и суннитские повстанцы почувствовали угрозу, которую представляют для них результаты демократического волеизъявления иракцев».**

В этом тезисе заложены две основные идеи. Первая: правильный курс Белого дома в Ираке натолкнулся на искусственно созданные террористами и противниками демократии преграды – всплеск насилия и террора. Вторая: противниками США и иракского народа являются террористы «Аль-Каиды» и всякого рода повстанцы, особенно сунниты, то есть люди из сторонников Саддама Хусейна. Понятно, что вывод напрашивается сам собой – Америка не может и не должна капитулировать перед ними.

**«Там, где были допущены ошибки, ответственность за них ложится на меня. Ясно, что нам необходимо менять стратегию в Ираке. В наших совместных дискуссиях мы пришли к выводу о том, что нет магической формулы успеха в Ираке».**

Это ключевая фраза послания. В ней содержатся три принципиальных посыла. Первый: Буш признает, что «кое-где были допущены ошибки», за которые ответственность берет только на себя. Зная, чувствуя и понимая настроения и требования в обществе, Буш учитывает важность момента, вынужденно прибегнув к использованию страте-

гии признания ошибок. Но это не раскаяние с «опусканием рук», а признание лидера, знающего, как преодолеть препятствия. Стратегия выглядит действенной, совмещающей рациональность (ни к чему отрицать явное) и эмоциональность (раскаяние вызывает сочувствие).

Второй посыл: необходимо менять стратегию в Ираке. Эта главная идея «вписана» в понятный контекст – перемена курса выглядит не как результат роковой ошибки ее недалёковидных разработчиков, а как вынужденная реакция на объективно изменившуюся обстановку, внешнюю среду.

Третий посыл: Буш призывает сограждан обратиться к реальности, а не мыслить «магическими формулами», напоминая тем самым, что на чудо рассчитывать нельзя и реальность требует конкретных и позитивных решений, а не разглагольствований. Эта конструкция также «работает» на акцентирование качеств сильного лидера – решительно-го и деятельного, не раскисающего от неудач. То есть демонстрируются черты и качества характера, которые в сознании публики однозначно связаны с «лидерскими», внушая тем самым доверие к нему.

**«Один вывод из происходящего очевиден: провал в Ираке станет трагедией для Соединенных Штатов. Последствия провала просчитываются ясно: радикал-экстремисты от ислама наберут силу, и их ряды начнут активно пополняться новыми рекрутантами. Они окажутся в лучшей позиции для того, чтобы свергать умеренные режимы в регионе, создавать там хаос и использовать нефть для финансирования своих планов и амбиций. Иран будет вдохновлен в продвижении своей ядерной программы. Наши враги получают надежное убежище, откуда смогут планировать и осуществлять атаки против американцев».**

Как видим, в трех фразах довольно живо рисуется апокалипсическая картина последствий поражения США в Ираке для ближневосточного региона. Но «с учетом» жизненно важных интересов США, в частности в нефтяной сфере. Здесь же, на фоне обозначенного неминуемого общего хаоса, президент возвращается к сквозной идее своего обращения – провал США в Ираке обернется атаками террористов против американцев повсюду. Градус эмоционального воздействия послания предельно повышается.

**«В плане обеспечения безопасности безусловным приоритетом является зона Багдада. До 80% межрелигиозных столкновений происходят в пределах 30 миль вокруг Багдада. Это насилие раскалывает население Багдада на конфессиональные анклавы, а также подрывает доверие иракцев к власти в целом».**

Посыл очевиден: насилие возрастает, и, понятно, необходимо бороться с исламистскими экстремистами в целом. Вот конкретный план: навести порядок в 30-мильной зоне вокруг Багдада, тогда и в самой столице Ирака положение постепенно нормализуется. Иными словами, это та нить, потянув за которую можно решить постепенно про-

блему в целом. И в этом нет ничего магического, но есть конкретное знание администрацией Буша реального положения дел в Ираке. Пробрасывается идея контроля ситуации, несмотря на все очевидные трудности.

**«Наши предыдущие усилия по нормализации положения в Багдаде провалились по двум основным причинам: в очищенных от террористов пригородах столицы не было размещено достаточно войск США и правительством Ирака, кроме того, на действия этих сил были наложены чрезмерные ограничения».**

Так выглядит ответ Буша на ожидаемый упрек в неспособности навести порядок в Багдаде et cetera и одновременно – оправдание того, почему этого не произошло до сих пор. Здесь же легко просматривается и намек на последствия громкой истории с тюрьмой Абу Грейб – дескать, неблагоприятные дела военнослужащих США получили столь негативную оценку в мире, что это обернулось «чрезмерными ограничениями» Пентагона на действия американских военных в Ираке. «Расшифровка» этого тезиса, очевидно, может выглядеть так: американские военнослужащие должны действовать по ситуации, а она часто требует большей решительности. Война есть война, издержки по части гибели невинных людей неизбежны. И эту войну Америке навязали и навязывают террористы.

### Некоторые оценки сути и формы подачи плана Буша

Новый план Буша по войне в Ираке можно рассматривать (и он преподносится таковым) как **решающий рывок** в попытке нормализовать положение в Ираке, **в последний раз** оказать правительству Нури аль-Малики существенную силовую поддержку и тем самым **стимулировать его** (аль-Малики) решительно взять в свои руки работу по наведению порядка и развитию политических процессов.

В буквальном понимании Буш практически предупредил власти в Багдаде, что обязательства США в обеспечении безопасности Ирака могут в какой-то момент исчерпать себя, и американская поддержка новых иракских властей «не безгранична»: «Если иракское правительство не выполнит своих обещаний, оно потеряет поддержку американского народа, а также поддержку самих иракцев. Настало время действовать». Глава Белого дома дал понять, что иракская армия должна попытаться взять под свой контроль все 18 провинций страны к ноябрю.

Любопытно, что советник иракского премьер-министра Бассим Ридха, назвав новую стратегию администрации США в Ираке «обнадеживающей», тем не менее попытался и заранее оправдаться: «Мы унаследовали страну, разрушенную бывшим режимом. Мы столкнулись с насилием на конфессиональной почве, и это главное препятствие, которое мешает двигаться вперед».

Первая реакция преобладающего общественного мнения, однако, оказалась не в пользу Буша. Вскоре после его обращения телекомпания Си-эн-эн провела социологический опрос, пытаясь прояснить реакцию американцев. Согласно полученным данным, 63% участников сочли, что Буш не имеет четкого плана в отношении Ирака, 48% респондентов усомнились в резонности увеличения военного контингента в Ираке (дословно: «не принесет никаких результатов»). По результатам другого опроса, проведенного по заказу американского канала Си-би-эс, еще большее число американцев считают, что Буш не должен предпринимать никаких шагов по увеличению контингента в Ираке без одобрения конгресса (75%). 49% респондентов не верят в успех иракской кампании, но 40% все же считают его вероятным.

На этом пытаются играть демократы, намеренные организовать через конгресс активное противодействие плану президента и заблокировать, что можно. Получившие на волне антивоенных настроений большинство в обеих палатах конгресса, они предупредили, что не намерены безоговорочно поддерживать курс Буша в Ираке. Сенатор Эдвард Кеннеди (один из самых влиятельных и изначально и последовательно выступавший против войны в Ираке) предложил блокировать отправку дополнительных войск, отказав Бушу в финансировании этого шага. Предложение сенатора уже оформлено в виде законопроекта, в котором говорится о том, что никакие дополнительные суммы не могут быть израсходованы на наращивание контингента в Ираке без одобрения конгресса. Выступая на слушаниях, сенатор-демократ Расс Файнголд также резко критиковал ситуацию в Ираке, вызванную действиями США, назвав это «возможно, самой крупной ошибкой в истории страны».

Не получила «новая стратегия» безоговорочной поддержки и со стороны ряда видных деятелей Республиканской партии. Сенатор-республиканец Чак Хэйгел, например, счел «новый план» Буша по Ираку «внешнеполитически опаснейшим, грубым просчетом США со времен Вьетнама» (заявил в сенатском комитете по иностранным делам, где начались слушания по заявленному накануне Бушем новому курсу США по Ираку). «В этом вопросе он в значительной степени одинок», – утверждает Вильям Коэн, бывший сенатор-республиканец от штата Мэн. – Если бы Буш принял хотя бы некоторые рекомендации созданной конгрессом Исследовательской группы по Ираку, это могло бы обеспечить двухпартийность на пять или шесть месяцев. Проигнорировав же рекомендации и позволив им умереть в колыбели, он развязал руки демократам».

План Буша может стать и некоей ловушкой для демократов, если учесть, что в свое время большинство руководителей Демократической партии дружно поддержали вторжение в Ирак, а теперь практически призывают капитулировать, безоглядно и поспешно выводя войска.

Такая постановка вопроса может внести раскол в стан демократов на последовательных «твердых» и «капитулянтов»: Хиллари Клинтон и Джон Керри недавно еще воздерживались от призывов к скорейшему выводу войск из Ирака, пытаясь набрать очки на военно-патриотической волне настроений своих сограждан.

Между тем президент Буш последовательно отстаивает свою «новую стратегию». Главным образом этому посвящены все выступления американского президента после 11 января 2007 г. Вскоре после обнародования «нового курса» в своем еженедельном радиообращении к нации Буш обрушился с критикой на тех членов конгресса, которые выступили против продолжения войны в Ираке, назвав критику «безответственной». По его словам, «им нечего предложить взамен, кроме популистской риторики».

Провозгласив новый курс по урегулированию ситуации в Ираке, глава Белого дома, несомненно, пытался представить эту проблему как общенациональную для американцев, а не какой-то просчет республиканцев и неоконсерваторов. Этот план, помимо всего прочего, в случае хотя бы относительного успеха способен резко повысить электоральные шансы кандидата от республиканцев в президенты-2008. Но сегодняшний президент США, огласив план, идущий вразрез с заявлениями демократического большинства и в обстоятельствах укрепляющегося отторжения войны в обществе, несомненно, рискует, поскольку вероятность провала очень высока. В этом случае Буш скажет своим однопартийцам: «Я сделал все, что мог для СЛОНа (республиканской партии) и для Америки тоже. Но ситуация не поддается быстрому лечению. Пусть демократы попробуют сделать это лучше!» – наподобие того, что он сказал о своем решении перебросить в Ирак дополнительные военные подразделения: «Если у конгрессменов есть лучшая стратегия, пусть они ее предъявят!»

Максим БРАТЕРСКИЙ

## **ИРАНСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС ДОСТАНЕТСЯ В НАСЛЕДСТВО СЛЕДУЮЩЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ США**

Объявленные итоги выборов в американский конгресс стали началом возвращения Демократической партии США к активному управлению страной. Ушел в отставку Дональд Рамсфелд, ответивший за неудачи США в Ираке, видные демократы в Палате представителей и Сенате начинают говорить о конкретных сроках вывода американских войск из этой страны. Журналисты и политические обозреватели стали сравнивать настроения в американском обществе с вьетнамским синдромом. Означают ли эти изменения на Капитолийском холме начало пересмотра внешней политики США, ее поворот к новому изоляционизму?

Пока о таком развитии событий говорить рано. Более того, в последние годы США настолько глубоко интегрировались во внешнеполитическую, глобальную проблематику, что «повернуться и уйти» они просто не смогут, так как ущерб их глобальным интересам и мировой стабильности в этом случае был бы слишком велик.

Некоего падения интереса нынешней администрации к международной проблематике, напротив, ожидать следует: сегодняшняя крайне энергичная внешнеполитическая линия администрации находит среди американцев все меньше поддержки, а возможностей для быстрого и легкого внешнеполитического успеха, который перевесил бы в глазах общественности неудачи в Ираке, администрация сегодня не видит. Еще рано рассматривать Дж. Буша и его внешнеполитическую команду как «хромую утку», у администрации еще есть достаточно времени для новых внешнеполитических инициатив, однако можно ожидать, что некоторые крупные внешнеполитические вопросы не найдут своего решения при нынешнем хозяине Белого дома и достанутся в наследство следующей американской администрации.

Одним из таких вопросов, видимо, является кризис вокруг иранской атомной программы, который США вряд ли смогут эффективно разрешить в короткие сроки. Этот кризис созрел в течение нескольких десятилетий, и его разрешение также не будет быстрым. В настоя-

щее время в Белом доме вряд ли найдут достаточно ресурсов и политической воли, чтобы попытаться активно ввязаться в сложную иранскую проблему.

\* \* \*

Регион Персидского залива обрел важность для мировых держав задолго до того, как в нем обнаружили нефть. Здесь скрещивались важнейшие транспортные коридоры из Азии в Европу и в Африку. С открытием огромных запасов нефти и газа в 1960-х годах значение региона многократно возросло.

В течение долгого времени Соединенные Штаты обеспечивали здесь свои интересы с помощью военной и экономической поддержки нескольких ключевых стран. В 1979 г., после исламской революции в Иране и свержения шаха, ситуация изменилась. Иран, который в Вашингтоне и Лондоне считали самой надежной, стабилизирующей силой региона, стал главной угрозой интересам западных стран. Природу этой угрозы США видят в первую очередь в политике исламского режима в Иране.

Проблема, однако, глубже: Иран и его арабских соседей в зоне Персидского залива разделяют многие противоречия, причем эти проблемы существуют не первый десяток лет. Не будет преувеличением сказать, что Иран и арабские страны региона находятся в состоянии перманентного конфликта, который то утихает, то обостряется. Многие действия Ирана, например, его усилия по приобретению ОМУ, в первую очередь объясняются этим конфликтом, а не антиамериканизмом, хотя он, без сомнения, также присутствует. С точки же зрения Вашингтона Иран, уже обладающий ракетным и химическим оружием и стоящий на пороге приобретения ядерного оружия, является угрозой всей системе безопасности в регионе.

Следует признать, что истоки многих конфликтов в Азии и других регионах мира имеют внутреннюю природу. В противоположность тому, как ситуация представлялась в годы «холодной войны», становится все более ясным, что развитие таких конфликтов весьма слабо зависит от политики «великих держав» и, конечно, не является производным от соперничества внешних для региона государств. Сегодня многие конфликтующие стороны обзавелись оружием массового уничтожения или находятся на пути к его созданию. Наряду с международным терроризмом, возможность возникновения войны с применением ОМУ является центральной угрозой для международной безопасности. Потенциально такая угроза существовала и существует в регионе Персидского залива. США активно вовлечены в регион Персидского залива уже более 30 лет, и им первым пришлось искать ответы на возникающие вызовы.



**США и Иран: истоки кризиса**

В начале 1970-х годов, вскоре после прихода в залив, США при администрации Р.Никсона приняли стратегию, основанную на опоре на две сильные страны региона – Иран и Саудовскую Аравию. Иран при шахе в обмен на американскую помощь был призван сдерживать влияние Советского Союза на севере залива, а Саудовская Аравия – обеспечивать стабильность среди малых государств субрегиона на юге. Два государства были усилены политически и в военном отношении, что достаточно быстро привело к изменению баланса сил в регионе<sup>1</sup>.

Поворотным моментом в политике США в отношении стран Персидского залива стал 1979 г., когда советские войска вошли в Афганистан, в Эфиопии произошла марксистская революция, а между двумя Йеменами возник пограничный конфликт, который окончился в пользу просоветского Южного Йемена. Самым большим ударом по политике США в регионе стала исламская революция в Иране, которая не только разрушила одну из опор американской стратегии, но и привела к власти антиамериканский режим, нацеленный на экспорт революции в регион.

Политике «двух опор» требовалась срочная замена, и США решились на коренную модификацию своей стратегии – переходу к прямому военному присутствию в регионе. В 1979 г. за короткий промежуток времени были созданы Силы быстрого развертывания, которые затем стали основой Центрального командования ВС США со штаб-квартирой в г. Тампа, штат Флорида. 23 января 1980 г. в послании стране президент Дж.Картер заявил, что «попытка внешней силы добиться контроля над районом Персидского залива будет рассматриваться как нападение на жизненные интересы Соединенных Штатов. Такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу»<sup>2</sup> (подразумевался в первую очередь СССР). Позднее эта стратегия была развита Р.Рейганом, который расширил ее на случай региональной дестабилизации в результате действий местных государств. При этом уже подразумевался Иран.

Следует отметить, что физически американское военное присутствие в Персидском заливе обозначилось позже, в 1987 г., когда начавшаяся в 1980 г. ирано-иракская война вступила в «танкерную фазу».

Окончательно американская группировка закрепилась в Персидском заливе в ходе операции «Буря в пустыне» по освобождению Кувейта и разоружению Ирака, когда союзники США в заливе вынуждены

<sup>1</sup> Дипломатическая и военная поддержка Ирана Вашингтоном позволила Тегерану навязать в 1975 г. Ираку Алжирские соглашения, согласно которым спорная часть русла реки Шатт-эль-Араб отошла Ирану. Пятью годами позже эта проблема, в числе прочих, привела к ирано-иракской войне.

<sup>2</sup> Цит. по: Peterson J. Historical Pattern of Gulf Security. / In: Potter L., Sick G.(eds.) Security in the Gulf. – N.Y., 2002. – P. 24.

были просить их разместить американские войска на своей территории. «Буря в пустыне» не только была призвана решить конкретные проблемы безопасности в Персидском заливе, но и отражала новое понимание «мирового порядка» президентом Дж. Бушем-старшим. На примере войны в Персидском заливе утверждалась система безопасности, основанная на гарантиях внешней державы (США) и на продиктованных ею условиях. США приняли на себя лидерство (и право решать), оставив местным государствам роль лишь союзников и наблюдателей.

Война породила новую стратегию США в регионе – политику «двойного сдерживания» – Ирана и Ирака. Эта политика позволила США в течение десяти лет успешно решать тактическую задачу – обеспечивать бесперебойные поставки нефти из региона и избегать крупных конфликтов в данном регионе. К концу XX века эта политика себя все же исчерпала как тактически, так и стратегически.

Тактически, поскольку, несмотря на все усилия, США так и не смогли изменить характер иранского режима, решить свои энергетические проблемы и гарантировать отсутствие в регионе оружия массового уничтожения. Стратегически – деструктивно влияла на экономическое и политическое развитие стран региона, так как политика «двойного сдерживания» раскалывала общую систему безопасности стран залива, разделяя его на два лагеря, культивировала потенциальных врагов для Саудовской Аравии и малых стран региона в лице пострадавших Ирана и Ирака. И если политика «двух опор» 1971–1979 гг. в большой степени стала причиной ирано-иракской войны, то политика «двойного сдерживания» (1979–2003 гг.) привела США к военной интервенции в Ираке, ослабила американские позиции в исламском мире, поставила вопрос о продолжении присутствия американских войск на территории их давних союзников в регионе Персидского залива, рассорила США с европейскими партнерами.

Соединенные Штаты относят Иран к странам «оси зла» и проводят в отношении его ту политику, которая является производной от его внешнеполитического поведения и горького наследия американско-иранских отношений после антишахской революции 1979 г. в Иране.

Для многих исламских радикалов революционная деятельность за рубежом, экспорт исламской революции остаются основой самоидентификации страны и источником легитимности их власти. Такое видение подталкивает Иран поддерживать движение «Хезболла» (через Сирию) в Южном Ливане и ставить палки в колеса ближневосточному мирному урегулированию. Подобная деятельность, а также тот факт, что в стране действуют структуры, подчиняющиеся лидеру исламской революции<sup>3</sup>, вызывают к жизни обвинения со стороны США в под-

<sup>3</sup> Под контролем нынешнего лидера исламской революции аятоллы Хаменеи находятся несколько национальных фондов (в том числе Жилищный фонд и Фонд мучеников), Организация исламской пропаганды, Корпус стражей революции).

держке международного терроризма и, как следствие, определяют его статус «изгоя» в американском политическом лексиконе.

Со стороны США отношение к Ирану отягощено двумя внутренними факторами: горьким наследием кризиса с заложниками в американском посольстве в Тегеране 1980-1981 гг., который до сих пор не забыт, а также последовавшей за этим «демонизацией» Ирана, изначально ставшей инструментом мобилизации общественного мнения США в поддержку политики Белого дома, а ныне обладающей собственной инерцией. Ситуацию в американо-иранских отношениях невозможно оценивать вне контекста скандала «Иран-контрас» во второй половине 1980-х годов. Кроме того, поддержка Соединенными Штатами Ирака в ирано-иракской войне не забыта в Иране и сегодня, и, отражаясь, подпитывает антииранские настроения в американском обществе.

После окончания ирано-иракской войны новая администрация Дж. Буша-старшего была готова рассмотреть возможность нормализации отношений с Ираном. Однако этого не произошло. Антииранская линия Соединенных Штатов укрепилась в связи с еще двумя факторами. Во-первых, Вашингтон продолжал видеть в международной деятельности Ирана поддержку терроризма, во-вторых, его беспокоили попытки создания Ираном оружия массового уничтожения.

Вскоре администрация Клинтона стала реализовывать «стратегию двойного сдерживания» Ирана и Ирака. Центральной идеей этой политики были, во-первых, международная изоляция Ирана и Ирака и предотвращение «их попыток дестабилизировать обстановку в регионе». Во-вторых, ставилась задача оказать давление на Иран и Ирак с целью заставить их руководствоваться в своей политике нормами международного права (и американскими интересами. – М.Б.). Конкретно в отношении Ирана один из высших представителей СНБ заявил: «Администрация Клинтона не противостоит исламскому правительству в Иране...Мы не ищем конфронтации, но мы не намерены нормализовать отношения с Ираном, пока иранская политика не изменится»<sup>4</sup>.

Американская администрация попыталась уговорить российское руководство отказаться от сделки по строительству атомной электростанции в Бушере, при этом не очень четко отвечая на встречный вопрос, почему США передают два реактора такого же типа Северной Корее в рамках Рамочного соглашения. Конгресс пригрозил прекращением помощи России, и президент Б.Ельцин принял решение частично уступить требованиям американцев, вычеркнув из списка поставок оборудование для обогащения урана. Позже Россия согласилась возвращать на свою территорию все отработанное топливо из Ирана, кон-

<sup>4</sup> Address by Martin Indyk, Senior Director for Near East and South Asian Affairs at the National Security Council. – 19.05.1993.

тролируя тем самым сохранность ядерных материалов. От поставок самих реакторов Россия не отказалась.

В 1997 г., после прихода к власти в Иране достаточно умеренного политика Хатами, иранское руководство несколько раз пыталось наладить диалог с администрацией Клинтона и, позже, Дж.Буша. Но эти попытки остались безуспешными: слишком сильны были и остаются позиции противников нормализации отношений с США в Иране, и слишком антиирански настроен американский конгресс. Соединенные Штаты продолжают политику сдерживания Ирана, уделяя особое внимание вопросам поддержки Ираном терроризма и его политике в области оружия массового уничтожения и баллистических технологий. Им не удается решить основные проблемы своих отношений с Ираном: он не прекратил работы в области ракетных технологий и ядерной энергетики (США видят в этих работах военную перспективу), продолжал всемерно препятствовать арабо-израильскому мирному процессу и поддерживать радикальные палестинские группировки («Хезболла», созданную в свое время самим Ираном, «Хамас» и «Исламский Джихад»).

Однако к концу 1990-х годов ситуация изменилась. Иран постепенно вышел из международной изоляции, наладив отношения разного уровня с Европейским Союзом, КНР, Россией, Индией, улучшил отношения с Египтом и Турцией, заключил соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности с Саудовской Аравией. В 1997 г. Иран был избран председателем Организации исламских государств<sup>5</sup>. Президент Хатами, переизбранный на второй срок в 2001 г., выступил с инициативой «диалога цивилизаций», поддержанной ООН, и в рамках этой программы посетил многие столицы мира. Иран занял схожую с США позицию по афганскому урегулированию. Хотя цели Ирана отличались от американских – Иран поддерживал хазарейцев-шиитов против талибов-суннитов, поддержал администрацию Карзая в Афганистане и пообещал выделить \$560 млн. на его восстановление.

Некоторые американские наблюдатели решили, что перед администрацией Дж. Буша-младшего открывается возможность выйти из тупика и начать налаживать с Ираном диалог<sup>6</sup>. Скептики отмечали по-прежнему сильные позиции радикального исламского духовенства во внешней и внутренней политике Тегерана, единство консерваторов и реформистов в этой стране по вопросам национальных интересов Ирана, а также традиционную уклончивость его внешней политики, плохо сочетающуюся с рациональным стилем принятия реше-

<sup>5</sup> В отличие от Лиги арабских стран в ОИГ большим влиянием обладают неарабские исламские страны.

<sup>6</sup> Maloney S. America and Iran: from Containment to Coexistence. // Policy Brief. – No. 87. – Washington, D.C., August 2001.

ний американцами<sup>7</sup>. В Вашингтоне победила точка зрения ястребов. Ирану припомнили семимиллиардную оружейную и реакторную сделку с Россией, продолжение работ над ракетой «Шихаб-3»<sup>8</sup>, официальное признание права палестинцев атаковать гражданское население Израиля на оккупированных территориях, участие иранской разведки во взрыве на американской базе в Дахране в 1996 г. и перехваченное в январе 2002 г. судно «Карина А», нагруженное иранским оружием и направлявшееся к палестинцам.

Президент Буш в Послании о положении в стране в 2005 г. не только отнес Иран к странам «оси зла», но и оставил за рамками своей речи вопрос о дальнейших шагах США в отношении этой страны. Победа американцев в войне с Ираком и оккупация этой страны лишь укрепили позиции «ястребов» в Белом доме и, по-видимому, исключили компромиссные варианты политики в отношении Ирана, по крайней мере, на второй срок деятельности администрации Дж.Буша, которая разговаривает с Ираном исключительно с позиции силы.

Как и в случае с Ираком, основным инструментом давления на Иран выбрана угроза разработки этой страной оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного. США требуют безусловного открытия Ираном своей ядерной программы для МАГАТЭ и гарантий того, что он не создаст ядерного оружия. По мнению К. Райс, занявшей пост государственного секретаря во второй администрации Буша, приоритетной задачей ее внешней политики является предотвращение распространения ядерного оружия, в свете чего необходимо принятие кардинальных решений по проблемам Ирана и Северной Кореи. Еще будучи помощником президента по национальной безопасности, она говорила, что уже принятые меры по оказанию давления на Северную Корею и проведение инспекций МАГАТЭ в Иране являются достаточными, но, в случае обострения ситуации, вариант силового решения этих проблем не исключен. «Наша цель состоит не в том, чтобы избежать войны, – сказала К. Райс, – иногда приходится воевать, чтобы справиться с тиранами»<sup>9</sup>.

Политику давления на Иран США проводят согласованно с Евросоюзом<sup>10</sup> и требуют от России прекратить сотрудничество с Ираном в области ядерных технологий<sup>11</sup>. Вашингтон продолжает подозревать

<sup>7</sup> Brumberg D. End of a Brief Affair? The United States and Iran. // Policy Brief. – No. 14. – Washington, D.C., March 2002.

<sup>8</sup> В июле 2003 г. Вооруженные силы Ирана провели успешные испытания ракеты «Shihab-3», способной пролететь более 1300 километров.

<sup>9</sup> [www.lenta.ru/world/2003/06/27/rice/](http://www.lenta.ru/world/2003/06/27/rice/)

<sup>10</sup> [www.lenta.ru/world/2003/06/26/summit/](http://www.lenta.ru/world/2003/06/26/summit/)

<sup>11</sup> В России существует авторитетное мнение, что США преувеличивают ядерную угрозу Ирана и пытаются выдвинуть Россию с этого рынка. См.: Материалы пресс-конференции В.В.Путина 20.06.2003 г. на сайте: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47449.shtml>

Иран в разработках ядерного оружия, считая, что интересы безопасности подталкивают его к обладанию таким оружием. В качестве аргументов США указывают на экономическую целесообразность (Иран мог бы существенно укрепить свой военный потенциал с небольшими затратами) и опасения столкновения с Израилем, обладающим ядерным оружием.

Особое беспокойство США вызывает перспектива получения Ираном ядерного оружия. Иран обладает баллистическими ракетами «Шихаб» собственной разработки нескольких модификаций (некоторые эксперты полагают, что эта ракета создана на основе северокорейской «Но Донг»). Последние разработки Ирана в области баллистических технологий, как полагают американские эксперты, смогут обеспечить его ракетам дальность до 4000 км<sup>12</sup>.

Нынешняя администрация вряд ли изменит свою сверхжесткую линию в отношении Ирана. С точки зрения республиканцев, Иран стоит в одном ряду с Ираком при С.Хусейне и Северной Кореей и заслуживает такого же отношения. Проводимая Вашингтоном стратегия национальной безопасности означает, по сути, что США не намерены терпеть попытки получить ОМУ со стороны режимов, в которых они не уверены на 100%, и будут действовать превентивно, не дожидаясь прямых угроз своей безопасности<sup>13</sup>. Трудно сказать, насколько далеко готовы пойти США в случае с Ираном, но пример Ирака показал, что американцы не останавливаются перед силовым решением проблемы. Вместе с тем ясно, что Соединенным Штатам придется определиться: либо вести дело к кризису, подобному иракскому, либо нормализовать отношения с этой страной, что весьма затруднено после смены руководства в Иране и изменения ситуации в соседних странах (оккупация Ирака, нестабильность в Афганистане, активная позиция РФ в регионе и др.).

В основе внешнеполитической линии Ирана лежат опасения того, что страна может оказаться окружена враждебными силами. Для таких опасений существуют веские основания: государства Персидского залива, разместившие у себя американские войска и дискриминирующие шиитские общины у себя дома; Пакистан, провоцирующий пограничные инциденты и поддерживавший антииранский режим в Афганистане; бывшие советские среднеазиатские республики, разместившие у себя американские базы. Наиболее опасными для Ирана представляются Соединенные Штаты, пытающиеся использовать в своих стратегических интересах Среднюю Азию и Израиль, обладающий ядерным оружием и оккупирующий мусульманские святыни.

<sup>12</sup> <http://www.fas.org/nuke/guide/iran/missile/overview.html>

<sup>13</sup> The National Security Strategy of the United States of America / <http://usinfo.state.gov/topical/pol/terror/secstrat.htm>.



В не меньшей степени Иран опасается своих арабских соседей – их разделяют многочисленные противоречия, в том числе и религиозные. По Персидскому заливу проходят границы размежевания двух ветвей ислама: на севере залива преобладают шииты (в основном иранцы), а на юге – сунниты (в основном арабы). Многие арабские режимы считают Иран, единственную неарабскую страну региона, «периферией арабского мира». Отношения здесь осложняются и территориальными спорами. С точки зрения Ирана, уже в течение двух веков происходит культурное и территориальное «вытеснение» Ирана из зоны Персидского залива. Иранские и крупные нефтедобывающие страны региона придерживаются противоположных взглядов на объемы нефтедобычи и на ценовую политику в этой области. Наконец, Иран является самой большой страной региона как по численности населения, так и по территории (если не принимать во внимание почти безлюдную Аравийскую пустыню). Малые государства Персидского залива чувствуют себя неуютно рядом с таким большим соседом и с подозрением наблюдают за военной деятельностью Ирана.

В обеспечение собственной безопасности Иран полагается только на себя, считая, что следует быть готовым к самозащите и к возвращению себе статуса гегемона Персидского залива. Для этого Ирану необходима собственная военная промышленность и ядерное оружие, а также гарантии для себя от возможных вмешательств и агрессии США.

Существенная часть американской внешнеполитической элиты поднимает сегодня вопрос о будущем американо-иранских отношений. При этом отмечается, что «уступки», которые желал бы получить Вашингтон в обмен на урегулирование, далеко превышают то, на что мог бы пойти Тегеран. Соединенные Штаты особенно настаивают на нескольких пунктах: прервать связи с «Хезболла», «Исламским Джихадом», «Хамас» и другими экстремистскими исламскими организациями, отказаться от поддержки воинственных фракций палестинцев в арабо-израильском конфликте, а также прекратить попытки получения ядерного оружия.

До того, как американо-иранские отношения зашли в тупик после прихода к власти Ахмадинежада, отдельные американские эксперты предлагали конкретные шаги, которые могли бы подтолкнуть руководство Ирана взглянуть на отношения с США по-другому. Основным среди них является идея пересмотреть политику санкций, так как стало ясно, что американские санкции против Ирана – как запрет на продажу оружия, так и экономические санкции – в лучшем случае лишь несколько замедлили работы в сфере ядерной технологии и создания баллистических ракет. Эксперты настаивали на сохранении эмбарго на поставки оружия в Иран, но предлагали пересмотреть политику экономических санкций, стимулировать зарубежные капиталовложения в инфраструктуру Ирана и пересмотреть список технологий двойного использования, запрещенных к экспорту. Считается, что



сближению позиций двух стран помогло бы согласие Вашингтона на строительство трубопроводов из Средней Азии через территорию Ирана, к тому же такой проект мог бы ослабить влияние китайских инвестиций в иранской газонефтяной промышленности. Аналитики также предлагали обеспечить большую прозрачность американской военной политики в регионе Персидского залива. В качестве первых шагов США, по их мнению, могли бы совместно с Ираном обезвредить от мин воды залива, заключить соглашение о предотвращении инцидентов на море, провести совместные учения по спасению на море; могли бы начать дискуссию по проблемам безопасности в формате 6+2, примененном в обсуждении афганского урегулирования.

По мнению сторонников «сближения», данные шаги позволили бы Соединенным Штатам наладить диалог по ряду вопросов, в том числе договориться с Ираном об условиях взаимодействия в Персидском заливе до того, как он укрепит свои позиции ядерным оружием и сможет выступать более жестко. Они считают, что диалог также мог бы быть поддержан возобновлением академического и студенческого обмена, взаимными визитами чиновников невысокого уровня, поддержкой принятия Ирана в ВТО<sup>14</sup>.

В любом случае центральное место в отношениях Ирана и США занимает иранская ядерная программа. Вашингтон, безусловно, будет предпринимать самые решительные усилия, с тем чтобы не позволить Тегерану обзавестись своим ядерным оружием. Эти усилия могут оказаться успешными, если Иран докажет мирную направленность своей программы, но могут и не принести результата, и в этом случае Соединенным Штатам придется строить взаимоотношения с ядерным Ираном. Такая возможность обсуждается, и американской стратегии в регионе придется тогда искать ответы на целый комплекс непростых вопросов.

### **Проблема ядерной программы Ирана**

В 2004 г. Европейский Союз возобновил торговые переговоры с Ираном, прерванные в 2002 г. Объявленной целью их стало заключение рамочного торгового соглашения между ЕС и Тегераном и вступление Ирана в ВТО.

США скептически отнеслись к европейским инициативам и указали, что Иран предоставил лишь ограниченный доступ инспекторам МАГАТЭ к тем объектам в Парчине, где, по мнению американцев, Иран осуществляет обогащение урана. В декабре 2004 г. избранный на второй срок президент США Дж. Буш не исключил применения силы против Ирана, а вскоре появилась статья американского журналиста С.Херша, в которой сообщалось, что специальные отряды американ-

<sup>14</sup> См., например: Yaphé J. U.S.-Iran Relations: Normalization in the Future? // Strategic Forum. – No. 188. – January 2002.

ской армии уже в течение долгого времени проникают на территорию Ирана с целью идентифицировать иранские объекты для американских бомбардировок<sup>15</sup>. Журналист также отмечал, что в Пентагоне существует план нанесения ударов по иранским ядерным, химическим и ракетным объектам. Кроме того, изменилось и геополитическое положение Ирана – раньше США могли атаковать его только с моря, сегодня американские войска могут двигаться также из Ирака и Афганистана.

2005 г. стал периодом разрастания кризиса в отношениях США с Ираном.

Конфликт вокруг иранской ядерной программы обострился после победы тегеранского мэра Махмуда Ахмадинежада на президентских выборах в Иране. Новое консервативное правительство Ирана отказалось идти на уступки в переговорах с западными странами, прекратило сотрудничество с МАГАТЭ и решило возобновить обогащение урана. США и их союзники в Европе пообещали не допустить появления ядерного оружия у Ирана и пригрозили введением международных санкций. Иран заявил в ответ, что не откажется от права на мирные ядерные исследования. Посредником в урегулировании кризиса попыталась выступить Россия, заканчивающая строительство АЭС в Бушере. Россия выступила с предложением обогащать топливо для иранской ядерной энергетики на российской территории и под российским контролем в рамках некоего «международного обогатительного центра». Данное предложение России преследовало несколько целей – предотвратить овладение Ираном технологией обогащения урана, подчеркнуть свою особую роль в контроле над нераспространением перед своими западными партнерами, сохранить неплохие отношения с Ираном на будущее и закрепить российскую монополию на техническую помощь Ирану в развитии ядерной энергетики.

Цели российского предложения были вполне прозрачны, но Запад был настолько озабочен перспективой превращения Ирана в ядерную державу, что счел это предложение приемлемым: Франция, Великобритания, Германия и США разрешили Ирану производить ядерное топливо при условии, что все работы, непосредственно касающиеся обогащения урана, будут проводиться в России.

Иран, вполне в духе восточной политической традиции, сделал вид, что соглашается, и позволил Москве некоторое время испытывать удовлетворение от своего внешнеполитического искусства. Вскоре, однако, Иран отверг предложение США и ЕС перепоручить процесс обогащения урана России. После встречи с секретарем Совбеза РФ Игорем Ивановым глава государственной ядерной программы Ирана Голамреза Агазаде заявил, что иранское ядерное топливо должно производиться на территории страны<sup>16</sup>.

<sup>15</sup> The New Yorker. – 24–31.01.2005.

<sup>16</sup> Iran insists on enrichment – Reuters, 12.11.2005.

После этого встал вопрос о передаче иранского «ядерного досье» СБ ООН. Председатель МАГАТЭ Мохамед эль-Барадеи заявил, что Ирану осталось всего несколько месяцев до завершения работ над созданием ядерного оружия. «Если Иран на самом деле возобновил производство обогащенного урана, то атомная бомба появится у него уже через несколько месяцев»<sup>17</sup> (18 ноября 2005 г. Иран признал, что приступил к обогащению партии урана в ядерном комплексе в Исфахане). Sunday Times сообщила, что Ариель Шарон отдал приказ подготовить израильский удар по ядерным объектам Ирана к марту 2006 г.<sup>18</sup> Daily Telegraph поместила статью, в которой рассказывалось о планах Пентагона по бомбардировке ядерных объектов Ирана при поддержке подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами<sup>19</sup>.

МАГАТЭ решило передать вопрос об иранской ядерной программе на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Соответствующую резолюцию поддержали 27 членов совета управляющих МАГАТЭ при трех голосах «против». В ответ на принятие резолюции иранский представитель заявил, что Иран приступит к полномасштабному обогащению урана и прекращает добровольное сотрудничество с МАГАТЭ.

Иран дал понять, что нападение на его ядерные объекты не пройдет для Запада бесследно и что любые санкции в отношении него приведут к резкому росту цен на нефть. Американские комментаторы ответных угроз Ирана пришли к выводу, что в ответ на американское нападение Иран может применить ракеты дальнего радиуса действия, спровоцировать шиитское восстание в Ираке и организовать теракты в разных странах мира с помощью экстремистских группировок.

В апреле 2006 г. вице-президент Ирана, руководитель ядерной программы страны Голямреза Агазаде, выступая в прямом эфире государственного телевидения, подтвердил, что Ирану удалось произвести низкообогащенный уран. Чуть позже президент Ирана Махмуд Ахмадинежад объявил о вхождении его страны «в клуб ядерных держав». Заместитель главы иранской Организации по атомной энергии Мохаммад Саиди заявил, что вместо запущенных 164 центрифуг к концу 2006 года Иран планирует запустить три тысячи центрифуг для обогащения урана в ядерном центре в Натанце, а позднее установит каскад из 54 тысяч центрифуг.

США некоторое время настаивали на использовании санкций в отношении Ирана, но все же согласились с подходом России и Китая, поддержанным частью европейцев. В июне 2006 г. представители шести государств (постоянных членов СБ ООН и Германии) встретились в Вене для обсуждения иранской проблемы и достигли соглашения о па-

<sup>17</sup> Jerusalem Post, 05.12.2005.

<sup>18</sup> Sunday Times, 11.12.2005.

<sup>19</sup> Telegraph, 12.02.2006.

кете инициатив, который будет представлен Тегерану. Детали предложенного пакета не разглашались, но известно, что Ирану были предложены разнообразные экономические преференции в обмен на его отказ от обогащения урана. Одновременно, как сообщали некоторые источники в дипломатических кругах, США предложили России, наиболее твердой «защитнице» ядерной энергетики Ирана, некую компенсацию ее экономических потерь в случае отказа России от дальнейшего сотрудничества с Ираном. Речь шла об открытии для России внутреннего американского рынка ядерной энергетики. Не исключено, что схожие по цели переговоры США провели и с КНР.

США согласились участвовать в переговорах «шестерки» с Ираном, но готовы будут пойти на попятную при первых же признаках неконструктивной реакции Тегерана, а она может последовать. Как об этом свидетельствует еще послание Дж. Буша «О положении в стране», зачитанное им 2 февраля 2005 г., администрация США настроена на окончательное «решение» иранской проблемы. Частично эта проблема была создана самими Соединенными Штатами, частично является продуктом сложнейших взаимоотношений Ирана со своими соседями по региону. В разное время подходы Вашингтона к отношениям с Ираном менялись, но США всегда действовали исключительно в своих интересах, порой закрывая глаза на возможные последствия.

Начало военной операции Израиля против «Хезболлы» в Ливане летом 2006 г. не только обострило ситуацию на Ближнем Востоке, но укрепило американскую администрацию в ее оценке высокой опасности, исходящей от иранского режима. США подозревают, что провокации ливанской «Хезболлы» против Израиля, вызвавшие широкомасштабный конфликт, были организованы при прямом или косвенном участии Ирана. Новая война на Ближнем Востоке разгорелась в очень удачный для Ирана момент – именно тогда, когда саммит «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге должен был наметить линию поведения СБ ООН в отношении иранской ядерной программы в отсутствие своевременного ответа Ирана на предложения «группы шести». Внимание основных мировых держав оказалось сконцентрировано на войне в Ливане, и это позволило Ирану, как минимум, выиграть время, так необходимое ему для совершенствования своего ядерного цикла. Накануне саммита, 14 июля, израильский фрегат INS Hanit был поражен противокорабельной ракетой иранского производства С-802, которую запустила «Хезбалла». Другая ракета попала в находившееся неподалеку судно под флагом Камбоджи и потопила его. В Ливан отправились добровольцы из иранской «Хезболлы», союзник Ирана – Сирия привела свои войска в повышенную боевую готовность. Объективно такое развитие событий на руку Ирану и, нужно отметить, соответствует по своему замыслу общему стилю ближневосточных политиков. Внимание и ресурсы великих держав оказались поглощены ливанской войной, эта

война может вызвать между ними определенные разногласия, которые, в свою очередь, могут подорвать с трудом достигнутое единодушие «шестерки» по иранскому вопросу.

Неприятие Соединенными Штатами конкретных внешнеполитических шагов Ирана усиливает общее отрицательное отношение Вашингтона к внешнеполитической стратегии иранского режима в целом – эту мысль очень четко сформулировал Г. Киссинджер на встрече с президентом Путиным в июне 2006 г. В ядерной программе Ирана США видят не только непосредственную угрозу своей безопасности и безопасности территории Израиля, но и угрозу наступления будущего, когда ядерное оружие начнет распространяться неконтролируемым образом. Для США иранская программа стала символом будущей эпохи ядерных войн на Ближнем Востоке, воплощением опасностей, порождаемых получением ядерного оружия режимами, которые не разделят ценности западного мира и руководствуются иными, чем Запад, соображениями при принятии решений о применении силы.

В этом контексте ссылки России на букву международного права и призывы некоторых западноевропейцев к бесконечным переговорам обладают ограниченным воздействием на американцев – их устроит лишь 100% гарантия отсутствия возможности получения ядерного оружия нынешним режимом Тегерана, причем гарантиями третьей страны в этом вопросе США не удовлетворятся. Будь в Иране другой, более приемлемый для США режим, та же проблема, возможно, виделась бы из Вашингтона в несколько ином свете. В нынешних же условиях США стоят на крайне жесткой позиции и по-прежнему не исключают варианта военной операции против ядерной программы Ирана.

Решатся ли США на военную операцию, даже ограниченную, в случае отказа Ирана принять требования СБ ООН, сказать трудно – они уже имеют два фронта военных действий – в Ираке и Афганистане, и даже им будет нелегко выделить существенные силы для операции против Ирана. Ограниченный воздушный удар более вероятен, но непонятно, как на него отреагирует иранское общество: это может как ослабить, так и усилить власть религиозных лидеров Ирана.

В своей иранской политике Вашингтон намеренно оставляет все варианты открытыми. Подход нынешней администрации США к Ирану становится все более твердым и из-за того, что позиции остальных заинтересованных государств и международных союзов по вопросу о взаимоотношениях с Ираном остаются расколотыми. Ни одна страна, включая Россию и КНР, не заинтересована в создании Ираном ядерного оружия, но Россия, например, не испытывает патологического ужаса от наличия в Иране нынешнего теократического режима, склонна расширять контакты с Ираном к своей выгоде и полагает, что «иранская угроза» преувеличена. Примерно так же относится к создавшейся ситуации и КНР, активно торгующая с Ираном, – не даром прези-

дент Ирана был приглашен на саммит ШОС в июне 2006 года. США все больше возмущены этими попытками «нажиться» на проблеме, которая с их точки зрения грозит перерасти в глобальную опасность, и такая оценка ими создавшейся ситуации становится все более сильным раздражителем в американо-российских и американо-китайских отношениях.

Если Тегеран не согласится на вариант, который гарантирует международному сообществу – и, прежде всего, США и их клиентам – полную безопасность, США могут все же пойти на силовой вариант решения проблемы или предоставить эту роль Израилю. Менее вероятным, но также возможным на перспективу представляется вариант, когда США закроют себя и своих союзников противоракетным щитом и оставят Россию и КНР один на один с последствиями превращения соседнего для них Ирана в ядерную державу. И, наконец, в США рассматривается вариант, при котором в Тегеране сменится политический режим и к власти придут силы, настроенные на более конструктивное взаимодействие с Западом.

Вместе с тем уходящая администрация Дж.Буша пока не определилась, в каком состоянии она оставит иранскую проблему следующему президенту. В своем выступлении, посвященном годовщине терактов 11 сентября в 2006 году, Дж.Буш еще раз уточнил идеологические акценты американской политики на Большом Ближнем Востоке. Он окончательно открестился от популярного недавно тезиса о столкновении цивилизаций и подчеркнул, что США борются за выживание цивилизации как таковой (западной цивилизации и образа жизни. – М.Б.). В отсутствие противодействия разворачивающимся на Ближнем Востоке процессам, полагает американская администрация, регион Ближнего Востока превратится в хаос. «Если мы сейчас не победим врага, – сказал Буш, – то нашим детям придется иметь дело с террористическими государствами и диктатурами, обладающими ядерным оружием, которые заполонят Ближний Восток»<sup>20</sup>.

Пока США действуют через механизмы ООН и «шестерку» и в отсутствие прогресса на переговорах с Ираном следующим логическим шагом будет введение международных экономических санкций против Ирана. Возможные санкции, с точки зрения Вашингтона, будут иметь, скорее, символическое значение и будут призваны укрепить единство «шестерки» и продемонстрировать ее Ирану.

Серьезного давления на Иран путем экономических санкций оказать не удастся, на что существует, по крайней мере, три причины. Во-первых, ни Россия, ни КНР не поддержат по-настоящему жестких санкций против Ирана (во всяком случае, сразу); во-вторых, Западная Европа не готова сократить потребление иранской нефти и провести

<sup>20</sup> <http://edition.cnn.com/2006/US/09/11/bush.memorials/index.html>



пару-тройку холодных зим, альтернативная же политика энергопотребления, которая сделает Европу еще более зависимой от российских поставок, также не очень устраивает Париж и Берлин. И, наконец, даже в режиме официальных санкций, как это было во время ирано-иракской войны, или неявных санкций со стороны Запада в конце 1990-х – 2000-х гг. Иран продемонстрировал умение не только использовать разного рода лазейки и экспортировать свою нефть через третьи страны, но и способность разрабатывать современные системы оружия (ракетные системы, торпеды, собственный боевой самолет).

Представляется вполне вероятным, что решение о принципиальных шагах в отношении Ирана будет отложено нынешней администрацией Белого дома до лета, когда администрации нужно будет решать вопрос о политическом наследии, которое получит следующий хозяин Белого дома. Свяжет ли Дж. Буш его руки своим решением, будет зависеть не только от ситуации с иранской ядерной программой, ситуацией в Ираке и Афганистане, но и от внутривластного расклада, который сложится в США к этому моменту. Прецеденты такого рода в американской внешней политике существуют: отец нынешнего президента Дж.Буш-старший, уходя из Белого дома, принял решение о гуманитарной интервенции США в Сомали, и с последствиями этого решения пришлось иметь дело уже администрации Билла Клинтона.

Дж.Буш может отказаться от принятия некоего принципиального решения и оставить следующему президенту США свободу рук в иранском вопросе. Такое положение откроет определенное «окно возможностей» в американо-иранских отношениях и поставит новую администрацию перед принципиальным выбором: либо продолжать силовую политику в отношении Ирана, либо последовать древнему совету «если ты не можешь уничтожить врага, договорись с ним».

И в Вашингтоне, и в западноевропейских столицах сегодня укрепляется точка зрения, согласно которой Иран своей ядерной программой преследует вполне определенную политическую цель и на самом деле требует признания себя важнейшей региональной державой Персидского залива. Ядерное оружие в данном контексте используется как инструмент, и, возможно, Иран согласится обменять свою ядерную программу (или, скорее, как-то ограничить ее) на признание себя реальным центром силы региона со стороны ведущих мировых держав. Требование Ирана – весьма амбициозно, и принять его Западу, особенно Соединенным Штатам, будет очень нелегко, так как такой поворот американской политики потребует коренного пересмотра американской стратегии в регионе и перетасовки практически всей системы союзнических отношений на Большом Ближнем Востоке – прежде всего, отношений с Израилем и Саудовской Аравией. Окажется под сомнением стратегия «распространения свободы», являвшаяся в той или иной форме основой внешней политики Америки в регионе в послед-



ние годы, будет поставлен крест на итогах всей политики США в регионе после окончания «холодной войны». Новой администрации придется признать политику предшественника ошибочной и выдвинуть принципиально новый внешнеполитический проект.

Предположить, что Америка уже готова вычеркнуть из истории пятнадцать лет своего владычества в Персидском заливе и уступить свою роль региональным державам, пока трудно. Такой поворот возможен лишь в условиях наступления новой волны изоляционизма в американской внешней политике и отступления США с завоеванных в «холодной войне» рубежей. Пока признаков такого поворота в американской политике не видно и, следовательно, кризис в американо-иранских отношениях продолжается.

# **В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сергей КОРТУНОВ

## **ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные, в первую очередь, с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности.

Никогда ранее в мировой истории эта проблема не стояла столь остро, даже фатально. И никогда ранее она не охватывала практически все государства и народы мира. Кризис национальной идентичности приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из них уже не только означает выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратилось в вопрос выживания.

### **О процессах глобализации**

Целый ряд процессов глобализации непосредственно влияет на обострение кризиса идентичности.

Эти процессы – демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и др. – неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию, как на центральное ядро, хранящее наиболее устоявшиеся, накапливавшиеся порой тысячелетия и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих.

При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер. Глобализация, стремящаяся перемолоть национальную идентичность, растворить ее в планетарных процессах, обернулась своего рода квалификационным турниром для таких ядер.

Так, демократизация современного мира властно диктует необходимость перехода к общим правилам игры как во внутренней, так и во внешней политике, необратимо меняя иерархию основных элементов

социума. На первое место в этой иерархии объективно выходит личность, на второе – общество, оттесняя государство на третье место и делая его в первую очередь инструментом защиты интересов личности и общества. Любая страна, претендующая на сколько-нибудь заметную роль в мировых делах, сегодня вынуждена строго соблюдать эту иерархию. Демократизация внешней среды, идущая пусть непоследовательно и противоречиво, никому не дает возможности безнаказанно попираť демократические нормы и процедуры, игнорировать интересы и права человека.

Ни одно государство современного мира не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую – за ее пределами. С другой стороны, если не учитывается внешняя ситуация, то какие бы ни принимались усилия по формированию национальной стратегии развития, они легко опрокидываются всемирными глобальными потоками и процессами в финансовой, производственной, социальной, экономической, политической и других сферах. Глобализация, таким образом, стирает грани между внешней и внутренней политикой. Собственно, уже одним этим обстоятельством национальная идентичность в начале XXI века серьезно ограничивается, попадая в зависимость от демократических механизмов и институтов, которые к тому же также имеют тенденцию к глобализации.

Одновременно национальная идентичность попадает в жесткие тиски экономизации, неуклонно ведущей к формированию единого мирового экономического пространства, что делает нежизнеспособными модели национальной безопасности и национального развития, основанные на изоляционизме, а интеграцию в это формирующееся пространство – единственно возможным способом эффективной защиты национальных интересов.

Отказаться от интеграции – значит отказаться от полноценного развития. Ни одно общество не может быть конкурентоспособным, не став частью мирового экономического пространства. Этот фактор, помимо всего прочего, определяет приоритетность геоэкономических механизмов обеспечения национального развития по сравнению с геополитическими и геостратегическими, поскольку именно геоэкономика становится основной парадигмой развития мирового. Однако такая интеграция в ряде случаев ведет к размыванию национальной идентичности, ее растворению в процессе экономизации.

Информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство, создавая глобальное сетевое общество, открывает гражданам доступ ко всем материальным и духовным благам, умножает интеллектуальный ресурс и все другие ресурсы, способствуя устойчивому развитию, достижению благополучия и безопасности личности и общества. С другой стороны, информационные технологии не являются абсолютным благом: они создают новые возможности для контроля

и манипуляции массовым сознанием во внутренней политике и новые эффективные средства воздействия на национальные сообщества со стороны наиболее оснащенных в этом отношении государств в рамках межгосударственного противоборства, а следовательно, создают и новые угрозы национальной идентичности. Кроме того, глобальные информационные потоки объективно ведут к размыванию идентичности.

Культурная стандартизация, будучи в определенной степени следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. При помощи сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым невозможно, глобализация раз и навсегда взламывает казавшиеся ранее незыблемыми, как скала, барьеры между различными культурами, вовлекает их в водоворот всемирной конкуренции. В этом водовороте выживают лишь те культуры, которые оказываются способными к адаптации к стремительно меняющемуся миру, при этом не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации – японская культура.

Впрочем, противоположных примеров гораздо больше: это и испанская, и турецкая, и мексиканская, и аргентинская, и много других культур, не выдержавших столкновения с натиском культурной унификации, порожденной глобализацией. Массовая культура в этих случаях оказалась сильнее культурного ядра национальных идентичностей, которые в условиях глобализации сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго. Во всех этих случаях глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер лишь некий набор туристических курьезов.

Очевидно, что вслед за этими странами уже идут (причем, «задыхаясь и млея») все без исключения страны Восточной и Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), страны Балтии, в последнее время, похоже, Грузия, Украина и Молдова. На очереди – Великобритания, Франция, Германия. Они сопротивляются, поскольку имеют большую «историческую» культурную глубину. И, наконец, самые «крепкие орешки» в этом отношении – Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни.

До нынешнего момента эти три культуры, что признают все серьезные наблюдатели, демонстрируют высокие адаптационные способности. Именно эти три культуры (и только они!) всегда рационализировали свою национальную, а затем и политическую идентификацию, ког-

да они сталкивались с чужеродными культурами, утверждающими иные культурные стандарты. Более того, вопрос об идентификации в этих трех культурах остро вставал именно в условиях давления чужих культурных стандартов. Отторжение чужих стандартов, т.е. инородной ткани, «чужой группы крови», стимулировало в них процесс собственной культурной идентификации. Во всех трех случаях здесь был продемонстрирован поразительно высокий адаптационный потенциал: Индия «переварила» британскую культуру; Россия «переварила» два западных проекта – либеральный и коммунистический; Китай – коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас, похоже, «переваривает» не только западный экономический либерализм, но и американский культурный глобализм.

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны абсолютно гарантированы от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами, способны противостоять вызову культурной стандартизации. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход главным образом зависит от того, смогут ли эти три культуры противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты. Очевидно также, что на данном этапе исторического развития самым слабым и уязвимым звеном из этой «тройки» является Россия.

Наконец, глобализация настаивает на универсализации ценностных ориентиров. При помощи тех же массовых информационных технологий (в первую очередь телевидения и Интернета) она наглядно демонстрирует преимущества прежде всего западной модели развития и, соответственно, западных ценностей: индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство, гражданское общество, нанимающее это государство. Как бы то ни было, но именно те страны, которые следовали этим ценностям, добились успеха, а те, кто этому не следовал, стали неудачниками. Это, однако, означает, что многие ценности, которым традиционно следовали, например, Китай, Индия и Россия, а именно коллективизм, государственный патернализм, авторитарные (а порой и тоталитарные) механизмы управления, община как институт гражданского общества, государственный дирижизм в экономической жизни и т.п., в условиях глобализации, как минимум, поставлены под сомнение. С другой стороны, пока остается далеко не ясным, будут ли традиционные западные ценности «работать» в условиях быстро наступающей постэкономической эпохи. Вполне возможно, что в этой эпохе будут более востребованы ценности не западного типа. Так что России, Индии и Китаю, возможно, не следует слишком торопиться и отказываться от своих традиционных ценностей, которые еще, быть может, пригодятся не только им, но и всему человечеству.

Интересно, что подобной точки зрения придерживаются некоторые японские ученые. Так, профессор Промышленного университета К.С.Ито утверждает, что мировая система все более удаляется от ценностей индивидуализма и приближается к универсальным ценностям. А поскольку американцы – крайние индивидуалисты, то последствия глобализации будут для них наиболее болезненными. В рамках этой теории провозглашается, что Япония как носитель универсалистских ценностей станет провозвестником новой универсалистской цивилизации.

Представляется, что в этом контексте на роль «новой универсалистской цивилизации» у России или Китая прав претендовать куда больше, чем у Японии.

### Глобализация и модернизация

В условиях повсеместного и всеобъемлющего кризиса национальной идентичности каждое государство, разумеется, делает все возможное для его преодоления. И вполне закономерно, что попытки отстоять свою идентичность в ряде случаев сталкиваются с аналогичными попытками, предпринимаемыми другими государствами. Идет «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады не дают никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности неизбежно растворяются в процессах глобализации.

Иными словами, «тупо» сопротивляться процессам глобализации не только невозможно, но и контрпродуктивно. Овладев ее «правилами игры», следует использовать те возможности, которые она предоставляет, а желательно – самому влиять на эти правила. Иными словами, необходимо, по возможности, быть не только объектом, но и субъектом глобализации. Каждая без исключения страна является ее объектом. Но лишь немногие – субъектами. Например, та же Япония – это и объект, и субъект глобализации. Испытывая давление американизации, она является ее объектом. Но, трансформируя заимствованные ценности, она выступает в роли субъекта глобализации, передавая их в адаптированном виде азиатским странам.

На данном этапе мирового развития глобализация создает преимущества для наиболее развитых в социально-экономическом и технологическом смысле стран (США, стран Евросоюза, Японии), что ведет к растущему разрыву между ними и развивающимися государствами. С другой стороны, именно эти страны в силу своей развитости и накопленного богатства, образа жизни, ценностей и поведенческих стереотипов стали в условиях глобализации и создания сетевого общества наиболее уязвимыми для новых вызовов и угроз. Повсеместное распрост-

ранение телевидения, сделавшего общедоступными для бедных стран образы и стандарты недостижимо богатого западного общества, стимулировало в некоторых бедных странах (прежде всего, мусульманского мира) волну антизападных настроений, проявившихся, в частности, и в виде международного терроризма.

В результате мир в начале XXI века столкнулся с новыми глобальными вызовами, ответить на которые в одиночку не может ни одно государство мира, даже США. Между тем одно из наиболее негативных последствий глобализации состоит именно в том, что она, создавая преимущества для наиболее развитых стран, по существу, увековечивает их неравенство со странами развивающимися. Тем самым она блокирует проекты национальной модернизации. Глобализация ведет к закреплению такого мирового порядка, при котором существует «богатый Север» и «бедный Юг» (термины А.Неклессы). При этом «Юг» оказывается на периферии мирового развития, в своего рода «экономической резервации», в которую сбрасываются все отходы жизнедеятельности «Севера».

При этом ряд стран, в т.ч. и Россия, находятся в промежуточном положении: они могут скатиться к «Югу», а могут и примкнуть к «Северу» в случае успешной реализации национального модернизационного проекта. Но именно это и стремится заблокировать глобализация. При этом должно быть ясно, что успешная модернизация напрямую связана с преодолением кризиса национальной идентичности, ибо именно такая модернизация определяет цивилизационный вектор развития той или иной страны: войдет ли она в состав «богатого Севера» или рухнет в «глубокий Юг». Для России, которая является европейской страной, это обстоятельство имеет особое значение.

Впрочем, верно и обратное: для общества, решающего масштабные модернизационные задачи, национально-цивилизационное самоопределение является решающим фактором, определяющим модель развития и в конечном итоге – успешность национальной модернизации. Если, например, Россия сделает твердый европейский выбор, то и задачу модернизации ей будет решать гораздо легче. Это, в свою очередь, поднимает другую проблему: проблему взаимного и обратного влияния модернизации и идентичности. Дело в том, что успешно проведенная модернизация не может не затронуть культурные, а следовательно, идентификационные коды нации. Более того, успешная модернизация во многом основана на адаптивной трансформации этих кодов. Можно поэтому предположить, что проблема адаптивной трансформации идентичности – одна из основных (а возможно, и главная) проблем модернизации. Как полагает известный философ В.Г.Федотова, «процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм, который требует определенного изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности».



Именно этот тезис и представляется принципиально неверным. Ведь если в результате модернизации меняется национальная идентичность, это значит лишь то, что последняя не выдерживает модернизации и перерождается в нечто иное. Великие нации же умеют успешно модернизироваться, сохраняя свою идентичность. Более правильным нам поэтому представляется вывод В.И.Пантина и И.С.Семененко, которые отмечают, что «процессы формирования новой, современной идентичности (современных идентичностей) сопровождаются поисками путей и методов органичного совмещения императивов модернизации с императивами сохранения основы культурной идентичности, определенной преемственности в культуре. В противном случае, при наличии значительных разрывов в культуре и формировании слабо связанных между собой идентичностей «из разных эпох», разрушается культурная ткань модернизирующегося общества, и все кажущиеся успехи модернизации рано или поздно оборачиваются ее поражениями. Так произошло, например, в результате гигантского культурного слома в советский период».

С другой стороны, чрезмерно жесткая конструкция национальной идентичности, не способная к гибкой трансформации, может стать непреодолимым препятствием к модернизации страны. В этом случае часто возникают и распространяются представления об «особом» пути развития. Такие представления, будучи, по существу, реакцией на неудачи и провалы модернизации, способны привести к скатыванию в традиционализм или даже в архаику. Можно согласиться в связи с этим и с другим выводом вышеназванных авторов: «Если общество способно эволюционно и без существенных провалов пройти критический этап модернизации, то представления об «особом пути» ему не мешают, а, напротив, могут стимулировать поиск новых оригинальных решений, способствующих его дальнейшему ускоренному развитию (случай Японии после Второй мировой войны). Если же общество по каким-то причинам оказывается не способным сделать решающий шаг по пути модернизации, представления об «особом пути» могут превратиться в дополнительное и серьезное препятствие для модернизации и даже стать основой агрессивной идеологии национальной исключительности со всеми отсюда вытекающими последствиями».

Положение дел усугубляется тем, что в условиях глобализации и распада сложившегося после Второй мировой войны мирового порядка в результате развала СССР и биполярного мира произошло резкое падение уровня управляемости международными процессами. Прежние системы и механизмы международной безопасности оказались неэффективными, резко возросла региональная и, отчасти, глобальная нестабильность. Это, в частности, привело к тому, что национальная безопасность оказалась тесно связанной с безопасностью международной. Международное измерение национальной безопасности, которое

и раньше никем не оспаривалось, многократно возросло. Отныне любое государство, в том числе и Россия, может чувствовать себя в относительной безопасности лишь в условиях формирования нового, более справедливого мирового порядка, отвечающего интересам всех стран мирового сообщества.

Одновременно в начале XXI столетия заметно проявился структурный кризис систем как международной, так и национальной безопасности. Стала очевидной коренная, органическая неадекватность этих систем новым вызовам и угрозам наступившего XXI века. Это делает еще более актуальным переосмысление методологических и концептуальных основ безопасности, диктует необходимость переоценки ресурсов и механизмов ее обеспечения, выявления и артикуляции национальных интересов, четкой расстановки приоритетов внутренней и внешней политики. Все это не может не влиять на проблему национальной идентичности.

На сегодняшний день, а также в обозримом будущем, положение дел в мировой политике таково, что лидером глобализации являются США. Именно они оказывают наиболее сильное влияние на формирование нового мирового порядка. Какую бы проблему международной безопасности мы ни взяли, ее решение невозможно без активного участия США. Это обстоятельство делает для России сотрудничество с США жизненно необходимым, поскольку в условиях вышеупомянутой взаимозависимости международной и национальной безопасности обеспечить ее без тесного взаимодействия с лидером глобализации едва ли возможно. Однако и США в одиночку справиться с вызовами и угрозами глобализации не в состоянии и остро нуждаются в таких партнерах, как Россия.

### **Эрозия национального государства**

Говоря о кризисе национальной идентичности, нельзя не упомянуть тесно связанную с ней эрозию национального государства в том виде, в каком оно складывалось начиная с XV века и достигло наивысшего развития к концу XIX века. С одной стороны, в ходе интеграционных процессов государства передают ряд своих функций наднациональным органам. С другой, эти процессы являются лишь отражением растущего могущества транснациональных экономических структур, влияние которых превосходит влияние любого отдельно взятого государственного ведомства. Регулирование деятельности таких структур в рамках отдельно взятого национального государства часто оказывается бессмысленным. Однако, как отмечалось выше, вряд ли правильно предсказывать полное исчезновение национальных государств. Скорее, следует ожидать, что они будут постепенно утрачивать функции носителей исключительно суверенитета и включаться в иерархическую

вертикаль в качестве среднего звена (над ними – международные организации и наднациональные органы интеграционных группировок, под ними – органы регионального и муниципального управления с расширенными полномочиями).

Как полагает В.В.Лапкин, «в перспективе неолиберальная доктрина отводит национальному государству роль своего рода эффективной сервисной службы глобального гражданского общества. Все большее значение приобретают частные интересы, выходящие за пределы национального государства. Национальная солидарность теряет свою прежнюю значимость».

В этих условиях транснациональные корпорации, создавая собственные охранные и разведывательные службы, превращаются не просто в центры экономического влияния, но, до известной степени, в центры власти. Интересы связанных с ними социальных групп не совпадают более с интересами никакого государства вообще. Развитие транснациональных структур в развитом мире и рост их могущества продолжаются. В то же время эти структуры распространяют свое влияние и на остальную часть мира – развивающееся и постсоциалистическое пространство. Идеологическим обоснованием этого процесса служит классический экономический либерализм, основные постулаты которого применяются уже в масштабах не отдельного национального хозяйства, а всей планеты.

Речь идет о сложной системе производственно-технологических связей, опосредованных рыночными отношениями. Предприятия, включенные в цепочки этих связей, не «борются за рынки» с помощью конкуренции цен и качества, а работают на том уровне и в том ритме, который задан требованиями всей цепочки. Изменить структуру этих связей может не конкуренция производителей сходного товара, а технологический прорыв, который позволит удовлетворять данную потребность на более высоком уровне и/или с меньшими издержками. Технологический уровень предприятий (включая способность работников соответствовать этому уровню), их научный потенциал – обязательные условия конкуренции в современной системе мирохозяйственных связей.

Рыночные стимулы объединяют людей различных наций и верований. По мере нарастания международных и межцивилизационных контактов усиливается критическое отношение к ценностям и стереотипу поведения традиционных цивилизаций, и универсальные рыночные стимулы постепенно вытесняют региональные. А потому можно сделать вывод, что действия, направленные на усиление регулирующей роли государства, на корректировку направлений развития, не только бесплодны, но и реакционны. Если мир стремится к транснационализации, то, препятствуя ей, можно только ухудшить условия будущего вступления в систему мирохозяйственных связей. Неизбирательный

протекционизм – простейшая, чисто «физиологическая» реакция недостаточно конкурентоспособного национального хозяйства на внешние раздражители. Это не ответ на вызов, а отказ от развития, стремление сохранить обособленность, которая все равно не может быть абсолютной и в итоге превращается в одностороннюю зависимость.

В перспективе снижение роли национально-государственных структур и возрастание роли транснациональных можно считать долговременной тенденцией. Соответственно поведение людей все в большей степени будет определяться не традициями предков, а стилем жизни, который будет складываться в соответствующих структурах. Вряд ли, однако, можно с уверенностью утверждать, что этот стиль жизни во всех структурах будет единым, а тем более, что он будет представлять собой новую форму западной цивилизации.

По мере роста транснациональных экономических структур увеличивается их политическое и социокультурное влияния в мире. Смыкаясь в международные производственно-технологические системы, они образуют каркас мирового хозяйства. Вместе с тем вне функционирования этих систем остаются огромные зоны национальных экономик. Оставаясь за бортом этих процессов, значительная часть населения обречена на маргинализацию, она не участвует ни в формировании мирового дохода, ни в его перераспределении. Здесь имеется и другая проблема. Вырвавшись за национальные рамки в глобальную систему, предпринимательские инстинкты опрокинули сдерживающие начала хозяйствования, диктуемые национальным регулированием. Отсюда проистекает объективная необходимость глобальной координации мер экономического, политического, социального регулирования. Однако сегодняшний набор международных организаций не способен решать такие задачи: они зарождались под влиянием геополитических задач и потому неприемлемы для нового миропорядка, выстраиваемого в геоэкономических координатах. Нужен новейший класс мировых геоэкономических организаций.

В то же время эрозия национальных экономических и политических структур была бы крайне опасной тенденцией. Сохранение эффективных институтов, ответственных перед всем населением страны или территории, которую они представляют, является гарантией экономической и социальной стабильности, позволяет учитывать интересы всех социальных групп, предотвращает попытки решать проблемы транснациональных структур за счет населения, не включенного в эти структуры.

В сложившейся ситуации на ближайшее десятилетие стратегическая задача национального государства состоит в том, чтобы обеспечить интеграцию национальной экономики в мировое хозяйство на условиях, максимально благоприятных для как можно большей части населения. В этих условиях оно должно способствовать формированию та-

ких экономических структур, которые содействовали бы интеграции основной массы населения в национальный хозяйственный организм, а через него – в мировой воспроизводственный процесс. Соответственно, национальная экономическая политика должна ориентироваться на достижения оптимального равновесия между национальным и мировым хозяйством, между внутренними и транснациональными экономическими структурами, между настоящими и будущими интересами страны. Такая же ситуация характерна и для процессов, разворачивающихся внутри отдельного государства. Только здесь вместо ТНК вступают национальные финансово-промышленные группы (ФПП), а вместо национальных экономик – отдельные регионы.

Кроме того, и в XXI веке национальное государство продолжает оставаться и субъектом, и объектом идентичности – и как носитель референтных общенациональных ценностей, и как инициатор культурной политики, обеспечивающей социализацию политики и взаимодействие этнических, конфессиональных и других групп.

### Трансформация национального суверенитета

С кризисом национальной идентичности и эрозией национального государства, в свою очередь, тесно связана трансформация национального суверенитета. Процессы глобализации, с одной стороны, размывают классический национальный суверенитет, а с другой, способствуют подъему национального самосознания малых народов, поддерживая тенденцию к увеличению числа субъектов международных отношений. Принцип самоопределения вплоть до отделения, применяемый к национальным меньшинствам многонациональных государств, ведет к росту количества недееспособных государственных образований. Одновременно обостряется кризис национальной идентичности уже устоявшихся государств, в том числе таких, как Германия, Франция, США и Россия. Все это серьезно влияет на проблемы обеспечения как национальной, так и международной безопасности.

Названия некоторых западных авторов говорят сами за себя: «Кто мы?», «Смерть Запада», «Если мы перестанем быть нацией», «Итальянцы без Италии», «Смерть родины», «Наше разделенное «мы» и т.д. «Идентичность, – отмечает один из авторов, – становится проблемой, когда мы перестаем как следует знать, кто мы. Не является ли рефлексия по поводу идентичности знаком того, что эта идентичность распадается или радикально меняется?».

Безусловно, сегодня понятие суверенитета носит относительный характер, абсолютного понятия суверенитета, которое имело место, например, в XIX веке или даже в первой половине XX века, как оно трактовалось юристами и политиками, уже нет. И любое суверенное государство сегодня, формально, официально суверенное, имеет целый ряд

обязательств международного порядка, которые записаны в международных правовых документах (ООН, ОБСЕ, СНГ и др.), тем самым ограничивающие их суверенитет. Но сейчас мы наблюдаем в мире по целому ряду параметров прямо противоположную тенденцию той, которая заявлена сторонниками концепции десоверенизации и активного вмешательства во внутривнутриполитические процессы, минуя оболочку современного государства нации.

Эти тенденции и процессы особенно рельефно проявлялись в деятельности двух азиатских гигантов, которые в последние 10–15 лет уверенно увеличивают свое влияние в мировой политике, – Китая и Индии. Индию часто называют крупнейшей в мире демократией, но это и демократия по-настоящему суверенного государства, которое существенно продвинулось по пути укрепления своего суверенитета, и, безусловно, на этом пути существенно укрепило свои экономические и, в частности, военные позиции. Можно наблюдать попытки обеспечения суверенитета и со стороны целого ряда других государств, например Бразилии. Сторонники концепции десоверенизации не замечают и того, что самая крупная держава современности – США – не демонстрирует никаких признаков того, что она готова отказаться хотя бы от части своего суверенитета. Наоборот, действия Соединенных Штатов на международной арене направлены во многом на усиление своих суверенных позиций.

Сегодня можно говорить о том, что есть страны, которые обладают реальным суверенитетом, а есть страны, которые обладают суверенитетом только де-юре. Практически это все государства, которые входят в Организацию Объединенных Наций, обладают суверенитетом де-юре, который, с одной стороны, традиционно носит абсолютный характер, с другой, как уже говорилось ранее, имеет относительный характер в силу принятых международных обязательств. Если говорить о реальном суверенитете в современном мире, то и сейчас, и традиционно он был присущ очень небольшому количеству государств, которые способны обеспечить определенные параметры своего развития, например, экономического, военного или развития своей политической системы. Надо отметить, что многими параметрами реального суверенитета обладают не только крупные державы, не только великие державы или стремящиеся стать таковыми.

В мире есть немало примеров и сравнительно небольших государств, обладающих очень высокой степенью реального суверенитета. В Европе, например, таким государством является Швейцария, которая имеет независимую военную организацию с глубоко продуманной концепцией национальной обороны. И она по целому ряду параметров, особенно в финансово-экономической сфере, уверенно демонстрирует наличие своего реального суверенитета. Россия также обладает очень значительным потенциалом реального суверенитета, и вся историчес-



кая традиция ее, те усилия, которые были предприняты на протяжении столетий нашим народом, говорят о том, что Россия способна и имеет огромный потенциал национального самосознания для отстаивания и обеспечения своего реального суверенитета.

Следует также сказать несколько слов об эволюции понятия национальные интересы в контексте процессов глобализации. Окончание глобальной конфронтации двух сверхдержав, крушение биполярного мира, развитие процессов глобализации не привели, как полагали некоторые политики (в том числе и бывшего СССР), к «растворению» национальных интересов в «общечеловеческих». Напротив, традиционно узкое понимание национальных интересов, а в ряде случаев и просто национальные эгоизмы, вновь вышли на первый план. В условиях дальнейшей демократизации мирового сообщества национальные интересы, вероятно, будут не просто отмирать, а все более расширяться, впитывая в себя новые характеристики мировой политики, наполняясь новым содержанием, учитывающим интересы других стран и мирового сообщества в целом.

В этой связи можно согласиться с российскими исследователями А.Галкиным и Ю.Красиным, которые утверждают, что новые подходы к национальным интересам и национальной безопасности утверждаются при одновременном сохранении, а порой и доминировании, старых. Наряду с утверждением видения национальной безопасности с позиций целостности и взаимозависимости современного мира, сохраняется, а в ряде случаев и преобладает, подход к этой проблеме с позиций противопоставления «своего» и «чужого». Его невозможно просто отбросить, а надо изжить, рационализируя и гуманизируя его содержание, освобождая от идей подчинения интересов живых людей некоей общей абстракции, приблизить к чаяниям и стремлениям отдельной личности.

Пока же благие стремления к слиянию национально-государственных общностей в едином человечестве, к их объединению в цивилизованную кооперацию всех наций и государств – не реальность. Ссылки на начавшуюся глобализацию и демократизацию мирового сообщества и перспективу мирового порядка, в котором не будет статуса великих держав, не могут служить доводом и основанием для пренебрежения национальными интересами и национальной безопасностью. Во-первых, само слияние человечества в едином сообществе вряд ли будет выглядеть идиллическим, свободным от межнациональных и межгосударственных конфликтов. Во-вторых, дорога к этой цели долгая и трудная. На ней непременно проиграет тот, кто опрометчиво забывает о национальных интересах. Они в наше время играют не меньшую роль, чем в XIX или XX веках. И будут сохранять свое значение в мировой политике очень долго.

Если и когда в мире сформируется международное гражданское общество, то возникнут и условия для утверждения нового демократиче-



ского международного порядка, обеспечивающего демократические принципы взаимоотношений всех элементов и частей мирового сообщества. Только тогда национальный интерес действительно сможет быть поднят до уровня планетарного, общечеловеческого. Однако до этого еще далеко. Пока же национальный интерес остается базовой категорией политики всех без исключения государств мира. И пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно.

### Доводы «плюрализма смыслов»

Таким образом, последствия глобализации для национальной идентичности весьма противоречивы. Она создает как новые, невиданные ранее возможности для развития и процветания различных стран, так и новые, крайне опасные вызовы и угрозы. Для России, находящейся в стадии социально-экономической трансформации и одновременно сохраняющей по объективным причинам преемственность своих не только региональных, но и глобальных интересов, все эти положения являются особенно важными и актуальными.

С одной стороны, глобализация делает прозрачными границы между народами и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль национального государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С.Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации».

В условиях информационной открытости всего мира, повсеместной доступности СМИ, прежде всего телевизионных, появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым национальным сообществам. В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Его подменяют глобально узнаваемые символы, которые рождает общее пространство информации и коммуникаций. Подъем национализма во всем мире, включая развитые страны Запада, оказывается одним из ответов на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности.

Таким образом, глобализация стремится перемолоть национальную идентичность, она хочет ее растворить в глобальных процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации. Национальная идентичность отвечает на этот вызов глобализации подъемом национализма в рам-

ках национальных сообществ, а также дроблением этих сообществ на более мелкие, т.е. субнациональные. По мысли Р.Робертсона и Х.Хондкера, современная глобализация задает глобальную рамку, в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические сообщества получают возможность реконструировать свою историю и идентичность.

В заключение следует также отметить, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, но и мощнейшим натиском постмодернистской культуры. Утверждая «плюрализм смыслов», равнозначность (а следовательно, сомнительность) морально-нравственных ценностей, осмеивая национальные традиции, ставя под вопрос христианские и гуманистические идеи эпохи Просвещения, наконец, торжественно провозглашая конец проекта «Человек» и конец самой Всемирной истории, постмодерн по существу пытается выхолостить национальную идентичность, убить ее содержание, вообще снять вопрос об идентичности с повестки дня. В этом смысле постмодерн – самый лютый враг национальной идентичности. При этом глобализация, будучи, как говорилось выше, противницей, борется против идентичности на стороне постмодерна. Пример того, как он разваливает национальную идентичность, приводит профессор Палермитанского университета К.Баймонте: «Культура отечества, если брать ее не в узкоидеологическом смысле, а как прагматическое желание соотноситься с некоей единой констелляцией интересов, в нашей стране находится в бегах. Итальянская идентичность может быть футбольной, туристической, пляжной, гастрономической и т.д., но она останется отсоединенной от защиты общих интересов, от возможности получить легитимацию через самоотнесение с национальным коллективом».

Вопрос о будущем национальной идентичности в условиях глобализации остается, таким образом, открытым...

Александр ДУГИН

## **ПОСТГУМАНИЗМ. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА**

Согласно принятой сейчас концепции исторических эпох и цивилизационных циклов, в широком культурологическом контексте можно определить три фундаментальных этапа развития человечества. Осознание этих этапов стало возможным благодаря целому ряду совершенно новых явлений, возникших в последние несколько десятилетий. Этот период условно называется постмодерном, благодаря которому возникла возможность определенной специфической классификации исторического процесса, который можно разделить на три части: то, что можно назвать премодерном, или традиционным обществом; модерном, то есть современным миром, и постмодерном.

Эти три этапа представляют собой три парадигмы – три обобщающих модуля, которые, по сути дела, предопределяют всю совокупность представлений человека, человеческой культуры, человеческого общества о самих себе, об окружающем мире, о логике и смысле развития цивилизации.

Премодерну соответствует то, что называется традиционным обществом или сакральной цивилизацией. Традиционное общество существовало до Нового времени, до начала эпохи Просвещения и в Европе, и в Азии. Это традиционное общество, и парадигма премодерна, существует до сих пор, поскольку не все народы земли осуществили просветительский переход. Поэтому речь идет не столько о временном делении на три парадигмы, сколько о контекстуальном и концептуальном.

Традиционное общество, или период эпохи премодерна, связано с преобладанием сакрального, т.е. представления о том, что мир, окружающий нас, сам человек и человечество в общем – все это является процессом некоей конденсации высшего начала, неощутимого, но изначального – продуктом творения, как это выражено в монотеистических традициях классических религий. Не во всех религиях существует представление о Боге, не во всех существует представление о Творении, но, как бы то ни было, в парадигме премодерна всегда утверждается наличие некоей высшей онтологической бытийной причины и соответственно этому решается проблема существования.

Что происходит при переходе от традиционного общества, т.е. от парадигмы премодерна к парадигме модерна? Происходит фундаментальное изменение абсолютно всех ключевых понятий. Все меняется – язык, представление о нем, причем меняется самым существенным образом. Каждому явлению или множеству явлений из традиционного общества в эпоху модерна противостоит другое множество явлений, понятий, терминов, которое является принципиально иным, то есть каждому явлению А или слову А соответствует понятие, явление или термин «А». Модерн или эпоха Просвещения в изначальных предпосылках своего развития всегда мыслит себя как прямую антитезу традиционному обществу. Все, что утверждалось в традиционном обществе, отрицалось или модифицировалось в модерне. Ни одного понятия, принадлежащего к множеству понятий парадигмы премодерна, не было оставлено в покое, все испытало фундаментальный парадигмальный сдвиг – переход от традиционного общества к современному. Между ними существует примерно такое же соотношение, как между тезисом и антитезисом. Модерн как бы вырастает из премодерна, но через процесс отрицания. Если в центре премодерна стояло Божество или высшая онтологическая причина, то в модерне этой причины нет.

Произошла десакрализация мира. Расколдованный мир представился совокупностью тех явлений, тех событий, которые эмпирически даны человеку. Точно такой же фундаментальной мутации подвергались все остальные фундаментальные понятия традиционного общества. Например, в традиционном обществе доминировало представление о вечности и циклах. Какую бы традицию, какое бы общество мы ни брали в рассмотрение, обязательно в центре стоит либо представление о трансцендентном вневременном, надвременном измерении, либо о циклической картине, что довольно близко друг другу с определенными отклонениями в неомонотеистических традициях.

Эти различия являются крайне интересными, т.к. в монотеистических традициях Божество является переходным периодом между глубоким традиционным архаическим обществом и обществом современным. Фундаментальная разница в отношении между премодерном и модерном заключается в том, что в первом случае утверждается вечность как главный модус существования мира, а в модерне возникает понятие линейного времени, причем лишено того трансцендентного измерения, которое наличествовало в религиозных концепциях. Вечность отрицается, отрицается цикличность мира, бытие начинает двигаться и развиваться исключительно в понятии времени. Практически каждое из представлений об обществе, об иерархии, о политическом устройстве, о сущности коллектива – все в модерне противоположно премодерну. В премодерне развивали представление о кастовой системе общества; модерн утверждает равенство. Премодерн утверждает империи, наделенные высшим смыслом в политике. Модерн гово-

рит о современных государствах, основанных на демократическом принципе. Премодерн утверждает спиритуальное, духовное в качестве главной ценности; модерн утверждает материальное, позитивное, экономическое в качестве меры всех вещей. От *homospiritualis* в премодерне приходим в *homooekonomikus* в модерне.

Между этими парадигмами существует фундаментальная обратная симметрия.

Мы сегодня забываем, как структурировалась в XVII–XVIII веках парадигма модерна, из которой все мы выросли и на которой воспитаны. Мы даже не очень хорошо представляем себе, что существует что-то вне парадигмы модерна, настолько эта парадигма вошла в нас, что мы являемся ее носителями, наша система запрограммирована моду-сом модерна. Мы не мыслим себе мира без истории, не можем себе представить концепции развития общества без теории эволюции, не можем рассматривать представление о современной технологической цивилизации иначе, как следующий шаг в развитии человечества к более высоким формам, чем предыдущие. Мы принципиально не способны осмыслить, например, историю как регресс, что характерно для любых религий; либо историю как постоянный сезонный цикл, где никогда ничего не меняется, а господствуют протофеномены. Людям традиционного общества никто, может быть, подробно и не рассказывает с детства, что духовное выше материального, что иерархия – это хорошо, что существует трансцендентное измерение. Просто вся структура их представлений о мире сохраняется до сих пор в традиционных религиях.

Современный Китай, несмотря на его модернизацию, или современный исламский мир живут в условиях премодерна, и когда они сталкиваются с модерном, возникает парадигмальный шок, они не очень понимают, что им говорят. Так восприняли мусульмане книгу Салмана Рушди; в свое время так же искренне католики воспринимали книги Вольтера – это был шок.

Сейчас, благодаря одному интереснейшему явлению, которое именуется постмодерном, мы видим релятивизм столкновения понятий модерна и премодерна. Видим, что существует парадигма премодерна со своей системой, с множеством понятий и явлений, и что существует парадигма модерна, современного общества, со своей системой понятий. Все понятия на границе перехода от модерна к премодерну фундаментальным образом мутируют. В теоретическом проекте Просвещения, в проекте модернизации не должно остаться ни одного премодернистского явления; никакого А, которому не присвоена характеристика «А». Появляются новые элементы, которых не было в премодерне и, соответственно, также остается за кадром определенное количество традиционных элементов, которые вообще никак в модерн не перешли, либо перешли в свою прямую противоположность.

Конечно, этот процесс сам по себе представляется крайне сложным. Историю этого парадигмального сдвига с позиций модерна осмысливали многие философы, в частности, Томас Кун в «Структуре научных революций», Пол Фейерабенд, Карл Поппер. Существует очень интересное явление обратного, премодернистского, осмысления – это французская школа Рене Генона и его последователей в Италии, которая представляет крайних консерваторов. Данная школа в XX веке проделала колоссальную работу по оценке парадигмального дуализма не со стороны модерна, что было явлено уже не раз.

Традиционалистская школа Рене Генона предположила обратный взгляд – взгляд премодерна на модерн. Получилась крайне увлекательная вещь. Современный европейский традиционализм помогает нам объяснить, что происходит, например, с точки зрения психологии Усама бен Ладена. Потому что на самом деле Усама бен Ладен есть голограмма и выражает собой крайнюю форму реакции премодерна на модерн. Он утверждает, что цивилизации, в которой нет Бога, незачем существовать. Это естественно для любого представителя премодерна – он даже не может помыслить себе такую цивилизацию, более того, если ему скажут, что есть такая цивилизация, в которой нет Бога, а человек живет в этой цивилизации самым ярким образом, он будет должен начать действовать приблизительно так же, как Усама бен Ладен.

Теперь переходим к постмодерну. Здесь мы имеем дело с совершенно особой парадигмой, с формой «А», переход в которую имеет приблизительно тот же эффект, что и явление перехода от традиционного общества к обществу современному. И пересмотр основных понятий, который случился на фундаментальной грани, которую мы переживаем, является главным качественным эссенциальным содержанием нашего времени. Вокруг этой грани, вокруг тех процессов, которые происходят перед ней, после нее, на ней, и должно быть сконцентрировано отточенное внимательное философское сознание наших современников.

Люди, которые не думают об этом, думают либо плохо, либо вообще не думают, либо находятся в состоянии некоего гипноза предшествующих парадигм, не рефлексировав, не осознавая те принципиальные базовые условия, в которых разворачивается процесс их мышления. Это самая неизученная вещь – когда мы переходим от модерна к постмодерну.

Что происходит в этот момент? Здесь отрицается уже отрицание. Отрицается современность, но при этом без того, чтобы мы вернулись к А, к премодерну. Это очень тонкий и хитрый ход мирового разума и человеческой цивилизации. «А» было системой понятий, утверждаемой через отрицание, переворачивание системы понятий традиционного общества, понятий доиндустриального общества. Что такое «А»? Это такое отрицание отрицания «А», которое не является при этом возвращением к А. Т.е. если у нас был тезис «один», потом «не один», а по-

том: нет, не «не один», но и не «один». А что такое не «не один»? Вот это уже очень тонкая вещь. Вот здесь начинается «post».

Если премодерн – это то, что предшествует модерну, а модерн – это базовое понятие, то постмодерн – это не то, что вырастает из модерна, это не просто следующая за модерном стадия – это сбой всей фундаментальной, исторической, парадигмальной, философской, культурной программы модерна. Это когда говорят: все, эта парадигма завершена. И это, несомненно, шок.

Постмодерн, конечно, возник как серия интуиций, эстетических познаний относительно так же, как в архитектурном стиле происходило создание ансамблей, в которых не было центра. Создание некоей системы с отсутствующим центром – характерный признак постмодерна. Постепенно это перенеслось на экономический анализ, на уровень развития капитализма в постиндустриальной стадии, на высвобождение финансового параметра и полное опровержение предсказания Маркса о логике развития буржуазного общества через социалистические революции. Основные моменты модерна не то что были обращены, но были осмеяны. Смысл модерна заключался в созидательном пафосе, в преодолении традиционного общества. Но в какой-то момент, а конкретно – на пике развития капиталистического общества в 1960–1970-х и уже дальше, в 1980–1990-х годах, эта программа модерна стала восприниматься как неактуальная, т.е. большинство позиций, систем, понятий перестали вызывать то оптимистическое, конструктивное, позитивистское отношение к себе, которое вызывали на протяжении становления парадигмы модерна. Возникла парадигмальная усталость. Парадигма модерна сохранялась, мы все ее воспитанники, но постепенно ее значение очень смещалось – в начале в нюансах, а потом стало двигаться и вовсе к самопреодолению – так возникала парадигма постмодерна.

Парадигму постмодерна понять трудно, потому что она для нас новая, потому что она не соответствует той логике, в которой мы привыкли жить в парадигме модерна, но она при этом не соответствует и той логике, которая всплывает сегодня, когда модерн разлагается и порождает реакцию в качестве премодерна. В премодерне есть теизм, в модерне – атеизм, причем такой последовательный, спокойный. Модерн – это отрицание трансцендентной, богоустроенной реальности. В постмодерне завершается атеизм, но нет возврата к теизму. Если модерн говорит, что атеизм – это более развитая форма, чем теизм, то постмодерн говорит: «я вообще понятия не имею, что более развитое: можете быть гуманистом, теистом, атеистом».

Постмодерн безразличен, и, пожалуй, безразличие, индифферентность, возможность расположить рядом с собой взаимоисключающие друг друга парадигмальные системы понятий и является спецификой философского, эстетического, исторического, культурного дискурса постмодерна. Например: Усама бен Ладен и Интернет – типичный



постмодерн – с одной стороны, борода и все признаки традиционного исламского общества, с другой – e-mail, который он шлет своей племяннице, которая сейчас становится раскрученной поп-звездой. Есть плохой Усама бен Ладен, атакующий модерн в лице двух разрушенных башен, и модерн реагирует – объявляет поход против премодерна, дикости и варварства. Но племянница – это явление уже другой парадигмы, третьей. Здесь бен Ладен, здесь Буш, и здесь племянница, которая поет, пляшет, может быть, с автоматом.

Это и не смешно, и не страшно, это и не оскорбление – это просто сочетание тех контекстов, которые есть. Сочетается высокое и низкое, культурное и бескультурное, скабрезный дворовый анекдот, который распевается тенором где-нибудь на большой сцене. Это – постмодерн, это не шутка, не издевательство, не какое-то нелепое недоразумение, не авангардный трюк, это – фундаментальная характеристика эпохи, приступившей к уникальной огромной работе, в которой Владимир Сорокин, например, является таким же инженером, как французские энциклопедисты, осуществлявшие формирование парадигмы модерна. Он – один из энциклопедистов постмодерна, он просто творит, разрушая.

Наше общество в определенных политических технологиях бодро заимствует элементы постмодерна, не особенно заботясь о том, чтобы пройти путь модерна до конца. Мы его так и не прошли, мы застряли на стадии высокого модерна со своей социалистической идеей, не смогли пройти его сами, плюнули и заимствовали иную парадигму прямо из центра постмодернистской культуры, причем в самом авангардном аспекте.

Премодерн живет в пространстве мифа, все пространство премодерна определяется мифологическим или сакральным. Здесь нет ни одной точки, ни одного состояния, ни одного топоса, который бы не был одновременно не растворен в мифологическом контексте, поэтому то, что не является мифом, то, что не является сакральностью, – того просто нет. Человек премодерна вне сакральности, вне священности не воспринимает реальность, у него нет не священной реальности, т.е. для него принципиально существует сакральность. Для человека модерна существует новая вещь – реальность. Да и термин этот – реальность – становится популярным в эпоху модерна. Нам кажется, что реальность – это и есть базовое понятие. Но это не так для людей традиции, где первичен миф и сакральность. Для людей модерна первична реальность, а для людей постмодерна – виртуальность.

Это очень принципиальный момент: виртуальность – не миф, не сакральность, но это и не реальность, это некий конструкт реальности, который создан искусственно, создан отвлеченно. Можно себе представить смысл виртуального через расчленение некоей целостности на дигитальные числовые коды. Дигитализация – первый шаг, а потом... берем колос – целое – дигитализируем его – разделяем на части, анализируем, раскладываем, развиваем и складываем так или чуть не так, как было.

Это процедура прохождения через цифровую дигитализацию звука, образа, а в конечном итоге и тела, потому что развитие логики виртуального идет в этом направлении. Переход через дигитальный код, потом собирание нового колоса – является классической операцией виртуального. То, что собирается после того, как расчленяется – оказывается уже чем-то другим. Если мы разбираем машину, а потом ее собираем – никаких проблем; но если мы разрежем живое существо или распилим дерево, то потом, когда соберем, мы получим совсем не то, что вначале, до того, как это дерево никто не трогал. Хотя внешне можно сделать все точно так же, как и было. А по сути это будет просто другой объект совершенно другого множества, объект виртуальный.

В этом и состоит логика современных средств массовой информации, современных технических средств – разделение всего на совокупность числового кода, т.е., по сути дела, анатомизация и воссоздание. Воссоздание чего? Не того, что было, т.е. не воссоздание реальности, но и не воссоздание изначального, духовного, спиритуального, сакрального проекта. Это та же самая реальность, но данная нам в некоем теневом пространстве. В виртуальности тень и тело, которое отбрасывает тень, меняются местами, здесь первична тень, которую отбрасывает тело, а не наоборот, как в условиях модерна.

Вспомним известный сюжет об отсутствии или потери тени, который на самом деле связан с парадигмами премодерна и с описанием посмертного существования. Русские православные иконы потому и изображены без теней, особенно без теней, которые отбрасывают человеческие фигуры. Именно потому, что речь идет о том парадигмальном, мифологическом, святом, священном состоянии, которое представляет собой единственную высшую реальность премодерна. Тень возникает в живописи при переходе от премодерна к модерну. Но что происходит при переходе от модерна к постмодерну? Тогда остается только тень. Тень, которую никто не отбрасывает, которая сама по себе может порождать или не порождать тела. И все, что происходит в этих трех парадигмах – премодерна, модерна и постмодерна, соотносится между собой сложнейшим образом. Но если премодерн и модерн хоть как-то поддаются анализу, то постмодерн, в который мы упорно, методично, фатально и необратимо вползаем, – навряд ли.

Были известные глобальные попытки противостоять модерну, попытки протащить в модерн что-то от премодерна. Такую задачу ставил перед собой фашизм, воспринимая мифологическую традицию позитивной и стараясь привить ее модерну, т.е. элементы множества А смешать с элементами «А». Фашизм первым пал в XX веке, но второй проект был более хитрым, более завуалированным – проект коммунистический, когда тонкую национал-мессианскую реальность, конечно же, премодернистскую, с ее представлениями о Царстве Святого Духа, изображениями «рая на земле», пытались также закамуфлировать и

русские, и китайские коммунисты, – тоже не получилось, и это произошло совсем на наших глазах. И теперь модерн остался в чистом виде. Любопытно, что когда от премодерна избавились, вот тут-то модерн сам по себе, когда он полностью победил премодерн, стал мутировать в нечто совершенно новое и удивительное. И, конечно, многим людям от этого очень не по себе.

Хабермас и Гидденс сказали «нет, мы не хотим никакого постмодерна, дух просвещения под угрозой, смотрите, что происходит, у нас выгибают реальность, мы живем в каком-то совершенно отвратительном мире, разве мы за это бились?». За это.

Фрэнсис Фукуяма, который одним из первых заговорил о конце истории как о свершившемся факте, т.е. о наступлении эпохи постмодерна, когда заканчивается время, вообще в своих последних работах отчаянно борется против того, что он сам вызывал. Он говорит: «нет-нет-нет! Это не так! Я поспешил, подождите-подождите, это слишком страшно». Это действительно не весело, но, с другой стороны, пройдя уже столько парадигмальных изменений, потрясений на самых основах человеческого сознания, я думаю, что мы должны быть готовы еще и не к этому. Почему конец истории? Потому что история – это не нечто само собой разумеющееся, это продукт осмысления процесса бытия в модерне, и возникла она в модерне, когда появилось линейное время. До этого истории не было, и Фукуяма логично заключил: когда закончится модерн, «ее опять не будет».

Отсюда постистория, по Жану Бодриару, – существование отдельных фрагментов истории. Это современные модельеры, современная мода, смещение всех параметров. Постистория – это и не время, и не циклы, и не периоды – это постистория, некое особое состояние, где, по Фукуяме, действует только мировой рынок. Заканчивается эпоха глобализации, заканчивается эпоха государств, и возникает такой one world, единый мир, где смыслом наделены не события, не конфликты, не споры, а некое движение капитала, инвестиции, игра бирж, экономика становится тотальной и уже виртуальной. Возникает такой особый специфический постмир.

Человек имеет свое значение в парадигме премодерна, традиционном обществе, в модели и проекте модерна, и в модели постмодерна. Когда возникает гуманизм? Наверное, уже понятно, что в традиционном обществе гуманизма нет. Существует теоморфизм, если мы говорим о великих откровениях, или существует такой абсолютоморфизм, как в индуизме, где существует Абсолют – Брахма, чьим отражением, игрой, сновидениями является данная нам эмпирическая реальность. В премодерне человека гуманистического мира, как мы его знаем – не было. Нет автономного индивида, субъекта, с которым имеет дело классическая философия эпохи современности. А что стояло на месте человека в традиции? Мы настолько проникнуты парадигмой модерна, что не можем представить ка-

кого-то другого представления о человеке. Запросто может быть! И более того, в любом религиозном учении, а религия – это элемент только премодерна и только традиции – человек не представляет себя некоей законченно-автономной единицей. Человек есть не данность, а задание, персона, маска. Личность – слово искусственное, но обозначает оно личину, т.е. маску. Маска на маскараде, как персона в греческой трагике, – это нечто одетое на нечто и носимое кем-то. Субстанцией, субъектом, высшим духом, божеством, душой – какую бы инстанцию мы ни ставили в традиционном обществе во главу угла, человек всегда будет оберткой.

Иными словами, в эпоху премодерна провозглашается иссушение плоти – минимализация человеческого начала – не ест, не пьет, стремится съежиться до микроскопического онтологического элемента, чтобы не мешать проявлению высших начал. Да, эти высшие начала тоже иногда назывались человеком, но это была совершенно иная онтология, иная природа, иное бытие, нежели мы привыкли понимать в гуманизме. В традиции существовал негуманизм, антигуманизм, поскольку человек рассматривал себя как несамодостаточное, несамостоятельное существо, несамозначимую реальность, которой при определенных обстоятельствах легко можно пожертвовать. А вообще-то говоря, и нужно пожертвовать. По сути, человек был жертвой, и в самых древних цивилизациях приношение человеческих жертв рассматривалось именно в этой перспективе. Не потому, что это варварство, а потому, что парадигма традиции была еще в самом соку. Так как человек был создан путем жертвенного разделения божества, то приношение человека в жертву является восстановлением симметричности Вселенной. Спасение Вселенной, ее обожествление идет через человекоубийство, через разные его формы, например аскезу. Конечно, человек сам по себе ценен в традиции, но это не тот человек, которого вот сейчас мы знаем. Он всегда вторичен и инструментален. Он сын Неба и Земли. Он процесс, он задание. Это человек «А».

Человек «А» шокирует традиционный мир своей абсолютной новизной. Это нечто принципиально новое. Он представляет собой самозначимость, самоценность, самовеличину, самодостаточность, и здесь начинается гуманизм, эпоха автономного человека. Этот человек вначале титан Возрождения, который сбрасывает богов и творит реальность сам. Потом, в эпоху Просвещения, он уже просто создатель истории, а не магический властелин, как у Дж. Бруно или у Микеланджело. Постепенно он становится тем, что сейчас называют минимальным гуманистом. В позднем модерне возникает минимальный гуманизм, когда человек просто потребитель, у него есть карточка, он ходит покупает товары, в субботу он посещает что-то там и между делом ест гамбургер. Никаких особых амбиций, но он при этом остается центром вещей, мерой вещей.

Когда софист Протагор сказал, что человек – мера вещей, он просто смеялся над своими оппонентами. Никто не мог воспринять, настолько бредовой была эта идея, это была шутка. Сегодня, в эпоху модерна,

в смысле вчера, потому что сегодня уже завтра – человек является по-настоящему мерой вещей, он является ключевым. Это он, оказывается, как мы узнаем от просветителей, выдумал Бога, он придумал религию, он создал прогресс, он создал цивилизацию, в то время, как люди традиции были убеждены, что самого человека создал Бог, Бог заложил через откровение законы (Моисея и т. д.), вручил ему, человеку, логику и шифр познания реальности.

Эта мутация представления о человеке между традицией и современным обществом имеет колоссальное значение для нас, потому что постмодернизм релятивизирует оба эти значения. Еще недавно, до возникновения постмодерна, такой дискурс был бы невозможен. Потому что никто из вменяемых представителей научного сообщества не допустил бы и мысли о возможности сопоставления между собой и варваром, для которого его человечность – суть личина, маска. Всем было очевидно, что человек создал сам себя и что он и есть продукт эволюции – от амебы к современному советскому ученому в Академгородке.

Постмодерн есть, по сути, попытка релятивизировать, сопоставить эти несводимые прежде вещи, говорит о них на одном дыхании. В советские времена, когда мы видели крестящуюся старушку, попа, мы думали – вот это дань прошлому, живой музей. У нас и сомнений не было насчет рудиментарности этой формы, в которую эти наивные люди верят и продолжают поддерживать. Всем было понятно, что старушка темная, а мы люди просвещенные, потому что мы носители гуманного начала, мир создал человек, а она этого не знает. Благодаря постмодерну мы можем себя сейчас без всяких амбиций взять и поставить на место религиозного человека, зайти в церковь, не затем, чтобы поинтересоваться прошлым нашего народа, а начать вживаться: как там, батюшка, мне жить. Мы начинаем учитывать эти моменты. Конечно, полноценного возврата к религиозному сознанию не может быть, но такие вещи для нас, как, скажем, Поппер и духовник – стали вполне совместимыми. Конечно, с точки зрения антропологии существует множество моделей, множество различных версий, как толковать человека, и в каждой традиции, в каждой религии существуют различные версии антропологии человека, так же как в модерне существуют различные антропологические представления, эволюционистское или какие-то более изощренные.

Мы уже наметили сложности антропологического анализа, и теперь нам осталось сделать один шаг. Он состоит в том, что индивидуум, который являлся базовой осью и создателем в модерне, заканчивается. При постмодерне он подвергается такой интересной и серьезной мутации, которая по своей глубине сопоставима с тем, что произошло с человеком традиционного общества на переходе в модерн. Там из человека исчезло божественное начало, было от него отделено, а потом и забыто. Изначально вообще человека не было, а было только божественное. Потом появилось человеческое, автономное, самодостаточное. И вот в постмодер-

не приходит его конец. Сначала человек большого гуманизма, потом средний, исторический человек, творец истории, а потом минимальный гуманизм, человек-консьюмер. Этот человек становится очень занятой вещью – метаморфоза, которая предстоит если не нам, то нашим детям точно. По сути дела, рождение этого человека «А», постчеловека, является смыслом и осью процесса перехода от модерна к постмодерну.

Если мы говорим, что парадигма премодерна существует до сих пор, после 400 лет фундаментальной просвещенческой чистки, что традиция заявляет о себе и сегодня, в конце модерна, то понятно, что переход от парадигмы к парадигме – не единоразовый акт. Просвещенческая модернизация активно продолжается и сейчас. И многие элементы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, есть элементы традиционного общества. Переход из парадигмы в парадигму не происходит брутальным, резким образом. Традиция – очень глубокая вещь, ею жили много тысячелетий и до сих пор живут в нашем времени. И если даже она ушла из нашего сознания, то пришла в наши сны; то, что Юнг называл психологическими архетипами – переход от антропологии премодерна к антропологии модерна – происходил не просто, и точно так же не просто будет происходить этот переход от парадигмы модерна к постмодерну. Но в целом произойдет приблизительно следующее.

Если в модерне индивидуум был неделим, то сейчас возникнет новая фигура, которую можно назвать, **дивидуум**, т.е. «человек делимый». Это как раз соответствует процессу дигитализации и обозначает, что человеческое единство, которое было сутью модерна, распадается на части. Анализируется отдельно глаз, отдельно печень, отдельно брови, отдельно мозг и пр. Возникает некоторая собираемая и разбираемая виртуальная голограмма человека. Если расчленишь и изучишь подробно человеческое существо, то мы увидим, что это не что иное, как система эмоций, система раздражений, система клеток, реакций и, соответственно, виртуальная машина. Фильм «Газонокосильщик» – попытка заглянуть не в такое уж и далекое будущее. Если мы вспомним, что большинство изобретений фантастов XIX века в XX веке стали явью, то известная история с **газонокосильщиком** и его переходом в виртуальную реальность – только сегодня такая уж большая сказка, а завтра – нет.

Если человек дивидуален и его можно разобрать на части, то и его голограмму, дубль тоже можно создать. Его ощущения есть не что иное, как набор импульсов, легко дигитализируемый и впоследствии создающий некий виртуальный муляж, как показывают это опыты виртуального секса. Чем дальше, тем больше можно будет просто никуда не ходить, ничего не делать, а жить полноценной виртуальной жизнью. Дивидуум есть персонаж фильма «Матрица», где представлена не абсурдная утопия, а та же парадигмальная схема, которая соответствует общей логике перехода от модерна к постмодерну. Уже сейчас замена некоторых частей тела человека в определенных обстоятельствах не противоре-



чит этике и морали европейской культуры. Дальше новые достижения в технологиях позволят значительно усилить качества человеческих органов. Электронный глаз будет видеть дальше. Электронные мускулы будут хватать сильнее, электронная память расширит интеллектуальные возможности. Первые опыты уже были сделаны. На наших глазах, в нашем поколении будет создан киборг – человек, чьи качества будут усилены высокотехнологическими, неестественными вещами.

Дивидуальность для постмодерна, для постгуманизма есть принципиальная вещь. В концепции дивидуума существует возможность соединения человека с машиной. И теперь это возможно уже и по моральным причинам, тогда как раньше было под фундаментальным философским и моральным запретом. Этот запрет и ныне стоит в центре научных, философских, политических полемик западного сообщества. Суть перехода – является ли человек цельностью – индивидуумом, либо дивидуумом. Здесь мнения расходятся, а тех, кто впервые понял, что такое дивидуум, – начинает трясти.

Первый вариант – конвергенция человека с машиной. Есть уже биомеханические сайты и манифесты биомеханического движения. Актуализируется возможность улучшить генный потенциал людей. Причем воздействие может быть не только через вживление микрочипов, но и через эксперименты с памятью. Второе – биологическое сращение. Если раньше человек творил механистические опыты, то теперь биологические – выведение новых форм: русалок, кентавра и т.п. Это тоже является элементом постгуманистической перспективы.

Конечно же, стоит вопрос – является ли эта парадигма такой фатальной, необратимой или ей можно создать что-то в противовес, организовать сопротивление, чему и посвящен фильм «Матрица», который, по сути дела, забегаая вперед, описывает дивидуальный мир, постгуманистический пейзаж, в котором возникает революционно-повстанческое движение. Очень занятно, что матрица, прежде чем стать абсолютной реальностью, сама снимает о себе фильм и делает это иронически и двусмысленно, сама себя экстраполируя. Это очень тонкий момент, потому что всегда, прежде чем какая-либо реальность становится банальной, она кажется такой невозможной, шокирующей. Потом она предстает очевидной и уже никто не помнит, что, к примеру, в основе модерна стояли просто парадоксы остроумного Вольтера, который был своего рода панком XVIII в. «Бога нет, о ужас!», – а потом к этому привыкли, и это стало реальностью.

Сейчас то же самое – пока все происходящее кажется апокалипсическим кошмаром, какой-то нелепой фантазией. На самом же деле на всех уровнях парадигмальная граница активно преодолевается. Стена, конечно, есть, но в ней уже просверлены дыры, проделаны щели, она трясется, как стена, построенная Александром Македонским против нашествия гогов и магогов.



Евгений ВЕРТЛИБ (Германия)

## **ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМАТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА\***

### **IV. Управление конфликтами и стабильностью в Центральной Азии**

«Нам не нужен в Средней Азии второй Афганистан, – заявил президент Путин, – и мы будем действовать очень аккуратно. Нам не нужны там революции, нам нужна эволюция».

Что понимать под этой эволюцией? Скорее всего, помощь соседям в защите суверенитетов и дружественных России правящих кланов. Способствование устойчивому «антицветочному» настрою в регионе. Содействие в латании властных прорех с целью уменьшения местной напряженности и придания режимам приглядного облика, а также улучшения управления и контроля госструктурами, обществом и конфликтами. Предпочтительны мягкие аппаратные «рокировки» (перевод с места на место), а не капитальная реконструкция государственной машины.

Такой стиль косметической модернизации госуправления устраивает служилую элиту и лидеров регионов, занятых преимущественно повышением собственной автономности и личной значимости. Во избежание провоцирования смуты лучше оставить все как есть на усмотрение власть имущих и жить посильно справедливее на фундаментальных сложившихся основах – главное, без потрясений сомнительной новизны и без гражданской конфронтации. Видимо, это и имел в виду Путин.

Сдерживающая стратегия «не навредить» оптимальна для центрально-азиатской специфики. Ибо этот взрывоопасный «котел» пронизан линиями конфликтов между этносами, религиями, административными конструкциями, кланами и группировками, элитами, неформальными движениями. Толпа там легко мобилизуется для протестных акций под любыми лозунгами и для направленных действий по

---

\* Окончание. Начало см. Вестник аналитики №4–2006 г.

смене режима. Например, стычки между киргизами и узбеками летом 1990 года в Ошской области Киргизии начались из-за небольшого земельного спора, но вылились в ожесточенные столкновения с большим числом погибших. При желании не составит труда раздуть застарелые проблемы, доведя градус нетерпимости недовольных и подкупленных смутьянов до взрывной кондиции. Политико-психологическим диверсантам по силам воздействовать на когнитивном уровне на «спинно-мозговое» сознание бурлящей массы, подсказав ей, что жить «дальше так нельзя», что только радикальными способами можно изменить ситуацию.

Очень опасно подогревать этнические, религиозные, социальные и административные интересы. Процессы могут не остановиться на фазе «относительного хаоса» (условия легкого улова рыбы в мутной воде), а вырваться из рамок межкланового передела собственности в бесконечную и безграничную анархию. Конфликты и стабильность программируемы и управляемы.

Анализ последних событий на Балканах натолкнул Илью Клинова на универсальную рецептуру агрессии. С учетом развития других конфликтов можно вывести примерно такую общую стратегическую формулу для насильственного преобразования практически любого государства, в котором компактно проживает национальное меньшинство:

1) Наличие в нацменьшинском крае хотя бы минимальных межнациональных трений (они всегда есть).

2) Ободрить «пониманием озабоченности» экстремистских лидеров. Поставить им оружие, деньги. Помочь создать группы боевиков-террористов. Сквозь пальцы смотреть на их криминал, аферы, обогащение – дать им укрепиться и создать «государство в государстве».

3) Экстремистские политики раскачивают ситуацию в крае, нагнетают ненависть и раздоры, а боевики открывают террор и партизанскую войну против центральной власти. Умеренных и здравомыслящих лидеров меньшинства игнорировать (оттеснить в сторону или просто «убрать» с пути, а всю вину свалить на спецслужбы данной страны) и делать ставку на отмороженных радикалов.

4) Спровоцированные террор и неповиновение вызывают ответные действия центральной власти. Из-за начавшихся боевых операций появляются первые жертвы среди мирного населения. Тщательно отобранные факты насилия раскручиваются в СМИ как «систематический геноцид официальных властей против гражданского населения». При недостатке доказательств террористы нередко не останавливаются перед уничтожением своих и выдают это за «зверства оккупантов». Идет эскалация вражды и ненависти.

5) Осуществив оголтелую ПИАР-компанию негативных событий в СМИ и получив «моральные основания» для вмешательства во внутренние дела этой страны (вот для чего внушалась «десуверенизация»

как благо), навязывается чужое посредничество на переговорах. При этом экстремистов рекомендуется всячески ободрять и подбивать их на выставление все более жестких требований, чтобы правительство страны заведомо было вынуждено отказать. Умеренных и здравомыслящих деятелей нацменьшинства клеймят как продажных ренегатов, а то и инспирируют над ними «народный самосуд».

6) Правительству выдвигается ультиматум немедленно стабилизировать положение и предотвратить выплеск анархии за пределы страны. За невозможность изменить все сразу и радикально – вразумляющие бомбардировки. В крае разрушают, прежде всего, коммуникации и системы жизнеобеспечения, чтобы спровоцировать гуманитарную катастрофу. Бомбят и всю остальную территорию страны, чтобы вызвать массовый взрыв национализма и максимальное обострение межнациональной вражды. При этом правительство теряет всякую возможность идти на компромисс и вынуждается следовать за настроениями подстрекаемой толпы. В руководстве страны берут верх радикалы и экстремисты, что еще больше обостряет ситуацию.

7) Внешняя агрессия накаляет обстановку до предела. Начинается межэтническая война, в которую вступает даже умеренная часть нацменьшинства. Побеждают экстремисты и полевые командиры. Из-за общей националистической истерии центральное правительство теряет возможность эффективно сдерживать экстремистов и мародеров. Возникают разные самочинные банды мстителей, грабителей, уголовников. Массовый панический психоз многократно увеличивает поток беженцев.

8) От «чудом уцелевших» берут свидетельства насилия над мирным населением (реальные и сфабрикованные) – чтобы еще большей раскруткой кампании в СМИ выстроить образ врага – «виновника этнических чисток», морально разоружить союзников данной страны и задним числом оправдать необходимость вторжения «освободителей». Далее, уже не стесняясь, усиливают бомбардировки, уничтожают военный и промышленный потенциал страны, вводят войска, оккупируют всю страну (чтобы свергнуть «террористический режим» и наказать «военных преступников»), расправляются с неудобными политическими силами и навязывают «временный» оккупационный режим.

Миссия выполнена. Так что посредством навешивания ярлыка «виновника гуманитарной катастрофы» оправдывается любая степень последующего вмешательства во внутренние дела страны-жертвы. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Целей можно добиться «чистыми руками», да еще и прослыть в глазах все того же «общественного мнения» («чернь» у Пушкина) одержавшим моральную победу. А дальше уже, глядишь, и Косово «незаметно» вычитается из состава Сербии, да и саму страну при форс-мажорных обстоятельствах можно расчислить как категорию «нереформируемых» славян – вон, мол, какие почести устроили мертвому «недосуженному» Милошевичу.

Есть и другие «тонкие штучки» гуманитарных стратегий господства «Океана». Среди вскрытых Владиславом Сурковым четырех основных вызовов суверенитету страны – международный терроризм; угроза прямого военного столкновения; неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным оранжевым технологиям при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям – весьма нетривиален последний.

«Как это делается, известно: размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты. «Оранжевая» технология это вполне наглядно показывает, – отметил Сурков. – Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что, если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой?» Причем, по его мнению, эти попытки не ограничатся 2007–2008 годами. Приемы «мягкого поглощения» жертвы – воздействия на социум – ухищряются.

Поэтому заслуживает внимания наша совместная академическая разработка под руководством адмирала Владимира Пирумова – 18-томной целостной системы обеспечения безопасности социума. Полагаю, что при желании можно добиться полного схождения «окраски и формы с окружающей средой» – ловко мимикрировать, примазавшись к «своим», сочувствующим чужой беде, с целью побудить противника допустить оплошность, ошибку, сделать неправильный шаг.

Не потому ли Узбекистан, напуганный закулисным подогревом страстей, совпавшим по времени с настоятельными претензиями относительно прав человека и демократизации общества, осознав, что к чему, в знак протеста против подталкивания страны к новой крови (так он понял происшедшее) решительно пресек эскалацию конфликта, пожертвовав материальной выгодой пребывания американской военной базы в Ханнабаде?

Лично президенту Каримову расследование по горячим следам событий в Андижане наверняка стоило бы жизни. К тому же никто не мог бы гарантировать, что бунт разъяренной и подбиваемой на бесчинства толпы, сопровождающий публичное выявление виноватого, ограничился бы лишь локальной разборкой, а не превратился бы, как минимум, во всерегиональный кошмар.

Требовать демократически нормальной процедуры – полного расследования – это незыблемое гражданское право свободного волеизъявления, но может быть и опасной уловкой, когда слишком не вовремя предъявлен сей демократический ультиматум. Угроза – в противном случае применить «соответствующие меры» к президенту Узбекистана – ввела Ташкент в орбиту Москвы.

На примере Андижанских событий мая 2005 года ясно, что сдерживать раскаченные ситуации приходится жесткими методами, с помощью регулярной армии, выполняющей полицейские функции (и Совет

Федерации позволяет российской армии воевать внутри своей страны). Реакция президента Каримова – убрать военную базу – была столь ошеломляющей, как если бы, метафорически выражаясь, им был внезапно вскрыт примененный к нему прием обработки «клиента» спецсредствами: подстрекательство жертвы к самоубийственным действиям, ведущим, кроме личной гибели «подопытного», также к насильственному свержению легитимной власти – государственному перевороту, причем безволием самого зомбированного.

Если это было именно так, то сие действо из арсенала психологической войны (покайся, расследуй, изыди негодный) – высший оперативный пилотаж технологии управления сознанием. Хотя НПО утверждают, что их миссия – помогать странам создавать инфраструктуру демократии и гражданского общества, а не свергать правительства, Ислам Каримов, обжегшись на молоке, на всякий случай избавился от «учителей демократии»: с 2005 года в Узбекистане закрыты представительства Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и «Интерньюс», большое число местных ННО, офисы Института по освещению войны и мира (IWPR), корпункты Би-би-си, радио «Свобода», «Freedom House» и фонд «Евразия».

Заглянем поглубже в конспиратологический аспект революционно-го «цветоводства».

Примером мягкого поглощения по современным оранжевым технологиям служит типология осуществления «цветочного» отторжения власти посредством выборов. Три революции «выборщиков» в странах СНГ за последние полтора года. Они начинают передаваться, похоже, воздушно-капельным путем перед, во время и сразу после выборов. Конечно, недовольство априори результатами голосования легко выдать за естественный протест общества против якобы допущенных подтасовок при подсчете голосов и задействованного административного ресурса.

Модель политики поощрения демократических переворотов, с соответственной корректировкой применительно к каждой отдельно взятой стране, успешно применялась на Филиппинах, в Чили, Никарагуа, Индонезии, Перу, Мексике, Монголии, Словакии, Хорватии, Украине. При наличии бурлящей критической массы естественного недовольства (например, резкое повышение цен) легко пойти на обострение (особенно проплачиваемое) ситуации: не согласиться с результатом любого подсчета голосов избирателей и выплеснуться на улицы с протестом и загода заготовленными палатками.

Результат демократических новаций – сталинский: неважно, как проголосуют, главное, как подсчитают голоса. Тоталитарные методы в демократической обличке возвращаются на круги своя. «Холодная война» продолжается и требует жертв.

Откровенная двустандартность применяемых норм и разработка схемы по абсолютному слиянию якобы «друга» с «обрабатываемым матери-

алом» – стилистика неоглобалистского управления, погружения клиента «из огня да в полымя», зомбирование сознания. Сам хозяин замысла априори «неподсуден»; других же – к ответу за содеянное. Например, на кубинской военной базе в Гуантанамо «490 заключенных уже четыре года лишены права апелляции к правосудию, срок их заключения не определен, а условия содержания омрачены пытками и глумлением». От доклада ООН, в котором эта ситуация признается нетерпимой, Белый дом отмахнулся, как от «дискредитирующего саму ООН».

Что позволено быку, не позволено Юпитеру. Китай указал США на «бревно в глазу»: Госдепартамент КНР в очередной раз призвал США «обратить внимание на свои собственные внутренние проблемы, связанные с нарушением прав человека», а не указывать другим на их недостатки. Но коррекция основ политического поведения вряд ли последует. Принятый к исполнению Акт о демократии и правах человека в Центральной Азии призван исправить «неверное направление» развития региона. Причем денежная доля от выделяемых США на преобразование региона 188 миллионов долларов будет соответствовать степени усвоения каждой страной навыков демократизации по-американски: по новой «Стратегии» наибольшие средства получают только «эффективные» демократии – те страны, где демократию лелеют и развивают, а не просто терпят. В этой связи следует заметить, что лишь Украине и Кыргызстану помощь на 2007 год будет увеличена: соответственно – 85 и 32 млн. долларов.

Первой – понятно. Второй, перманентно нестабильной из-за вечного противостояния севера и юга, – видимо, как за возможный антииранский плацдарм. Но Бишкек, пока не определивший свою позицию по Ирану, не прочь брать пожертвования как от США (дополнительных 200 млн. долларов), так и от Исламской Республики (льготного кредита на 200 млн. евро). Впрыскивание материальных средств призвано оживить продвижение демократии и упрочить в регионе геополитические позиции США. Ведь наблюдается явное осыпание «цветочной пыльцы».

В Грузии «розы» бледнеют перед сепаратизмом и политическими разногласиями. В Киеве пахнет реваншем. В Белграде – сильно наследие Милошевича и чувство незавершенности Балканских войн. В складывающихся условиях американская концепция упреждающих ударов становится менее приоритетной, чем «эффективная дипломатия» в русле «разработки программы содействия свободе и демократии». Причем отныне администрация намерена встречаться в Белом доме с лидерами демократической оппозиции тех стран, где, с точки зрения американцев, не все в порядке с правами и свободами человека, и оказывать им всемерную поддержку.

Фактически это означает отказ США от одного из фундаментальных постулатов международного права – принципа легитимизма.

## V. ЦАР между «порядком» и «свободой»

Перед странами Центральноазиатского региона, по мнению политолога Ерлана Карина, сейчас две дилеммы.

Первая – это выбор своего пути между ДЕМОКРАТИЕЙ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ. Ведь в ряде случаев излишняя либеральность оказалась губительной для стабильности.

Вторая дилемма – СУВЕРЕНИТЕТ ИЛИ БЕЗОПАСНОСТЬ. Ни одна страна в регионе не в состоянии в одиночку, без третьих сил, эффективно противодействовать внутренним и внешним угрозам безопасности. Эта зависимость, слабость стран региона создает почву для начала жесткой конкуренции между Россией и США за влияние в ЦАР.

Полагаю, представленные Е. Кариним две «спарки» – не категоричные антиподы: вместо «или-или» логичнее признать «и-и»: суверенитет – демократия – безопасность хотя бы ассоциативно, но взаимосвязаны между собой, а то и совсем взаимообусловленные вещи.

Стабильный суверенитет не станет менее надежным от прививки подлинных демократических элементов. Посему в странах постсоветского пространства, скорее всего, доминирует другая пара взаимоисключающих ориентаций: «порядок» или «свобода». В ходе опросов общественного мнения три четверти россиян предпочли «порядок», а не «свободу». Бытующая анархическая свобода не может быть «матерью порядка». Так что велик и мал выбор путеводных альтернатив для руководителей стран ЦАР, поведенчески «двумодельных», по мнению Артема Улуняна. Первая – в большей степени присущая Туркменистану и Узбекистану – не исключает попытки «детронизации» нынешних президентов именно с помощью верхушечных переворотов.

Эта модель выражается в следующих основных тенденциях: 1) усиление репрессивного «компонента»; 2) насыщение структур госуправления сотрудниками тайной политической полиции; 3) постоянные ротации в среднем и высшем звене чиновничества, интенсивное обогащение правящих «семей»; 4) пауперизация широких социальных слоев.

Вторая модель поведения центрально-азиатских руководителей может быть реализована Казахстаном и Таджикистаном. Оба режима возглавляются безальтернативными правителями «управляемой демократии». Нурсултан Назарбаев постарается подгонять параметры национального единства под критерии своей Национальной комиссии по вопросам демократизации и развития гражданского общества (НКВД) для решения двух стратегических задач: 1) окончательного формирования партийно-политической системы, основанной на принципах двухпартийности, но без резкой оппозиционности власти; 2) продвижения во власть своей дочери – Дариги Назарбаевой как будущего преемника действующего президента.

В свою очередь, президент Таджикистана Эмомали Рахмонов, видимо, воспользуется выдвинутой его идеологами этнонациональной докт-



риной «арийской цивилизации» как для объединения нации на секуляристских основах с целью подрыва влияния конфессионально ориентированной оппозиции, так и для обоснования борьбы, которую он ведет с несогласными в стране. Состоится ли политическая трансформация существующих «авторитарно-тоталитарных режимов» – время покажет.

Осторожное, тщательно продуманное проведение политических реформ в ЦАР может способствовать демократическому освежению региона мягким гашением назревших там предпосылок для серьезной конфронтации, а также может устранить переход в опасную форму противостояния исполнительной и законодательной властей, как в Кыргызстане.

Впрочем, определенные «трудности» между ветвями власти естественны: различия в подходах полезны, ибо дают возможность прихода к оптимальным решениям посредством компромисса. Однако любому выбранному национальному пути надо будет считаться с грядущим обострением конкуренции и противоречий в ЦАР – «перспективном» месте геополитического и геостратегического столкновения интересов. Страна региона важно блюсти в первую очередь свои интересы. Им в целом выгодно участие в коллективном противоборстве с транснациональными угрозами (терроризм, наркотрафик). Однако следует не спешить принимать «бесплатный сыр» от соседствующих и пришельцев. Пусть участвуют американской стратегии целесообразного соучастия в делах и поступают, как те с Центральной Азией – прежде всего, в контексте своих национальных интересов в Китае, Афганистане, в сфере энергетики. Пока же любое независимое намерение ЦАРистов, например, проверить лояльность НПО Кыргызстану, вызывает немедленно ответную тревогу со стороны «демократических ценностей» и «обязательств перед ОБСЕ».

В ЦАР формируется многоформатная эшелонированная система региональной безопасности и стабильности. Москва теснит Вашингтон в Киргизии, США Россию – в Азербайджане. На российской авиабазе в Канте планируется разместить и истребители Су-27 – боевые самолеты не только для противовоздушной обороны, но также и для ведения воздушных боев, прикрытия войск, стратегических объектов. В свете планирования войны с Ираном Москва рассматривает вопрос о предоставлении Киргизии нескольких ракетных комплексов С-300. Арендную плату за размещение американской авиабазы «Манас» под Бишкеком решено поднять сразу в сто раз. Да еще и сам президент Курманбек Бакиев поторапливает с ее выводом: «речь не идет о том, чтобы эта база здесь находилась беспричинно долго». «Тем более, у нас есть обязательства в многостороннем формате – ШОС, ОДКБ». Новая арендная плата составляет почти 10% ВВП страны, в то время как весь военный и правоохранительный бюджет государства равен 34,6 млн. долларов (1,3% от ВВП). И все же при принятии окончательных «базовых» решений необходимо просчитывать последствия для Киргизии в случае ракетно-авиационного удара по Тегерану.

Российский ВПК активен в постсоветском мире. С участием Индии модернизируется военный аэродром в Таджикистане (в районе города Айни). Укрепляется авиагруппа в Армении. Обсуждается вопрос о создании российской авиабазы в Белоруссии. Все увереннее функционирует ОДКБ. Вот-вот заработают силы коллективной безопасности ЦАР, призванные локализовывать и прекращать приграничные конфликты на внешних границах ЦАР, а также ликвидировать формирования агрессора. Совместно устраняются последствия стихийных бедствий, обеспечивается химическая, энергетическая, биологическая, эпидемиологическая безопасность. Ратифицирован договор о союзнических отношениях между Ташкентом и Москвой. Ислам Каримов хочет создать Центрально-азиатский Общий рынок (ЦАОР). Дифференцированная, разноуровневая и разноскоростная модель интеграции позволит странам региона и, возможно, также ассоциированным территориям (Синьцзян, Хорасан и Афганский Туркестан) улучшить отношения друг с другом и поднять свой уровень жизни.

Взаимопротиворечащие устремления России, США, Китая, Европы и мусульманского мира доминировать в Центральной Азии могут подорвать дальнейший процесс формирования системы безопасности в ЦАР. России ничего не остается, как согласиться с военным присутствием в ЦАР сил Североатлантического альянса – «для совместного противостояния деятельности международных террористических организаций, радикальных религиозных и этнических группировок, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту оружия и наркотиков». Но горькую пилюлю наступления НАТО на ЦАР хотелось бы смягчить – создать с участием прикаспийских государств (Азербайджана, Ирана, Казахстана, Туркмении и России) объединенную военно-морскую группировку оперативного реагирования. Москва, обеспокоенная тем, что товарооборот у Азербайджана с США на треть больше, чем с Россией, активизирует свою активность в Баку. На повестке дня у них нерешенный Карабах, «антироссийский» нефтяной трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан, сохранение контроля за Габалинской РЛС.

Интересы Баку многогранны: не только США и Россия, но и иранские азербайджанцы, помощь которым способствует сепаратистской межэтнической напряженности в Исламской республике, – готовое вспомогательное средство для свержения режима аятолл. Однако Баку опасается испортить отношения с Тегераном. И с юга, и с севера легко дестабилизировать ситуацию в республике, используя сепаратизм лезгин, талышское меньшинство, проиранские исламистские элементы. Эта угроза заставляет Баку постоянно считаться с интересами Кремля и аятолл. С другой стороны, коммерческие дела правящей элиты тесно завязаны на американские нефтяные компании. Если Алиев-младший, говорит Улугбек Джураев, окажется слишком несговорчивым и наотрез откажется сотрудничать с Пентагоном на иранском направле-

нии, Вашингтон имеет возможность активно поддерживать азербайджанскую прозападную оппозицию по методике, уже испробованной в других странах СНГ. Стратегическая миссия США в Азербайджане – завершение процесса геополитического окружения Ирана, создание новых рычагов давления на Россию, поддержание проамериканских правительств в регионе, размещение военных объектов в зоне Каспийского бассейна и разработка программы «Каспийский страж». Россия выступает против присутствия на Каспии вооруженных сил, не принадлежащих прикаспийским государствам. В Азербайджане якобы «против контрабандистов» запланировано разместить две американские радиолокационные станции – в Астре, на границе с Ираном, и в районе Хызы, на южном склоне Большого Кавказского хребта.

Если отношение Баку к Москве – прагматически нейтральное, то правители Грузии, Украины, Молдовы отнюдь не церемонятся с Россией. Они клеймят и провоцируют на конфликты «москалей-империалистов». Что касается Армении, то она, сохраняя с Россией военно-экономическое партнерство, тем не менее состоит благодаря политической «коммунабельности» в довольно хороших отношениях с Ираном и Западом. Осуществляется совместный с Россией контроль за воздушным пространством на южном направлении, отрабатывается в сущности антитурецкий вариант военного сотрудничества.

В армянских СМИ превозносится региональное могущество Ирана. «Если отбросить в сторону газетную шелуху, – читаем в газете «Голос Армении», – де-факто Иран был и остается одним из ключевых факторов стабильности региона, страной, которой удастся поддерживать ровные, стабильные добрососедские отношения со всеми своими соседями, чего нельзя сказать ни про Турцию, ни про Азербайджан, ни про Грузию или Армению». Армяно-иранское стратегическое партнерство обусловлено конфронтацией Еревана с Баку и Анкарой, а также перманентной напряженностью между Тегераном и Баку. Оно укрепляет позиции Армении в карабахском конфликте. Упрочение связи с Ираном позволило бы Армении не зависеть от энергоснабжения из России (повысила цену, как всем) через грузинскую территорию (диверсии на северокавказском газопроводе).

Однако Запад уже спланировал судьбу Армении. Американский генерал Чарльз Уолд заявил, что «Грузия, Азербайджан и Армения теперь признаны новым геополитическим острием благодаря углеводородным ресурсам Каспия, угрозе терроризма, незаконной торговле оружием и наркотиками». Прорабатывается проект «Большой Кавказ», предусматривающий формирование на месте нынешних Грузии, Армении, Азербайджана и северокавказских республик России государственной Федерации под протекторатом США. Начался процесс выдавливания российских военнослужащих с линии противостояния по рубежу грузино-южноосетинского разграничения. Видимо, россий-

ских солдат все же выведут из Южной Осетии и Абхазии, хотя сама Грузия еще в 90-е годы при президенте Гамсахурдия вышла из Советского Союза без Южной Осетии и Абхазии. Стало быть, ее претензии на эти республики вряд ли законны.

Возможно, признание Косово станет прецедентом в вопросе разрешения всех замороженных конфликтов на постсоветском пространстве. Пока же президент Грузии Саакашвили призывает наказать Москву «тысячью западными самолетами и современными армиями». А оппоненты его надеются, что Москва защитит их «как граждан Российской Федерации, вне зависимости от того, где они живут» (у большинства из них российские паспорта).

Китайская стратегия в таких случаях советует полководцу: «Оружие есть инструмент зла, и использовать его нужно только тогда, когда это неизбежно». Да и девиз казацкой шашки призывает действовать решительно только когда абсолютно необходимо: «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай».

Американский проект «Большой Кавказ», дающий странам вместо суверенитета гарантию стабильности, мог бы предотвратить распад кризисной Грузии по косовскому сценарию. Грузия под протекторатом США стала бы стратегическим «мостом» для транспортировки энергоносителей из Центральной Азии в Европу в обход России, отсекая последнюю от ее южных соседей, Ирана. Это явилось бы предтечей осуществления доктрины «Большой Ближний Восток» – полного выдавливания России из Кавказа с последующим вытеснением ее из Каспийско-Среднеазиатского региона. Пока же внешние игроки, между которыми есть определенный консенсус решать важнейшие дела ЦАР в «треугольнике» Китай–США–Россия, нейтрализуют усилия друг друга по единоличному доминированию в регионе.

Российским позициям в регионе помогают старые технико-экономические связи. Станции предупреждения о ракетном нападении (СПНР), находящиеся на территории Казахстана, Азербайджана, Белоруссии, Украины, Узбекистана, дают заработок местным жителям. Россия в Казахстане арендует космодром Байконур. Специалисты из Днепропетровска осуществляют надзор за техническим состоянием баллистических ракет шахтного базирования стратегических ядерных сил (СЯС) России. Деловая кооперация вовлекает смежные страны в общий бизнес и делает партнеров взаимозависимыми: Белоруссия, Армения, Узбекистан, Украина (больше конкурент России по оружию) производят совместно с Россией вооружение. Поставки казахстанских энергоносителей по западным маршрутам, способствующие уменьшению зависимости Европы от российских нефти и газа, волнуют Москву. Казахстан гонит углеводороды сразу по четырем трубам: на российский Оренбург, Баку – Тбилиси – Джейхан (БЕД), Китай и Иран. Астана умеет выгодно пользоваться своим положением: быть нужным

НАТО и в то же время состоять членом во всех пророссийских организациях (СНГ, ШОС, ЕврАзЭС, Антитеррористический центр СНГ, ОДКБ) – приемлет все ветры, попутные своему курсу.

Казахстан не подтверждал свое участие в антитеррористической коалиции вплоть до визита министра обороны США Дональда Рамсфельда 28 апреля 2002 года. Хорошие темпы роста экономики, успешно модернизируемая армия делают Казахстан опорой в регионе. Как член ОДКБ, он имеет право закупать в России вооружение и военную технику по льготным ценам. Между Россией и Казахстаном подписано соглашение о совместном планировании применения войск в интересах обеспечения безопасности обеих стран. России предоставлены полигоны для боевых стрельб ВВС, а та, в свою очередь, готова помочь Казахстану с созданием флота (вместе с береговой инфраструктурой), обучать военных специалистов и совместно охранять внешние границы.

Армии Киргизии и Таджикистана значительно слабее. Москвой рассматривается вопрос о предоставлении Киргизии нескольких ракетных комплексов С-300. России важен завод «Дастан» в Бишкеке, производящий для флота высокоскоростные торпеды ВА-111 «Шквал». Посильно сотрудничает Москва с Кишиневом: несмотря на неясность ситуации вокруг Приднестровского конфликта, проводятся учения «Голубой щит». С Таджикистаном отношения у России хорошие – длительные и доверительные. Москва в 1990-е годы помогла локализовать гражданскую войну и спасти власть Эмомали Рахмонова. Теперь их взаимодействие в основном в сфере борьбы с терроризмом и преступностью. Туркмения, не поделив с Россией ресурсы Каспийского моря, связала было себя узами дружбы с Украиной: газ в обмен на станцию радиотехнической разведки «Кольчуга-М», которая дала возможность контролировать Азербайджан. Однако Баку в ответ пригрозил обратиться в ООН, чтобы лишить Туркмению статуса нейтрального государства.

Ашхабаду не удалось осуществить постройку трубопровода для поставки туркменского газа через Афганистан на рынки Пакистана и Индии. Ему, партнеру афганских талибов и неудачному антироссийскому игроку в регионе, пришлось согласиться на транзит своего газа по российским магистралям.

Что касается Узбекистана, то Москва сама виновата в его «переметности». В марте 1994 года он одним из первых подписал соглашение «О принципах взаимного технического и материального обеспечения вооруженных сил». Однако невнятная политика России по отношению к странам Центральной Азии побудила Ташкент выйти из СКБ СНГ и искать механизмы разрешения своих острых проблем вне рамок Ташкентского договора. Состоя с Россией в военном союзе по обеспечению безопасности с юга, Узбекистан не обижал и Запад: Ислам Каримов предоставил США свое воздушное пространство, авиабазу Ханабад в центре Кызылкумов, а также Германии – базу в Термезе.

После андижанских событий Ташкент целиком с Москвой. 11 октября 2005 года согласовано строительство завода по производству вертолетов под Ташкентом, а также совместное производство самолетов Ил-76 МФ и Ил-114 Ташкентским производственным объединением им. В.Чкалова и Воронежским самолетостроительным объединением. Хлопок в обмен на военно-техническую продукцию. Российская Федерация и Узбекистан подписали Договор о союзнических отношениях между двумя странами.

Украина постепенно превращается в буферную зону между НАТО и странами ШОС/ОДКБ. Стремление Киева усилить военные связи с Брюсселем привело к резкому ухудшению двусторонних отношений с Москвой. России ничего не оставалось, как найти адекватную замену украинским компонентам военного производства. Во многих скандалах, в которые попадали украинские оружейники в последнее время (от поставки некачественных БМП Грузии до продажи радиолокационных комплексов «Кольчуга» режиму Саддама Хусейна), они видят руку российских конкурентов. На январь 2004 года в странах СНГ было размещено 35 баз и военных объектов Министерства обороны России и пять объектов, принадлежащих странам СНГ, на которых проходят службу около 4000 российских военнослужащих.

В целом Россия за последние годы, по мнению цитированного А.Цыганка, несколько упрочила свои позиции на постсоветском пространстве и оптимизировала многосторонние и двусторонние контакты в военной и военно-технической сферах.

Центрально-Азиатский регион (ЦАР) богат хлопком, урановой рудой, золотом (треть мировых запасов), нефтью, природным газом, другими полезными ископаемыми, а также энергетическими и людскими ресурсами. Одно углеводородное сырье чего стоит: к 2015 году в бассейне Каспийского моря, включая Казахстан и Азербайджан, планируется добывать 4 миллиона баррелей нефти в сутки, что больше, чем дают сегодня Кувейт и Ирак, вместе взятые. Центральная Азия – «уникальный плацдарм, владение которым, – по мнению руководителя АТЦ СНГ генерала Бориса Мыльникова, – позволяет одновременно оказаться в глубоком тылу у тюрко-славянского сообщества, исламского мира, китайской и индийской этнических буддистских цивилизаций и иметь возможность расширения сферы своего влияния по всему периметру Евразийского континента».

После 11 сентября 2001 года центрально-азиатский «Мировой остров» оказался вовлеченным в антитеррористическую войну. Однако борьба собственно с терроризмом как бы отходит на второй план. Хотя по-прежнему ищут Усаму бен Ладена, муллу Омара, но сместился первоначальный акцент: решено одолеть терроризм путем внедрения демократии.



## VI. Состояние и интересы России применительно к ЦАР

В обстановке нарастающего в ЦАР противоборства интересов геополитических субъектов в оперативном распоряжении России не оказалось мощной объединяющей идеи, несокрушимой воли к победе, единства нации, достаточных материальных средств, сильной, мобильной армии, высококачественной интеллектуально-исполнительной базы. С точки зрения политико-стратегической значимости, объект достоин внимания, если уровень его влияния на ситуацию превышает 2%. Россия же по этому показателю, судя по выводам Игоря Яковлева, «уже довольно давно балансирует где-то на грани 2%».

Этот жалкий МИНИМУМ МИНИМОРИУМ стратегической состоятельности с трудом обеспечивает военно-политическую безопасность государства. Хотя Россия силится поскорее возродиться, ей все еще приходится терпеть унижение. Например, грузинский министр по урегулированию конфликтов Георгий Хаиндрава в эфире «Рустави-2» назвал Российскую Федерацию фашистским государством. Однако через пару дней, как ни в чем не бывало, он прилетает в Москву и встречается с официальными лицами. В Москве сделали вид, что не слышали подобных публичных оскорблений.

Или взять свежайший инцидент. Украинцы позволили по своей территории перевозить российскую гуманитарную помощь Приднестровью, но только по ночам, практически без остановок и на катастрофически бешеной скорости. МИД что-то промямлил невразумительное.

На месте клинической абулии живехонек политический пассивизм руководства страны. Это объяснимо не только неизжитой инерцией методологии принятия антироссийских решений, но и, в первую очередь, закланием страны посредством размещения капиталов российской правящей элиты в банках Запада. Боятся «доктринеры Иванова» снять самовольную блокаду Приднестровья. Также сдадут Абхазию и Южную Осетию – эти «непризнанные государства», где более двух третей жителей являются полноправными гражданами РФ. И Нагорный Карабах постигнет участь передачи Косова. Не будь этого денежного рычага воздействия на Кремль через капиталы олигархической элиты в чужих банках, россияне могли бы полноценно ощутить на себе блага государства, более не зависящего от кредитов Всемирного банка и ВМФ. Да и дивидендов от продажи энергоресурсов Европе и Азии почти не видят россияне – обогащается безликое «Газпром», энергетики Чубайса, фирмачи, приближенные к трону.

Тот факт, что в России «миллиардер на миллиардере сидит и миллиардером погоняет» (слова В.Суркова), говорит об остром расслоении общества по латиноамериканскому образцу и что советское наследство проедено, а аванс на возрождение державы утекает за кордон. Эта «деликатная проблема» тщательно обходится стороной власть имущими – не рубят



сук, на котором сидят, причитая, что, дескать, собственность незыблема, а ежели начать деприватизацию скупленного за гроши, так того и гляди вспыхнет гражданская война. Пополнять казну просят честной уплатой налогов. Конфликт интересов жиреющих и обездоленных разрешается ницшеанским заветом: если человек тебя не понимает – либо убей его, либо уничтожь все проблемы, которые мешают вашему общению.

Безмерно раздутое и перевернутое с ног на голову понятие «терроризм» смущает президента Боливии: «Правительство Соединенных Штатов борется с терроризмом и в то же время засылает к нам террористов» для создания атмосферы «запугивания и хаоса, чтобы иметь возможность заявить о том, что правительство Эво Моралеса не может контролировать ситуацию в стране». Как будто создаются все условия и используются все возможности, чтобы это напряжение между обоюдными терроризмами нарастало.

Если Америка собирается экзаменовать мир на степень усвоения демократии по-американски, то Россия довольствуется взаимовыгодным прагматизмом, бесконфликтным продвижением национальных интересов, поиском решений острых проблем современности в рамках многосторонней дипломатии и коллективных усилий.

Обе страны употребляют общую риторику «борьбы с исламским экстремизмом и наркоторговлей», однако каждая вкладывает в это понятие свой смысл. Запад, после 2003 года все менее считающийся с Россией, вместе с тем все более зависит от ее энергоресурсов. Если Европа будет продолжать «строить из себя примадонну» – это ее проблема: Россия может основной газопоток направить на Азию. Она, опасаясь дробления пространства СНГ на отдельные проекты с минимальным российским участием, крепит нынешнее Содружество российско-китайским ресурсом. Органически связывающая Европу и Азию, она попытается создать вокруг себя мощный евразийский блок, будучи, несомненно, способной стать консолидирующим фактором, посредником между Западом и Востоком.

Американской идеологии противостоят идеи мессианства Руси как наследницы Византии и собирательницы народов в единую державу. Не возвращаться же России к временам государственной раздробленности Руси и ордынского ига, а то и паче – ждать, когда «вбомбят в каменный век» или раздробят, как Германию, на множество мелких курфюршеств после капитуляции третьего рейха.

Не получив адекватного отпора, наглеют наседающие на Россию. Роберт Джарвис, профессор Колумбийского университета, один из самых влиятельных политологов США, считает «маловероятным» прямое столкновение между США и Россией только в случае, если Российская Федерация будет «готова смириться с тем, что не будут восстановлены границы Советского Союза и даже границы России периода до Первой мировой войны». Стало быть, как только Запад убедится, что

россияне готовы кардинально пересмотреть итоги «холодной войны», начнется по-настоящему «Большая Игра» – разрастется «жесткая конкуренция между Россией и США за влияние в Средней Азии», обострится ситуация на Кавказе из-за нефте- и газопроводов, за контроль над Украиной и Беларусью.

Недавно принятая Кремлем доктрина «суверенной демократии» включает вхождение России в качестве подчиненного члена в какие-либо международные коалиции, а, напротив, по мнению политолога Виталия Третьякова, «предполагает создание собственной коалиции на канонических пространствах своего исторического присутствия и влияния, в т.ч. и в Центральной Азии. Нынешние границы Российской Федерации являются неестественными или, во всяком случае, ощущаются таковыми большинством политического класса страны – прежде всего, с точки зрения того, что они не обеспечивают достаточный уровень безопасности для России. И эта недостаточность должна быть компенсирована. По крайней мере – прочнейшим военно-политическим союзом с рядом близлежащих стран». США не устраивает восстановление в Евразии просторного российского геополитического поля.

Оперативно-стратегические интересы России в Центрально-Азиатском регионе: 1) контроль над транзитом среднеазиатских энергоресурсов, управление «голубым потоком» и продажа топлива другим странам; 2) сохранение своего достаточного присутствия в регионе с целью противостояния монопольным угрозам со стороны конкурентов и просачивания в Россию радикальных исламистов; 3) создание барьеров на пути усилиям США по «экспорту демократии»; 4) помощь русским, проживающим в ЦАР; 5) кооперация с Пекином по нейтрализации в регионе безответственных или единовластно монополизирующих политических сил. Вместе с тем, не давая превратиться Китаю во всесильного конкурента, Москва выступила против китайского предложения о введении в Центральной Азии режима свободной торговли (в этом случае пали бы последние барьеры на пути китайских товаров).

Отношения Москвы и Пекина, по мнению аналитика Пола Гобла, будут развиваться между двумя полюсами: сотрудничеством и конкурирующей конкуренцией, и это будет происходить независимо от американских действий – объединятся ли США с Китаем против России, или объединятся с Россией против растущего влияния Китая. Дружба с Россией против Китая может стоить США, например, массовой продажи китайцами ценных американских государственных бумаг, что вызовет катастрофическое падение доллара и связанные с этим негативные экономико-политические последствия. Пока же между ними конкурирующее сотрудничество антагонистов, именуемое «стратегическим партнерством». В ЦАР наблюдается «кучкование» стран по смежным интересам: *Rax Persica* («мир по-персидски») – проект геополитической реорганизации Средней Азии под эгидой Ирана в союзе с Россией.

Александр Дугин считает «ось Москва–Тегеран основой полноценной геополитической конструкции евразийского континента». У обеих стран энергетический сектор – важнейший актив национальной безопасности. Иран, в пик США, только что создал нефтяную биржу, расчетной единицей на которой стал евро. Иран хочет не только обвалить доллар и спровоцировать мировой финансовый кризис, но и, воспользовавшись эффектом от карикатурного шантажа Запада, спровоцировать США сделать стратегически опрометчивый шаг: начать с ним войну. Тогда «после удара по шиитскому Ирану, – говорит политолог Вячеслав Никонов, – у Америки не останется ни одного союзника в Ираке, там начнется война не гражданская, между шиитами и суннитами, а все дружно будут воевать с американцами, и в этом случае их там ждет вьетнамский сценарий в самом худшем варианте». Иракско-шиитская «Армия Махди» – военное крыло движения «Ас-Садр» – готова вступить в бой. Однако, видимо, цель США – не физический захват Ирана, а уничтожение иранского руководства и приведение к власти подконтрольных им управленцев.

Коалиционное объединение по прагматическим интересам теоретически не исключает и реанимации некоего альянса наподобие Священного союза между Россией, США, Израилем и Индией. Россия довольно успешно активизировалась на восточном направлении. Укрупнение ее отношений с Индией и Китаем дало повод говорить о реализации на практике приматовской идеи «стратегического треугольника» Москва–Дели–Пекин, лоббируемой «силовиками». Путин в Китае достиг значительных успехов. «Треугольник», дополненный Бразилией в рамках концепции BRIC, мог бы стать альтернативным США центром влияния в мире. Россия фактически заявила о своем энергетическом сверхдержавии.

Америка, рано списав со счетов «постисторическую» Россию, вдруг обнаружила, что у нее под боком орудует русский бизнес. Намеченная с Таиландом сделка по истребителям, договор о продаже Алжиру оружия на 7,5 млрд. долларов, стратегический союз с Китаем, инвестирующим в Россию 12 млрд. долларов, грандиозные нефтегазовые повсеместные поставки – все это говорит о том, что мир готов объединиться с русским потенциалом, в сложении с которым гарантируется лидерство. Вашингтон в энергетической политике Ирана, Венесуэлы, России видит для себя угрозу: «Мы привыкли рассуждать в терминах ведения войны обычными средствами между государствами, но энергия сейчас становится предпочтительным оружием для тех, кто ею обладает, – заявил сенатор Ричард Лугар. – В таких обстоятельствах государства могут быть доведены до отчаяния, что увеличивает вероятность вооруженного конфликта и терроризма. Использование энергетики как оружия может потребовать от НАТО провести оценку того, какими будут обязательства альянса в подобных случаях».

Препятствуют укреплению позиций России в Центральной Азии такие факторы, как непродуманность региональной политики, ошибки Кремля,

прямые происки врагов России и сопутствующий вред некоторых религиозных тенденций, насаждающих национал-шовинизм на бытовом уровне. Неполное или искаженное знание реалий региона не позволяет глубоко дружить с элитами, предвидеть угрозы, точно реагировать на них и может поставить в неловкое положение самого президента России.

Так, в 2001 году в прямом эфире телеканала Си-эн-эн Путин сказал буквально следующее: «Когда наши войска вошли в Чечню... выяснилось, что в Чечне была вброшена новая идеологическая платформа – религиозная. Она пришла с Ближнего Востока. И иностранные наемники стали навязывать местному населению суннитское толкование ислама. **А наши жители Кавказа в большинстве своем шииты**». Данное публичное высказывание российского президента было с максимальной объективностью прокомментировано корреспондентом московской «Независимой газеты» Максимом Шевченко в статье «Во что верит президент?»: путинская оценка религиозной ориентации мусульман российского Северного Кавказа верна с точностью «до наоборот». Дело в том, что большинство жителей Кавказа как раз именно сунниты. Только азербайджанцы там шииты (и то не все), да одно лезгинское село в горном Дагестане.

После такого страноведческого прокола пафос борьбы с исламским экстремизмом становится неубедительным. Восток – дело тонкое. Нелепо «союзу братских народов» унижать, например, сограждан-татар фанфарами празднования «круглой даты» взятия войсками Ивана Грозного города Казани. С такой близорукой стратегией распугивания окраин может оказаться прав Борис Березовский, утверждающий, что Россия при Путине практически потеряла Северный Кавказ, где ширится и укрепляется сепаратизм. Россия пробует не обидеть ни ислам, ни Запад. «Россия, – по словам Владимира Путина, – всегда была самым верным, надежным и последовательным защитником интересов исламского мира». Эти слова были адресованы центрально-азиатским и северокавказским мусульманам, у которых проблема религиозного радикализма особенно остра.

Как когда-то Аскару Акаеву приходилось плясать под перестук русских ложек, так и лидерам ЦАР в 90-е годы вменялось петь в одну дуду с США – блюсти права человека. Однако заокеанское партнерство не гарантировало «вечной дружбы» с местными правителями – даже либерала Акаева «сдали». Так авторитет США в регионе заметно ослаб и «обратно пропорционально» возросло российское влияние в ЦАР.

Конечно, вряд ли уместно измерять состояние демократии в Узбекистане солженицынскими критериями. Но и марширующей демократии пора согласиться с пророком Земли русской, что она «не может быть насажена, как колпак»; что «вздорен проект насадить демократию по всему миру» (примером чему являются Босния, Афганистан, Ирак). В результате непродуманной стратегии и неточных действий

Запада началась реконсолидация не только постсоветского политического пространства, но также европейского единства и азиатской общности. Хаос никому не предвещает победы.

Геополитические перспективы России в Центральной Азии ждут серьезные испытания. Москву смущают двойная лояльность постсоветских лидеров, двойные базы, казахский газ для Грузии и пр. «Москва боится не только конкуренции на европейском рынке, но и того, что часть европейских нефтеперерабатывающих предприятий будет переоборудована под казахскую нефть, что сделает технически невозможной переработку российской нефти, отличающейся по качеству от каспийской». США хотят создать в Средней Азии новую межгосударственную региональную организацию под американским протекторатом – структуру, альтернативную Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийскому экономическому сообществу (ЕврАзЭС). На 2006 год Белый дом запланировал на программу поддержки демократии в зарубежных странах еще 1,3 миллиарда долларов, дополнительно к уже истраченным на эти цели 4,6 миллиарда. В одной только Кыргызской Республике создана мощная цепь «оборонительных» систем надвигающейся демократической стихии: аккредитовано около 30 различных международных организаций, осуществляющих более 200 проектов в стране. Особенно известны такие организации, как Агентство США по международному развитию (ЮСАИД), Национальный демократический институт (НДИ), Центр ОБСЕ в Бишкеке, Фонд «Сорос-Кыргыстан», «Фридом Хаус», «Каунтерпарт Консорциум», «Корпус Мира США», ПРООН, УВКБ, Международный республиканский институт (МРИ) и Международный фонд избирательных систем (МФИС). Причем вполне вероятно, что каждая международная структура специализируется на конкретном участке общего демократического преобразования социума, взаимодействуя между собой с целью достижения поставленной цели. Притихшие было фонды гуманитарных инициатив заметно активизировались после принятия на саммите ШОС коммюнике, в котором содержится призыв к США определить даты вывода американских баз из Узбекистана и Киргизии.

Размещение американских войск в этом регионе ограничивает стратегическое пространство России и Китая. США встревожены российско-китайской реакцией – консолидированным отпором реализации планов по «стабилизации и демократизации» Центральной Азии. Генерал Ричард Майерс, желая противопоставить Россию и Китай остальным членам ШОС – Казахстану, Киргизии, Таджикистану и Узбекистану, заявил: «Две очень большие страны попытались запугать меньшие страны». США не намерены выпускать Центральную Азию из своей сферы интересов. Но и Китай наращивает свое влияние: принято решение о предоставлении этому региону 900 миллионов долларов в виде долгосрочных кредитов.

Помимо сотрудничества в сфере безопасности, наметилась более тесная экономическая интеграция стран ШОС. При этом Шанхайская организация сотрудничества не претендует на чрезмерную интеграцию своих членов, что позволяет сохранять ей определенную гибкость (опыт НАТО или ЕС показал, что высокая степень интеграции достаточно разнородных стран может приводить к очевидным противоречиям между ними).

ШОС – потенциально мощное объединение. Это не только Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Поменять статус наблюдателей на членов ШОС готовы Индия, Иран, Пакистан и Монголия. Китай по уровню ВВП отстает пока только от США. Индия – соперничает с экономиками стран Евросоюза. Выход на мировую авансцену еще Бразилии и Индонезии может полностью поменять сложившиеся понятия геополитических координат: «Запад и Восток», «Север и Юг», «развитые и развивающиеся государства». С этим фактором приходится считаться всем.

Есть угроза захлебнуться «третьей волне» прозападной демократизации мира. Ибо бывшие авторитарные страны, в 90-е годы избравшие демократический путь, могут вновь «сползти к авторитаризму». Не потому ли внешнеполитический вектор США все заметнее переориентируется с Европы на более болевой и нужный участок притяжения и опасений – Азию. Если могущество Америки будет «прирастать Азией», то, видимо, трансформируется вся система трансатлантических отношений, изменятся роль НАТО и характер отношений США с Евросоюзом, Россией и Китаем.

У Москвы позиции в регионе слабее пекинских. И Европа подбирается к Центральной Азии. «Активная трансформация Европейского Союза из экономической структуры в военно-политическую, в т.ч. с появлением надгосударственных элементов, может привести к появлению самостоятельной, отличной от позиции США, европейской составляющей геополитического пасьянса в Центрально-Азиатском регионе», – утверждает генерал Мыльников. В целях содействия процессам укрепления правовой государственности в Евросоюзе утвержден пост уполномоченного по Центральной Азии. Присутствуют там также частные интересы представителей отдельных стран. Центральной Азии нужен гарантированный заслон от происков извне. Удобную же для себя внутреннюю политику правящие элиты хотели бы определять сами.

Уже цитированный Robert Jervis не исключает, что «постсоветские государства могут встать на сторону России». Но их независимое существование состоится тогда, когда они укрепят свои государства до такой степени, что сами смогут противостоять интригам США, Китая и России. К тому же, если постсоветские государства станут достаточно сильными, то геополитические соперники, возможно, сами поуймутся, меньше волнуясь об успехах оппонентов в этом национально окрепшем регионе.



Структурой, способной гармонизировать интересы внешних игроков и производителей сырья в Каспийско-Среднеазиатском регионе, по мнению Гульнары Каримовой, могло бы стать единое энергетическое пространство в рамках Шанхайской организации сотрудничества – Энергетический клуб ШОС. Согласно этой бесконфликтной схеме построения отношений в энергетической и геополитической сферах государства региона в таком случае обеспечили бы себе переход из разряда объектов геополитических отношений в разряд субъектов, что значительно уменьшило бы риск превращения региона в арену разного рода столкновений. Это образование – структурный аналог Международного энергетического агентства (International Energy Agency).

## VII. Дестабилизирующие факторы региональной стабильности

Центрально-Азиатский регион – как военный плацдарм, источник ресурсов, оплот экстремизма – притягивает к себе разные силы. Существует реальная угроза для этого региона повторить путь соседнего Афганистана.

Кыргыстан лихорадит: столкнулись киргизы и дунгане. А рядом – аналогичные схватки местных этнократий. Ближневосточный резонанс исламистского «взрыва и эффекта домино» может сказаться на России, являющейся целью чеченских боевиков, союзников «Аль-Каиды» и остатков «Талибана» в Пакистане и Афганистане.

Россия в условиях брожения в своем южном подбрюшье, без создания надежного «санитарного барьера» может не выдержать напора интервенции беженцев. Аналитик Антон Суриков, предугадавший события в Андижане, считает вполне вероятным именно такой «потопный» исход косвенно направленного на Россию бедствия: «Сценарий заключается в последовательной дестабилизации и хаотизации Ошской области Киргизии, затем Ферганской долины Узбекистана с подключением Ташкента и Хорезмской области, потом южного Казахстана и Таджикистана. Исламистские силы и недовольные региональные элиты для этого практически выстроены.

Если подобный план пройдет, будет создан мощный плацдарм для давления на китайский Синьцзян, населенный уйгурами-мусульманами. Но одновременно с этим РФ захлестнет цунами беженцев из Центральной Азии». Для укрепления безопасности в южных районах Киргизии после событий в Ошской области были уменьшены размеры области – три ее района были включены в состав Баткенской области.

Ислам наступает. Нарастает «девятый вал» демографической всеисламизации. И лет через шесть, когда население России сократится миллионом на три (со 146 до 143 млн.), исламское преобладание за счет более высокой рождаемости по сравнению со славянами должно будет отразиться на соответствующей корректировке государственных приоритетов.



Исламские фундаменталисты набирают силу. В ближайшие 15 лет ислам будет оставаться мощной политико-религиозной силой в мире. «Террористическая демократия» «Хомаса» установилась в Палестинской автономии. В Иордании «Мусульманские братья» уже заседают в парламенте. В Египте «Братья-мусульмане» прошли в парламент как независимые кандидаты. В светской Сирии позиция подпольных фундаменталистов крепнет. В Ираке шиитские исламисты уже в правительстве. Неарабский Иран ядерными амбициями способствует усилению политического ислама.

Лига арабских государств (ЛАГ) создает свой межарабский Совет мира и безопасности, который будет заниматься вопросами, связанными с угрозой региональной безопасности и стабильности. «Пояс нестабильности» все больше протягивается через весь мусульманский мир – от Марокко до Синьцзяна, от Сомали до Филиппин – и охватывает Среднюю Азию: Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Мусульмане региона хотят создать свое национальное государство в Ферганской долине. В Узбекистане Россия поддержала светский режим Ислама Каримова, ведущего борьбу с ваххабитами, как и Владимир Путин – в Чечне, на Кавказе.

Панисламизм все больше завоевывает мир. Болезненное восприятие этого фактора доходит даже до параноидально-шизоидных курьезов: Австралия недавно вздрогнула, что, дескать, лет через 50 может стать Халифатом, ибо поборники ислама «плодятся и множатся», тогда как численность других этногрупп этого зеленого континента резко сокращается, в частности, из-за применения популярного медицинского препарата RU 486 против нежелательной беременности. У страха глаза велики. Но нет дыма без огня. Европа все более становится мусульманской. Европейский Союз взялся кардинально решить проблему края Косово. Причем тем же способом, как некогда начала это делать Османская Порта. Западные миротворцы готовят автономию к независимости. Анклавные диаспоры мусульманских вкраплений, укрупнившись посредством идеи «Европа регионов», преобразуют Европу в Европейский халифат.

Усиление вооруженного сопротивления талибов в пуштунских районах Афганистана, недовольство режимом в Пакистане и провозглашение Исламского Государства Визиристан, а также то, что союзники Вашингтона собираются вывести свои войска из Ирака, – свидетельствует, что проект демократизации региона проваливается. Ирак, как второй Афганистан, превращается в тренировочный лагерь для международных террористов. Пребывание коалиционных войск в Ираке слишком дорого и малоэффективно. Запад не может и бросить как есть Ирак, и не бросать в близкой перспективе – не выдержит бюджет (государственный долг США около 9 триллионов долларов). Облегчить участь иракцев, скорее, могли бы не «штыки свободы», а своевременное проведение там тонкой политики: например, с помощью опреде-

ленного закрепления позиций, независимость Ирака обеспечивалась бы шиитами (которые не намерены были присоединяться к Ирану) и курдами, остерегающимися Турции. Тогда иракские сунниты, оказавшись перед перспективой масштабного противостояния с курдско-шиитской коалицией и лишившись возможности оправдывать свои действия борьбой с иностранными оккупантами, видимо, пошли бы на компромисс во имя национального примирения и согласия.

Но «поезд ушел»: Ирак ввязан в настоящую гражданскую войну. Страна практически распалась на три этнически-конфессиональных образования: курдская автономия, шиитский район, суннитское междуречье (Тигра и Евфрата).

Затяжная и малоэффективная война в Ираке поколебала американскую монополию на лидерство и способствует возвращению мира к более органичной многополюсной системе. Без сдержек и противовесов нет надежной безопасности. Збигнев Бжезинский утверждает, что «война превратила не только Ирак, но и близлежащие к нему мусульманские страны в питомник антиамериканских, антибританских, антиизраильских и тому подобных террористов».

Вместе с неэффективной «зачисткой» Ирака раскололась не только Европа, но и Азия. Гегемонистский курс Белого дома может способствовать китайско-японо-мусульманской блоковой консолидации. Геополитическая «отчужденность» в отношении США может превратиться в постоянную и опасную черту будущего мироустройства. Обвиняя президента Дж.Буша в «самоубийственной некомпетентности» (разворошил палкой осиное гнездо, громко заявляя при этом: «Я не сойду с курса»), Бжезинский рекомендует не ограничиваться пересмотром задач США в Ираке: «Упорное нежелание администрации учитывать политические корни террористической угрозы лишь способствуют сочувственному отношению мусульман к террористам. Попытки убедить американцев, что главным мотивом террористов является абстрактная ненависть к свободе, а их действия определяются враждебностью ко всей западной цивилизации, не более чем самообман. Если бы это было так, Стокгольм или Рио-де-Жанейро подвергались бы не меньшей опасности, чем Нью-Йорк».

Все эти нападения, несомненно, связаны определенной закономерностью: их объектами становятся союзники и клиенты США, участвующие в разрастающейся интервенции на Ближнем Востоке». Пол Пилар на страницах «Foreign Affairs» утверждает со знанием дела, что правительство США «начало войну, даже не запросив никакой информации стратегического характера ни по одному из аспектов ситуации в Ираке», а «первый доклад о последствиях оккупации Ирака был заказан ЦРУ лишь через год после начала войны». Но Ирак никак не предстает пилотным образцом на пути демократизации Большого Ближнего Востока. Соппротивление нарастает и исламизируется. Теракты в Ираке планирует «Аль-Каида», и в них участвуют мусульмане из раз-

ных стран. По сути, здесь противостоят международные коалиции. О нарастании взаимной отчужденности мусульманства и Запада говорит и вспыхнувшая околосатирическая война.

Датская сатирическая провокация подлила масла в этнико-цивилизационное противостояние. Ватикан поддержал религиозные чувства мусульман и заявил, что свобода слова не должна означать осквернение святынь и оскорбления религиозных чувств другой веры. Поздно поняли истину, что свобода слова не оправдывает презрения к религии. В результате подталкивания с двух сторон обеих цивилизаций запылали костры ненависти мусульман к Западу и наоборот. Впрочем, это стратегически выгодно обеим сторонам – для сплочения сил своих сторонников.

Пародия на мусульманского Святого – это рекогносцировка перед схваткой двух «непересекающихся идеологий» и перекличка боевых порядков перед войной с Ираном. Пока ЛДПР настаивает на цивилизованной мусульманизации всей России – многоженстве, сатирический синдром задел и Россию. Аналитик Алексей Пушкин полагает, что «тон и в политике, и в идеологии Европы задают люди фундаменталистских демократических убеждений» (по моей терминологии – большевики антикоммунизма). Пожалуй, только Россия и способна унять этот конфликт. Ей, как мало кому еще, понятно, что Магомета вообще нельзя изображать. Ведь в свое время такая тенденция была в Византии, в православии – иконоборческое движение против изображения лика Христа. Кстати, ангажированность заказчиков сатирической провокации очевидна.

Если датская газета «Юлландс-Постен», которая первой опубликовала сатиры на пророка Мухаммеда, не прикрывалась «свободой искусства», то почему она три года тому назад отказалась напечатать «картинки» на Иисуса Христа?! Обычного мусульманина шокирует не только покушение на Святое, но лицемерная практика западных двойных стандартов. «Свобода слова, – говорит Оливье Руа в статье «Сатиры: геополитика возмущения» в газете «Le Monde», – во всех западных странах уже и так ограничена двумя вещами: законом и неким социальным консенсусом». «Свобода слова» – как дымовая завеса интервенционистской позиции Европы на Среднем Востоке. Европейские страны по своей инициативе вступили в противостояние с Ираном по поводу ядерного досье. Они находятся в первых рядах обвинителей Тегерана в Совете Безопасности, тогда как США ограничивается осторожной риторикой. «В Белом доме, – говорит Бжезинский, – поутихли разговоры о войне с террором и все чаще стали раздаваться призывы к борьбе за свободу во всем мире». Политолог не соглашается с новой стратегией республиканцев: «Поспешное насаждение демократии в отсутствие социально развитого и политически зрелого гражданского общества, например, на Ближнем Востоке, скорее всего, послужит целям радикального популизма».

Уместно вспомнить слова сэра Питера Устинова: «Терроризм – это война бедных; война – это терроризм богатых». Не следует забывать, что арабские и исламские революции, применявшие террористическую тактику против Запада, редко заканчивались неудачей. Неуклюж сам термин «война с терроризмом». Нельзя, по мнению Даниэля Пайпса, вести войну против тактики военных действий. Это все равно что объявить войну «оружию массового поражения» или «наземным операциям с применением авиации».

Это как если бы после Перл-Харбора США объявили бы войну не Японии, а молниеносным нападениям. Атаки на дух противника продолжают. Недавно германский бизнесмен напечатал Коран на туалетной бумаге и разослал ее по 15 мечетям, за что осужден на год условно.

### VIII. Американские интересы в ЦАР

Спорят об интересах США в Центральной Азии. Одни утверждают, что они, мол, направлены против Китая, а не России. Другие – что США не нужен этот регион, поэтому они его не знают: «американцы судорожно пытаются найти на карте Киргизию». Третьи – полагают, что США вытесняют из региона и Россию, и Китай – всех конкурентов. С этой целью создается региональный Форум «Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» (ПБЦА), без участия России, Китая, Ирана, Пакистана.

Как утверждает Элизабет Джоунс, США начали заниматься Центральной Азией задолго до Афганистана и Ирака. В Вашингтоне, говорит Т.Шаймергенов, вспомнили известное выражение Уинстона Черчилля, произнесенное еще в 1919 году, – «Центральная Азия – это та дойная корова, которая еще дождетс своего крокодила», и решили «прибрать» регион к своим рукам усилением своего военно-стратегического присутствия до полного доминирования там. «Когда конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых средств массовой информации».

На долю США приходится 5% внешней торговли России, а на Россию всего 0,5% американского бизнеса. Отношения между США и Россией натянуты. Фазу взаимоотношений между ними характеризуют как напряженное выжидание – «сюрплас» (начальный момент велогонки, когда участники замирают и ждут друг от друга ошибки). Сегодня редко по какому вопросу сходятся позиции обеих стран. Эти отношения быстро сползают от незначительного партнерства к совсем холодному миру, по симптоматике напоминающему «холодную войну».

Нарастающая конфронтация опережает сдержанный оптимизм. Забыт совет Генри Киссинджера: очень важно, чтобы Россия и США шли

параллельными курсами, ощущая друг друга локтями, но не наступая друг другу на пятки. Новому качеству отношений нужна обоюдная правда, объективная реалистично-осмотрительная повестка дня и система двойного контроля над выполнением общих взятых обязательств. Переходу к конкретному сотрудничеству в области глобальной и региональной безопасности мешает заметное расхождение позиций между ними. Каждая из сторон в эвфемизм «международный терроризм» вкладывает собственное значение, оправдывающее ее внутреннюю (Чечня) или внешнюю (Афганистан, Ирак, Сирия) политику.

Не менее проблематично достижение согласия и по вопросу подходов к нераспространению ОМУ. До сих пор у Вашингтона и Москвы было три столпа сотрудничества – контроль над стратегическими вооружениями, нераспространение ОМУ и борьба против международного терроризма. После антиталибской операции в Афганистане, по сути, не было примеров успешного и взаимовыгодного сотрудничества. «Вашингтон в целом готов признать за Россией роль региональной державы, с которой он будет сотрудничать, выстраивая свой пояс безопасности от восточного побережья США через Евразию до западного побережья, противостоящий оси зла в собственной терминологии или дуге нестабильности – в российской. Однако есть и нюансы. Неоконсервативное крыло республиканской администрации при этом рассчитывает на то, что Россия должна безоговорочно следовать в фарватере американской внешней политики. Москва же дает понять, что не собирается работать на подхвате у Вашингтона».

Вероятные глобальные интересы США в Центральной Азии: 1) альянс стремится стать «гарантом безопасности» для этого региона, усиливая свое военное присутствие с целью создания инструмента давления на Китай, Иран, а в будущем – также Индию и получение плацдарма для возможной военной операции против Ирана; 2) установление контроля над добычей и транспортировкой нефти и газа из бассейна Каспийского моря; 3) контроль над стратегическими месторождениями урана; 4) создание условий для возможной сырьевой блокады Китая; 5) вытеснение и России, и Китая. Интересы США обеспечиваются такими неправительственными организациями, как Национальный фонд развития демократии, Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Международный фонд избирательных систем.

Американская помощь странам ЦАР определяется несколькими ключевыми параметрами, одним из которых является уважение к правам человека. Резолюция конгресса с выражением озабоченности в связи с нарушением прав человека в Центральной Азии («Expressing the Sense of Congress with Respect to Human Rights in Central Asia») представлена в Комитет Палаты представителей по международным отношениям 11 февраля 2003 года. В одном Кыргызстане, например, зарегистрировано около 7 тысяч этих самых НПО. Избыток американ-

ского гуманитаризаторства тревожит весь регион. Однако двойная политика большинства лидеров региона вредит общим делам. «Охота» на недружественные НПО не мешает центрально-азиатским партнерам США обеспечивать поддержку американско-НАТОВских операций в Афганистане и Ираке: Узбекистану – в «Прочной свободе», Кыргызстану и Узбекистану – предоставлять базы ВВС и разрешать пролет для коалиционных сил в рамках ИСАФ, а Казахстану – обеспечивать поддержку Польше в обезвреживании мин в Ираке и давать свое небо для американских самолетов, транспортных грузов и солдат, находящихся в Узбекистане и Кыргызстане. Оно и понятно – общий антитеррор. Вместе с тем некоторые правящие элиты в ЦАР делают частный бизнес на пособничестве продвижению интересов НАТО в Азию.

### IX. Китайские интересы в ЦАР

Шутливое выражение про оптимистов, учащих английский, пессимистов, изучающих арабский, и реалистов, постигающих китайский, имеет под собой реальную почву.

У Китая наибольший потенциал, чтобы конкурировать с США в военной мощи и в области военных разрушающих технологий. Согласно недавнему докладу Пентагона, китайские ядерные силы обладают возможностью нанесения удара по Индии, России, по большей территории США, Австралии и Новой Зеландии. В круг стратегических интересов Китая в Центрально-Азиатском регионе входят: 1) получение возможности участвовать в разработке и эксплуатации среднеазиатских нефтяных и газовых месторождений; 2) изменение направления экспорта нефти и газа с запада на восток; 3) обеспечение своего военного присутствия в регионе и участие в строительстве новых транспортных путей; 4) Китай, с помощью России, через ШОС добивается закрытия базы в Киргизии – «глаз и ушей» США в регионе – объекта с хорошей разведывательной инфраструктурой, могущего из Киргизии вести мониторинг Китая, Казахстана и Ирана.

Однако нет согласия и твердой общей позиции по этому вопросу между Россией, Китаем, Казахстаном и Узбекистаном. Осуществляется не стратегическая, а тактическая поддержка официальным Бишкеком декларации ШОС о выводе иностранных военных из Средней Азии – желание заполучить более выгодные финансовые условия пребывания базы в Манасе.

Киргизия в целом не занимает никакой «однозначной» внешнеполитической позиции. Поэтому «конкурс» среди претендентов на закрепление на киргизском плацдарме сулит немалые геополитические преимущества. «В плане региональной безопасности расположение Киргизии в верховьях крупных рек Центральной Азии означает, что эта страна может оказать критическое воздействие на сельское хозяйство и про-



изводство электроэнергии в странах, расположенных по нижнему течению указанных рек, – Казахстане, Узбекистане и Туркмении.

Любое негативное воздействие Киргизии на систему гидроэнергетики может серьезно повредить региональной стабильности и представляет угрозу американским экономическим и политическим интересам» – написано в документе Агентства международного развития (USAID), призванного «продвигать демократию и права человека, внедрять и институционализировать рыночную экономику, содействовать решению социальных и гуманитарных проблем в бывших коммунистических государствах Европы и Евразии». Законодательную базу деятельности USAID составляет «Закон о поддержке свободы для России и развивающихся европейских демократий и свободных рынков» 1992 года (The Freedom Support Act. Public Law 102 – 511).

Кстати, президент Кыргызстана Курманбек Бакиев был готов передать энергетическую отрасль в руки российских компаний. Подобным образом действует и президент Таджикистана Эмомали Рахмонов: несмотря на многомиллионные «подарки» для его страны от Японии, ЕС и США, а также дипломатическое «зондирование» со стороны этих государств, он предпочел сохранить дружеские связи с Китаем и союзнические отношения с Россией.

Китай осенью 2002 года, фактически впервые участвовавший в военных маневрах (с Киргизией) за границей, провел крупномасштабные учения с Россией – «Мирная миссия-2005», охарактеризованные как «антиНАТО в действии». У Китая – своя «Чечня» – самопровозглашенная «Ичкерия». Уйгурская сепаратистская группа – исламское движение «Восточный Туркестан» – наиболее воинственное из всех мусульманских образований, действующих на западе Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Оно требует отделения от Китая и создания независимого государства Восточный Туркестан.

Китайцы с россиянами спаяны одной болью – предотвратить распад страны. Анализ сценария российско-китайских военных учений позволяет сделать вывод, что они имитировали массированную операцию по вторжению на Тайвань (Шаньдунский полуостров). Участвовавшие в учениях российские сверхзвуковые бомбардировщики Ту-22М3 «Бэкфайер» и стратегические ракетоносцы Ту-95МС должны были при этом «отогнать американские авианосцы, посланные на помощь острову». Эксперты усматривают в этих учениях по поддержанию стратегического статус-кво на Дальнем Востоке подготовку реальных совместных военных операций в Ферганской долине, если узбекские власти не смогут сами справиться там с новым взрывом нестабильности, или же на севере Корейского полуострова в случае крушения в КНДР нынешнего режима.

Однако Китай «не кладет все яйца в одну корзину». Он не хочет усиления России за счет себя. Возможно, поэтому он мешает президенту



Путину козырнуть исламской «картой». «Болезненный щелчок по носу» получил В.Путин на саммите АСЕАН в Малайзии, где Россию, вопреки ожиданиям, не приняли в состав этой международной организации из-за решительного протеста австралийской делегации. По всей вероятности, это связано «со сменой всей стратегаемы китайской внешней политики», поскольку нарастающее влияние хуацяо в Австралии уже позволяет рассматривать эту страну в качестве своего рода геополитической перчатки для руки Пекина. О том же свидетельствуют не только «массовые беспорядки антиглобалистов» в Гонконге, но и попытка «враждебного поглощения» Лондонской Фондовой биржи (LSE) со стороны австралийского банка Macquarie, предложившего за данную площадку 2,7 млрд. долларов США, которая рассматривается как сигнал о переходе Китая к агрессивной политике в сфере международных финансов. Как видно, все более всемирно-глобальны интересы и воздействие Китая – становящейся сверхдержавы и носителя новой модели цивилизации.

На фоне углубляющегося системного кризиса правящих элит Запада возрастает китайское влияние в мире. Китаю для трансформации в сверхдержаву нужны огромные (не менее 200 млн. тонн в 2010 году) энергоресурсы. Поэтому он мирно наступает на нефтяные и газовые месторождения в Центральной Азии и в регионе Каспийского моря, оставляя про запас свои запасы нефти в бассейне Тарим провинции Синьцзян, который Китай назвал новым Кувейтом, и на шельфе Южно-Китайского моря. Китай заключил на общую сумму 20,7 миллиарда долларов свыше пятнадцати крупных нефтегазовых контрактов с такими странами, как Венесуэла, Ирак, Иран, Индонезия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Россия.

Улучшение китайско-российских отношений позволило создать региональную «Шанхайскую пятерку», позже переименованную в «Шанхайскую организацию сотрудничества». Главные задачи ШОС – борьба против «трех зол»: экстремизма, сепаратизма и терроризма, а также расширение взаимного экономического сотрудничества. Необходимость стратегического взаимодействия между Россией и Китаем образно описал Чжан Дэгуан, исполнительный секретарь ШОС: «им нужно стоять вместе. Нельзя стоять поодиночке. Надо стоять вместе спиной к спине. Это как в кунфу, когда два человека стоят спиной к спине, каждый защищает не только себя, но и своего партнера». Товарооборот между ними приблизился к 30 миллиардам долларов (вместо стартовых 8 – 9 при Ельцине).

Российско-китайские военные учения показали, что на Азиатско-Тихоокеанском регионе меняется баланс сил. «Четыре золотых кирпича» – Китай, Россия, Индия и Бразилия – могут составить серьезную конкуренцию США и Европе.

## Х. Новая возможная геополитическая модель мира

Усилившееся противоборство амбиций важнейших мировых «игроков» может к 2030 году изменить картину мира до неузнаваемости.

Владимир Жириновский в своей «Новой геополитической модели мира» пророчествует о такой перспективе: Россия вновь подчинит себе морально-политически Среднюю Азию; Афганистан распадется по этническому признаку: север, населенный таджиками, отойдет к нынешнему Таджикистану, а восточная часть, где проживают узбеки и туркмены, отойдет соответственно Туркмении и Узбекистану. Часть территории отойдет к Ирану, туда же, возможно, переселятся хазарийцы, проживающие в центре Афганистана. Южный Афганистан, населенный в основном пуштунами, соединится с пуштунами, проживающими в Пакистане, и будет создано независимое государство Пуштунистан. Северная же часть Пакистана, где находятся спорные штаты Джам и Кашмир, отойдет к Индии. Закончится многолетняя война между Индией и Пакистаном. А Пакистан как самостоятельное государство прекратит свое существование. У России появится блестящая возможность непосредственно граничить с Индией в районе Афганистана и районе теперь уже большого Таджикистана и, имея широкую колею – Москва – Душанбе, продлить ее до Дели. И мощнейший грузопоток объемом до одного миллиарда долларов в год хлынет по широкой колее из Индии в Душанбе, Среднюю Азию, Москву и дальше в Европу.

Будущее южных границ России лидер ЛДПР видит таким: вероятно передача северного Азербайджана под юрисдикцию Ирана. Армения своей юго-восточной частью выйдет к берегам Каспийского моря. И это будет буфер между Россией и Ираном. Не исключается и создание большой Армении за счет воссоединения Армении с юго-западными территориями, входящими ныне в состав Турции, и через западные земли Армения выйдет к берегам теперь уже Черного моря и практически восстановит свои древние границы, имея морские ворота и хороших, добрых соседей на юге Турции – курдов и персов, и в лице России в районе Кавказского хребта со стороны Каспийского моря. Грузия, видимо, сохранит свою территорию в нынешнем виде. Но туда, по всей вероятности, мигрируют из Абхазии адыги, кабардинцы, балкарцы, черкесы, карачаевцы, ингуши. Видимо, Северная Осетия переместится в Южную в виде новой республики Алания с центром в Цхинвали, образуя независимое государство. Чеченцы и ингуши, скорее всего, переселятся на север Грузии в Панкисское ущелье и рядом прилегающие села. Кончится противостояние между этой этнической группой и Россией. Жителям Дагестана, видимо, удастся спуститься вниз к Каспийскому побережью и оказаться в зоне мусульманского влияния со стороны Ирана.

Таким образом, в районе Кавказского хребта у России будет Ставропольская, Ростовская и Краснодарская губернии с моноэтническим

населением – в основном, русским и с постоянной этнической дислокацией во всех точках Северного Кавказа и, в целом, Кавказского хребта, где не будет никакого другого населения и исключается возможность каких-либо вооруженных конфликтов.

Только честное и справедливое, устойчивое сохранение баланса интересов России, Китая, США и Европы в Центральной Азии – гарант региональной безопасности.

Президент Путин сформулировал нравственно-силовое кредо России: равняться на дзюдоиста. Что означает «гармонию с окружающим миром и с самим собой», а также «мужество в сочетании с благородством». У такой всемирно-отзывчивой российской перспективы наверняка есть реальное светлое будущее – единение мудрой души Востока (смысл, созерцание) и «фаустовского» ума Запада (действия).

### Послесловие

2006 год внес существенные коррективы в развитие ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

Динамично развивающаяся экономика Казахстана позволила ему окончательно утвердиться на позициях регионального лидера. США, удачно используя так называемый «казахгейт» и геополитические амбиции Нурсултана Назарбаева, способствовали в некоторой степени дрейфу Астаны в сторону Запада. Однако сохраняется многовекторность внешнеполитической ориентации страны. Политолог Станислав Белковский преувеличивает крен Астаны, утверждая, что сегодняшний «Казахстан не должен рассматриваться как некий стратегический союзник или форпост России». Хотя расширение связей с Россией, видимо, остается приоритетным и для нового правительства во главе с Каримом Масимовым, однако премьер «слишком лояльно относится к китайскому лобби в Казахстане». И с США отношения не столь безоблачны: Астана обижена на США из-за поданого там иска, обвиняющего президента во взяточничестве. Стратегическому стремлению Казахстана, живущего своим нейтральным умом, угрожает, кажется, лишь приграничная «дуга нестабильности».

Туркменистан после смерти Сапармурата Ниязова менее предсказуем. Каким будет постниязовский режим? Обострение противоречий между США и Ираном имеет риск вовлечения Ашхабада в этот конфликт. Поэтому сохранение статуса «позитивного нейтралитета» окажется для страны как нельзя кстати. Газовый экспорт Туркмении сориентирован преимущественно на «Газпром». Европа попытается напрямую договориться с новым президентом-националистом о поставках газа. Для Ашхабада очень значимы сигналы из России и Ирана по созданию «газового ОПЕК».

В Узбекистане назревает «шахматный гамбит» (комбинация с жертвой фигуры ради улучшения позиции и конечного выигрыша): Ислам Каримов готов отказаться от должности президента, если сумеет обеспечить лояльность элиты по отношению к своему преемнику – залог стабильности в регионе. По мнению аналитика Фуруха Усмонова, либерализация узбекского общества, где велико влияние ислама, может привести к власти центрально-азиатский аналог «Хамаса».

Кыргызстан в непомерных долгах. Используя зависимость этой страны от внешних финансовых вливаний, США втягивают ее в «НПС». В апреле прошлого года МИД КР вынужден был призвать посла США в КР М.Йованович воздержаться от публичных высказываний и заявлений, граничащих с вмешательством во внутренние дела КР, не соответствующих духу двусторонних отношений и положениям Венской конвенции о дипломатических сношениях в связи с ее публичным призывом вступить в «НПС». Тем не менее решение вопроса — дело времени. В этом случае США с помощью подконтрольных МВФ и Всемирного банка могут получить реальную возможность регулировать водные потоки Киргизии, вызывая недовольство Казахстана и Узбекистана. А это повод для наращивания в Киргизии своего военного присутствия, размещения АВАКСов и элементов системы ПРО.

Как следствие распада тандема Бакиев—Кулов, в Кыргызстане велика вероятность обострения напряженности между севером и югом и усиления противостояния между клановыми и политическими региональными силами.

Усиление позиций США связано с периодически повторяющимися заявлениями России о том, что военное присутствие США в Киргизии и ее вступление в «НПС» якобы не угрожает национальным интересам России. Равнодушные основного стратегического партнера к судьбе наиболее уязвимого партнера по ШОС и ОДКБ в совокупности с инициативами по выталкиванию трудовых мигрантов с рынков и выстраиванием прагматических экономических отношений на постсоветском пространстве не остаются незамеченными. Некоторые аналитики высказывают опасения, что подобная политика России позволит США, в конечном итоге, вырвать Киргизию из ШОС и ОДКБ.

Афганские талибы переходят в контратаку. Если в Саудовской Аравии исламские радикалы придут к власти, — страна может распасться и произойдет усиление арабских сепаратистов-суннитов на юге Ирана — шаг ко всеобщему халифату.

В эту статью, написанную весной 2006 года, естественно, не вошло осмысление последовавших событий, способных повлиять как на региональную безопасность, так и на глобальную. За истекший период приобрели системный характер антироссийские угрозы — НАТО постепенно сжимает кольцо вокруг России, весьма реально размещение элементов ПРО в Польше, Чехословакии, на Украине. Россию нещадно третируют как «энергетическую неоимперию». Сохраняя в коматозном состоянии «полезной жизнедеятельности», ее не прочь замуровать в качестве сырьевой кладовой Запада и максимум — региональной «шестерки» Запада.

Очевидно, и в дальнейшем, по мере укрепления державы, будут использоваться самые изощренные методы противодействия поступательному движению России, и ей, на мой взгляд, следует еще более обдуманно, адекватно размерам угроз, просчитывать свои внешнеполитические шаги.

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ НОВЕЙШЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ

«Пока мы не вникнем мыслью в то,  
что есть, мы никогда не сможем принад-  
лежать тому, что будет».

*Мартин Хайдеггер<sup>1</sup>*

Россия неумолимо приближается к очередной вехе своей истории, что вызывает определенную тревогу в обществе за будущее страны. Казалось бы, после многих лет демократического строительства выборы законодательной власти и президента должны стать обычной процедурой. Но, вероятно, не для евразийской России, где по-прежнему велика роль личности во власти и можно говорить о наступившей относительной стабильности, когда нет желающих войти в очередную смуту. Особенно опасна она, когда тактические вопросы борьбы за власть доминируют над необходимостью стратегического виденья, а также для возможного распада федеративного государства. От стабильной России зависит в значительной степени будущее новых независимых государств на постсоветском пространстве, и поэтому ее судьба, как представляется автору, небезразлична бывшим «братским народам».

Предлагаю взгляд русского геополитика из ближнего зарубежья, наблюдавшего изнутри «оранжевую революцию» и неоднократно посещавшего Балканы, на возможную трансформацию геополитических технологий в отношении России. Но прежде необходимо уточнить, что понимается под новейшей геополитикой.

### Сюрпризы геополитики

В 2006 году был установлен своеобразный рекорд в Интернете. Самая мощная в мире поисковая система Google выдала более 5 млн. страниц со словом «геополитика», в том числе в русскоязычном сегменте впервые преодолен миллионный рубеж. Но прежде чем отпразд-

---

<sup>1</sup> Мартин Хайдеггер. *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993, с. 258.

новать победу геополитики на восточно-европейских просторах, обратим внимание на особенность информационных ресурсов Интернета. Выясняется, что достижения Рунета (русского сегмента Сети) относятся к пирровой победе, так как страдают качеством. Здесь в основном идет речь о традиционной геополитике преклонного возраста (70–100 лет), тогда как в англоязычном сегменте – о новейшей геополитике.

Новейшая геополитика преодолевает узость традиционной и новой геополитики с доминирующим географическим или экономическим детерминизмом. Она переносит акцент на многомерное пространство, учитывающее разнообразие культурно-генетических кодов. Поэтому в ее основе – захват территорий с опорой на технологии манипулирования сознанием (подсознанием) граждан государства, которое является объектом воздействия.

Новейшая геополитика оперирует Большими пространствами многомерной сопряженности и акцентирует внимание на рубежные процессы, создающие энергетику разрушения или созидания на границах рационального и чувственного восприятия мира<sup>2</sup>. В информационно-психологических технологиях новейшей геополитики идеальным объектом для захвата представляют территории, где доминируют атеистические души. Не мусульманский Восток, где большое количество истинно верующих людей. Не коммунистический Китай с моралью конфуцианства, где цивилизация за тысячелетия выработала защитные функции от внешнего воздействия в духовной и нравственной сфере. Применение технологий новейшей геополитики оказалось исключительно эффективным в Восточной Европе, где в результате радиации воинствующего атеизма человек живет в пространстве одичавшего сознания с опустошенной душой, где почти ничего не осталось от коммунистической веры, а истинно верующим человеком нельзя стать по волшебству.

В России сформировалось несколько аналитических геополитических центров, представленных профессиональными военными и гражданскими системными аналитиками. Отметим вышедшие только в последнее время книги<sup>3</sup>. Несомненно, что наибольший вклад в популяризацию геополитики в России внесли труды Александра Дугина, обладающего эрудицией политического мыслителя. Однако в российском аналитическом сообществе, на взгляд автора, не всегда учитывают происходящую трансформацию в геополитических технологиях.

Можно писать бесконечные романы о конспирологических заговорах, но допустимо существование нескольких центров внешних сил,

<sup>2</sup> Дергачев В.А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

<sup>3</sup> Ивашев Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. – М.: Эксмо, 2006; Панарин И. Информационная война и геополитика. – М.: Поколение, 2006.

заинтересованных в дестабилизации и ослаблении России, включая не только США с госдепартаментом, спецслужбы со стратегической разведкой и аналитикой, но и западное христианство, лондонский и другие колокола российской демократии. При этом и в Америке есть сторонники сильной и слабой России. В западном христианстве различаются подходы Ватикана и католических орденов, выполняющих, как и в средневековье, авангардную роль при захвате чужих конфессиональных территорий. Особо выделяется роль евангелистских сект, имеющих американские корни. И ощутимый удар по Восточной Европе может быть нанесен не исламским фундаментализмом, а западно-христианским. Велика роль сионистских организаций и связанных с ними мировых СМИ. То есть будут одновременно осуществляться воздействия в разных многомерных пространствах (политическом, социокультурном, конфессиональном и других), на рубежах которых и проявится разрушительная энергетика. И для этого Россия остается самым слабым звеном.

Наиболее эффективны сетевые технологии, которым была посвящена обстоятельная статья Александра Дугина<sup>4</sup>. Кумулятивный эффект этих технологий многократно усиливается, если вместо площадного информационного «бомбометания» главный удар направляется на часть местной элиты или электората, наиболее подверженных внешнему воздействию. Поэтому необходимо обратить внимание на то, что после распада Советского Союза уже менялись направления главного удара.

В геополитических технологиях, направленных против бездумной Восточной Европы, выделяется три волны цунами демократии<sup>5</sup>.

**Первая волна** прошла под девизом «общечеловеческих ценностей». Ее вершиной стало присуждение главному прорабу «перестройки» Нобелевской премии мира, после которой он переквалифицировался в буревестника общечеловеческих ценностей и парил высоко в небесах над планетой Земля. В первой волне использовались информационные технологии, воздействующие как на разум «одичавшего сознания», так и на чувственную природу человека, на всем советском пространстве. В результате первой волны состоялся де-юре распад Советского Союза.

**Вторая волна** прошла под девизом «ничто человеческое не чуждо» и «последних оплотов демократии», которым было позволено разворовать общенародную собственность и создать «семейный бизнес» за лояльность Западу. В геополитических технологиях этого периода учитывался природный инстинкт добычи, «низменных чувств» развращения капиталом и «международным признанием». Направление глав-

<sup>4</sup> Дугин А. Сетевые войны. – Вестник аналитики, 2005, № 4.

<sup>5</sup> Дергачев В. Последствия цунами бездумной демократии. – Мир перемен, 2006, № 2.



ного удара было выбрано против властной элиты, обладающей низким качеством общеобразовательной культуры. Главным достижением второй волны стал **рыночный фундаментализм** – олигархический бизнес без моральных ограничений. В Восточной Европе произошла крупномасштабная имитация Реформации (борьбы за совесть). В России рыночный фундаментализм стал детонатором для протестного исламского фундаментализма. В результате второй волны сформировался своеобразный рынок теневых отношений в социальной сфере, ставших нормой общественной жизни.

**Третья, «цветная», волна** накрыла в первую очередь новые независимые государства, где власть добила особенно впечатляющих результатов в падении уровня жизни граждан. Так как идеи демократии были подмочены второй волной, пришлось их подкрашивать в яркие цвета «роз» и оранжевых апельсинов. При этом «честные демократы» уже ассоциировались не с «последними оплотами демократии» второй волны, скомпрометировавшими себя коррупцией и семейным «бизнесом» в особо крупных размерах, а с «ангелами» революции, парящими высоко в облаках над местными Майданами.

Так почти незаметно для непросвещенного взгляда произошла трансформация технологий захвата чужих территорий. Впервые главным направлением удара был выбран не разум «одичавшего сознания», а подсознание человека.

Остановимся более подробно на различиях в этих геополитических технологиях.

### Центрические технологии манипулирования сознанием

Как ни парадоксально, эти технологии хорошо известны в прошлом и эффективно применялись Западом против Советского Союза. Технологии «первой волны» для захвата «чужих территорий» делали акцент на формирование сознания через убеждение. Так, например, **стратегическая технология непрямых действий** привела к подрыву страны изнутри без применения военной силы и оккупации территории.

**Технологии, основанные на психологии масс**, широко использовались в Советском Союзе. Массам прелагался «вождь всемирного пролетариата» или «вождь народов». С позиций современной психологии советский социализм рассматривается как «реакция на поспешную индивидуализацию, своего рода откат в прошлое». Это массовая формация, основанная на психологии масс и подчиненная ей. С социально-психологической точки зрения социализм есть «реванш массовой психологии в ответ на попытку поспешной и во многом насильственной индивидуализации человеческой психики». Массовое сознание эмоционально, заразительно, переменчиво и мозаично. При пребывании в массе отключаются рациональные компоненты психики, что Э. Фромм

называл «бегством от свободы»<sup>6</sup>. Благодаря эффективной идеологической политике власти удалось на протяжении длительного времени поддерживать эмоциональное над рациональным, превращая народ в неразумную, но послушную массу, не обладающую экономическим достоинством. И подкармливать безвольную интеллигенцию правильной ориентации.

Советская власть использовала интеллектуальный ресурс предыдущего общественно-политического строя. Когда ресурс иссяк, начался застой и закат Советского Союза. Думающий человек был смертельным врагом советской власти и еще остается таковым во многих странах. В начале 1960-х годов интенсивно проводилась политика КПСС на ротацию интеллигенции. Партия стремилась, чтобы интеллигенция была преимущественно в первом поколении. Она была более послушна и меньше думала. В этих целях был возобновлен льготный прием в вузы с производственным стажем рабочей и сельской молодежи, демобилизованных воинов Советской Армии (повторение политики 1920-х годов). Как отмечают и многие западные исследователи, недооценка продуктов ума (за исключением сферы ВПК) привела к краху советской системы.

Интеллигенция в первом поколении была более подвержена внешнему информационно-психологическому воздействию и испытывала присущие советскому человеку чувства страха перед более компетентным западным обществом. За исторически короткий срок эффективно внедряется миф о «великом реформаторе» Горбачеве и «последнем оплоте демократии» Ельцине.

Поэтому в технологиях первой волны эффективно использовался комплекс крестьянского парня или «элиты» в первом поколении. Выросший где-то на ставропольском, уральском или украинском хуторе парень, получив советское коммунистическое образование, в один прекрасный день просыпается носителем «общечеловеческих ценностей» или «буревестником демократической революции». Эта захватывающая перспектива его настолько увлекает, что он, находясь у штурвала страны, не замечает ее полураспада или распада.

Технологии «первой волны» оказались исключительно эффективными для распада мировой социалистической системы и «коммунистической империи». Бездумная советская власть сверхдержавы в одночасье предала коммунистическую идею, Третий мир и братьев-славян (не только сербов). Плюс предательство в ближнем зарубежье по отношению к русским и представителям других народов, воспринявшим русский язык и культуру как носителей межкультурного диалога. Быть многие годы в авангарде движения к светлоте комму-

<sup>6</sup> Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб: Питер, 2001, с. 109.

нистическому будущему, заплатить за это невероятные человеческие жертвы и отказаться от идеи духовного превосходства, чтобы «авангард всемирного пролетариата» раньше других стал частью богатого и жирного «брюха» Запада. И эта попытка позорно провалилась. На второе место в мировой иерархии претендует опять коммунистический режим.

«Современный» Кремль абсолютно не учитывает психологические последствия этого поворота на 180 градусов, лихорадочно предлагая для постсоветской интеграции Большие проекты, в которых, как правило, доминирует имитация действительности (политическое структурирование общества сверху, союзное государство, международные транспортные коридоры, свободные экономические зоны, таможенные союзы и зоны свободной торговли, инновационная модель развития и многое другое).

В результате огромных жертв двадцатого столетия в Восточной Европе был не только подорван генетический код народов, но и разрушен «реактор» Души, производящий энергию Ума. Власть в полной мере не осознает масштабов катастрофы, а знаменитая гоголевская тройка, замененная в политическом поле одиноким медведем, мечется в виртуальном безграничном пространстве на рубеже самых правильных измерений в опасной близости от крупномасштабной имитации.

### Центрические технологии манипулирования подсознанием

В отличие от технологий манипулирования сознанием, с конца 1980-х годов начали широко использоваться технологии манипулирования подсознанием. Их применение в Восточной Европе оказалось особенно эффективным, так как там после падения коммунистической атеистической идеологии образовался «Чернобыль души».

Технологии захвата чужих конфессиональных территорий через воздействие на эмоциональную сферу наиболее эффективно применялись Западом против двух социалистических «империй» – Югославии и Советского Союза. На Балканах хорошо известна история «явления девы Марии»<sup>7</sup>, когда «чудо» использовалось католическими орденами, выполняющими авангардную роль западного христианства, для захвата чужих конфессиональных территорий.

На территории бывшего Советского Союза технологии манипулирования «одичавшим сознанием» широко применялись при создании тоталитарных сект – АУМ Синрике, Дева Мария Христос (из бывших комсомольских работников) или других образований, лидеры кото-

<sup>7</sup> На русский язык переведена книга британского писателя и журналиста Ричарда Уэстона «Иосип Броз Тито: власть силы» (1998), где это явление подробно описано.

рых были готовы претендовать на светскую власть (явление Гробового и др.).

Напомним, что основной целью этих авторитарных организаций было достижение абсолютной единоличной власти их лидеров и беспрекословного подчинения на основе не только религии, но и современных достижений психологии и политтехнологий.

Геополитическая мощь государства определяется в первую очередь не материальными ресурсами, а силой духа. Не случайно американская власть с таким вниманием следит за «духовным климатом» в мире. В Ежегодном докладе Государственного департамента США о свободе вероисповедания в странах мира, подготовленном в сентябре 2006 года, констатируется большая роль американских служителей культа в Восточной Европе<sup>8</sup>.

В «третьей волне» технологии захвата «чужих территорий» были направлены на разрушение цивилизационного (культурно-генетического) кода православной цивилизации. Пока крупномасштабный эксперимент был осуществлен на Украине. Но, как справедливо отмечает российский политтехнолог Сергей Марков, переход в западно-европейское геополитическое пространство (ЕС и НАТО) не только усилит цивилизационную перекодировку православной цивилизации, но и приведет к окончательному распаду России.

Восточно-европейская цивилизация переживает глубокий кризис идентичности, вызванный радиацией воинствующего атеизма. Ныне расколотая цивилизация может погибнуть, если не возродится центр в душах людей. На рубеже веков Россия безуспешно пыталась отказаться от собственной идентичности и стать частью благополучного Запада.

В прошлом противостояние Запада и Востока Европы привело не только к этноконфессиональным конфликтам на суперэтническом уровне, но и к расколу в восточно-славянских землях, где, наряду с католической и православной, образовалась маргинальная униатская или греко-католическая церковь. Православно-католическая конфронтация послужила углублению культурно-исторических различий между восточными и западными украинцами, что дает о себе знать через триста лет.

В конце XX века в Восточной Европе произошла великая смута. Распалась не только сверхдержава. В преимущественно безбожном пространстве образовался хаос опустошенной души. Государства неоднократно распадалась в истории, но если оставалась в душах людей Вера, сохранялся фундамент для будущего оптимистического сценария. Когда истинной Веры нет, происходит движение к периферии души с размытыми границами идеала. При отсутствии целей здравого смысла

<sup>8</sup> [www.allamericanpatri-ots.com](http://www.allamericanpatri-ots.com); Украина: международный доклад о свободе вероисповедания. – Еженедельник «2000», 13 октября 2006 г.

наступает системный кризис политических элит, характеризующийся крайностями суждений – от приступа глупого оптимизма до глубокого пессимизма. Защищенный межконтинентальными ракетами с атомными боеголовками Советский Союз рухнул в одночасье как «глиняный колосс». Оказалось, что **радиация души воинствующим атеизмом (идеологическим фундаментализмом) сильнее атомных бомб.**

Знаменитый историк двадцатого столетия Арнольд Тойнби предупреждал: «Духовные процессы происходят в человеческой душе, ибо только Душа способна переживать человеческий опыт и откликаться на него духовным проявлением. Раскол в человеческой душе – это эпицентр раскола, который проявляется в общественной жизни. Поэтому, если мы хотим иметь более детальное представление о глубинной реальности, следует подробнее остановиться на расколе в человеческой душе»<sup>9</sup>.

В России написано множество трудов о демографической, экологической и ядерной катастрофах. Меньше всего уделяется внимание главной катастрофе российского происхождения. Общество пронизано «лучевой» болезнью, которая страшнее Хиросимы. Хаос опустошенной и традиционно «ушибленной ширью» русской души обусловлен **антропологической катастрофой**<sup>10</sup>, ускоренной применением геополитических технологий манипулирования сознанием, «захватом» вражеской советской территории путем воздействия на «одичавшее» за «железным занавесом» сознание советского человека.

Пока существует человек, в любом мироустройстве, наряду с доминированием политики, экономики или философии присутствует его двуединая природа. И здесь, на границах чувственного и рационального, идет вечный процесс зарождения созидательной или разрушительной энергетики. Поэтому в новейшей геополитике более пристальное внимание уделяется технологиям манипулирования подсознанием, что способствует эффективному использованию эмоционального ресурса электората.

### Технология «непорочной Девы Марии»

Вершиной манипулирования подсознанием для раскола Восточной Европы стала технология «непорочной Девы Марии». В СМИ отмечается следующая особенность использования технологии внушения для воздействия на эмоциональную сферу человека, минуя разум и логику<sup>11</sup>. «Оранжевая революция» в Украине не была движением за демо-

<sup>9</sup> Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991, с. 358.

<sup>10</sup> Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992, с. 107–121.

<sup>11</sup> Александр Леонтьев. Сублимация любви. – Ежедельник «2000», 29 сентября 2006 г.

кратию, а являлась проявлением технологий захвата чужих территорий путем манипулирования «вождями» и воздействия на подсознание электората, обладающего протестным потенциалом. На парламентских выборах 2006 года «непорочный ангел оранжевой революции» (Юлия Тимошенко) пошла на очередной штурм властного олимпа под «управлением любви», и ее партия стала главной оппозиционной силой. «Ангел» в особых торжественных случаях облачается в Верховной Раде в белые одежды со значком пульсирующего красного сердца. Он обращается к чувствам и вере вместо разума и логики. А там, где бездумная любовь, разум бессилён.

Это имеет такое же отношение к европейской демократии, где логика является фундаментом цивилизации, как (извините за выражение) «к корове седло». Многие российские политологи неolibеральной ориентации ошибочно отождествляют это явление с демократической оппозицией, выдавая желаемое за действительное. В Путинской России нет такой красивой и демократической оппозиции, а в Киеве заседает «европейский» парламент.

Под управлением безумной «любви» проще нейтрализовать разум, который мог задать нелюбезные вопросы «буревестникам» «оранжевой революции». В какой советской школе они получили представления о европейской демократии и правах человека? Как самые «честные» демократы в ночь с воскресенья на понедельник после распада СССР стали обладать немалым материальным богатством и за чей счет?

И хотя не была достигнута абсолютная победа, но и полученных свыше двадцати процентов голосов электората оказалось достаточно, чтобы обеспечить политическую нестабильность в Украине.

Пока остается тайной, кому из западных политтехнологов пришла в голову гениальная мысль создать образ некоей мессии из вождей «правильной» оранжевой оппозиции. Чтобы и без того потерявший ориентиры, преимущественно безбожный электорат получил «ангелов с крылышками» в демократической упаковке. При этом ангельские лица особенно оказались к месту для вошедших во власть физических лиц, предварительно «приватизировавших» общенародную собственность в особо крупных размерах.

Во время бунта миллионеров против миллиардеров, по чьей-то глупости названного «оранжевой революцией», впервые эффективно были совмещены американские технологии «борьбы за демократию и права человека» с манипулированием подсознания электората. В качестве «ангелов» революции, направленной на раскол православной цивилизации, были назначены лидеры... исповедующие православие. Основу оппозиционного блока «Наша Украина» составляли националисты с идеологией провинциального панукраинизма, и среди них доминировали греко-католики. До оранжевого бунта они практически потерпели поражение в политическом пространстве Украины в борьбе



за «свою» Украину. И второе пришествие с помощью Запада было возможно не только с помощью подкрашенной в оранжевые цвета «революции», но и посредством создания новых образов демократических лидеров, которые могли ассоциироваться на подсознательном уровне электората с божескими «ангелами», парящими в безоблачном небе Украины. Стратегическая геополитическая цель – окончательно расколоть православную цивилизацию.

Западными (преимущественно американскими) политтехнологами был изящно осуществлен захват «чужой территории» без единого выстрела. Если раньше внедрялись во властную элиту агенты влияния, то впервые они были избраны «демократическим» путем на олимп президентской (исполнительной) власти. Благодаря превосходной работе заокеанских политтехнологов и консультаций лондонского колокола российской демократии в декабрьских сумерках киевского Майдана порой казалось, что на землю Украины сошли не транзитные политики, а Иисус Христос и непорочная Мария Магдалина.

Во «второй волне» цунами бездумной демократии, когда «последние оплоты демократии» появлялись на экранах телевизоров при посещении церковных храмов, где держали свечи по номенклатурной традиции, «как граненые стаканы», значение их вероисповедания было несущественным. В «третьей волне», в отличие от стран Балтии, которые вернулись в свое конфессиональное пространство, в технологиях «захвата» в Украине ставилась другая задача. Оторвать часть православия из социокультурного пространства восточноевропейской цивилизации и включить его в Европейский Союз, где доминируют западные христиане, где окатоличить или, по-иному, охристианить, будет проще простого. Чтобы привлечь максимум электората, принципиально важным было назначить «ангелов демократии» из среды православных и с их помощью расколоть православный электорат. А «истинных украинцев» из «Нашей Украины», исповедующих греко-католицизм, оставить в тени до поры до времени. Так как было очевидно, что они не смогут собрать большое количество голосов, лидером «Нашей Украины», то есть группировки украинских националистов, ориентированных на Ватикан, в качестве главного «ангела» назначается представитель православного вероисповедания.

Казалось бы, какая разница, к какой конфессии принадлежит человек, если западная демократия провозглашает главенство прав человека над вероисповеданием и национальностью? Увы, действительность далека от идеалов демократии. Что наглядно продемонстрировали события на Балканах. Когда НАТО разбомбило инфраструктуру Сербии, выяснилось, что средств в консолидированном бюджете ЕС недостаточно. И Брюссель начал концентрировать внимание только на «точках роста», которыми, естественно, оказались братья по христианскому духу, то есть хорваты-католики.



В расколотом конфессиональном пространстве Восточной Европы наступает христианский фундаментализм (евангелистский протестантский), победоносно шествующий по просторам славянской души, опустошенной радиацией атеизма и межцерковным расколом. В отдельных областях России и Украины протестантские общины доминируют над православными. Таким агитаторам, как в евангелистских сектах, мог бы позавидовать коммунистический режим. Члены сект уже отчуждены от отечества, им нельзя служить в армии. Свидетели Иеговы не принимают участия в общественной жизни (не голосуют, не служат в армии, не отмечают государственные праздники). Другие секты, наоборот, активно участвуют в общественной жизни и выполняют свои социальные программы лучше государства (кормят бесплатно обездоленных, имеются случаи излечения от пьянства и наркомании и других трудноизлечимых болезней).

Если социальные программы Кремля окончатся очередной крупномасштабной имитацией, произойдет «тихая» революция. Достаточно сигнала «правильно» голосовать за назначенного Западом «ангела». Власть от Бога, и пастырь укажет, за кого молиться перед очередными выборами. И нет необходимости в абсолютной победе на выборах «демократического» кандидата, достаточно иметь во власти «правильную» оппозицию, способную дестабилизировать обстановку в стране и ослабить в очередной раз российскую государственность.

### **Властные элиты в технологиях новейшей геополитики**

Технологии новейшей геополитики, учитывающие природу человека, эффективно применяются в Восточной Европе против постсоветских властных элит, получивших немыслимую свободу действий и решивших одновременно стать самыми деловыми, умными, пушистыми и святыми. Основными объектами «нападения» являются не промышленные и другие стратегические объекты, а часть властной элиты, страдающей манией величия и комплексом неполноценности. Этому способствует то обстоятельство, что постсоветская элита новых независимых государств в своем подавляющем большинстве оказалась значительно хуже, наглее и циничнее коммунистической номенклатуры.

Если с высот исторического времени окинуть единым взором современную Восточную Европу, то предстанет живописная картина чрезмерного торжества демократии. Вместо Петра и Екатерины Великих обнаружишь «Стеньку Разина» Непросыхающего, многочисленных киндерсюрпризов, простых парней в кепках и с анекдотами, ханов и баев, шутов, непорочных ангелов революции с косами, паханов, шестерок и многих других лиц из театра абсурда, выбранных на свои роли самым демократическим путем. В качестве геополитических агентов влияния используются физические лица, скоропостижно вошедшие в политику и

использующие демократию в качестве предмета (булыжника) в борьбе за власть. Эти представители новейшей «элиты в законе» особенно проявили себя в незаконной приватизации общенародной собственности в особо крупных размерах, отличаются низким уровнем общеобразовательной культуры, чьи смутные представления о демократии и гражданском обществе легко могут быть изменены в должном направлении.

Агенты влияния занимаются лоббированием геополитических проектов своих зарубежных хозяев, за что получают звание «буревестников демократии». Их деятельность направлена на замену одной геополитической системы на другую, является разновидностью подрывной деятельности с позиций национальной безопасности. Масштабы воздействия геополитической агентуры, как правило, превосходят стратегическую разведку спецслужб, так как могут привести к распаду государства.

Новые сетевые технологии позволяют дешево купить часть властной элиты и внедрить новоиспеченных агентов влияния на ключевые посты в государстве самым демократическим путем. Как правило, в цивилизованных странах они квалифицируются как предатели национальных интересов. В этом принципиальное их отличие от изменника родины. Услуги последнего стоят дороже, и его существование требует конспирации.

Предприимчивые и находчивые физические лица, стремящиеся во власть, сделали великое открытие. Западу нужны не их знания азов демократии и гражданского общества, не их честь, совесть и долг перед отечеством, а лояльность перед новым зарубежным хозяином. За эту лояльность Запад обеспечивает легитимность «элиты в законе», разрешает подворовывать отечественные ресурсы, закрывает глаза на нарушение прав человека, грабеж народной собственности и создание «семейного» бизнеса. Единственное, что не допускают европейцы и особенно чувствительные американцы, это воровство их собственных финансовых и других ресурсов.

Однако технологии новейшей геополитики после первой «победоносной» стадии по захвату чужих территорий дают сбой. Это проявилось на Балканах, в Афганистане, Ираке и, наконец, в Украине. Военной или финансовой мощи оказывается достаточно на первой (неконтактной) стадии, управляемой из Пентагона или комфортных кабинетов американских посольств. Но чтобы закрепить «честную» демократию на чужой территории, необходима контактная стадия. Когда военные и гражданские американские советники и специалисты будут помогать местным «братьям» внедрять демократию в каждом конкретном ауле, населенном пункте или на украинском хуторе и... отдавать свои жизни за идеалы свободы в борьбе с местной мафией, бандитами или коррумпированной властью. К этому Америка не готова, она слишком богатая страна для такой жертвенности ради других народов.

Каковы же уроки для России?

Как уже отмечалось выше, «оранжевая революция» в чистом виде невозможна в России, и «демократический» ставленник Запада не имеет шанса на абсолютную победу. Но вполне реальна победа некоей партии под «управлением любви», способной дестабилизировать обстановку в стране и ослабить российскую государственность.

В ближайшем будущем трансформация технологий новейшей геополитики в отношении России будет направлена от скомпрометировавших себя демократических лозунгов к использованию патриотической идеологии национализма. Кто будет спорить, державный патриотизм – это хорошо. Но где та незаметная грань между патриотизмом и национализмом, который вновь отбросит страну на мировую обочину?

Патриотический национализм снижает возможность государств в глобальной конкуренции. Он делает ставку не на профессионализм, а на национальную принадлежность физических лиц, рвущихся к власти. Это создает дополнительный ресурс для коррупции и делает борьбу с ней абсолютно невозможной. Если борьба с коррупцией и социальные программы трансформируются в крупномасштабную имитацию действительности, Россия вновь войдет в период окончательной смуты и распада. Так как при эффективном применении технологии манипулирования подсознанием электорат самым демократическим путем, голосуя не разумом, а сердцем, сметет власть, имитирующую или упрощающую действительность.

Николай МИХАЙЛОВ

## **СИСТЕМНЫЙ ФОРСАЙТ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ**

*Новые вызовы как стимулы развития*

Ослабление прошлого во имя лучшего будущего всегда является условием любого кризиса. Вопрос здесь лишь в том, как понимается будущее, что берется из прошлого и как осуществляется выбор нужных решений из возможных. И на какой основе. На основе выявленных и научно обоснованных закономерностей и тенденций и с учетом национальных интересов, или в угоду политической конъюнктуры, на основе эгоистических и групповых интересов.

Многие из усилий, предпринимаемых властью, весьма далеки от научного предвидения, и не случайно они оказывают чрезвычайно слабое влияние на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни народа. И если иногда появляются признаки нормализации, то это является, скорее, следствием интуитивного развития, но никак не научного предвидения.

В этих условиях наука не может быть в стороне от выполнения своей важнейшей социальной миссии. Сейчас, как никогда прежде, на основе научных знаний важно понять, каковы же роль и место России в глобальном и противоречивом мире? Извлекли ли мы выгоды или уроки из отечественных достижений мирового уровня в области искусств, культуры, науки, образования, медицины? Воспользовались ли мы бесспорными еще в недавнем времени приоритетами в таких сферах деятельности, как фундаментальные исследования в области естественных наук, как приоритет в области лазерных технологий, СВЧ-технологий, биоинженерии, системотехники? Достижений в области авиации? В области создания космических систем и систем контроля космического пространства, ПВО и ПРО и т.д.? Похоже, что нет.

Тому подтверждением является неуклонное снижение конкурентного уровня наших товаров и ничтожно малый уровень поставок на внешний рынок отечественной наукоемкой продукции.

Источники крупнейшего поражения России на внешних рынках следует искать не столько в слабости наших научных или производст-

венно-технологических возможностей, сколько в сфере государственной политики и в системе государственного законодательства, весьма далеких от научных обоснований.

Сейчас становится все более очевидным, что предсказуемость развития страны в рамках мирового сообщества и активное воздействие на характер и направленность этого развития могут быть обеспечены только на основе научных знаний. Но если это так, то мы должны уяснить себе, почему же наука в ее нынешнем состоянии оказалась не способной ответить на этот исторический вызов? Объяснение этому, по-видимому, следует искать в архаичности исторически сложившейся и явно устаревшей системы отношения науки и общества, не позволяющей ей подняться над эгоистическими интересами государства или отдельных элит общества.

Совершенствование системы отношения между наукой и обществом становится критически важным для понимания настоящего в интересах будущего.

Россия сегодня обладает достаточным научным потенциалом для развертывания «проблемных» исследований и разработок, направленных на нейтрализацию новых угроз и вызовов, порождаемых процессами развития, и для обоснования наиболее предпочтительного пути развития, исключающего социальное перенапряжение. Однако этот потенциал используется крайне слабо.

Очевидно, что если Россия в условиях грядущего вступления ее в ВТО не займет достойного места в экономическом и технологическом пространствах мира, то деструктивное развитие ее экономики может стать необратимым. При этом следует исходить из того, что к началу нового, XXI века под воздействием последствий процессов глобализации сформировался ряд новых вызовов исключительной интенсивности и с непредсказуемыми последствиями, и без того затрудняющими положение России в мировой экономике. Это прежде всего:

- нарастание взаимозависимости развития различных стран в условиях глобализации экономик. Это уже сейчас породило широчайший спектр новых проблем, к решению которых общество оказалось неподготовленным;
- нарастание диспропорции в социально-экономическом развитии различных стран и регионов;
- обострение конкурентной среды;
- вытеснение России с ее традиционных рынков высокотехнологичной продукции нерыночными методами;
- технологическое давление, проявляющееся в том, что страна, сделавшая рывок в использовании «прорывных технологий», получает возможность диктовать направления последующего технологического развития другим странам и возможность закрепления за собой конкурентных преимуществ на многие годы вперед;

– нарастающее значение способности государства формировать условия для получения «опережающих» знаний и подготовки специалистов, владеющих этими знаниями, как важнейшего условия обеспечения конкурентоспособности экономики;

– утраты инновационного характера развития промышленности Российской Федерации, включая оборонную, результатом чего стало резкое снижение показателей уровня развития науки и техники – наукоемкости и наукоотдачи.

Наряду с этим, опыт развития отечественной экономики за последние сто лет говорит о том, что у нас были и куда более тяжелые времена, но при этом страна всегда искала и находила такие решения, которые позволяли ей развивать отечественный научно-производственный, включая ОПК, и образовательный комплексы и сохранять свои позиции в мировой экономике. Но при этом всякий раз условием для повышения научно-технологического потенциала страны была постановка со стороны государства перед указанными комплексами масштабных научно-технологических проблем, требующих для их решения высочайшей концентрации интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов.

Необходимость осуществления масштабных научно-технологических проблем определяется, как правило, не столько рыночной конъюнктурой, сколько логикой развития научно-технического прогресса. Ниже остановимся лишь на двух проблемах, оказывающих нарастающее влияние на эффективность перехода к инновационной экономике, – на проблеме сложности понимания происходящих в мире процессов развития и на проблеме предвидения последствий реализации новых знаний и технологий.

### **Проблема сложности**

Есть ряд ключевых проблем современности, без научно обоснованного разрешения которых становится сомнительной сама возможность прогрессивного развития страны в условиях мирового сообщества и возможность обоснования целей стратегического развития.

Сегодня мы становимся свидетелями наступления не только эпохи качественно новых технологических прорывов, но и новых разочарований. Дело в том, что исходные идеи, математические модели и т.д., какими бы совершенными и наукоемкими они ни были, в своем подавляющем большинстве начинают занимать все более скромное место, уступая скорости и масштабности реализации лишь некоторым из них. Его Величество Случай здесь заявляет о себе все более и более весомо. По этой причине гигантские затраты, связанные с получением новых знаний, все чаще оказываются безнадежными для их возвращения в оборот.

Новые технологии позволяют создавать более эффективные производства, которые, в свою очередь, не успевая капитализироваться, быстро устаревают, уступая рынок более совершенным. Таким образом, едва развернувшиеся предприятия становятся неликвидными, а вложенный в их создание труд девальвируется. Приоритет знаний в системе хозяйствования обуславливает необходимость ускоренного обновления капиталоемкого уникального оборудования для научных исследований и соответствующих производств. Все это происходит на фоне интенсивного распространения в мире «сетевой экономики», посредством которой в электронную среду Интернет переносятся различные виды социально-экономической деятельности. Этот процесс сопровождается невиданным ранее превращением традиционных организаций в виртуальные сетевые структуры, оперирующие миллиардными оборотами.

Риски для бизнеса при этом многократно преумножаются. К примеру, увольнение из компаний лишь нескольких специалистов – носителей информации зачастую приводит эти компании к необратимому крушению. Появился своеобразный вид бизнеса, когда покупаются или продаются не компании, а лишь несколько «ключевых» специалистов, обладающих «критической массой знаний». Сегодня этот процесс стал характерным для всех высокотехнологичных сфер деятельности.

Как следствие – нарастание гигантских потерь финансовых, материальных и трудовых ресурсов. В этих условиях понятие «изобилие», даже применительно к странам «золотого миллиарда», становится весьма относительным. Налицо – порочный круг и нарастающая проблема всеобщей неуправляемости. Справедливости ради следует заметить, что ослабление управляемости развитием приобрело вселенский характер. И Россия здесь не исключение.

Переход общества в качественно новое состояние, характеризующееся способностью наиболее эффективного использования накопленных знаний, всякий раз лишь усиливает технологический отрыв ведущих стран от остального мира. Однако при этом всякий раз появляются и новые проблемы, к решению которых общество, корпорации, предприятия оказываются не подготовленными. Все это порождает тревожные ожидания и неуверенность в будущем.

По всей видимости, это происходит оттого, что в современных условиях информационных и транспортных коммуникаций мир становится все более квантованным и развитие его осуществляется крупными скачками, поколениями технологий и техники, к восприятию которых подавляющее число «текущего» поколения специалистов и менеджеров оказывается не подготовленным.

Знания все более заметно стали заявлять о себе как об экономической категории, а материальное производство в высокотехнологичных областях деятельности становится вторичным по отношению к произ-



водству информации и знаний. Однако проблема сложности происходящих в мире процессов развития не стала от этого доступнее для понимания.

Мир давно столкнулся с ситуацией, когда при определенном состоянии объекта управления (будь то государство или корпорация, предприятие, сложная техническая система и т.д.) возникают обстоятельства, когда любые усилия, направленные на совершенствование системы управления данным объектом, не только не в состоянии улучшить управляемость, но, зачастую, приводят к прямо противоположным результатам. Подобные объекты управления принято называть «складывающимися». Как правило, это такие объекты, уровень сложности которых превышает возможность их понимания и целостного представления на основе применяемого инструментария или методов.

Один из последних и масштабных примеров такого положения – ход и последствия административной реформы. Несмотря на непрерывную череду реформирования системы государственного управления, эффективность ее остается чрезвычайно низкой. А в условиях ослабления управляемости развития любая политика быстро заходит в тупик. По этой причине прогнозы развития начинают приобретать все более «размытые» черты.

Еще более масштабным примером снижения уровня управляемости может служить набирающий силу процесс деиндустриализации. Этому феномену не смогли противостоять даже такие мировые лидеры индустрии, как General motors и ряд других гигантов в США, Франции, Германии. Так что Россия – далеко не единственная страна, испытывавшая на себе разрушительные последствия снижения уровня управляемости. Различия здесь лежат лишь в масштабности процесса «схлопывания» и в первичных импульсах «запуска» системы «схлопывания». Так, если для стран Запада таким импульсом «запуска» послужил масштабный отрыв системы спекулятивных денежных и биржевых обращений от социального и инженерно-технического воспроизводства, то для России – общий системный кризис. Так или иначе, но в процесс деиндустриализации мы оказались вовлеченными вполне синхронно с ведущими странами Запада.

Недопустимость процессов «складывания» представляется очевидной. Преодоление «складывания» весьма часто и эффективно осуществлялось применением так называемого «нормативного» подхода. Он основан на идее, состоящей в том, что «сложившаяся» и продолжающая «складываться» организация не может быть ни объяснена, ни улучшена: любые мероприятия будут только усиливать нагромождение нелепостей. В таких случаях следует определить, какой организация должна быть, исходя из ее целей, и определить ее нормативные параметры. После чего необходимо спроектировать ее заново и принудительно перестроить.

Эта идея опиралась на теорию систем, моделирование и информатику. Весьма эффективным выражением нормативного подхода как способа преодоления проблемы сложности и его частным случаем стало формирование в 1960-1980-е годы в ведущих отраслях промышленности научно-производственных объединений, что во многих случаях послужило мощным стимулом развития.

В существенно упрощенном и искаженном виде нормативный подход стал проводиться на межгосударственном уровне в форме задания системы макроэкономических показателей и их значений. В частности, этот подход широко использовали и продолжают использовать Международный валютный фонд, Всемирный Банк и ряд других международных организаций. При этом нормативное проектирование мирового сообщества всегда «поддерживалось» как открытыми и общедоступными результатами исследований, так и результатами исследований, осуществлявшимися в закрытых центрах международного капитала.

В ограниченном временном интервале (10–15 лет) нормативный подход сыграл вполне позитивную роль при решении некоторых проблемных вопросов, «лежащих на поверхности», хотя сущность проблем при этом оставалась не раскрытой. Как следствие, использование нормативного подхода при рассмотрении проблем глобального типа приводило к ряду одиозных парадигм (теория «устойчивого развития», попытка установления квот численности населения, известная проблема «20/80» и др.).

Принудительная унификация, вытекающая из нормативного подхода, неизбежно влечет утрату богатства и разнообразия национальных культур, вызывает мощное противодействие, зачастую переходящее в агрессию, и, следовательно, является тупиковым направлением. Всякие попытки Запада втиснуть процессы глобального развития в нормативные рамки становятся социально неприемлемыми.

Неизбежными следствиями такого развития является возникновение иллюзий возможности разрешения проблемы за счет использования силовых факторов. Это неотвратимо приводит к спекулятивным и подрывным действиям различных масштабов, к организации и стимулированию кризисных процессов в экономике, к превращению терроризма в повседневность и т.д. Таким образом, и нормативный подход имел весьма уязвимые места, не позволявшие достигать результаты, соответствующие целям. Основной его недостаток – отсутствие механизма, обеспечивающего вовлеченность различных общественных сил в обсуждение долгосрочных прогнозов с целью более взвешенного и комплексного видения будущего и согласования путей его достижения.

## **Форсайт как один из инструментов преодоления проблемы сложности**

При всем при том, что в последние годы о форсайте как методе проектирования будущего сказано и написано чрезвычайно много, по большому счету, в нем нет ничего из того, что не использовалось бы в нашей стране на протяжении десятилетий при формировании программ стратегического развития страны, включая отраслевые и функциональные уровни. Тот высочайший уровень научной (а в ряде случаев и общественной!) экспертизы, в безусловном порядке сопровождавшей принятие решений о стратегическом развитии, будь то программы развития оборонных и космической отраслей промышленности, развития энергетики, химического или нефтегазового комплекса и т.д., еще и сегодня является едва ли достижимым.

По всей видимости, феномен особой востребованности метода форсайта в последнее время обусловлен двумя объективными обстоятельствами: во-первых, за последние годы существенно утрачена культура осуществления научной и общественной экспертизы решений, принимаемых государством, и, во-вторых, стало ясно, что на фоне активизации усилий государства, направленных на формирование в России гражданского общества, необходимость возрождения институтов научной и общественной экспертиз стала явлением объективно обусловленным. Как бы то ни было, «нет худа без добра», и проявление повышенного интереса к методу следует приветствовать. Бесспорная необходимость в этом имеется.

Представим себе, что нам предложено сделать выбор в пользу одного из следующих сценариев возможного развития:

1. Сосредоточение всех необходимых видов ресурсов (финансовых, административных, политических) на ускоренное развитие, т.н. «самодостаточных точек роста» и регионов-доноров (аналогично – сосредоточение всех необходимых ресурсов на ускоренное развитие отраслей промышленности, имеющих наиболее высокую текущую эффективность).

2. Сосредоточение всех необходимых видов ресурсов (финансовых, административных, политических) на ускоренное развитие «депрессивных регионов» с целью «выравнивания» социально-экономического развития.

Или, например, какому из двух следующих двух сценариев стратегического развития электроэнергетики отдать предпочтение:

1. Исходить, главным образом, из необходимости приближения энергопроизводящих мощностей к сложившимся местам энергопотребления.

2. Исходить, главным образом, из целесообразности обеспечения территориального распределения энергопроизводящих мощностей таким образом, чтобы стимулировать развитие «депрессивных» регионов.

Очевидно, что каждый из приведенных сценариев имеет свои преимущества и недостатки. Любая попытка обоснования принятия того или иного сценария, исходя лишь из количественных критериев (например, затратных и иных), неизбежно будет приводить к решениям, когда последствия их реализации могут оказаться непомерно обременительными для страны. Попытка планировать будущее, полагаясь лишь на исходные позиции, – тупиковое занятие.

В основе представления о будущем по приведенным проблемам должно стать понимание общих тенденций развития взаимосвязанных событий, затрагивающих самые различные сферы деятельности. Среди прочих наиболее устойчивой тенденцией становится переход на принципиально новый технологический и промышленный уклады и построение сети мультикластеров. А если это так, то ориентация стратегического развития лишь на усиление «самодостаточных точек роста», по меньшей мере, становится спорной. Никаких мультикластеров при таком развитии не возникнет. В основе принятия решений о стратегическом планировании развития должна быть ориентация не столько на «самодостаточные точки роста», сколько на принципиальную стратегию полномасштабного развития страны. Но, в свою очередь, при такой постановке вопроса в полной мере мы сталкиваемся с множеством проблем, главной из которых является проблема сложности. Метод форсайта – одно из наиболее эффективных и быстро развиваемых средств преодоления этой проблемы.

С определенной мерой обобщения можно сказать, что принципиальная особенность и отличие метода форсайта от известных методов традиционного прогнозирования развития состоит в использовании системы мер (инструментария) по вовлечению в круг обсуждаемых проблем, наряду с «лицами, принимающими решения», экспертного сообщества, способного дать всесторонний прогноз последствий тех или иных решений не только с производственно-технологической, но и с общественно-социальной, экологической и иных позиций. В свою очередь, это позволяет гармонизировать интересы власти, бизнеса и общества. Именно в этом состоит его особенность и отличие, например, от метода forecasting, используемого при прогнозировании развития событий, технологий, параметры которых могут быть хорошо «вычислены» и обоснованы.

По существу, форсайт – один из наиболее эффективных методов определения приоритетов научно-технологического и промышленного развития и согласования их с социально-экономическими интересами. В основе метода – решающая роль экспертного сообщества. Разумеется, что эксперты должны быть вооружены не только способностью к интуитивному мышлению, но и вооружены конкретными научными знаниями по рассматриваемой проблеме. Уникальная возможность здесь возникает для отечественной науки и для вузов.

У отечественной науки есть все основания для достойного исполнения своей миссии в понимании и преодолении ведущей проблемы современности – проблемы сложности происходящих в любой сфере деятельности процессов развития. По меньшей мере, у нас имеются внушительные научные заделы, позволяющие безотлагательно приступить к масштабным исследованиям в этой области знаний. В частности, за последние несколько лет заметно возрос интерес к использованию концептуальных методов проектирования будущего.

Наибольший вклад в разработку этих методов внесли отечественные ученые (Г.С.Поспелов, В.А.Ириков, Ю.Н.Иванов, В.Н.Бурков, С.П.Никоноров и др.). Эти методы стали эффективным инструментом теоретического исследования особо сложных предметных областей и проектирования формальных аспектов организаций («систем организационного управления»). Эффективность концептуальных методов исследования и проектирования является следствием мышления, опирающегося на целостные концептуальные схемы предметных областей, регламентированные процессы синтеза теорий и их интерпретации. Это стало возможным благодаря использованию и развитию теории структур одного из направлений математики, арсенала теоретико-системных конструкторов и компьютерных технологий.

Серьезные знания по этой проблеме накоплены в ряде академических, отраслевых и учебных научных организаций. Несмотря на утрату ряда научных школ, в стране еще сохранились фундаментальные принципы организации научных исследований, благодаря которым российские ученые всегда отличались способностью найти нетрадиционные решения проблемы любой степени сложности.

В случае, если нам удастся синтезировать эти знания, станет возможным находить научно обоснованные решения проблем любой степени сложности. К числу таковых могли бы быть отнесены проблемы поиска путей разрешения на качественно новом уровне соотношения между трудом и обществом и по разработке научно-методического инструментария форсайтинга, использующего потенциал экспертного сообщества и позволяющего находить оптимальные решения в постоянно усложняющемся и противоречивом мире.

Усилия, которые последние 2–3 года по инициативе Министерства образования и науки предпринимаются по развитию методов форсайта, создают возможности для существенного повышения качества и обоснованности представлений о приоритетах научно-технологического и социально-экономического развития страны. Уже сейчас, применительно к производственно-технологическим комплексам, стали учитываться объективные тенденции эволюции их поведения.

От характера и направленности дальнейшей эволюции предприятий научно-производственного комплекса, включая ОПК, во многом будет зависеть, насколько нам удастся обеспечить достойное место

страны в мировом технологическом пространстве. Отсюда ясно, что приоритет в формировании структурно-отраслевой политики бесспорно должен принадлежать государству. При этом очень важно принимать во внимание, что научно-технологическое развитие непременно и всегда сопровождается усилением междисциплинарных (межотраслевых) связей. А это лишь усиливает необходимость повышения эффективности всесторонней экспертизы принимаемых решений.

### Выводы

1. Осуществление эффективной государственной политики инновационного развития возможно лишь при условии повышения обоснованности принимаемых решений.

2. Для повышения обоснованности выбора решений на стратегическом интервале времени и минимизации рисков от возможных неожиданностей необходимо вовлечение в процессы принятия решений экспертного сообщества.

3. Системный форсайт позволяет повысить степень обоснованности принимаемых решений при стратегическом планировании развития и обеспечить баланс интересов власти, бизнеса и общества.

4. Использование концептуальных методов проектирования будущего (или «систем организационного управления»), разработанных отечественными учеными, позволяет существенно повысить эффективность метода форсайт и на этой основе находить оптимальные решения в постоянно усложняющемся и противоречивом мире.

5. Подготовка специалистов, имеющих компетенцию в предметных областях знаний и способных использовать современные методы экспертной оценки особо сложных проектов и систем, становится одной из важнейших задач для высших учебных заведений;

6. Готовность государства развивать инновационную инфраструктуру и делить с бизнесом риски является наилучшей возможностью для регламентации отношений государства и бизнеса при осуществлении инновационного развития. Весьма сильным и позитивным сигналом со стороны государства в этом направлении может стать успешная реализация Закона «Об Особых экономических зонах» и принятых решений по развитию сети технопарков.

7. Активное и широкое вовлечение бизнеса в формирование и развитие экспертного сообщества следует рассматривать как неперенное и важнейшее условие формирования гражданского общества.

Решение указанной проблемы способствовало бы возрастанию международного авторитета нашего государства, повышению эффективности его экономики. Перед грядущим вступлением нашего государства в ВТО это становится особенно важным.

## **«КРУГЛЫЙ СТОЛ»**

### **15 ЛЕТ СНГ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ\***

*В ноябре 2006 г. на кафедре национальных, федеративных и международных отношений Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся «круглый стол» в связи с годовщиной подписания Беловежских соглашений. В «круглом столе» приняли участие профессор кафедры доктор философских наук, профессор **А.Ф.Дашдамиров**, доктор политических наук **А.Н.Михайленко**, доктор исторических наук, профессор **Л.О.Терновая**, аспиранты кафедры **В.И.Келехсаев** и **Е.В.Кондрашова**. Открыл «круглый стол» заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор **В.А.Михайлов**. В обсуждении были подняты вопросы, которые, по мнению редакции, представляют интерес для читателей нашего журнала.*

**В.Михайлов.** События, происшедшие в Беловежской пуще 15 лет назад, и сейчас занимают умы политиков и ученых не только в странах СНГ, но и в «дальнем зарубежье». Крушение СССР стало ключевым событием XX века. Социалистический эксперимент, осуществленный в СССР и ряде других стран, выявил бесперспективность идеалов коммунизма. Вместе с тем фатальной предопределенности распада СССР не было, решающую роль в этом процессе сыграли не столько объективные, сколько субъективные факторы. Объективный фактор – это более 76% голосов граждан Советского Союза, высказавшихся на мартовском референдуме 1991 г. за сохранение СССР. Субъективный фактор – это просчеты КПСС в проведении реформ, а также личностные качества М.Горбачева и Б.Ельцина.

Еще в 1988 г. ряд компартий союзных республик предлагали создать при Верховном Совете СССР с участием представителей союзных и автономных республик комиссию по пересмотру действующей Конституции и выработке проекта Союзного договора как основополагающего документа Союза равноправных республик. Однако высшее руководство КПСС, прежде всего Политбюро ЦК КПСС, не восприняло эти предложения, считая их сепаратистскими. Растерявшись перед напором массовых выступлений армян за присоединение Нагорного Карабаха к Армении, антисоветских и антикоммунистических движений в Грузии, борьбы прибалтов и молдаван за «суверенизацию» своих республик, Союзный Центр начал сдавать одну позицию за другой.

Разрушительную силу по своим последствиям для страны имели законы о земле от 28 февраля 1990 г. и о собственности от 6 марта 1990 г. Они закреп-

---

\* Материалы подготовлены к публикации В.И.Келехсаевым и Е.В.Кондрашовой.



ляли безраздельные права на землю за национально-государственными административными образованиями. Начался раздел объектов единого народно-хозяйственного комплекса. Эти законы стали правовой основой сепаратизма как национального, так и регионального. Так начался «парад суверенитетов», в процессе которого шло растаскивание территорий и власти.

В условиях жесткого противостояния Горбачева и Ельцина, когда авторитет первого падал, а второго – возрастал, Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. «Борьба законов» Центра и республик достигла апогея. Как позднее отмечал Б.Ельцин, этот шаг якобы преследовал цель заставить М.Горбачева играть по другим правилам и приступить к разработке Союзного договора с учетом позиции РСФСР. В реальности же принятие Декларации стало тем решением, которое оказало роковое воздействие на дальнейшую судьбу Союза ССР. Оно вынудило руководство СССР согласиться на немедленную разработку нового Союзного договора. Однако подготовить конструктивный документ в сложившихся исторических условиях было невозможно. Каждый из участников договорного процесса «тянул одеяло» на себя.

Сегодня можно строить лишь гипотезы о перспективах нового Союза суверенных государств, если бы договор был подписан. Его сторонники считали, что он оставлял шанс для сохранения Союза девяти республик с возможным его расширением при благоприятных условиях. Противники же Договора были убеждены, что распад столь неконструктивного объединения – это только временная отсрочка. Но главное в их аргументации было то, что в случае распада нового Союза угроза разрушения нависла бы и над Российской Федерацией.

В этих условиях 8 декабря 1991 г. в Вискулях, расположенных на территории Беловежской Пуши, в тайне от других руководителей союзных республик, главы государств и правительств Беларуси, РСФСР и Украины С. Шушкевич, Б.Ельцин и Л.Кравчук заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Для полной легитимизации ликвидации СССР необходимо было решить три задачи. Во-первых, нужно было обеспечить ратификацию Беловежских соглашений в парламентах трех государств, их подписавших. Далее важно было максимально расширить круг участников Содружества за счет бывших республик СССР. Наконец, предстояло преодолеть возможное сопротивление остатков союзной государственности в лице Президента СССР и Верховного Совета СССР. Все три задачи были решены без серьезных осложнений. Началась история СНГ, наполненная новыми надеждами и тревогами.

Полагаю, что этот краткий экскурс в историю возникновения СНГ весьма важен при обсуждении современных проблем и перспектив Содружества. 15 лет – это совсем немного с точки зрения истории. Многие проблемы развития Содружества проистекают из СССР. Проблемы эти часто междисциплинарные, в них тесно переплетены различные аспекты и процессы экономики, политики, обороны и безопасности, гуманитарной сферы. Взаимовлияя друг на друга, они создают сложную палитру противоречивых взаимоотношений государств постсоветского пространства. Уверен, что сегодня мы затронем различные грани функционирования СНГ и обменяемся различными точками зрения на его проблемы и перспективы.

**А.Михайленко.** За прошедшие годы высказывались различные мнения о состоянии и перспективах СНГ. В отдельные моменты истории эти оценки бы-

ли достаточно радужными, но чаще, в том числе и в последнее время, они в основном пессимистичны. Как правило, утверждается, что СНГ не оправдало возлагавшиеся на него надежды, и с этим положением можно, пожалуй, согласиться. При этом предлагаются разнообразные объяснения неудач Содружества, среди которых различные уровни социально-экономического развития государств-участников, разнонаправленные векторы их внешней политики, препятствия со стороны внешних сил и др. Основная вина за несбывшиеся планы интеграции на постсоветском пространстве возлагается на политиков этих стран. По моему мнению, в равной степени ответственность за сложившуюся ситуацию и ее развитие несет и научно-экспертное сообщество. Научно обоснованные методологические подходы должны стать достоянием общества и государства, и для этого наука и политическая практика должны быть тесно связаны. В реальности это не всегда так.

Данное положение касается не только каких-то новейших достижений научной политической мысли, но и порой базисных концептуальных тезисов. Так, в науке не вызывает споров положение о том, что общественное развитие включает в себя одновременно и интеграцию, и дезинтеграцию, хотя на поверхности эти два процесса кажутся противоположными и даже взаимоисключающими. Поэтому они часто представляются, особенно в обыденном сознании, как взаимоисключающие полюса. Однако на деле они оказываются взаимообусловленными и взаимовлияющими друг на друга, как совершенно точно обозначил в своем вступительном слове Вячеслав Александрович. Без интеграции не может быть дезинтеграции, и наоборот. Для успешной интеграции ей необходимо постоянно подпитываться продуктами дезинтеграции. В свою очередь, если не будут развиваться процессы интеграции, то дезинтегрироваться будет просто нечему.

Следует отметить, что процессы взаимодействия и взаимовлияния интеграции и дезинтеграции не протекают автоматически, они требуют управления (и, следовательно, понимания диалектики их взаимосвязи и взаимовлияния). С одной стороны, интеграция не может происходить безгранично, у нее просто не хватит для этого ресурсов, «строительного материала». С другой, если продукты дезинтеграции вовремя не вовлечь в интеграционный процесс, они не будут способствовать интеграции, а, наоборот, станут тормозить ее, начнут разлагаться со всеми вытекающими из этого последствиями. Конечно, определенную роль во взаимосвязи интеграции и дезинтеграции играет самоорганизация, но полагаться только на нее было бы недальновидно.

Удалось ли сделать это положение достоянием политического класса в странах СНГ? Ответ на этот вопрос, наиболее вероятно, должен быть отрицательным. У нас процессы интеграции и дезинтеграции, как уже отмечалось, зачастую рассматриваются как самостоятельные и не взаимосвязанные. Вот один из наиболее свежих примеров. В последнем выпуске авторитетного «Дипкурьера» из группы изданий «Независимой газеты» за 27 ноября 2006 г. можно встретить статью под названием «У Грузии нет причин оставаться в Содружестве. Минский саммит может обернуться дезинтеграционными процессами». Можно привести множество других примеров споров о том, что же происходит в СНГ, интеграция или дезинтеграция, хотя говорить нужно было бы о преобладании одной из тенденций в конкретный исторический момент.

Еще один важный методологический аспект в исследовании ситуации в СНГ – это необходимость и возможность заставить в полной мере работать ряд

методов науки в приложении их к развитию сотрудничества стран ближнего зарубежья. Возьмем для примера метод сравнительного анализа. Наряду с Содружеством, существует множество других интеграционных объединений и международных организаций, таких, например, как ООН, НАТО, ЕС, ОБСЕ и др. Можно ли сказать, что ситуация в них идеальна? Как раз наоборот, все они переполнены своими проблемами. Некоторые из этих организаций, по моему мнению, находятся в кризисе. Не вдаваясь в детали, можно упомянуть неудачи в реформировании ООН, кризис НАТО после отказа Германии и Франции участвовать в Иракской операции (2003 г.), кризис ЕС после провала на референдумах о Конституции Евросоюза в Нидерландах и Франции и пр. Сравнительный анализ состояния и перспектив этих организаций и других интеграционных объединений мог бы позволить найти общие, особенные и единичные проблемы развития СНГ.

Несомненно, что много интересных мыслей и параллелей может дать исторический подход. Взять хотя бы такой вопрос, как интеграционная политика самой мощной региональной державы. Какой она должна быть? Это должна быть попытка выстроить заграждение вокруг своей т.н. «зоны исключительных интересов»? Можно вспомнить в связи с этим, что еще в XIX в. США приняли «доктрину Монро» и активно работали со своим латиноамериканским подбрюшьем. А что происходит сегодня в Латинской Америке? Это самая настоящая «левая волна» с явно ощутимым антиамериканским характером. Достаточно назвать левых президентов ряда стран континента: Мишель Бачелет в Чили, Эво Моралес в Боливии, Нестор Кирхнер в Аргентине, Луис Игнасиу («Лула») да Силва в Бразилии, Табарэ Васкес в Уругвае, Уго Чавес в Венесуэле. Совсем недавно победу на выборах в Никарагуа одержал Даниэль Ортега, а в Эквадоре – Рафаэль Корреа. Следует заметить, что в списке присутствуют не второстепенные маленькие страны, а лидеры континента.

В завершение приведу метод метафор, благодаря которому к осмыслению той или иной научной проблемы подключаются механизмы интуиции и образного мышления. Если мы возьмем любую статью о проблемах СНГ, то почти наверняка встретим в ней ряд метафор относительно ситуации в объединении. Это и метафора локомотива, и поезда (Россия и СНГ), разбитого кувшина, который пытаются склеить, замороженных конфликтов на постсоветском пространстве и т.д. Однако эвристический потенциал этих и других метафор используется далеко не полностью. Ведь метафора может дать не только сходства, но и помочь выявить существенные различия в тех или иных явлениях.

Это положение можно проиллюстрировать на примере образа СНГ как бракоразводной конторы. Образ во многом соответствует наличной ситуации в СНГ. Но во всем ли? Действительно ли произошел развод и, тем более, закончился ли он? Вопрос может показаться странным с учетом того, что вот уже 15 лет существуют 12 независимых государств СНГ, признанных на международном уровне. Но почему тогда эти разведенные не соглашаются на мировые цены российского газа? Если развелись, то и отношения между бывшими супругами должны быть как со всеми остальными. Почему в России находится, по разным подсчетам, более 10 млн. незаконных трудовых мигрантов из стран СНГ? А ведь их переводы домой составляют до 30% доходной части бюджетов этих стран! Так какой же это развод? Может быть, фиктивный развод, а не настоящий? Для политических элит он состоялся, а для простых людей его не существует. Вернее, он существует, но не способствует их благополучию, а,

наоборот, препятствует ему. Здесь уместно вспомнить, как ругают власти и России и Украины простые люди, которые вынуждены испытывать значительные неудобства при пересечении границы. А ведь это касается огромного количества людей. В начале 2000-х гг. ежегодно регистрируется более 20 млн. пересечений российско-украинской границы!

Для того чтобы все перечисленные и другие научные методы стали в полной мере достоянием политикума СНГ, необходимы усилия и ученых, и политиков. Научные разработки должны иметь прикладную составляющую, позволяющую использовать их в практической деятельности. Конференции по наиболее актуальным проблемам сотрудничества стран ближнего зарубежья должны проводиться не раздельно среди политиков и ученых, а совместно. Заслуживает поддержки практика создания экспертных (общественных) советов при органах власти различных уровней в государствах Содружества. Эти и другие меры могли бы способствовать повышению эффективности интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

**Вопрос.** Александр Николаевич, вы сказали, что разделяете точку зрения о недостаточной эффективности протекающих в СНГ интеграционных процессов. Традиционные русские вопросы: кто, по вашему мнению, несет наибольшую ответственность за подобное положение вещей? Что нужно делать для успешной интеграции?

**А. Михайленко.** Считаю, что основной груз ответственности несет и должна нести Россия. Данное положение присуще всем интеграционным союзам. Россия производит около 70% ВВП СНГ, это самое мощное государство региона. Во всех союзах именно самое сильное государство (или несколько государств, как в ЕС) выполняет миссию интеграционного ядра. Такова ситуация в НАФТА, где США дают чуть ли не 90% ВВП. Так же обстоят дела и в МЕРКОСУРе, где два сильных участника подтягивают к своему уровню двух других «младших братьев». Поэтому Россия, в том числе и мы с вами, должна прикладывать больше усилий, если мы хотим успеха СНГ. Это вполне реально, особенно в сферах, где существует совпадение интересов государств – участников СНГ.

Вместе с тем хотел бы отметить, что интеграция – это дело всех, а не какого-то одного государства. Россия неоднократно заявляла, что не собирается насильно заставлять соседние государства дружить с собой. Но ведь иногда можно услышать, что ключ от решения чуть ли не всех проблем СНГ находится в Кремле. Это касается, например, урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. Позиция России в этом вопросе другая: найти компромиссы в имеющихся противоречиях должны сами стороны конфликта, Москва же поддержит подобный компромисс. Одновременно, отрицать наличие у России определенных рычагов влияния на ситуацию в странах СНГ было бы глупо.

Таким образом, центром интеграционной работы я полагаю разрешение противоречий, которые существуют и будут существовать в рамках СНГ. Какими бы сложными они ни были, решения всегда есть, их нужно искать. Показателем правильности данного подхода является то, что во многих отношениях сотрудничество стран СНГ дает неплохие результаты. Например, это касается взаимодействия в сфере борьбы с международным терроризмом.

**В. Келехсаев.** Я хотел бы подхватить эстафетную палочку и поразмышлять о причинах такой большой заинтересованности стран Содружества в сотрудничестве как раз в этой непростой области. Если задуматься над тем, каков

критерий перспективного направления сотрудничества стран СНГ, то можно предположить, что это должно быть сотрудничество, связанное с ответом на самые опасные и общие для всех вызовы человечеству. Когда все участники СНГ видят одну и ту же опасность, которая в равной степени затрагивает их интересы, они просто из здравого смысла будут сотрудничать в этой сфере.

Данное предположение полностью подтверждается примером сотрудничества этих стран в сфере борьбы с международным терроризмом. Как известно, данная угроза признана мировым сообществом как одна из наиболее опасных. При этом указанная опасность нарастает лавинообразным образом. В 2004 г. в мире был совершен 651 террористический акт, жертвами которых оказались 9321 человек\*. В 2005 г. эти показатели существенно возросли: количество терактов составило 11111, их жертвами стали 74080 человек\*\*. Противостоять международному терроризму можно только совместными усилиями.

Эту ситуацию хорошо понимают в странах СНГ. Поэтому подавляющее большинство государств – участников объединения сотрудничают в данной сфере в полном формате. 16 сентября 2004 г. было принято Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о борьбе с международным терроризмом, в котором главы государств – участников СНГ выразили полную солидарность с Российской Федерацией в ее борьбе против терроризма. Они также акцентировали внимание на том, что только консолидация усилий всего цивилизованного человечества в борьбе с международным терроризмом может препятствовать распространению этого зла\*\*\*.

В рамках СНГ за прошедшие годы осуществлен ряд мероприятий по налаживанию такого сотрудничества. В 1999 г. был подписан Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом. Этот документ является правовой основой для осуществления взаимодействия компетентных органов государств – участников Содружества в вопросах предупреждения, выявления, пресечения и расследования актов терроризма. В Договоре законодательно решены вопросы организации и осуществления взаимодействия стран ближнего зарубежья в сфере борьбы с международным терроризмом.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что даже на базовом уровне сотрудничества стран СНГ существует ряд проблем. Так, упомянутый выше Договор не подписала Украина. Одной из причин этого является разное толкование понятия терроризма в Договоре и в украинском законодательстве. Украинским уголовным законодательством предусматривается, что включению в уголовно наказуемые деяния подлежат не явления, а их проявления. Терроризм является социальным явлением. Поэтому в Уголовном кодексе Украины (ст. 258) предусматривается ответственность за террористический акт, а не за терроризм. И тем не менее общий итог сотрудничества стран СНГ в данной сфере впечатляет.

В частности, на основании решения совещания руководителей МВД России, Азербайджана, Армении и Грузии органами министерств внутренних

\* A Chronology of Significant International Terrorism for 2004. National Counterterrorism Center. Wash., D.C. 27 April 2005. P. 81, 82.

\*\* Report on Incidents of Terrorism 2005. National Counterterrorism Center. Wash., D.C. 11 April 2006.

\*\*\* Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о борьбе с международным терроризмом // Официальный сайт Исполкома СНГ в Интернете по адресу: [www.cis.minsk.by](http://www.cis.minsk.by)



дел указанных стран во взаимодействии с подразделениями ГТК, ФПС и ФСБ России в 2001 г. был проведен второй этап операции «Граница-заслон». В ходе этой операции только российскими органами внутренних дел выявлено 58 организованных преступных групп, пресечена деятельность 44 организованных преступных формирований. Было изъято большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов, наркотики и более 3 тонн ядовитых веществ. В рамках операции выявлено 23 фиктивные коммерческие структуры.

Таким образом, одной из успешно развивающихся сфер сотрудничества в рамках СНГ является борьба с международным терроризмом. Взаимодействие государств Содружества в этой области позволило провести ряд результативных контртеррористических операций. В рамках Содружества регулярно проводятся учения, научно-практические конференции. Все это позволяет более эффективно бороться с одной из самых опасных угроз современности – международным терроризмом.

**А.Мацнев.** Следует отметить, что для эффективной борьбы с терроризмом все же важно сохранять общие ценности. Отсюда представляется важным обратить внимание на проблемы сохранения общего ценностного пространства.

**Л.Терновая.** Действительно, от прежней государственной общности странам СНГ осталось общее культурное пространство. Его сохранение связано с тем, что синтез культур народов СССР сформировал стереотипы поведения, стандарты и ценности культуры, в значительной степени свободные от политических и экономических пертурбаций, сколь радикальны они бы ни были. Однако измерением этой культурной общности были в первую очередь постоянные мероприятия, связанные с демонстрацией достижений национальных культур (месячники, недели, дни...), многочисленные фестивали и другие смотры народного творчества, международный обмен творческих коллективов и прочие акции, которые создавали впечатление вершины айсберга активного культурного процесса, отличающегося глубиной и основательностью. На деле выяснилось, что крушение такой вершины привело к дезинтеграции и общего культурного пространства. При этом многовариантность культурных трансформаций в различных странах СНГ ускорила процесс его распада.

Правда, требуется признать, что и сейчас этот распад не завершен. Нынешнюю стадию, по оптимистическим оценкам, можно определить как полураспад: еще сохраняется русскоязычная диаспора в странах СНГ; действует, пусть с ограничениями, общая информационная сеть; русский язык остается рабочим языком институтов СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и различных межгосударственных и частнопредпринимательских структур, на русском языке сохраняется массив документов, необходимых для нормального функционирования любого государства. Можно предположить, что эта стадия будет длиться весьма долго. Во-первых, окончательный распад культурного пространства противоречит логике регионализации, во многом базирующейся на общности культурно-цивилизационных признаков. Закономерностью является то, что регионализация в сфере культуры проявляется намного раньше, чем в экономике. Во-вторых, распад единого культурного пространства не может быть таким же быстрым, как суверенизация, в силу самой специфики культуры.

Резкое разрушение тех традиций, которые были заложены в советские годы, неминуемо создает дисбаланс не только в культуре, но и в обществе в целом. Симптомы расстройств в передаче культурной традиции вызывают так называемую проблему идентичности. А от нее до идентичностного конфликта

– один шаг. И ни одно государство не заинтересовано в том, чтобы провоцировать появление внутренних конфликтов. Поэтому сохранение традиций, даже прежних, советских времен, скорее, снижает общую конфликтность в обществе, чем ее повышает. В-третьих, история подтверждает, что смена господствующей в обществе культуры – процесс длительный. Даже в далекие времена редкие захватчики стремились полностью уничтожить культурные памятники завоеванных земель. Отсюда следует, что современный период развития постсоветского пространства можно считать этапом достаточно медленной трансформации культурно-цивилизационной идентичности.

Имеются основания говорить о наличии особых инвариантов такой идентичности, свойственных всем без исключения народам. К таким инвариантам следует отнести: территорию или пространство, которое может быть шире территории и даже не совпадать с ней, а представляться чем-то вроде «земли обетованной», «исторической родины» и т.д.; ментальность, понимаемую, в первую очередь, как способ мировосприятия, стиль поиска смысла жизни и другие подобные параметры, наиболее сложно выявляемые рациональными методами; традиции и символы, господствующие во всех сферах духовной и материальной жизни; язык, который не всегда является атрибутом лишь одной-единственной национальной общности, например, английский, испанский, французский, равно как в многонациональном государстве, могут функционировать различные языки; религию, играющую в истории чаще всего объединяющую роль; представление о собственной миссии, имеющее как историческую сторону, связанную с оценкой вклада в цивилизационный процесс, так и футурологическую направленность, определяющую устремленность политических, экономических и других действий.

Перечисленные инварианты составляют наиболее широкий набор признаков культурно-цивилизационной идентичности. Но, разумеется, для каждого отдельного случая вовсе необязателен такой полный перечень. Даже нескольких инвариантов достаточно, чтобы четко очертить контуры той или иной культурно-цивилизационной идентичности, независимо от ее привычных и, как правило, необходимых для описания количественных параметров: размера территории, численности населения, его этнического состава, источников существования и т.д. Так, для СССР, провозгласившего себя в качестве культурно-цивилизационной общности, совсем необязательными были инварианты языка и религии. А инварианты территории, ментальности, традиций и миссии в значительной степени были новыми, не поддерживающими связь со своими предшественниками.

После распада Советского Союза культурно-цивилизационная идентичность большинства составляющих его республик стала рассматриваться не в катафатическом, а в катастрофическом аспекте. Это было вызвано и потерей многих прежних связей, духовной и материальной потерями значительной части населения, выросшей и воспитанной при социализме, и многочисленными конфликтами, вспыхнувшими на постсоветском пространстве. Однако утверждать, что катафатический дискурс культурной и политической жизни стран СНГ был полностью исчерпан, безосновательно. Приобретенный суверенитет воспринимался как необходимое условие для нахождения собственного пути выполнения миссии каждого народа в жизни мирового сообщества. На этом пути настоятельно требовалась мобилизация всех перечисленных ранее инвариантов культурно-цивилизационной идентичности. Привело ли все это



к возрастанию пассионарного напряжения этнического поля или просто способствовало росту политической и экономической напряженности в новых независимых государствах? Общим результатом таких преобразований стало усиление оттока русскоязычного населения. А все прочие результаты зависели не столько от культурных параметров постсоветского развития, сколько от политических.

**Е.Кондрашова.** Я хотела бы поддержать и, возможно, развить последнее высказанное Людмилой Олеговной положение. Среди большинства голосов о низкой эффективности СНГ можно, однако, услышать и мнения о том, что в каких-то отношениях это объединение работает успешно. Данное мнение касается, в частности, парламентской составляющей СНГ. Как можно объяснить такой феномен? Может быть, депутаты замешаны из другого теста по сравнению с политиками других ветвей власти государств – участников СНГ? Думается, что объяснение в другом. Парламент – это одновременно законодательная и представительная власть. Депутаты, конечно, занимаются законодотворчеством, но одновременно они представляют интересы своих избирателей. Депутаты Государственной Думы, например, три недели работают в Москве, а одну неделю разъезжаются по своим округам, встречаются с простыми людьми, выясняют их заботы и мнения по основным вопросам государственной политики.

Вот здесь-то и находится, возможно, корень эффективности парламентской составляющей СНГ. Чиновник исполнительной ветви власти федерального уровня находится далеко от народа, в то время как депутат регулярно отчитывается перед выбравшими его людьми. И это очень важно в условиях, когда между властью и простым народом существует большой разрыв. Для доказательства этого тезиса не нужно много аргументов. Можно взять ситуацию на Украине, когда президент В. Ющенко заявляет о стремлении как можно скорее вступить в НАТО, а опросы общественного мнения говорят о том, что народ такой выбор не приемлет. Как должен краснеть депутат на встречах со своими избирателями, объясняя такую позицию государственного руководства?

Одной из основных форм межпарламентского сотрудничества в рамках СНГ является Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств (МПА СНГ). Ассамблея была образована в марте 1992 года на основе Алма-Атинского соглашения, подписанного главами парламентов республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. Позже в МПА вступили парламенты Азербайджана, Грузии и Украины. Ассамблея была учреждена как консультативный институт для обсуждения вопросов и рассмотрения проектов документов, представляющих взаимный интерес. В своей деятельности МПА СНГ наибольшее значение придает вопросам, связанным с гармонизацией и сближением законодательств государств СНГ. Эта работа получает свое воплощение в принимаемых Ассамблеей модельных законодательных актах и рекомендациях, при создании которых учитывается опыт парламентов стран СНГ и международных парламентских организаций. За годы деятельности МПА СНГ было принято более 200 документов, обеспечивающих реальное сближение национальных законодательств.

Но не только законодотворчеством занимается Межпарламентская Ассамблея. Она отвечает на самые острые запросы избирателей. Например, людей очень беспокоят неурегулированные конфликты на постсоветском простран-

стве. А ведь мало кто знает, что именно при посредничестве Межпарламентской Ассамблеи СНГ, а также России и Киргизии, в столице Киргизии Бишкеке в мае 1994 года Азербайджан, Нагорный Карабах и Армения подписали Бишкекский протокол, на основании которого было достигнуто соглашение о прекращении огня. Подписанный главами парламентов стран – участниц переговоров Бишкекский протокол фактически и сегодня является единственным официальным документом, лежащим в основе мира в Карабахе. Депутаты Межпарламентской Ассамблеи внимательно следят также за миротворческими процессами в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии.

Нельзя обойти стороной и такой важный вопрос деятельности МПА, как проблема прав человека и развития демократии. Ассамблея уделяет ему огромное внимание. В структуре МПА создана соответствующая структура – Международный институт мониторинга развития демократии и соблюдения прав граждан Межпарламентской Ассамблеи (МИМРДСПГ МПА). Задача ее состоит в том, чтобы помочь странам СНГ выбрать в парламенты достойных людей, которые будут с честью представлять интересы своих избирателей.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что парламентская составляющая представляет собой один из достаточно эффективно функционирующих институтов СНГ. Источником успеха в этом случае является тесная связь депутатов с народом. Народы СНГ заинтересованы в как можно более тесном сотрудничестве, и об этом должны постоянно помнить представители властных структур государств-участников Содружества. Тогда и интеграционные процессы на постсоветском пространстве будут более эффективными.

## КАКИМ БЫТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ?

*В обсуждении проблемы приняли участие ректор Московского государственного университета технологий и управления доктор педагогических наук, профессор **О.К.Филатов**, ректор Московского гуманитарного университета доктор философских наук, профессор **И.М.Ильинский**, заместитель директора по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор **В.А.Луков**, ректор Национального института бизнеса, доктор философских наук, профессор **С.И.Плакий**, доктор физико-математических наук, профессор **Е.Н.Яковлев**, кандидат философских наук, заместитель руководителя лаборатории **Э.М.Спирова**, кандидат педагогических наук **К.А.Мишина**.*

*«Круглый стол» вел доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

**П.Гуревич.** В отечественном образовании происходят значительные преобразования. Мы переходим к новым технологиям, внедряем модульное образование, подписали соглашение о Болонском соглашении. Каким быть отечественному образованию? Не секрет, что на этот счет в обществе существуют разные мнения, не все согласны с проводимыми реформами. В то же время, как известно, образование представляет собой важнейшую сферу культуры. Общество не может быть равнодушным к тому, каким оно станет в ближайшее время. В связи с этим мы хотели бы обсудить ряд актуальных вопросов:

*1. Каковы достоинства и недостатки современного отечественного образования?*

*2. Что станет с российским образованием после подписания Болонского соглашения?*

*3. Как можно было бы улучшить образование в нашей стране?*

*4. Что вредит отечественному образованию, каковы его негативные тенденции?*

*5. Возможно ли элитарное образование или оно должно быть только массовым?*

*6. Нужны ли нашей стране негосударственные вузы?*

### Реформы в образовании

**И. Ильинский.** В современном российском обществе, если оно претендует называться демократическим, наряду с государственной, должна существовать независимая от него система образования, которая была бы сориентирована, прежде всего, на частный сектор, на рыночную экономику. Частный

сектор должен быть представлен в законодательных органах государственной власти, иметь свои политические партии, молодежные организации, свои (частные, независимые) СМИ, свою негосударственную (в том числе частную, независимую) систему среднего и высшего образования, где в основном и должны обучаться дети наиболее состоятельной части среднего и высшего класса.

Абсолютно убежден в том, что государственное, да еще массовое и узкоспециализированное, образование такую задачу никогда не будет ставить, а если «вдруг» какой-то ректор вуза решит это сделать, то у него ничего не выйдет. Ибо для этого необходимо иметь известное и немалое количество преподавателей определенной идеологической, частнособственнической закваски. Но откуда их взять в российских госвузах? Как они могут в одной аудитории славить силу частного капитала, а перейдя в другую, возвеличивать роль государства? И почему на налоги миллионов людей, за счет которых содержится государственное образование, должны обучаться и воспитываться дети тех, кто сегодня управляет ими, а завтра будут управлять уже сами нынешние дети? Конфликт низших слоев общества с высшим образованием в современной России вполне ощутим, и еще неизвестно, во что он выльется. Если элита, захватившая власть, богатство и престиж, начнет укреплять свои позиции за счет привилегированных групп, конфликт неизбежно усугубится и обострится, может привести к социальному взрыву. Мнение, что богатые обучаются в госвузах вместо бедных и за их счет, имеет широкое хождение. И для этого есть немало оснований. Скажем, дать взятку в \$25-30 тысяч за поступление в «престижный» госвуз, а потом тянуть за деньги свое чадо еще пять лет обучения бедная семья не в силах.

Подавляющее большинство граждан России убеждено, что высшее образование должно, во-первых, способствовать развитию человеческих ресурсов общества; во-вторых, создавать механизм селекции индивидов исключительно в соответствии с их способностями и талантами; в-третьих, готовить специалистов для тех видов деятельности, к которой они наиболее способны, и тем самым служить своеобразным «лифтом», позволяющим человеку низшего слоя подняться на высший этаж любой из элит. Иными словами, наше нищее и раздраженное общество готово принять идею социальной селекции только на основе интеллектуальных способностей, творческих талантов и личных достижений человека и напроочь не приемлет идею попадания в элиту согласно предписанному статусу, принадлежности к определенному слою высшего класса. Только наиболее способные должны достигать самых ответственных, элитных позиций. Я тоже за это. Но вот беда: в жизни происходит все по-иному. И всегда по-другому выходило. И будет выходить. А с жизнью следует считаться.

В России – уже скоро 15 лет – существует сектор негосударственного образования. Среди негосударственных вузов около трети – частные. Может показаться, что это вполне негосударственные, вполне свободные и вполне независимые учебные заведения. Увы, в России многое только кажется: рынок, демократия, свобода...

**Э.Спирова.** Своего рода миражи...

**И.Ильинский.** Вот именно. На самом деле подавляющее большинство вузов этого типа в главном и основном – в содержании образовательных услуг – самые что ни на есть государственные, так как работают в жестком поле государственных образовательных стандартов (ГОС). Шаг право, шаг влево – и ты

не получил госаккредитацию, а с этим и право на выдачу госдиплома. Большинство негосударственных вузов, в том числе частных, – обычные (а чаще еще более слабые) госвузики по производству кадрового человеческого ширпотреба. Заявляя, что они готовят «специалистов будущего», «кадры XXI века» и т.п., они совершенно не отдают себе отчета в том, что в негосударственном образовании есть своя социальная потребность.

**О.Филатов.** Что, у негосударственных вузов есть своя функция?

**И.Ильинский.** Разумеется. Поддержание стабильности и воспроизводства элиты общества и, прежде всего, его частного сектора. В тех же Соединенных Штатах Америки имеются такие элитные школы, как Гронтон и Сен-Поль, и такие элитные учреждения, как Гарвардский, Колумбийский, Йельский, Принстонский, такие элитные средние университеты, как Итон и Хэрроу, и такие элитные университеты, как Оксфорд и Кембридж, которые в то же время являются и элитарными.

**В.Луков.** Правильнее сказать – были элитарными, то есть закрытыми, и с лучшими в этих странах и в мире вузами...

**И.Ильинский.** Да, потом по мере демократизации общества они стали более открытыми настолько, что ныне почти половина обучающихся в этих вузах – из низшего класса, а качество образования, как и плата за обучение, по-прежнему наивысшее. Подчеркну еще важное обстоятельство: элитные (high quality education) и открытые учебные заведения родились из элитарных, закрытых, когда-то доступных только для детей знати и богачей. Такова логика развития образования от древнейших времен до нынешнего дня во всех странах мира. Демократизация общественной жизни вносит свои коррективы, но не в силах отменить этот закон, политика не в состоянии запретить экономику и власть богатства, которое имеет свойство концентрироваться в руках меньшинства, управляющего большинством. Стабильное воспроизводство качественной элиты обеспечивается системой контролируемых ею качественных учебных заведений. Союз элиты знаний и бизнес-элиты создает элиту элит, сверхэлиту.

**П.Гуревич.** А в России?

**И.Ильинский.** России только предстоит в ускоренных темпах (с учетом общеисторического опыта) пройти этот путь. Формирование элит в развитых странах происходит по двум каналам: 1) через открытое продвижение на вершине правящих элит людей, обладающих выдающимися способностями и талантами, 2) через систему закрытого рекрутирования в элиту по признакам знатности, богатства и связей родителей. Но если на Западе, где существует действительно элитное образование, реальный рынок и развитая демократия, все большее значение имеет первый канал, то в России, где так называемые элитные вузы – фикция, а демократия и рынок имеют приставку «псевдо», высшие должности, места в политической, деловой, медийной и других элитах занимают на основе личных знакомств по принципу «свой – чужой» или просто покупаются за деньги. Родные дети получают должности, власть и богатства, как в Древней Руси, по праву наследования, без учета специальных знаний, способностей управлять и необходимых нравственных установок.

**П.Гуревич.** Это как-то отличается от, допустим, американского опыта?

**И.Ильинский.** Как известно, в США используется так называемая «классификация Карнеги», согласно которой все университеты и колледжи делятся на шесть категорий, и высшая как раз и является исследовательским уни-

верситетом. Они характеризуются широким набором учебных дисциплин, имеют в своем составе аспирантуры, присуждают не менее 50 докторских степеней (PhD) в год и получают государственное финансирование на выполнение научных исследований не ниже определенного уровня (не менее \$15,5 млн. в год). Отнесение университетов к исследовательским происходит по факту, а не задается директивно и не сопровождается предоставлением каких-либо льгот.

**С.Плаксий.** Российское государство и общество вправе ожидать от образования отдачи. Но лишь той, которая адекватна их вложениям. Современное образование весьма ресурсоемко как в финансово-материальном, так и в интеллектуальном плане. Если перед образованием ставятся новые, более сложные задачи, то и финансовые, а также человеческие вложения в него должны быть соответствующими. Главное в образовании, конечно же, интеллект. Чем выше интеллект учителей, преподавателей и других сотрудников (а также и студентов), тем качественнее и эффективнее будет образование. Интеллект порождает более высокий интеллект. Но для своего воспроизводства он требует определенных условий и благ. Банальным, но справедливым является утверждение: интеллект течет туда, где его ценят и стимулируют, где за него платят.

**П.Гуревич.** Интеллект, не понимающий своей выгоды, выглядит сомнительным.

**С.Плаксий.** Это так. Реальность же сферы российского образования такова: государство, по сравнению с советскими временами, вкладывает в него в 2–3 раза меньше. Сравним себя с развитыми странами мира, от которых мы не хотим отстать в области образования: например, российское государство и общество тратят в 10 раз меньше на одного студента, а результат хотят получить больше. Но ведь товары и услуги в России стоят уже не дешевле, чем в развитых странах.

**О.Филатов.** По крайней мере, не намного.

**С.Плаксий.** Так почему же интеллектуальный труд оценивается так низко? Можно ли закладывать и ожидать новых параметров функционирования высшего образования, если платить меньше? Государство говорит: хотим более качественное и эффективное высшее образование, соответствующее лучшим мировым образцам и запросам рынка труда. Но почти не занимается и не стимулирует основополагающие факторы их повышения, динамики, модернизации. Каковы они? Первый и решающий фактор, основное звено, за которым тянется вся цепь, – это кадры и, в первую очередь, – профессорско-преподавательский состав. Нельзя сказать, что руководство страны не понимает этой прописной истины. Так, в конце октября 2005 года В.В. Путин на заседании Совета при президенте по науке, технологиям и образованию в очередной раз провозгласил: «Учитель – главная движущая сила качественного обновления вузов и школ». Но почему же это правильное высказывание высшего должностного лица России не переходит в правильные действия по резкому увеличению зарплаты преподавателям?

**О.Филатов.** Потому что правильное высказывание дешевле самих выплат.

**С.Плаксий.** Понятно, что нынешние незначительные изменения в оплате труда эффекта не дадут. Финансовых средств и времени не хватает для необходимого пополнения знаний, творческой работы. Способная молодежь, окончившая вуз, на зарплату в \$100–200 не идет и не пойдет. В результате

темпы притока молодых преподавателей в высшую школу ниже, чем необходимо. За первым звеном тянутся содержание образования, технологии обучения. Ведь и то, и другое обеспечивается преподавателями. Именно они пишут учебники, программы, выходят в аудитории. Реформистские устремления и реальные действия властей лишь косвенно касаются самого важного, сути, реальных механизмов обновления высшего образования и не способствуют решению ключевых его программ. Модернизацию надеются провести сверху, малыми финансовыми затратами и пренебрегая интеллектуальным потенциалом высшей школы, ее внутренней синергетикой и спецификой. Таковы, на мой взгляд, и последние инициативы правительства: призванные повлиять на высшее образование, повысить динамику его модернизации, но подготовленные чиновниками в тиши кабинетов и принятые без широкого обсуждения, учета мнения образовательного профессионального сообщества. Речь идет о Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг., принятой, подписанной председателем правительства 3 сентября 2005 года. Анализ этого документа и выступлений А.Фурсенко показывает, что попытки реформирования сверху весьма противоречивы.

Я считаю, что выбранные пути модернизации образования и направление финансовых потоков не выведут образование из кризиса. Деньги будут потрачены не на обновление образования как такового, а в основном на бюрократические структуры и на суету вокруг. Неслучайно самые часто встречающиеся в Концепции слова – это «управление», «механизм», «контроль» и «оценка», и на них же выделяются деньги.

В Концепции говорится, что она обеспечит продолжение модернизации мер, принятых в 2001–2005 годах. Но на что же выделяются деньги? Из 45,3 млрд. рублей бюджетных средств 18,6 млрд. предполагается потратить на повышение эффективности управления в системе образования, еще 3,6 млрд. – на совершенствование экономических механизмов в сфере образования, 5,2 млрд. – на развитие системы обеспечения качества. Иначе говоря, 27,4 млрд. рублей, или более 60% финансирования Программы, пойдет чиновникам на самих себя как управленцев, на ведение административно-бюрократических игр на образовательном поле. Еще 16,7 млрд. рублей должны обеспечить совершенствование содержания и технологий обучения. Но распределяться они будут теми же чиновниками министерства. Напрочь игнорируется тот безусловный факт, что процесс образования, его совершенствование, повышение качества происходит не в управленческих структурах, а в конкретных вузах, на конкретных кафедрах, в работе конкретных преподавателей, непосредственно в учебных классах, аудиториях совместными усилиями педагогов и обучающихся.

Особая, но еще мало осознанная разрушительная опасность исходит из планируемого массового и, в срочном порядке, перехода к системе «бакалавриат-магистратура», поскольку она, во-первых, ведет к слому сложившейся и в целом успешной системы подготовки кадров и приведет к существенному сокращению числа вузовских преподавателей. Во-вторых, подход к ее введению ограничивает автономию вузов, так как все решается за вузы. Предполагается ввести закон, в соответствии с которым будет «двухчленка» – «бакалавриат и магистратура». И лишь по некоторым специальностям допускается специальность.



**П.Гуревич.** Поясните, пожалуйста...

**С.Плаксий.** В бакалавриате учатся 4 года, а кое-где и 3, в магистратуре – 6 лет. Но в магистратуру поступить сможет примерно пятая часть выпускников бакалавриата, и за деньги. А все остальные учиться не будут. Этим обеспокоен и ректор МГУ, академик В.А. Садовничий, который отметил, что «большинство современной молодежи вынуждено будет ограничиться только лишь одной ступенью, общая планка образования снизится до четырехлетнего образования».

В этой связи планируется пересмотр содержания образования за счет более общих знаний и за счет того, что убираться будут специальные дисциплины, а тем более специализации. Бакалавр определяется как специалист, имеющий высшее образование, подготовленный по целому направлению, но не обладающий суммой знаний по конкретной специальности. Но современная практика и тенденции на рынке труда в развитых странах показывают, что рынок труда как раз движется в ином направлении. Специализированный работник дает больший экономический эффект, больше отдачи уже в первые годы работы. Поэтому сегодня на рынке труда все больше ценится выпускник вуза с широким кругозором, разнообразной подготовкой и узкой специализацией. Развитые страны переходят на составные, комплексные гибриды профессий. Такие специалисты могут быть подготовлены не менее чем за пять лет. И в ближайшие десятилетия именно такие специалисты будут востребованными. Ни с точки зрения здравого смысла, ни с точки зрения современной науки нельзя освоить за меньший срок и более качественно с каждым годом возрастающий объем необходимых для специалистов знаний и компетенций.

### Болонское соглашение

**П.Гуревич.** Вхождение в Болонский процесс необходимо, потому что помогает нам соотнести наше образование с мировыми образовательными стандартами. Но, с другой стороны, как сохранить национальные традиции, как не утратить те достижения, которыми располагает отечественное образование? Это тоже хотелось бы обсудить.

Екатерина Андреевна, вы изучали реформы высшего образования в Италии и Венгрии на основе Болонского процесса. Насколько я знаю, вы даже защитили диссертацию на эту тему. Разумеется, вы сторонница этого соглашения. Ваши доводы...

**Е.Мишина.** Я считаю, что процесс интеграции в европейском высшем образовании надо оценить только положительно. Чтобы реализовать задачи Болонского соглашения, страны Европы проводят реформы, в ходе которых осуществляется модернизация высшего образования. Программа действий Болонского процесса подразумевает введение общих принципов и системы высшего образования европейских стран. Это позволит создать до 2010 года структурно-организационную базу единого образовательного пространства. Болонский процесс можно рассматривать и как процесс интеграции систем высшего образования европейских стран и усиления международного сотрудничества университетов. Предполагается модернизировать европейское высшее образование и повысить уровень его престижа и конкурентоспособности в мировом масштабе.

**П.Гуревич.** Не приведет ли это к унификации?

**Е.Мишина.** Болонский процесс не нацелен на унификацию высшего образования стран Европы. Он, напротив, предполагает сохранение и учет национальных педагогических традиций и менталитетных особенностей, что ставит вопрос о необходимости рассмотрения данного социально-педагогического феномена как инновационного процесса, подчиняющегося реализации любой инновации.

**П.Гуревич.** Конкретно для России чем это хорошо?

**Е.Мишина.** Россия – участница Болонского соглашения с 2003 года, следовательно, анализ реформирования, в ходе которого европейские страны реализуют задачи Болонского процесса, может быть полезен и для российского образования. В целом, задачи Болонского процесса согласуются с задачами развития российской высшей школы, поставленными в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года». Речь идет об обеспечении прозрачности и сопоставимости структуры степеней, открытости и диверсификации образовательных траекторий, мобильности студентов и качества высшего образования.

**С.Плаксий.** Я бы поставил вопрос иначе. Как не выйти из Болонского процесса и соблюсти интересы российской высшей школы, как повысить качество образования? Выход, между прочим, очень прост: сделать высшее образование трехступенчатым по всем специальностям по схеме: «бакалавриат – специалитет – магистратура». Самое главное – провести тщательную ревизию содержания обучения и все силы направить на его обновление. Выбор же схемы (маршрута) обучения оставить за вузами и студентами.

Если вуз хочет вести у себя бакалавриат – пожалуйста, бакалавриат и специалитет – нет возражений, только специалитет – решайте сами, магистратуру – если в состоянии, то вводите. Именно так стоит вопрос в развитых странах. Но сначала надо тщательно проработать, обсудить, решить с профессиональным сообществом высшей школы и работодателем, чему учить в течение четырех, пяти и шести лет.

**П.Гуревич.** В развитых странах именно так?

**С.Плаксий.** В США и Великобритании, где в основном распространена подготовка магистров, их нацеливают и обучают, прежде всего, для научно-исследовательской работы. Система «бакалавриат-магистратура» наиболее развита в США. Там обучение на степень академического магистра (Master) предполагает комбинацию научных исследований и классного обучения. Преподавание более интенсивно, а процесс обучения более самостоятельный. Есть и профессиональная магистратура. Ее цель – подготовка студентов по ряду особых профессий. Выпускники такой магистратуры становятся «магистрами образования», «магистрами социальных работ», «магистрами бизнес-администрирования». В США в бакалавриате учатся 4 года, а в магистратуре еще 2 года. Но не надо забывать, что для поступления в бакалавриат нужно проучиться не менее 12 лет. Большинство развитых стран мира и подавляющее большинство вузов лишь изучают целесообразность, пути, возможности, сроки и содержание обучения.

**О.Филатов.** А в Европе?

**С.Плаксий.** Приведу пример Германии. Там не министерство образования и даже не руководство университетов решают вопросы возможного содержания обучения и переподготовки кадров. В России же никто всерьез не ставит

вопросы, кто, чему и где будут учиться в магистратурах. Согласие же и даже нетерпение ректоров некоторых ведущих университетов обусловлено, в основном, желанием получить возможность дополнительных финансовых поступлений. Даже в МГУ или Санкт-Петербургском университете недостаточно преподавателей, способных «потянуть» магистратуру на должном уровне. От перестановки уже имеющихся кадров сумма не изменится и качество не вырастет более или менее существенно.

**О.Филатов.** Но ведь Россия подписала Болонскую декларацию и обязалась к 2010 г. придерживаться «единого Европейского стандарта» с двумя циклами обучения (бакалавриат – 3–4 года; магистратура – 2 года обучения после бакалавриата).

**С.Плаксий.** Но, во-первых, еще большой вопрос, не ошибочно ли такое решение и перейдут ли все европейские страны и все университеты на такую систему? Во-вторых, помешает ли большей мобильности студентов и преподавателей, преодолению изолированности российской высшей школы наличие такого звена, как специалитет? В-третьих, для России полезнее, чтобы основная масса выпускников высшей школы училась 4 или 5 лет? Какой срок обучения объективно необходим для освоения лавинообразно нарастающего объема знаний (притом, что учиться, конечно же, надо всю жизнь)?

В пылу дискуссий о бакалавриатах, магистратурах, кредитах, рейтингах, механизмах и прочих атрибутах модернизации российская школа отстает от ведущих вузов мира в самом главном – качестве самого учебного процесса. В Интернете идет обсуждение проблем качества и эффективности российского высшего образования в сравнении с зарубежным между студентами, высказывания некоторых из них весьма красноречивы. Один из них, выпускник физфака МГУ, пишет: «Сравнивая свой опыт учебы в Московском университете и в Чикагском, могу с уверенностью сказать апологетам российских университетов – ребята, вы просто ничего слаще морковки еще не пробовали. Конкретно, в моем московском опыте несравнимо отстали следующие моменты: качество преподавателей, принцип формирования программы, формат занятий, мотивация студента на каждодневные занятия и техническая оснащенность...»

**Е.Яковлев.** Я хотел бы затронуть одну проблему, которая мне представляется важной. Мы говорим о реформе образования, но не отмечаем, насколько важна эта сфера в жизни общества вообще. Нет, я понимаю, что все выступавшие это осознают. Но есть ли в обществе культ знания, культ научного подвига, если угодно. Я приведу только один пример. Отмечалась годовщина полета Ю.А.Гагарина. Все газеты, все каналы телевидения рассказывали о том, «каким он парнем был», какое мужество проявил. Все это так. Но ведь был реальный повод рассказать не только о том, кто сказал: «поехали!» Слава первому космонавту, но разве его полет был бы возможным без подвига огромной армии ученых, специалистов, которые одолели космос? Если кто-то сегодня выбирает жизненный путь, он полагает, как хорошо быть таким, как Гагарин. Но ведь важно, чтобы статус научного сотрудника, ученого был высоким. Помню время, когда в нашем доме реакция на тех, кто проживал в нем, была примерно такая. Говорили: «в этой квартире живет известный профессор», а здесь проживает официант ресторана в поезде. Каждый раз, когда он возвращается из поездки, он несет мешки с икрой и другими деликатесами из ресторана». Это тоже вызывало уважение и зависть. Однако сегодня только такой

«несун» и может заслужить восхищение. А что можно сказать о нищем профессоре? Всякая реформа должна иметь внутреннюю логику. С того ли мы начинаем? Чтобы повысить качество образования, надо чтобы люди хотели учиться, чтобы они понимали ценность науки для общества. А это все блистательно отсутствует...

## Элитарное образование

**И.Ильинский.** По поводу элитарного образования можно затеять бесконечную дискуссию, ибо она, как это принято многими считать, задевает вопросы равенства и социальной справедливости. И это на самом деле так. Однако вдаваться в споры я не стану, ибо в теоретическом плане здесь в общем-то все ясно. Проблема эта стара как мир, есть целая отрасль политологии – элитология, литература которой имеет своих классиков, начиная с Пифагора и Гераклита. Что существенного можно добавить по этому вопросу? Я знаю, что в Москве и Подмоскovie, а также в некоторых крупных городах российских регионов, существуют очень дорогие частные школы, ежемесячная стоимость обучения в которых колеблется от 1000 у.е. и более. Эти цифры повергают российского обывателя в шок, поскольку для многих – это сумма годового бюджета семьи. А сумма, полученная после умножения этой суммы на 10 месяцев обучения, вызывает злобу и ненависть ко всем, чьи дети ходят в такие школы. Ну и что? То, что в России множество бедняков и нищих – это, конечно, безобразие и позор для государства и властей. Мы можем сколько угодно возмущаться таким положением вещей, но будет лучше, если мы станем все-таки что-то делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Людей радикальных взглядов немного. Подавляющее большинство смотрит в будущее с социально-либеральных позиций в надежде на то, что государство и частный сектор (прежде всего, богатые) найдут оптимальный вариант взаимоотношений и управления обществом, позволяющий уничтожить нищету и сократить бедность.

**В.Луков.** Существует еще одна немаловажная причина, по которой вузы «массового» производства специалистов не устраивают состоятельных потребителей: здесь мало интересуются отдельно взятым студентом. Между тем немалая часть детей из богатых семей нуждается в индивидуальном подходе. Не только потому, что богатство родителей никому не гарантирует ум и способности. Массовое и узкоспециализированное образование готовит специалиста, исполнителя, «человека-винтика», «человека-функцию». Между тем молодое поколение высшего класса, в частности, богатых семей, должно обладать лидерскими качествами.

**П.Гуревич.** Не является ли сама эта идея – идея элитарного образования – ошибочной, сомнительной? В данном случае я, во-первых, опираюсь на классиков мировой социологии: Вильфредо Парето, Макса Вебера и, особенно, Карла Манхейма, которые достаточно обстоятельно изучали эту проблему. Общий пафос их исследований заключается в том, что любое здоровое общество должно иметь массовое образование и образование элитарное.

Я хотел бы остановиться на самом термине, потому что сейчас во многих документах мелькает то слово «элитное», то «элитарное» образование. Но, разумеется, речь идет не об обучении элиты, наиболее обеспеченной части общества. И когда я консультировался с теми специалистами, которые занимают

ся этой проблемой, то мы пришли к убеждению, что, скорее всего, это проблема конвенции, то есть, проще говоря, как назовем, так и будем в дальнейшем использовать это понятие.

Существует оппозиция: массовая культура и элитарная культура, массовое образование и элитарное образование. Действительно, когда Карл Манхейм пытается найти наглядные иллюстрации для обозначения этого элитарного образования, то он испытывает огромные трудности. Разумеется, речь идет не о суперэлитных вузах, которые получают государственное обеспечение. Понятное дело, что все, о чем так замечательно здесь говорил профессор Плаксий, – это немножко другая тема. Речь идет о маленьком оазисе общего образования, где могут отрабатываться современные образовательные технологии, противопоставленные общей тенденции массовизации общества.

Мы понимаем, что общество сегодня вынашивает другую идею – идею массовизации образования. Этому содействует либеральная идеология, которая признает право каждого человека учиться и получать образование. Это диктуется, наконец, потребностью экономической, социальной и всякими другими потребностями нашего общества, поскольку массовое образование по определению специализированное. Оно готовит тех специалистов, которые нужны обществу, и с той надобностью, которую общество обозначает.

Я разделяю также идею профессора Ильинского, который сказал, что массовое образование по самому своему специфическому облику не может транслировать будущим поколениям совокупный духовный опыт человечества. Иначе говоря, массовое общество не обладает тем механизмом селекции информации, поиском ее наиболее ценных образцов. И когда мы говорим о компьютерных технологиях и о возможности доступа к знаниям во Всемирной паутине, то речь идет все-таки о реальных шансах, о том, что образование становится доступным. Но в силу именно этой доступности оно утрачивает важнейший признак элитарного образования, который я определил бы как целостность образования.

Я уже имел возможность сказать, что массовое образование, даже вооруженное современными технологиями, не может стать целостным, потому что оно готовит специалистов для реального социума. Поэтому идеал целостности образования, который Манхейм иллюстрирует на примере аристократической культуры или университетской культуры средневековья, конечно, не может совместиться с идеей разностороннего образования.

Недавно на одном ответственном совещании весьма известный исследователь говорил: какой ужас в современной школе, которая все больше и больше скатывается к средневековью, к варварскому средневековью, начинают преподавать религию. Для него преподавание религии в школе казалось актом варваризации страны и образования. Но классический идеал целостности образования включает в себя, по крайней мере, четыре компонента: науку, философию, теологию и искусство. Конечно, ни одна разновидность современного образования этому идеалу не отвечает. Мы не можем указать такие программы, где в равной степени присутствуют эти компоненты, где реализуется, скажем, идеал эстетического образования в том максимальном выражении, в каком эту идею описывал Иоганн Фридрих Шиллер. Мы говорим только о некотором допущении в общее образование сведений по религиоведению.

Мы опираемся в основном на научное знание, а что касается философского образования, то мне нет необходимости пересказывать все печальные факты,

связанные с этой дисциплиной. Философия не преподается в школе, только один год она была включена в общеобразовательные стандарты. Теперь философия, как известно, имеет урезанный характер и при сдаче кандидатского минимума. Когда мы принимаем экзамены по философии у будущих специалистов, то мы отчетливо видим, что этим будущим кандидатам, будущим специалистам, не хватает философской выучки. Не отшлифован интеллект, не отработаны мыслительные технологии. Непонятно почему? Потому что они никогда не работали с философскими текстами.

Элитарное образование, прежде всего, на мой взгляд, должно вынашивать идею целостности образования и должно транслировать все богатство накопленной культуры будущим поколениям. Это предназначение элитарной культуры, это ее социальная роль. Другого механизма общество сегодня не имеет для того, чтобы передать наиболее ценное знание, которое существует не фрагментарно, не разрозненно, а в своей идеальной сцепленности и может давать статус образованного человека тому, кто обучается в этих стенах. Понятное дело, что те суперэлитные вузы, о которых шла речь, – это все-таки вузы, где господствует идеал массового образования, и, как я уже говорил выше, к идее элитарного образования это не имеет прямого отношения.

Другой признак элитарного образования, на мой взгляд, заключается в том, что оно не только транслирует знания, а пытается обеспечить личностный рост тех, кто находится в этой системе. Мы все больше превращаем наше образование в знания, которые кодифицируются, символизируются и в результате этих технологических операций утрачивают многие качества знания, которые оно должно иметь по определению. Знание, которое закодировано, не несет в себе оттенки эмоциональности, интеллектуальности, идеологичности, оно эти признаки утрачивает. Поэтому, когда А.В.Луначарский писал о том, что мы не должны превращать студента в перевернутую библиотеку, то речь шла именно о том, что следует не только давать знания, но и учить будущих специалистов умению пользоваться этим знанием, применять его на практике, а в более идеальном выражении – развивать себя как личность. Идея личностного роста, которая сегодня, на мой взгляд, блистательно отсутствует в системе обсуждения проблем образования.

Поэтому общий пафос того, что я здесь позволил себе наговорить, заключается в том, что, по моему мнению, идеальное общество, если оно хочет быть устойчивым, развивающимся, не может ограничиваться только массовым образованием. Думаю, что через несколько десятилетий мы в состоянии полного отчаяния увидим все последствия этого одностороннего подхода к идее универсального образования. Мы увидим, что все то, чем мы сегодня восхищаемся, что так нас всех увлекает, – возможность передачи, трансляции информации на огромные расстояния, возможность сбережения этой информации, модификации этого образования, – только одна сторона вопроса, которая, к сожалению, стирает другой полюс образовательного цикла, обозначенный в трудах названных мной социологов как образование элитарное.

Я понимаю, конечно, что эта идея не может рассматриваться сегодня на уровне социально-инженерного проекта. Мы не можем говорить о том, где будет реализовано это элитарное образование, кто будет заниматься финансированием этого образования. Это, скорее, общетеоретическая постановка вопроса. Но думаю, что мы, гуманитарии, обязаны эту проблему поставить, потому что издержки, которые потенциально содержит в себе нынешнее образование,



особенно в той программе реализации, о которой так замечательно здесь говорили, в недостатках той реформы, которая, безусловно, может оцениваться как опасная реформа. Но я полагаю, что мы обязаны думать и в философском, и в социологическом плане о том, чтобы сохранить идеал не только массового, но и элитарного образования.

**С.Плаксий.** Думаю, что создание элитных ведущих (национальных) университетов за счет прочих вузов не приблизит Россию к решению стратегической задачи по созданию массового, качественного, доступного и эффективно высшего образования. Вместо этого будет создаваться высококачественное, но малодоступное высшее образование, для небольшой доли избранных, прежде всего, по принципу платежеспособности при одновременном снижении качества в большинстве вузов. Искусственное создание элитных ведущих вузов – это путь вскармливания супермонополий в высшем образовании, которые заберут львиную долю государственного финансирования, интеллектуальных и материальных ресурсов. Они станут не «точками роста», а образовательными корпорациями, подавляющими или подчиняющими себе конкурентов.

Кроме того, создание небольшого числа элитных вузов приведет к замкнутым на них кастам чиновников, политиков, бизнесменов. Уже сейчас такая кастовость заметна, если посмотреть, какие вузы окончили министры, губернаторы и другие представители высших эшелонов власти. Независимое рейтинговое агентство проанализировало, какие вузы оканчивали министры российского правительства, их заместители, руководители федеральных агентств и служб, департаментов (15 человек), крупнейшие чиновники администрации президента и Совета безопасности (57 человек), и оказалось, что это выпускники 31 вуза. Причем, МГУ окончили – 36 человек, то есть каждый десятый, Санкт-Петербургский государственный университет – 16 человек, МГИМО – 15 человек, Финансовую академию при правительстве РФ и Российскую экономическую юридическую академию – 9 человек. С одной стороны, это показатель престижности указанных вузов. Но, с другой, мы знаем, что самым слабым местом России является неэффективность управления, в том числе в высших эшелонах власти, отсутствие продуманной стратегии, слабость экономической политики и правовой культуры. Следовательно, возникает вопрос о качестве образования выпускников ведущих вузов. То, что они некачественно работают, есть отражение того образования, которое они получили. Возникают и вопросы, как эти высшие чиновники пришли во власть? Например, большое количество выпускников из Санкт-Петербурга является следствием высоких их достоинств или того, что из этого города президент страны? А наличие в правительстве во времена Гайдара и далее большого числа выпускников МГУ? Создание же суперэлитных вузов еще больше сузит правящую верхушку по образовательному признаку.

### Образовательные стандарты

**П.Гуревич.** Человек является единственным на свете существом, которое транслирует полученное им знание следующим поколениям. Это уже не прикладная – социальная проблема. Здесь мы вступаем в область философии. Образование не просто вид общественной деятельности, изучение которой предполагает нахождение наиболее эффективных способов сохранения и передачи



накопленного знания. Последовательное размышление о воспитании неизменно порождает постижение человеческой природы. Образование погружает исследователей в сферу социальной философии.

В связи с переходом общеобразовательной школы на новый цикл обучения Министерство образования предложило к обсуждению новые стандарты. Речь идет о тех дисциплинах, которые будут изучаться в школе, а также о ключевых понятиях, обязательных для подготовки будущих выпускников. Некоторые специалисты предлагают ввести в школе один предмет – обществознание, который позволит обеспечить преемственность обучения с 6 класса и до окончания школы. Другие настаивают на введении трех дисциплин – социологии, экономики и правоведения.

Как всегда, споры ведутся в узких кругах заинтересованных лиц. Общественность может не беспокоиться. О широком обсуждении этой важной социальной проблемы никто не заботится. Каковы наши соображения?

**О.Филатов.** Новые стандарты, и это очевидно, пронизаны духом бескрылого прагматизма. В любом варианте школьник не получит знаний в области философии, культурологии, психологии. Новые стандарты призваны, по замыслу их создателей, подготовить ребят к взрослой жизни. Они покинут школу с серьезным арсеналом практических сведений, которые позволят им определиться в выборе профессии и своего места в этом сложном мире. По первому впечатлению – все это замечательно. Ведь выпускники школы теперь – это не малые дети. Им надо подумать и о профессиональном призвании. Однако насколько оправданна ранняя профессионализация? Как помочь будущему специалисту развить свой интеллект, выработать широкий жизненный кругозор, наконец, обрести столь важные для любого человека нравственные ориентиры?

Любой серьезный мыслитель, обратившийся к вопросам образования, неизменно оказывался в русле общей социальной философии. Обучение знаниям – не локальный процесс, связанный с определенной сферой общественной жизни. Это живой нерв культуры, это архитектура грядущего. Стоило Платону подумать о том, как следует учить молодых людей накопленному знанию, и у него вызрел проект «идеального общества». Впервые в европейской культуре проблему связи поколений поставили античные философы, о чем пишет Платон в диалоге «Протагор». Он показывал, как можно передавать добродетель другим поколениям. Философы вели дискуссию и в ходе обсуждения пришли к выводу: чтобы государство могло существовать, должно существовать нечто единое, которому сопричастны все. Это – добродетель. Платон подразумевал под добродетелью знание. Нет ничего выше знания того, что есть худо, а что есть хорошо. Коли добродетель есть знания, то ему нужно научиться.

Концепция, выраженная в новых стандартах, совершенно равнодушна к достижениям философской и педагогической мысли. И главный ее недостаток, ставший уже врожденным пороком, – неспособность подойти к проблемам нравственного воспитания ребят. В новых учебных стандартах постоянно повторяется фраза: «Ученик должен знать...» Но разве задача образования сводится только к тому, чтобы превратить обучаемого в «перевернутую библиотеку»? Человек – это усилие быть человеком. Он может стать им только через воспитание. Задача школы – шлифовать интеллект, развить умения, пробудить нравственное чувство.

Отчего же все это подменено доктринальным натаскиванием, зубрежкой, нравственным безразличием? Должен ли школьник знать законы? Кто же спорит? Разумеется. Однако в каких пределах? Если несовершеннолетнего мальчика милиционер пытается отвести в участок, ребенок имеет право требовать, чтобы вызвали родителей: ведь он несовершеннолетний. Но следует ли изучать правоведение в полном объеме, запоминать статьи Уголовного или Административного кодекса? Здесь скрыто присутствует бесплодная и вульгарная мысль: чем больше будет знаний, тем меньше будет преступлений...

Профессор Ильинский правильно отмечает, что нравственность не входит в сферу знания. Она образует особую сферу – сферу ценностей. Их различие обнаруживается в том, что знания черпаются из мира, а ценности создают мир. Знания рассказывают о том, как устроена Вселенная, куда движется история, отчего меняется климат, почему возникло право. Мораль же организует мир человеческих отношений, задает их самую общую основу. Кант не только говорил о развитии нравственности и права, но придавал первостепенное значение «механизму» человеческой природы.

**Э.Спирова.** Жуткий случай произошел недавно в Москве. Две школьницы затащили на чердак свою подругу, связали и ушли. Жертву отыскиали уже окоченевшей. Отец погибшей, узнав подробности трагедии, позвонил в дверь квартиры, где жила одна из виновниц, вызвал ее и убил на месте.

Соседи долго обсуждали происшествие. Где предел, за которым человек должен остановиться, одуматься? Мнения, понятно, не во всем совпадали. Но многие настаивали на том, что отец прав. Здесь мы сталкиваемся с новой сферой общественной жизни – с регулированием поступков, отношений с другими людьми.

Есть на чем поразмыслить – не так ли? Впрочем, мы не первые. Люди давно задумывались над этими вопросами. Читаем у Соломона Мудрого, царя Израиля и Иудеи: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти». Свобода ставит каждого из нас перед выбором, потому что основана на нравственном законе, а не игре страстей...

В «Независимой газете» два доктора физико-математических наук объявили, что науку движет эксперимент, а не моральное предписание. Если нет возможности измерить, просчитать, разглядеть, то нечего и теоретизировать. Научная методология, утверждали авторы, основана на проверках и перепроверках результатов, тщательном анализе условий и постановки экспериментов. Все это отшлифовало научный подход и превратило физику и другие «точные» науки в универсальный инструмент познания мира.

Авторы вразумляют: научное высказывание любого физика проходит многократную проверку... А философы (во главе с Сократом) способны только задерживать развитие науки. «Древние греки, – пишут авторы, много внимания посвятившие философии, всегда начинали с ответа на вопрос «а что это такое?». Они не позволяли себе сделать следующий шаг, пока не будет определен предмет исследования. Поэтому они успешно занимались геометрией и математикой, но на много сотен лет затормозили развитие физики. У них были гениальные догадки, но они могли бы продвинуться значительно дальше, если бы не ложная методологическая установка – философия впереди физики».

Бедные, наивные греки! Вместо того чтобы измерять массу и заряд, они мучительно размышляли над тем, а что это такое? Поздно, поздно, оказывается, спохватились эллины. Если бы древние греки, оставив свою любовь к

мудрости, собирали минералы, дробя, разогревая или охлаждая их, если бы они занимались только опытами, наука как специфическая форма постижения реальности вообще не появилась бы.

Прежде чем приступить к опытной экспертизе, древние греки должны были вооружиться некоей догадкой. Не так ли в голове Демокрита появилась идея о том, что, вероятно, все многообразные предметы окружающего мира состоят из мельчайших неделимых частиц? Эта интуиция как раз и дала исток химии и физики. Поиск «кирпичиков» мироздания и открыл возможности для разносторонних экспериментов.

Все это вовсе не означает, что у древних греков, как сообщают нам авторы, была ложная методологическая установка – философия впереди физики. Напомним ученым мужам, что философия, она же, по определению учеников Аристотеля, «метафизика», – это как раз то, что «после физики». Античная философия дала человечеству не просто ряд «гениальных догадок». Она нарисовала общий план мироздания, наметила пути его постижения, разработала общие и частные категории, которые позволили науке сделать колоссальный рывок в познании универсума. Например, философия – отличный от науки способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что он зачарован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рожден философом.

Но главное – его мучают нравственные вопросы. За движением звезд угадывается какая-то божественная установка. Поступок человека вызван его пониманием глубинных связей между людьми. Сократ просил своих друзей привести примеры мужества, чтобы выяснить, что это такое. К примеру, герои долго защищают осажденную крепость, чтобы она не досталась врагу. Разве это не мужество? Нет, – возражает Сократ. Подвиг, конечно, добрый поступок. Но ведь мы не знаем, что переживают защитники крепости. Может быть, они стоят у стен крепости, пребывают в панике. А ведь мужество – это, прежде всего, состояние духа. А те, кто определяет мужество через стойкость, ничего не говорят нам о переживаниях героев. Они стоят на смерти, но по какой причине? Что ими движет?

Может быть, точнее определить мужество через мудрость? Нет, отвечал Сократ, мудрость – это знание опасного. А мужество проявляется в поступке, а не в знании.

Размышляя о человеке, о знании, мужестве и других его добродетелях, Сократ не хочет упрощений, поверхностных суждений. Он пытается обсудить все тонкости человеческого поведения. Конечно, это поучительный урок для нас.

Однако отчего это древние столь равнодушны к практическому знанию и столь щепетильны по отношению к знанию нравственному? Ответ ясен: они считают, что практическое знание, не выверенное моралью, оказывается бесплодным.

Отчего же все это подменено в современном образовании доктринальным натаскиванием, зубрежкой, нравственным безразличием? Должен ли школьник знать законы? Ну, кто же спорит – разумеется. Однако в каких пределах? Если несовершеннолетнего мальчика милиционер пытается отвести в участок, мальчик имеет право требовать, чтобы вызвали родителей: ведь он несовершеннолетний. Но следует ли изучать правоведение в полном объеме, запо-

минать статьи уголовного или административного кодекса? Здесь скрыто присутствует такая мысль: чем больше будет знаний, тем меньше будет преступлений....

**Е.Яковлев.** Информационный комплекс является вызовом нашему мышлению. Способны ли мы исследовать саму информатическую мысль? Можем ли мы обдумывать феномен техники? Способны ли мы продолжать возвращать культуру на древних землях наших предков?

Компьютер способен в интеллектуальной сфере сделать все. Он «понимает» и переводит. Но так ли это? Ведь понимание здесь лишь процесс, который использует разнообразие данных, хранимых в машинной памяти, с тем чтобы обрабатывать новые данные и эксперименты. Но компьютер еще не способен к «невербальному пониманию», он еще не способен искать в речи интонации гнева, радости. Все эти чудеса есть имитация некоторых операций мозга, если бы он был вынут из своего черепного ложа и функционировал бы в бокале – со всеми нервными окончаниями, конечно, питаемый физиологическим раствором.

Интеллект не есть способность накапливать знания, использовать их, решать проблемы, запоминать. Ум есть деятельность всей совокупности человеческого существования, он питается человеческими связями, происшествиями, усталостью и бодростью, выбором знаний. Интеллект – не алгебра. Он – одна из функций живого. И какие бы ни были стимуляторы, компьютер не живой. Он всегда будет лишь стимулятором.

В общем, человеческую мысль питает прожитый опыт, его запоминание и интерпретация. Воображение, воображаемое, интуиция, импровизация, целостное видение превращаются в мысль. Человеческий мозг может быть имитирован компьютером, но он не отделим от тела, и именно опыт тела вызывает реакции мозга и направляет рациональный процесс в ту или иную сторону. Конечно, романы могут представлять нам изящно описанный «влюбленный» компьютер или открывать глаза на сближение качеств компьютера с человеком. Но это фантастика, так как у компьютеров нет ни страха, ни снов, ни желаний, ни мыслей, которые побуждают человеческую мысль.

Самая прекрасная и совершенная машина остается чисто рациональным созданием, а человек таковым не является. Более того, человек не рационален в своих чувствах, взглядах, мнениях, поступках, но еще больше значимо то, что он очень неуютно чувствует себя в рациональной среде. Кто не испытал ужаса при чтении утопий, будь они написаны в XVI или XIX веке, описывающих ситуации прекрасно механизированных организаций, замкнутые, строго рационализированные, регламентированные поселения, где все до жути функционально, все расписано, все просматриваемо и предвидимо. Едва ли нашелся бы хоть один человек, который пожелал бы жить в таком месте. И каждый раз, как только человек действительно оказывается в чрезмерно рационализированной ситуации, он мгновенно вырабатывает иррациональное поведение. Чем больше общество становится рациональным, тем больше человек допускает иррациональных актов.

Самая рациональная система, усиливающая неадаптированность и социальные издержки, умножает маргинальные слои населения; аппараты, предназначенные дать больше свободы, порождают максимум принуждений, ускорение эволюции системы порождает усиление и учащение кризисов. Умножение средств ведет к исчезновению целей. Рост универсального могущества

усиливает социальную беспомощность, а средства могущества, силовые средства каждого индивида выступают в качестве протеза, который устраняет естественное использование неотъемлемых функций организма.

Техническая рациональность включена в систему иррациональных сил, неразумия. Рациональность может оправдать все: централизацию, модернизацию, научную организацию труда, глобализацию технических сетей, а также концентрационные лагеря, позволяющие ничего не терять даром: ни самую дешевую в мире рабочую силу, ни обязанность врагов режима работать на режим, ни трупы, ни которых можно извлекать волосы, зубы и пр. – шедевр рациональности.

**В.Луков.** Многие десятилетия в нашей стране проводилась политика массового образования. России были нужны специалисты, для цивилизационного рывка требовались грамотные люди. Проблема элитарного образования по существу не анализировалась. Всеобщее равенство как политический лозунг исключало всякого рода элитарность. Между тем именно элитарное образование включает в себя наиболее значимую часть культурного наследия, именно оно способно транслировать наиболее ценные элементы культуры.

**П.Гуревич.** Да, конечно, у нас говорят о непрерывном образовании, о дифференцированном образовании, о личносно ориентированном образовании. Но когда мы читаем труды, посвященные этим проблемам, то видим, что все-таки идея личностного роста, идея раскрытия человеческого потенциала в этих технологиях отсутствует. Речь идет о воспитании духовности, о необходимости индивидуальной работы, об учете индивидуальных особенностей наших обучаемых. Но идея полного раскрытия человеческой субъективности, полного обогащения личности – это идея, по крайней мере, в тех трудах, которые находятся в поле моего зрения, эта идея не ставится даже в общетеоретическом плане.

Расим АГАЕВ

### **ТАЙНА «ЧЕРНОГО САДА»**

*Английский журналист Томас де Ваал написал книгу о Карабахе, назвав ее «Черным садом» (такова одна из версий перевода топонима «Карабах» на азербайджанский язык).*

*Судя по первым отзывам, это одно из немногих исследований, встреченное конфликтующими сторонами без привычных обвинений в предвзятости и тенденциозности. Появление новой книги служит хорошим поводом еще раз поразмышлять над причинами и последствиями конфликта, считает азербайджанский журналист и политолог Расим Агаев, полагающий, что Карабах является лишь первым звеном в новой фазе обустройства национального очага армян...*

О карабахской проблеме (но не самом Нагорном Карабахе(!?) в последние годы написано так много и так, увы, однообразно, что, листая очередной опус, ловишь себя на мысли: где же я это уже читал?

В Азербайджане даже адаптировались к армянской (или проармянской) интерпретации истории края и трагических событий, взорвавших Азербайджан, а вслед за ним – детонировавших цепь межэтнических конфликтов и самоопределений в Грузии, на Кавказе и далее по всему постсоветскому пространству.

Стороны, можно сказать, уже привыкли к логике друг друга, отрицающей очевидное и обосновывающей невероятное, и уже не взрываются, как когда-то на заре конфликта, а готовы выложить на стол ворох не менее убедительных контраргументов в пользу собственной правды об исторической принадлежности Карабаха. И чем дальше тянется эта бесплодная, а точнее, контрпродуктивная дискуссия, тем глубже в тень отодвигаются первые армянские аргументы идеологической базы сепаратизма: мифы об армянском (или азербайджанском) первородстве Карабаха, страданиях тамошних армян под пятой извергов-азербайджанцев (и наоборот), ссылок на международное право, безусловно, признающее право на самоопределение. Ну и так далее.

Их ныне заслонила новая – живая политическая легенда под названием «Карабахская проблема», венцом которой является никем не признанная республика на том самом месте, где еще недавно значилась НКАО – Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджана. И она, эта легенда, звучит также по-разному.

В изложении армян перед непосвященной аудиторией предстает образ маленького, затерявшегося в кавказских горах христианского народа, одним

этим фактом приобщенного изначально к демократическим ценностям, и вот теперь, в связи с всеобщей демократизацией и расцветом глобализации, рассчитывающего, что международное сообщество услышит его требования о независимости, а не то... (далее следуют рассуждения о военно-политических реалиях и неизбежном миазме с матерью-Арменией).

В свою очередь, азербайджанцы (со ссылками на русских историков и дипломатические источники) рассказывают о переселении в Карабах армянских подданных Персии и Османской Турции, взятых в свое время под покровительство Российской империей, и оказавшихся достаточно хитроумными, чтобы при большевиках добиться автономии, а затем, уже при Сталине, запросившихся назад в Армению и реализовавших это свое желание при армянофиле Горбачеве.

Ничего из этого не выйдет, подытоживают свой сказ азербайджанцы, потому как международное право на нашей стороне – ООН и прочие авторитетные международные организации признают право народов на самоопределение, но без ущерба для территориальной целостности. Так что придется примириться с существованием в составе АР в рамках автономии («Самой высокой!» – заверял покойный Г.Алиев, азербайджанский авторитет. «Попробуем Аландскую модель...», – рекомендуют сейчас авторитеты из оппозиционного лагеря).

Словом, какую книгу ни возьми, она отражает или армянскую, или азербайджанскую версию конфликта и принципы ее урегулирования.

Беспристрастного взгляда на то, что происходило и происходит вокруг Нагорного Карабаха и в самой области последние два десятилетия, в огромном ворохе книг, записок, мемуаров, документов, журналистских статей отыскать трудно. А ведь беспристрастность, объективизм – главное, что требуется от каждого, кто решает соприкоснуться с такого рода межэтнической проблемой, в огне которой сгорела не одна политическая судьба.

Известный британский журналист Томас де Ваал – один из тех, кто взялся ознакомить западный мир с тем, что вошло в современный политологический лексикон под названием «Карабахская проблема». (Т.Ваал сотрудничает с Би-би-си и рядом британских и российских периодических изданий, специализируется по проблемам Кавказа. Он – соавтор (с Карлоттой Голл) книги «Чечня: катастрофа на Кавказе». Русский вариант «Черного сада» вышел в Москве. – Авт.).

Признаюсь, взявши в руки эту книгу с привычным для азербайджанца опасением в очередной раз погрузиться в море предвзятостей, надоевшей еще с горбачевских времен попытки изображать объективизм, ставя на одну доску агрессора и его жертву, я незаметно увлекся чтением не только из-за множества интересных фактов, подробностей и забытых деталей недавней истории, но, в первую очередь, ввиду совершенно нового ощущения, которое мне доселе не приходилось испытывать, знакомясь с литературой по данной тематике. А именно – беспристрастного изложения событий, полного отсутствия у автора желания занять позу непререкаемого судьи и вынести свой вердикт народам, повинным в жуткой и, увы, не прекращающейся смуте, затянувшей их, как кажется, навеки в свой кровавый водоворот.

Ощущение беспристрастности исследователя сопровождало меня до последней странички, что и явилось причиной того, что книга была прочитана, как говорится, на одном дыхании, и я охотно прощал автору «Черного сада» некоторые фактологические неточности и явные ошибки, неизбежные для



иностранца, взявшегося осмыслить историю и политическое поведение двух народов, жизнь которых он наблюдал хоть и с близкого расстояния, но все же недолго.

«Черный сад» вобрал в себя 120 интервью, длинный перечень исторической литературы, газетных публикаций и личных наблюдений, заметки журналиста, немало поколесившего по обеим республикам и области, ставшей для них яблоком раздора.

По собственному признанию Томаса де Ваала, его книга «Черный сад» является первой попыткой дать полную картину карабахского конфликта со всех сторон. «Как нейтральный человек, но болеющий за Кавказ, я старался писать о страданиях всех. Думаю, что в книге я вспомнил все трагедии, которые произошли за эти годы».

Английский журналист считает, что «книга написана и для того, чтобы, читая ее, люди помнили о чужих бедах, чтобы армяне думали о выселении азербайджанцев из их страны, а азербайджанцы – о выселенных армянах. «Если речь идет о беженцах, я пишу об армянах, которых выселяли из Сумгаита, Баку и Шаумяна, и об азербайджанцах, выселенных из Армении, Карабаха и окружающих территорий», – разъясняет свой подход к проблеме Томас де Ваал.

Так оно и есть. И это, согласитесь, немало. Однако «страданиями всех» не исчерпывается проблема Нагорного Карабаха, которая, как он вынужден не без сарказма признать, обрела теперь «... значение символа упрямого сопротивления». Это, по существу, констатация тупика, в котором оказались оба народа, несмотря на старания ведущих мировых сил как-то разрешить их спор. Ибо, как выясняется, разрушительный эффект сепаратизма, фактически приветствовавшийся теми же силами в годы горбачевской перестройки, отнюдь не исчерпал себя и в состоянии на новом историческом этапе подорвать их же усилия по реализации целого ряда крупных международных стратегических проектов в Кавказском регионе. И не только энергетического порядка. И тут возникает вполне естественный вопрос: в чем же первопричина карабахского конфликта, какие силы и с какой целью спровоцировали взрыв в «Черном саду»?

Без ясного и непредвзятого ответа на этот вопрос невозможно подступить к мирному разрешению конфликта. Подчеркиваю – мирному.

Курс на силовой, а затем военные способы, взятый с самого начала армянской стороной, показал свою бесперспективность, а ныне вообще исключается международными силами, чьи интересы напрямую скрестились в Кавказском регионе.

(Хотелось бы уточнить, что под понятием «армянская сторона» автор этих строк подразумевает не только Армению, не только армянское большинство Нагорного Карабаха. Как свидетельствует история вопроса, и доказательств тому легко можно обнаружить и в изложении Т.Ваала, Азербайджану в борьбе за Карабах противостоял и продолжает противостоять единый фронт армян, все совокупное националистическое сообщество, именуемое армянством. – Авт.) Глубокого, исчерпывающего ответа на вопрос, имеющий решающее значение для понимания сути конфликта, а следовательно, и разработки стратегии его урегулирования, ни дипломатические документы, ни исследования, посвященные данной проблематике, к сожалению, не содержат. Не странно ли?

Ссылки на грехи советского правления ничего не объясняют, «этническая несовместимость», к которой апеллирует армянский президент Роберт Коча-

рян, ничуть не смущаясь дурного запаха расизма, не принимаются всерьез даже симпатизирующими Еревану западными политиками.

«Многие западные наблюдатели пытались понять смысл этого конфликта в терминах этнической и религиозной идентичности – как выброса «старинной ненависти», замороженной в недрах советской системы, но быстро оттаявшей и перешедшей в насилие, как только Горбачев создал эту возможность. Это было упрощением».

Таков вывод Т.Ваала. И заключение это, внешне спокойное и не претендующее на оригинальность, тем не менее заслуживает быть упомянутым, ибо оно начисто лишает политической базы идеологию сепаратизма, (не только карабахского), давно и не без успеха скрывающего свои цели критикой практики сталинизма или несовершенства государственной политики в СССР. К слову отметим, «ссылки на грехи советского правления» настолько прочно утвердились в исследованиях о конфликтологических точках на постсоветском пространстве, что воспринимаются даже специалистами как единственно верное объяснение их природы, как нечто, не требующее доказательств.

В «Черном саду» немало свидетельств, указывающих на то, что карабахский костер был зажжен и превратился в межэтнический пожар совершенно по другим причинам. Вот одна из них. «Работа Мурадяна (И.Мурадян – один из начинателей движения за присоединение НКАО к Армении. – Авт.) с партийными фигурами была лишь частью, можно сказать, верхушкой айсберга его деятельности. Он вступил в контакт с членами запрещенной радикально-националистической партии «Дашнакцютюн» (известных как дашнаки) через их зарубежные и подпольные ереванские ячейки. Он даже начал добывать оружие. По словам Мурадяна, летом 1986 года карабахцы с помощью дашнаков получили первую партию легкого стрелкового оружия из-за рубежа. Впоследствии такие поставки оружия стали осуществляться регулярно, причем «почему-то было много оружия чешского производства». Это оружие шло главным образом в Нагорный Карабах. «Все организации в Карабахе были вооружены. Все местные комсомольцы имели личное оружие».

Эти редкостные признания агрессивного сепаратиста я мог бы дополнить цитатой из выступления на одном из закрытых совещаний в ЦК Компартии Азербайджана в 1990 году, к сведению которого второй секретарь Виктор Поляничко довел следующую шокирующую информацию: «В лесах, труднодоступных местах мы находим склады, тайные стоянки и лагеря боевиков, сооруженные еще в 1970-е годы. Вот в чем вопрос!»

Вообще конспирологический аспект конфликта, будь он тщательно изучен, высветил бы многие скрытые пружины карабахского взрыва.

Автор «Черного сада» прослеживает подозрительные сюжеты бесконечных визитов армянских литературных ходоков к Горбачеву, неожиданный выпад в Париже академика Аганбегяна. Сюда можно было бы добавить и сенсационное посещение четой Горбачевых в ходе официального визита в США Армянского культурного центра (случай беспрецедентный в истории советской дипломатии), где Раиса Максимовна многозначительно обещала «крепить дружбу между армянским и советским народами» (!?).

Эти и ряд других подозрительных детективных сюжетов, описанных в книге и хорошо известных исследователям карабахской проблематики, в совокупности предстают как некий заговор, в котором генсек мастерски играл свою, одному ему известную роль. Чего стоит его реакция на первые митинги

в Ереване. Т.Ваал приводит горбачевские слова, произнесенные на заседании Политбюро: «Должен сказать, что даже когда на улицы Еревана вышло полмиллиона человек, армянский народ продемонстрировал высокую дисциплину и не проявил антисоветских настроений». Генсек не увидел антисоветизма в настроениях и требованиях толпы о перекройке государственных границ руководимой им супердержавы!

Беспристрастный и по-английски сдержанный Томас Ваал не в состоянии скрыть своего удивления: «Вступительное слово, с которым Горбачев выступил на заседании Политбюро 29 февраля, было довольно неопределенным».

Таким образом, армянская сторона готовилась к силовому захвату НКАО задолго до митингов и известных акций облсовета в 1988 году, которые фактически оказались лишь политико-правовым прикрытием сепаратистского замысла.

Известно, идеи сепаратизма зреют обычно в умах национальных элит и, как правило, обретают особую разрушительную силу, когда находят мощную внешнюю поддержку. Карабахский аншлюс стал де-факто возможен ввиду благоприятного отношения Запада, которое приобретало любое сепаратистское движение, подтачивающее государственные основы СССР, приближающее поражение Советского Союза в «холодной войне». На какой-то исторический момент борьба за Карабах предстала перед миром в виде символа разобщенного армянского народа, его объединительным мотивом. Реализация этой идеи стала тем более возможной, что процесс отторжения происходил в ходе разгрома СССР, вслед за которым зримо просматривались очертания следующей тектонической катастрофы – распада России, в результате чего идеологи армянского сепаратизма повсюду встречали сочувствие и понимание, удачно вписываясь в общедемократический процесс.

В связи с этим стоит напомнить, что аналогичные попытки, предпринятые армянами ранее, не имели успеха именно по причине отсутствия поддержки внешних сил. В 1946 году руководство Армянской ССР, полагая, что в условиях послевоенной перекройки границ, на волне национально-освободительного движения, катившегося по колониальному миру, можно с помощью Кремля добиться передачи НКАО в состав Армении. Задача эта смотрелась тем более осуществимой, что такого рода территориальные «перемещения» практиковались в советском государственном строительстве. И тем не менее руководство СССР предпочло не ворошить своеобразный закавказский этнический улей, сохранить существующее статус-кво, ибо хорошо сознавало, чем грозит любой передел привычного порядка вещей в условиях, как тогда говорили, многонационального Закавказья.

Многие тогдашние руководители, включая И.Сталина, еще помнили, с каким огромным трудом удалось погасить кровавый армяно-азербайджанский спор из-за Карабаха в самом начале советизации края. Однако в другом случае – в начале 1950-х годов – Кремль пошел на поводу армянского сепаратизма, предъявив территориальные претензии Турции с нескрываемым намерением присоединить Ардаган и Карс к Армении в качестве ее «исконных» земель. Затея эта также не удалась, но межгосударственные отношения СССР и Турецкой Республики были надолго подорваны. Армения, как известно, по сию пору продолжает претендовать на эти и иные территории соседней страны, что является одной из главных барьеров в нормализации отношений двух государств.

Отношения с Грузией хотя и остаются сравнительно налаженными, однако армяне Джавахы не сняли своих требований об автономии. Тот факт, что эта грузинская территория политически, экономически и финансово управляется Арменией, ни для кого не является секретом. Разговоры об «исконных» армянских землях, являющихся территориями сопредельных стран, столь же обычны в армянской среде на разных уровнях, как и проблема исторической принадлежности Карабаха.

Территориальный вопрос является важнейшей составляющей идеологии армянства. Он формирующим образом влияет на национальное самосознание, выступая в качестве своеобразной этнопсихологической особенности армянской ментальности. Обретение национального очага, ставшее движущей идеей армянства, со временем трансформировалось в политику создания Великой Армении. Для сравнения можно отметить, что азербайджанцы, компактно проживавшие в Армении, равно как и их соотечественники, по сию пору составляющие значительный процент населения Грузии и Дагестана, никогда не вынашивали подобных амбициозных планов. Даже наличие 25-, а по некоторым данным, 30-миллионного азербайджанского населения ИРИ до сих пор не привело к созданию какого-либо серьезного общенационального проекта, в котором просматривались бы черты единения всех азербайджанских земель.

Таким образом, конфликт из-за Карабаха представляет собой отнюдь не случайный эпизод, вызванный к жизни особенностями исторических судеб области. Правильней было бы говорить о закономерном результате определенного типа воинственной идеологии, призванной обеспечить ее носителю – армянскому народу – государственную территорию, соответствующую представлениям историков этого действительно своеобразного, древнего народа, основавшего свою республику на землях, переходивших от одной империи к другой и, в конце концов, в XIX веке отошедших к Российской империи.

Эта идеология является едва ли не главным двигателем и сердцевинкой всех армянских политических движений и проектов. Ее не удалось вытравить из сознания народа даже с помощью коммунистической идеологии с ее тотальными возможностями влияния на мышление и образ жизни. Более того, на всем протяжении своего существования Коммунистическая партия Армении практически всегда выступала союзницей тех тайных и явных (часто экстремистских, террористических) сил армянского сообщества, которые вынашивали и осуществляли самые различные планы территориальных захватов и этнических чисток.

«Нельзя сказать, что руководство Армении в принципе было против идеи объединения Нагорного Карабаха и Армении», – подчеркивает Т.Ваал, приводя признания бывшего высокопоставленного партийного руководителя Гранта Восканяна о том, что ереванское руководство было предупреждено о готовящейся сепаратистской акции Степанакерта и в дальнейшем действовало фактически в унисон с сепаратистами. Эта идейно-политическая установка, ставшая для миллионов людей образом жизни, и явилась главным побудительным мотивом действий тех, кто подготовил и зажег карабахский костер. Все остальное – неспособность СССР решить национальный вопрос, позиция Запада, горбачевское хитромудрие, неспособность азербайджанских элит выработать эффективную защиту суверенитета своего государства – все это влияло на характер и последствия конфликта, но было вторичным, внешним

фактором, так или иначе способствовавшим практической реализации армянской национальной идеи.

Не потому ли все документы и исследования обходят важнейший вопрос – идейный, являющийся фундаментальным в рассмотрении причин карабахского кризиса? Ведь признать его – значит найти объяснение политике территориальных притязаний и захватов Армении, значит признать ее агрессивный, экспансионистский характер. Такую политику в международном плане невозможно оправдать, ее пришлось бы рано или поздно осудить.

Не говорит прямо об этом в своей полезной и правдивой книге и Т.Ваал, хотя факты, собранные им, служат прекрасным подтверждением такого вывода. В сущности, это и есть некая тайна карабахской проблемы, над которой рискнул слегка поднять завесу автор «Черного сада».

И последнее. Карабах дорого обошелся как азербайджанцам, так и армянам. Может быть, дороже, чем предполагали инициаторы этой авантюры. Цена его возрастет во сто крат, а последствия затронут интересы уже глобальных сил, по мере того как и далее вовлеченные в конфликт стороны, и прежде всего Армения, будут упорно игнорировать требования общемирового интеграционного процесса.

Отсутствие формально правового оформления присоединения Нагорного Карабаха, неурегулированность карабахской проблемы отодвинули на задний план другие территориальные претензии Армении. Любое решение в карабахском урегулировании, нарушающее суверенитет и территориальную целостность Азербайджана, не может не рассматриваться как опасный прецедент, создающий политико-правовую базу для интенсификации Арменией своей экспансионистской политики, предъявления ею все новых и новых территориальных претензий своим соседям.

С учетом вовлеченности региона в проекты создания сети мировых энергетических коммуникаций, интересов ведущих держав нетрудно представить, какой пожар может вспыхнуть в и без того взрывоопасном регионе в случае применения «карабахского опыта» на, скажем, турецком направлении армянской национальной стратегии.

Нации вольны выбирать и аккумулировать любые идеи, исходя из своей истории и культуры, но при этом они не должны посягать на суверенные права остальных субъектов того или иного геополитического пространства. Это – естественное условие мирного сосуществования с другими народами, соседство которых предопределено историей.

# РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ



*Журнал для тех, кто хочет знать,  
как устроен мир в эпоху глобализации*

**«Россия в глобальной политике»** — это уникальное издание, на страницах которого лучшие российские и иностранные исследователи делятся своим видением национальных приоритетов России и ее перспектив в новом мире.

**«Россия в глобальной политике»** — это площадка для диалога ведущих экспертов и журналистов, политиков и предпринимателей, общественных деятелей и ученых из разных стран о животрепещущих проблемах в области безопасности, экономики и общественного развития.

**«Россия в глобальной политике»** — это возможность познакомиться с эксклюзивными материалами ведущих аналитических центров и лучшими публикациями из журнала *Foreign Affairs* — самого авторитетного американского издания.

Редационный совет **«Россия в глобальной политике»** — это настоящая сборная звезд мировой политики и политологии, среди которых Гельмут Кох, Мартин Ахтисаари, Карл Бильдт, Карл Кайзер, Тьерри де Монбриаль, Хорст Тельчек, Джеймс Хауг, Алексей Арбатов, Игорь Иванов, Сергей Караганов, Сергей Лавров, Александр Лившиц, Владимир Лукин, Вячеслав Никонов, Евгений Примаков, Сергей Приходько, Сергей Ястржембский и другие.

- ПОДПИСКА В РОССИИ, СНГ И СТРАНАХ БАЛТИИ по каталогу «Роспечать», индекс: 46706, 46709, 46710

- ПОДПИСКА В РОССИИ И СНГ по каталогу «Пресса России», индекс: 15577, 111119\*, 16492.

- Специальный подписной индекс. Только для студентов и аспирантов журнал **«Россия в глобальной политике»** за 1/2 цены!

- ПОДПИСКА В УКРАИНЕ по каталогу «KSS»

**www.globalaffairs.ru**



### **ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПОСТИДЕОЛОГИЯ**

**Бжезинский Збигнев.**

**Выбор: мировое господство  
или глобальное лидерство. М., 2006**

Автор, как известно, не только эрудит, но, прежде всего, прекрасный прагматик. Именно он в свое время создал теорию технотронной эры, в которую вступила Америка. В 1997 г. З.Бжезинский опубликовал книгу «Великая шахматная доска», которая стала мировым бестселлером. Сам он нередко критикует политику страны, в которой получил известность. Но в целом Бжезинский апостол и певец «американской мечты». Он абсолютно не сомневается в том, что Америка была и останется мировым лидером, форпостом человечества.

Однако, как показывают реальные события, ситуация в мире меняется и поэтому «сугубо американская» точка зрения вряд может рассматриваться как безупречная. Более того, многие западные и отечественные исследователи показывают: имперский цикл демократической американской сверхдержавы заканчивается. «Война за демократию», которую начали американцы в Ираке, завершилась конфузом. США не знают, как выйти из этой авантюры, поскольку никто не хочет сегодня их поддерживать. Утрачена надежда на то, что Америка не позволит исламу обрести «ядерное жало». Теперь в мире нет такой силы, которая взяла бы на себя миссию обеспечить слаженность цивилизационных отношений в планетарном масштабе. Запад утратил возможность влиять на ислам, определять историческую судьбу Китая или держать под контролем развитие России.

Однако, как показывают реальные события, ситуация в мире меняется и поэтому «сугубо американская» точка зрения вряд может рассматриваться как безупречная. Более того, многие западные и отечественные исследователи показывают: имперский цикл демократической американской сверхдержавы заканчивается. «Война за демократию», которую начали американцы в Ираке, завершилась конфузом. США не знают, как выйти из этой авантюры, поскольку никто не хочет сегодня их поддерживать. Утрачена надежда на то, что Америка не позволит исламу обрести «ядерное жало». Теперь в мире нет такой силы, которая взяла бы на себя миссию обеспечить слаженность цивилизационных отношений в планетарном масштабе. Запад утратил возможность влиять на ислам, определять историческую судьбу Китая или держать под контролем развитие России.

Тем не менее З.Бжезинский видит резервы, которые, как он полагает, могут сохранить за Америкой роль исторического поводыря. Название его книги поначалу озадачивает: разве мировое господство и глобальное лидерство – не одно и то же? Где же выбор? Но автор проводит различие между господством, основанным на силе (мировой порядок), и лидерством, базирующемся на согласии. Но как совместить демократию с параноидальным стремлением к гегемонии? Попытка «внедрить демократию» в исламистских государствах, напротив, свидетельствует о парадоксальности такого сочетания.

*«Мой главный тезис относительно роли Америки в мире прост: американское могущество – решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны – является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности, между тем американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подвергают эрозии традиционный государственный суверенитет».*



Нет сомнений в том, что ослабление США не сулит человечеству радужных перспектив. Однако действительно ли именно Америка выступает сегодня высшей гарантией глобальной стабильности?

В годы выхода книги З.Бжезинского окончательно обозначились основные показатели новой геополитической ситуации, которые теперь станут определять стратегическое поведение человечества. Зарубежные эксперты признают, что В.Путину удалось вернуть Россию в число тех держав, которые оказывают значительное влияние на ход мировых событий. Россия находится в самом начале своего нового имперского цикла. Вместе с тем наша страна не видит необходимости навязывать свою волю и собственные ценности остальному человечеству. Ее заботят внутренние проблемы. У нее нет оснований претендовать на роль абсолютного мирового лидера, как это характерно, судя по книге З.Бжезинского, для США.

З.Бжезинский в своей книге разрабатывает стратегическую линию США – он осознает, что неверные политические шаги способны превратить Америку в осажденную крепость. Мало того, они могут ввергнуть мир в состояние хаоса. По мнению Бжезинского, американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма США. Повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры.

Какая великолепная иллюстрация прагматичности мышления З.Бжезинского! Он не в восторге от массовой продукции, он даже признает ее незатейливость. Но он ставит ее ценность в один ряд с инновационным эффектом технологического динамизма. Между тем известно, как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контрверза американизму вызвала К жизни даже определенный духовный стиль. Но и в России многие представители общественности, средства массовой информации возвышают свой голос против диктата американской культурной продукции.

*«Европе, пожалуй, под силу составить конкуренцию США, – пишет З.Бжезинский, – на экономической ниве, но пройдет немало времени, прежде чем она достигнет той степени единства, которая позволила бы ей вступить в политическое состязание с американским колоссом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на все его экономические успехи, предстоит оставаться относительно бедной страной, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же – больше не участник забега. Короче говоря, у Америки не имеется и вскоре не появится равного ей противовеса в мире».*

Эти слова – взгляд на историю с высоты птичьего полета. Конкуренты США рассматриваются под углом зрения их фатальной разъединенности. Да, в свое время Япония неожиданно вырвалась вперед в своем соревновательном устремлении и совершила непредсказуемый скачок. Но где гарантия, что в истории исключены нечаянности такого рода? Несомненно, грядут политические осложнения в Китае. Но разве это исключительная судьба только этой страны? Аналитики подчеркивают, что минувший год стал годом окончательного краха «вселенской демократии» по-американски и обретения Россией ее новой геостратегической субъектности.

Автору книги не откажешь в строгой экспертности. Его роль в политической и интеллектуальной жизни Америки велика. Его оценки – это кристаллизация огромного социального опыта и интеллектуальной выучки. Но иногда З.Бжезинский невольно переходит в тональность бытовой логики, простых, житейски наглядных рассуждений. Вот он задается вопросом: почему Амери-

ка не пользуется любовью всего благодетельственного человечества? Отчего, обладая глобальным политическим влиянием, США в то же время не вызывают симпатии во всем мире?

Ответ Бжезинского по-домашнему прост: это зависть, это обычное негодование, переходящее в ненависть.

Такая экспертиза, возможно, удовлетворила бы любознательность тех, кто рад простой ссылке на неидеальную человеческую природу. Но ведь З.Бжезинский отдает себе отчет в том, что слепая вера американцев в собственную исключительность, имперские замашки, стремление навязать всем народам тот образ жизни, который кажется этой стране абсолютно идеальным, поучительно-проповеднический характер американской политики не может не вызывать отрицательной реакции. Но когда автор книги начинает жаловаться на то, что традиционные соперники Америки почему-то подогревают антиамериканские настроения, тональность изложения становится попросту курьезной. А что должны делать противники – славить Америку? Одним словом, бяки...

Даже у беспристрастного читателя рассуждения З.Бжезинского о беспримерной величии Америки могут вызвать негативную реакцию. Да, имперские державы прошлого, такие, как Великобритания в XIX веке, Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие имперские образования, не простирались на всю территорию Земли. Но вот в противоположность им Америка располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе. И раз США полагают себя хозяевами мира, то, несомненно, у этого стремления есть своя изнанка. Хочешь иметь лидерскую позицию, проводи мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику. Но главное – будь готов к неожиданностям, к срывам и бесконечным неудачам.

Замечательно, что впервые в теоретической деятельности З.Бжезинского поставлена проблема смысла того, что происходит, что может произойти. Он пытается не только сформулировать цели, но сделать их объектом напряженной философской рефлексии. *«В конечном счете, кардинальный политический вопрос, стоящий перед Америкой, звучит следующим образом: «Гегемония во имя чего?» Будет ли страна стремиться построить новую мировую систему, основанную на совместных интересах, или станет использовать свою суверенную глобальную мощь главным образом для упрочения собственной безопасности?»*

В числе тех вопросов, которые освещает З.Бжезинский в своей книге, нет последовательного анализа тех цивилизационных напряжений, с которыми столкнулась современная история. Мир ислама он называет «беспокойным». Согласитесь, в этом определении есть какое-то сглаживание проблемы. Речь не идет о цивилизационном своеобразии исламского мира, о хотя бы частичном поражении христианства в данном столкновении двух мировых религий. З.Бжезинского волнуют только те трудности, с которыми сталкивается в этом регионе американская внешняя политика. Он отмечает, что Америке становится все труднее проводить последовательную долгосрочную политику, которая опиралась бы на вдумчивую и беспристрастную оценку современного состояния доктринальных и культурных амбиций исламского мира, а также действительной угрозы, которую они представляют для глобальной безопасности.

Но ведь нетрудно представить себе и резоны исламского мира. Им тоже мнится, что у Америки есть доктринальные и культурные амбиции и что все это угрожает глобальной безопасности. По последним подсчетам, в 32 государствах, членах ООН, мусульмане составляют не менее 86 процентов населения, еще в 9 – от 66 до 85 процентов, что в сумме дает 41 страну, где домини-

нируют мусульмане. Ислам рождает сегодня самое быстро растущее религиозное сообщество мира. Оценивая ситуацию, З.Бжезинский приходит к выводу, который, разумеется, не является откровением. Он полагает, что положение дел в мусульманском мире будет служить источником угроз международной опасности, периодически порождать вспышки терроризма и создавать атмосферу повсеместной напряженности.

Все это так. Но программа «демократического усыновления» исламского мира выглядит сомнительной. Преодолеть исламский фундаментализм с помощью механизмов демократии – задача утопическая. Однако в этой части изложения тон автора становится директивным. Он вразумляет и просвещает: *«В конечном счете, интересы национальной безопасности Америки требуют, чтобы последователи мусульманства начали рассматривать себя как такую же часть формирующегося глобального сообщества, что и ныне процветающие демократические страны планеты с другими религиозными традициями».*

Сказано – как отрезано. Раз Америке нужно, осознают себя частью того мира, где ныне главенствует Америка. А если не согласны? Уже после выхода книги З.Бжезинского Джордж Буш озвучил новую стратегию войны в Ираке. Он признал, что готов вести борьбу не идеями, а военной силой.

Автор книги – не сторонник военных действий. Он больше всего уповает на мудрость внешнеполитического курса. Нет сомнений в том, что политика выступает важным фактором исторического процесса. Но ведь она представляет собой искусство возможного. Выполнит ли исламский мир американские наставления, зависит не только от тонкости политических маневров. В основе разногласий – особенности цивилизационного свойства. Разнятся не только религиозные представления, но и образ жизни, который обладает достаточной устойчивостью.

Такой же подход у З.Бжезинского и к проблеме реванша Евразии. Автор книги убежден в том, что если Америка отступит от своих принципов, то она утратит свое стратегическое верховенство в Евразии. Но З.Бжезинский не оценивает евразийский мир по серьезным лекалам. Он убежден в том, что временная сила Евразии в популярности популизма. Разумеется, любой успех в политике связан с тем, насколько удастся лидеру завоевать симпатии широких масс людей. Но здесь ситуация гораздо более серьезная. Китай выдвигает себя на роль предполагаемого лидера Азии вовсе не из политиканских соображений. На Востоке, действительно, складывается серьезная геополитическая сила, которая будет оказывать влияние на мировую политику.

В качестве постидеологии З.Бжезинский рассматривает феномен глобализации. *«Для Америки, – пишет он, – слово глобализация имеет противоречивое значение. Оно означает наступление новой эры всемирной доступности информации, прозрачности и сотрудничества и в то же время символизирует моральную глухоту и безразличие к проявлениям социальной несправедливости, что, как считают, характеризует богатейшие страны мира, в первую очередь, Соединенные Штаты Америки».*

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто аналитическое обозначение реальных процессов, происходящих в мире. Однако уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феномены с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации по определению не может быть одинаковым. Несомненно, что концепция глобализации приобретает несколько значений и

служит нескольким целям. Одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие – пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи – вообще против этого процесса.

*«Привлекательность идеологии, – пишет З.Бжезинский, – определяется не только тем видением будущего, которое она предлагает, но и ее мифами о настоящем. Здесь одно легитимизирует и усиливает другое. Глобализация предлагает несколько таких мифов».* К примеру, сторонники глобализации полагают, что она создает равные условия для конкурентной экономической деятельности. Однако на деле этого не происходит. Равенство оказывается типичным мифом. Противники глобализации усматривают в ней угрозу культурной гомогенизации и политического доминирования. Парадокс же обнаруживается в том, что отрицание глобализации связано с попыткой превратить в контрсимволы ключевые, с исторической точки зрения, постулаты глобализации.

Автору представляется, что сегодня феномен глобализации имеет прагматичных сторонников и весьма эмоциональных оппонентов. Что же выходит? Глобализация сама по себе ни хороша, ни плоха. Она станет такой, какой ее сделают реальные агенты мирового процесса. Многие противники глобализации не считают ее объективным порождением социальной эволюции. Глобализация в этом случае оценивается как чисто теоретическая придумка, призванная обеспечить примат экономических ценностей. *«Неудивительно, что атака на глобализацию, и особенно ее связь с Америкой, имеет существенную культурную составляющую».* Толкуют о том, что Америка преследует своекорыстные цели культурного империализма, о навязывании другим американского образа жизни.

Чтобы ответить на вопрос, насколько это справедливо или нет, отвлечемся от книги. Дело в том, что в рамках мирового сообщества действительно активизируются интеграционные межкультурные процессы. Однако традиционное представление о мультикультурализме испытывает серьезные потрясения. Многие исследователи полагали, что в рамках социально-политической целостности может происходить и объективно происходит процесс схождения культурных миров. Мультикультурализм между тем оказался довольно сложным феноменом. В одном случае он символизировал многообразие самодостаточных культур, сближение которых ведет к эффекту «плавильного котла». Но с другой стороны, рождается мультикультурный радикализм, приводящий к национализму и расизму «наоборот». Возникает тенденция к сепарации, расшатывается единство американской культуры и государства. Ассимиляционная метафора уже не вызывает прежнего энтузиазма.

Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Эта мечта оживала в каждом поколении. Но идея равноправия культур и цивилизаций вызывает сегодня острую критику. Многие культуры утрачивают свою идентичность именно потому, что оказываются в жестких рамках мультикультурализма. Утрата такой идентичности несет угрозу обеднения. По этой причине рождается стремление сохранять и развивать этнические традиции. Внимание к локальным культурам порождает не только подъем интереса к самоидентификации европейских и неевропейских культур. В итоге обнаруживается даже полный отказ от интеграции культур.

Разумеется, З.Бжезинский осознает эту тенденцию. Однако он видит в этом противостоянии глобализации только негативную сторону. Бжезинский отмечает, что многие представители французской элиты рассматривают глобализацию как американский план распространения всепроникающей массовой

культуры. *«Подобная перспектива вызывает глубокое неприятие у элиты, которая не только безгранично гордится собственным культурным наследием, но и считает его имеющим мировое значение. Ее самозащита против предполагаемого вульгаризирующего и гомогенизирующего влияния последствий глобализации почти неизбежно принимает антиамериканскую окраску».*

Но что может возразить З.Бжезинский против такой позиции? Он ее фиксирует, но возможно ли показать неправомочность такой тенденции, которая к тому же имеет налет интеллектуальной эlegantности? Автор книги не находит серьезных аргументов против такой позиции, он только упрекает ее сторонников в «недостаточной системности». Выходит, системность непременно связана с неким космополитизмом. Но такое решение проблемы не представляется убедительным. З.Бжезинский понимает, что со временем может сложиться более целостное представление о глобализации и необходимости противостояния ей. Не исключено появление привлекательной антиамериканской доктрины. Опасность зафиксирована, но нет в книге глубокой философской рефлексии о том, насколько состоятельна такая позиция или как избежать такой угрозы.

Выход видится З.Бжезинскому в том, чтобы смягчить некоторые параметры глобализации. Раз она выгодна Америке, нужно пойти на жертвы. Страна должна взять на себя известную долю расходов по улучшению условий в мире, не ожидая немедленной отдачи. Америка вынуждена убедить мир в том, что у нее добрые намерения. И это снова, скорее, благопожелания, нежели выражение глубокой философской рефлексии.

Если рассматривать глобализацию как естественное следствие всемирной технологической революции, то без глобальной миграции не обойтись. *«Иммиграция, – считает Бжезинский, – является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах «третьего мира».* И опять-таки взрыв бурных эмоций, который обнаружился во Франции, не дал рецептов для снятия такого напряжения. Радикалы из мусульманской среды убедились в том, что они могут решать собственные проблемы путем бунта, саботажа, поджогов, терроризма. Это означает, что ядро иных цивилизаций в культурном теле коренных народов Старого Света может обнаружить себя с огромной силой. И в этом случае Европа никогда уже не станет равным игроком в геостратегической сфере.

Ценность новой книги З.Бжезинского в том, что она с предельной основательностью выражает американскую концепцию внешней политики США. Правильно оценивая многие противоречия цивилизационного развития человечества, автор все-таки видит возможности устранения этих противоречий с помощью взвешенной политики, учитывающей сложившуюся конъюнктуру. Но так ли будет развиваться мир, как указывает З.Бжезинский, или история знает непредвиденные случайности? Вспоминаются слова Л.Н.Толстого: «Все произошло не так, как полагал Александр I, как рассчитывал Наполеон, как хотел Кутузов. Все произошло по воле Божьей».

**Эльвира СПИРОВА**

## Новые книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет  
кандидат философских наук  
Эльвира СПИРОВА

### ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

*Рон Полборн. Воля и Власть. Человек во власти и вне ее. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006, тираж 5000 экз., 728 с.*

В прошлом веке психологи, анализируя множество человеческих инстинктов, считали, что среди них есть один-единственный, который можно назвать основным. Фрейд полагал, что в такой роли выступает сексуальный инстинкт. Именно его животворящая сила определяет мысли и поступки человека. Но еще раньше, в конце XIX в., Ф.Ницше пришел к убеждению, что основным человеческим инстинктом является все-таки властолюбие. Такое глубинное, трудно утолимое стремление есть у каждого. Любой человек хотел бы властвовать. И даже тот, кто лишен реальных механизмов управления другими людьми, разворачивает всю полноту мощи, которая заложена в этом инстинкте.

Автор книги отмечает, что власть почти всеми и всегда воспринимается как насилие, которое еще никто и никогда не считал для себя благом. Всякие рассуждения о том, что насилие необходимо и только с его помощью человек и человечество могут выжить и «нормально» существовать, – «рациональные». Но в этом контексте появилось еще одно слово – «свобода». У каждого и в самом деле есть выбор. Человек не может полностью устраниться от происходящих событий. Он все равно оказывается вольным или невольным участником конкретной истории.

Власть в представлении большинства людей является некой третьей силой, способной решать вопросы, которые они сами не могут решить в отношениях друг с другом, когда их силы равны или если они не хотят прибегать к использованию силы. За этой третьей силой признается и объективность, и мудрость, и возможность защитить принятое решение и отстаивать его в дальнейшем.

Автор показывает, что человеку свойственно искать смысл власти в действиях других людей, в их стремлении покорять, подчинять, заставлять. Подобное понимание власти выгодно и тем, кто исполняет властные полномочия. Однако исполнители власти вовсе не хотят нести ответственность за свои действия, убеждая каждого в том, что именно он является «хозяином своей судьбы». Между тем пространство возможностей человека ограничено властью и волей. При этом воля и власть являются как бы крайними точками, так как власть он воспринимает как подчинение и наказание, а волю – как свободу для самого себя.



Достижение власти над самим собой сулит человеку обретение состояния гармонии между волей и властью. Каждый человек отличается от других тем соотношением воли и власти, которое он сам в себе сформировал. Кажется странным ожидание человеком власти. Пожалуй, только в одном случае это может быть справедливым – когда человек всю свою волю сосредоточил на достижении одной цели – захват власти. Но и рвущимся к власти только кажется, что, захватив власть, они смогут избавиться от собственных страхов и неопределенности и приобрести вожацкие возможности свободы действовать по собственной воле.

Непременной особенностью воли к власти является ее обязательная «идеологическая составляющая». Она представляет искреннюю уверенность рвущегося к власти в том, что он не просто стремится к власти, а делает это для чего-то значимого, а не только для него одного. В идеологии воли к власти сочетается и объяснение, и оправдание.

Обладать властью хотели бы все, утверждает автор. Но не у всех это желание становится волей к власти, которой, впрочем, еще недостаточно для захвата власти. Одна из тайн власти состоит в ее полной и абсолютной достоверности. Действительно, никто не сомневается в том, что власть позволяет многого достичь, как минимум решить все бытовые проблемы, добиться славы, почета, уважения. Вкус к власти распадается на конкретные образы власти, и каждый имеет свой «образ», в котором отражается его отношение к власти и в целом тот уровень культуры, которым он обладает.

Можно рассматривать книгу как своеобразную энциклопедию власти.

## ДЕКОНСТРУКЦИЯ В АСПЕКТЕ ПОЛИТИКИ

*Алейник Р.С. Человек в философском постмодернизме. М., 2006, тираж 500 экз., 224 с.*

В культурной жизни Франции второй половины 1960-х гг. постструктурализм стал влиятельным интеллектуальным течением и олицетворял механизм компроматации новоевропейской парадигмы культуры. Он явился в образе разнородных методик под воздействием различных идейных и политических течений. Постмодернизм выразил принципиальные философские проблемы нашего времени, в том числе и проблемы политической антропологии. Если просветительский проект, показывает автор, исходил из понятия человека как ответственного субъекта и как центра мироздания, из идеи поступательного развития человечества, то современные философы производят расчеты с этими устаревшими представлениями.

Сама идея структурности была связана с верой в наличие центра, создающего ее и управляющего ею. Однако вскоре обнаружилось, что эти представления глубоко ошибочны. Мир устроен отнюдь не так разумно, как могло казаться. Опыт майских событий 1968 года во Франции и в ряде других стран показал, что революционный порыв молодежи, левых интеллектуалов оказался не в состоянии изменить существующее положение. Он вызвал острое ощущение упущенных возможностей, породил чувство отчаяния, разочарования.

Автор показывает, что без постижения феномена человека в постмодернизме в качестве предмета, без вербализации его как точки пересечения индивидуального и социального, традиционного и нового, без понимания его как системы притязаний и ограничений – программа философского постмодернизма остается не-



полной и непонятной. Проблема человека в постмодернизме как социальная трагитизирует условия людской жизнедеятельности. Постмодернизм с максимальной выразительностью высказался о тенденции обезличивания и аннигиляции человека.

Постмодернизм, так же как и постструктурализм, исследует исторические механизмы субъективации индивида через практику сексуальности, власти, безумия, желания. Принцип тела связан с принципом власти, с механизмом насилия, которое формирует структуру субъективности. Деконструкция как понятие направлена на критику стереотипов мышления. Цель деконструкции – изменить ракурс зрения. Сегодня в политике на всех уровнях наблюдается снятие с себя ответственности перед будущим. Деконструкция не имеет целью свести на нет человеческую жизнь. Воплощение полного присутствия человека – вот ее идеал.

### СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

*Зиновьев Александр. Распутье. М., 2006, тираж 5000 экз., 320 с.*

Недавно умерший крупный социолог, логик, философ Александр Зиновьев оставил значительное публицистическое наследие. Данная книга – сборник его публицистических работ. Автор вскрывает объективные и субъективные факторы краха советского коммунизма, последствия победы Запада и западнизации человечества, антикоммунистического переворота в России. А. Зиновьев был человеком необычайной креативности. Его работы в области логики содействовали переосмыслению ее содержания. В литературе основное его открытие связано с созданием жанра социологического романа. В этико-философских сочинениях, как показывает академик А.А.Гусейнов, написавший предисловие к книге, он обсуждает вопрос о том, как индивид может стать личностью в рамках законов социальности и вопреки им.

Особое внимание в книге уделено чрезвычайным ситуациям. По мнению автора, вследствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы, Россия вступила в эпоху перманентных ЧП. Парадокс истории состоит в том, что социальная организация, наилучшим образом приспособленная для преодоления чрезвычайных ситуаций, разрушена. Новая власть действует спорадически и не лучшим образом, поскольку сама слаба и не располагает сильными ресурсами. Задача проводимых реформ состояла не в созидании, а в разрушении коммунистической социальной организации. Не всякие решения властей можно рассматривать как реформы. Постсоветская система власти стала имитацией западной и вынужденно превратилась в гибрид советской и западной. В книге обсуждается вопрос: наступят ли, в конце концов, времена, когда реформы закончатся и россияне смогут насладиться жизнью в стране, целиком и полностью реформированной?

Критикуя современную российскую политику, А.Зиновьев анализирует ущербность всякой имитации. Он даже приводит пример из Ильфа и Петрова. Один из их персонажей, слесарь-одиночка, собрал из остатков мотоцикла стационарный двигатель, который был очень похож на настоящий, только не работал.

А. Зиновьев показывает, что в России предпринимаются отдельные разрозненные попытки выработать идеологию, адекватную современным условиям и требованиям, идеологию светскую и ненационалистическую, опирающуюся на научные исследования современной реальности. Но пока авторов такого проекта пресле-

дуют неудачи. Дело в том, что огромное число людей, оккупирующих идеосферу и живущих за ее счет, сделают все от них зависящее, чтобы помешать созданию такой идеологии. В этом смысле можно говорить об идеологическом беспределе, который может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве.

## УРОКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВ

*Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2006, тираж 3000 экз., 416 с.*

Цель книги – рассмотреть нынешнее состояние российской науки международных отношений, оценить ее место в мировой науке, заглянуть в ее будущее и попытаться оказать на него какое-то влияние. Авторы книги – известные отечественные ученые-международники, высказывают свое мнение о том, в чем состоят особенности российского реализма, в каком состоянии находятся сегодня марксистские подходы к анализу международных отношений, как развиваются исследования проблем глобализации, безопасности, геополитики, переговоров, этнополитических конфликтов, политической экономии и постсовременности.

Так же, как и теория Фукуямы, теория С. Хантингтона отражает, как показывают авторы, социальные и политические стереотипы своего времени. Однако в отличие от Фукуямы, С.Хантингтон обращает внимание на опасные тенденции в мировой политике – рост этнических конфликтов. С ощущением опасностей пришел на Запад и новый страх в отношении незападного мира. Влиятельный в политических и академических кругах интеллектуал, С.Хантингтон успешно воспользовался своим авторитетом для того, чтобы подвергнуть критике взгляды Фукуямы и сформулировать алармистскую теорию столкновения цивилизаций.

Цивилизации стремятся защитить свои ценности и убеждения. Западные ценности хорошо известны своим охватом западного христианства, господством закона, социальным плюрализмом, представительским правительством и индивидуализмом. Наряду с Фукуямой, Хантингтон твердо привержен западным ценностям, но он определяет их не как универсальные и не видит большого смысла в попытке распространять западные ценности за пределы их изначальных цивилизаций.

В чем причины того, что российское интеллектуальное сообщество в целом негативно восприняло теории Фукуямы и Хантингтона? Почему данные теории стали оружием в руках националистов, укрепив их позиции в России? Ответ на эти вопросы, по мнению авторов книги, следует искать в этноцентричной природе самих теорий, базирующихся на идеях западного превосходства и культурной исключительности. Ни Фукуяма, ни Хантингтон не отнеслись с должным вниманием к специфике российских исторических традиций.

Авторы доказывают, что в глобализирующемся мире национализм не менее опасен, чем великодержавный этноцентризм.

# SUMMARY

## EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. For the past three months there were many events which have rendered essential influence on current political processes, their dynamics and an orientation. It is at times difficult to get rid of sensation, that on the ground all becomes closer and uncomfortable, more and more persevering attempts of stronger seem to impose build ideas and a way of life less strong. And absolutely intolerably when start to dig entrenchments at your gate.

2. For an audience, tempted in political speeches, V. Putin's Munich speech about problems of the international safety, certainly, has seemed unusually frank and sharp. Still, things are named by the names and there were, that the wolves who ostensibly have replaced the diet on a grass, still hunt for sheeps, and mainly on another's pastures.

3. As if to an opportunity of the big war, it is hardly possible to speak about it now seriously, as, indeed, there is no difference between verbal duel and the valid politics in a reality.

4. Undoubtedly, revision of much of is required that else yesterday it seemed possible and comprehensible. The world, really, varies, changes also huge space of the former USSR, so, and a field of world politics of Russia which as consider, begins at its borders.

## PRESSING TOPIC

*(Express Analysis)*

### POLITICAL SCENERY IN THE YEAR OF ELECTIONS

***Mikhail Delyagin. BIPARTISANSHIP AND THE PROBLEM-2008:  
THE FACTORS OF INSTABILITY***

For quite a long time, the basic structure of the Russian politics looked like the one or 'one and a half' party system, where the political life had to be focused within the only 'government party'. The change in the content of the very term of 'government party' has become the principal innovation. Elsewhere, that means the party in power, or the governing party; but in Russia the 'government party' is the one that belongs to the government.

The formation of the one-and-a-half-party system has experimentally proved the copy-book truth that impunity gives birth to corruption. The nomenclature has realized, that by joining the proper party and mounting the proper portrait on the wall anyone who is something in the system if free to treat the folks subordinate in any way he or she wishes, while any critic of his/hers would be labeled 'extremist', at the best. As a result, the totality of corruption seems to become a headache not just for the state, but also for the biggest, and therefore the most powerful corrupted ones.

In contemporary Russia, there are two parties to follow the interests of the groupings within the social stratum of influence, i.e. the ruling bureaucracy. The *Unified Russia*, a right-wing party by its policy, reflects the position of 'liberal fundamentalists', while the 'social revolutionaries', urged to be left-wing and patriotic, are the alter ego to the oligarchy of force. Stimulating competition between the loyal bureaucratic parties the government demands much of them to conform to fundamentally new, public and competitive, nature of their existence.

It is most likely, the successor will appear all the same. The simple requirement to possess the minimal managerial qualities cuts off almost all the nominees mercilessly advertised by the official propaganda. So, it is worthwhile to look closer to some 'secondary' figures still remaining in the shadow. Each

of them belongs to one of the two principal clans and, consequently, needs to be 'counterbalanced', the latter not allowing the former to do away with political competitors.

*Alexander Tsipko. FEW MORE WORDS ON THE GOVERNMENT PARTY'S «LEFT LEG»*

1. Supported by President Putin, Sergey Mironov's, the Chairman of the Council of Federation, initiative to convoke the whole left-wing center under his command, to absorb into his Party of Life both the remains of the Motherland Party and the gaining strength Pensioners' Party had resulted not just in confusion within the government party ranks, but also in the disarray of loosing guide-posts which had been laboriously remounted along our still chaotic political space.

2. In current moral and psychological situation in Russia, the emergence of the second, left-wing at this time, government party can in no way help to strengthen the multi-party system. No doubt, the polemics, two-way verbal pricking between the ardent Putin's supporter Gryzlov and the ardent Putin's supporter Mironov are bringing some longed-for intrigue into our boring political life. But it helps in no way – in absolutely no way – to overcome the window-dressing nature of our democracy.

3. That is the present political scenery: the people guided by the mentality and psychology of favoritism, the two government parties, the scene where you cannot tell a true Putin's supporter from an untrue one, and where – the most important thing – you cannot clearly see what Putin wants himself, who he is going to make his successor, what party he is going to make the principal one.

POLITICS

*Eberhard Schneider (Germany). PUTIN'S SUCCESSOR. Foreign view*

1. Last months, Putin repeatedly claimed that he was unwilling to ballot for the third presidency. Lately, nevertheless, there were unceasing attempts to prompt Putin to nominate himself for the next elections, and to initiate respective constitutional novices. In October 2004, that option had been chosen by the president Alexander Lukashenko of Belarus and brought him to success.

2. The role of the key protagonist to re-elect Putin for the third term is being played by the assistant-head of the President's Administration, Igor Setchin. To keep the highest government post to himself gives Putin and his team a chance to regain their positions, which have already made them the bureaucratic oligarchs governing the strategic branches of the economy.

3. If there is a stalemate in the relations between the 'centrists' and 'men of force' with no compromise foreseeable, Putin, probably, will put forward a third candidate, who communicates with both groups that would see him guarding their interests. Each of the two groupings would try to win this compromise figure over.

4. No matter, what kind of compromise is found to solve the problem of the successor, the new president would have the limited space for maneuver, and thus he would have to consider interests of both groupings. That is why, probably, one has to assume that the 'liberally-conservative' policy of synthesizing the views of 'men of force' and 'liberals/centrists' would be continued in the form of combination of the strong, authoritative if necessary, state and the liberal economy with preservation of the state sector in the key industries.

*Pavel Kholodyon. THE REGIONAL ELECTIONS AS A PREPARATION TO FEDERAL ONES*

For the Unified Russia Party, the federal elections will not be as easily-won as that seemed at the first glance. Risk factors will be of essence, as they say inside the Unified Russia, the Kondopoga events has cut the party's votes in Karelia by 7 to 10 percent. Much will depend upon the level of social tension, because the sweeps between the two subcultures are unpredictable. Above all, the party will have to supplement its federal program with the regional ones.

Experts believe, the past elections proved the viability of the 'second government party' project. As the elections revealed, the alliance of the Russian Party of Life, Russian Pensioners' Party and Motherland Party has in fact became the second government party. As to the Equitable Russia's perspectives, one should made a note of the RPP's increasing 'political weight', that might affect an alignment of forces among the project participants. The 'social' rhetoric is topical and called for thus making the project's perspectives look favorable.

The past elections, that are to be seen as the model for the State Duma elections of December 2007, proved the governing elite's wish to rely on the solid pro-presidential majority in the parliament-to-come, with no party controlling the constitutional majority, for the new head of state to be elected right after the parliamentary elections would need diverse pro-presidential majority to keep the space for maneuver.

The Liberals still have not very significant chance to overcome the 7-percent electoral barrier. If they come to agreement upon just one liberal-minded party participating in the elections, they might repeat the Union's of Right Forces success in 1999. In this case, there would be the fifth party in the State Duma, unlike after the previous elections. If the Liberals fail to coordinate their positions, they, most likely, will find themselves outside the parliament again.

**Gennady Marchenko. POLITICS AS THEATRE**  
**The theatrecratic approach in political consulting**

1. The theatre-politics connection has been determined by both cultural and genetic factors, and contemporary modernizing influences upon the society. Since the ancient times, theatricality in politics is caused by its repetition of actions within existing common and political culture – rituals, ceremonies and etiquette activities, and politicians' need to play traditionally developed roles dependent on socio-political conditions.

2. Political actions, with their great audience and simultaneous TV broadcast, share traits with some theatrical shows. These theatrical activities are highly effective because of their complex means of information influencing – the sound text, music, light and plastic of movements, and those who participate are being dragged into show by the logic of organized action, not always by their own will, coming under its influence.

3. An excessive 'theatrelizing of political consciousness' seriously affects both a person and the society. The approach based on the theatrecratic paradigm results in dividing the society into an auditorium and a stage, the stage being separated from the auditorium with footlights. Those in the theatre, in their turn, are demarcated into spectators watching a political show – 'the public' – and actors playing this or that roles.

4. The principles of the theatrecratic approach, to a great extent, serve as guidelines for a consulting image-maker. It is necessary to write the script of a political show which is to prescribe actions of the actors, to choose a 'theatrical character' (type of image), to position it among other participants of political action, to train the client in skills of playing a role, of smiling and moving vis-s-vis the electorate.

5. The theatrecratic approach is not an academic gear or a theoretical design abstract from the real, practical politics. It can and must be actively used aimed at political analysis and design of a political process, it is to be used in event-management, and be one of the fundamentals of political consulting. Instances to this effect are numerous.

**FOREIGN AFFAIRS**

***Thomas Gomart (France).* THE RUSSIAN VECTOR OF THE POLICY FOLLOWED BY PARIS:  
TO OVERCOME THE STATUS QUO**

1. The cycle of the Russian vector of the foreign policy followed by Paris, put into motion in 1998 with the advent of the Ekaterinburg Triangle, is coming to its completion. The 'triangle' ought to fix Russia's special position in the European continent under the conditions of uncertain reliability of changes it was being underwent. The French-German tandem aspired also to gain enough weight to stabilize the 'Greater Europe'.

2. Moscow gives meaning to the context of the multi-polar world concept maintained in Paris, the concept in which it is difficult to draw some distinction between multi-polarity and many-sidedness. So, Russia considers itself to be an independent power pole, and sees many-sidedness just as the means to support its influence, rather than as the method to solve international problems.

3. The significant part of the French elite indeed think Vladimir Putin being the last 'statesman' on the international scene. At that, the significant part of the media and intellectuals treat him with deep animosity and do not hesitate to perceive him as some analogue of Stalin's. He has come out of the state security structure, that is why he is indelibly marked with the 'original sin' of his serving the KGB.

4. Vladimir Putin's Russia is not a peaceful country, but it fundamentally adheres to the logic of direct non-interference (this also allows for possible option in the Ukrainian crisis understanding), trying to avoid useless clashes. It tries – sometimes clumsily, sometimes successfully – to accommodate itself to the changing international environment. Its elites are divided among various schools of thought at what kind of relations with the West are to be developed.

5. There is a need to reevaluate Russia's pivotal role on the Euro-Asian space. The Russian policy might as well catalyze the transatlantic and pan-European policies and support the move towards the Euro-Asian policy. This policy, that have not been named yet, might see Russia as a necessary part in any undertaking that concerns the Eastern Europe, the Caucasus, the Central Asia, and as a part in the equation to be constructed with China and India.

*Beatrice Heuser (Germany).* THE CULTURAL REVOLUTION IN COUNTERINSURGENCY

1. The insurgency in Iraq following the clean classic victory for the US and UK forces prompted a re-think on US doctrine. The tendency is away from the tactical-technical-organisational line in Trinquier, Galula, and 1980s US doctrine on Low Intensity Conflict. The US Army Counterinsurgency Field Manual FM 3-07.22 (interim) of 1 October 2004 is already quite close to the new draft document. The 2006 draft of the Counterinsurgency Field Manual, which has become operational on 1 October 2006, by contrast, devotes little more than 10 per cent to such technicalities.

2. Strategies in the Cold War, especially nuclear strategies, are functions of the ideologies, national cultures and beliefs of those who formulated them, and in no way sought to understand the adversary's military thinking in order to tailor one's own posture and capabilities to his psychological weaknesses. This was criticised by a few, but brushed aside as hardly relevant by the «victors» of the Cold War. The Yugoslav Wars of Secession gave new prominence to the opinion of experts in human personality and culture which social scientists had never ceased to ponder.

3. What is needed is the recruitment of more civilian regional experts and specialised social/cultural anthropologists as advisers of officers in all leading positions of a counterinsurgency, provided the latter show as much openness to their advice as Generals Petraeus and Mattis have shown to Dr McFate.

4. But nothing hedged against the danger that, like in Vietnam, a dramatic publicity defeat, followed by the resignation of the top political leadership, will cut off the legs from under even the most successful and sophisticated COIN operations, such as, in Vietnam, the Civil Operations and Revolutionary/Rural Development Support, or the Combined Action Program.

*Inna Shumilina.* The U.S. «new deal» in Iraq: the old objectives in new pr-wrapping

1. The 2005–2006 general elections in Iraq and the forming-up of the national government that followed gave the George Bush administration some ground to optimistically assess the outcome of their military and political campaign in that country then. But, since the Spring 2006, the situation in Iraq became to deteriorate badly: there were daily acts of violence by Iraqi and foreign terrorists against the local population; intensified clashes between the Shiite militias and Sunni Arab insurgency; sharp increase in the number of US military casualties, all these made Iraq plunged into abyss of chaos.

2. The Bush plan may become some sort of a trap for the Democrats, considering the majority of the Democratic party leadership had favored the invasion in Iraq some time in the past, while now they actually call for capitulation, by recklessly and hastily moving the troops out. The issue might split the Democratic camp into 'toughs' and 'defeatists', it was quite recently when Hilary Clinton and John Kerri abstained from calling for immediate US military withdrawal from Iraq, trying to gain some points on the eve of elections.

3. By proclaiming the new deal policy to settle the situation in Iraq, Bush tried to convince the Americans that the problem is the national one, rather than a miscalculation made by the Republicans and neo-conservatives. Among all other things, his plan, be it successful in the smallest degree, would give more chance for the Republican nominee for the 2008 presidency. The current US President, though, by making his plan public, which is contrary to the Democratic majority statements and is at variance with the strengthening rejection of the war within the American society, is undoubtedly going risky, for the possibility of a collapse is very high.

**Maxim Bratersky. THE IRANIAN NUCLEAR CRISIS:  
THE INHERITANCE-TO-BE FOR THE NEXT U.S. ADMINISTRATION**

1. Many an Islamic radical still sees the revolutionary activities abroad, export of the Islamic revolution as the basis of their country's self-identification and the source of legitimacy for their governance. Such a vision prompts Iran to support the Hezbollah movement in the Southern Lebanon and to block the Middle East peace settlement. That sort of activities makes the United States to blame Iran of supporting the international terrorism and, consequently, to define its status of «derelict» in the American political lexicon.

2. The United States pursues the pressure policy towards Iran in coordination with the European Union, and asks Russia to stop cooperation with Iran in developing nuclear technologies. Washington still suspects Iran of developing nuclear weapons, on the premises that to possess such weapons would have served the Iranian security interests. The United States argues, that it would have been economically expedient and diminished the danger of collision with the nuclear armed Israel.

3. The current US administration is unlikely to change its super-tough line on Iran. Yet it is clear, that the United States will have to make a choice: either to develop the crisis of the Iraqi sort, or to normalize the relations with Iran, that has become rather complicated affair after the government change in Iran and changes in the neighboring countries (occupation of Iraq, instability in Afghanistan, the Russian Federation's active position in the region, etc.).

4. The key point in the Iran-US relations is the Iranian nuclear program. Washington would spare no efforts to not allow Teheran to obtain the nuclear weapons. These efforts might be successful, if Iran would prove the peaceful purposes of its program, but they might as well bring no results, in which case the United States would have to build up relations with the nuclear Iran.

5. It is still hard to assume, that America has already prepared to cross out the fifteen years of its domination in the Persian Gulf from history and to concede its role to the regional powers. Such a turn might be possible, only if there appeared a new wave of an isolationism in the American foreign policy and the US retreat from the positions won in the Cold War. There seems no indications of such a turn in the American policy, hence, the crisis in the US-Iran relations would go on.

**IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION**

***Sergey Kortunov. GLOBALIZATION AND NATIONAL IDENTITY***

1. The contemporary world democratization commands the necessity of coming over to the common rules of the game both in domestic and foreign policies, thus irreversible changing the hierarchy of basic elements of the socium. In this hierarchy, the first placing evenly belongs to personality, the second goes to the society, pushing aside the state to the third place, making it, primarily, the instrument to protect the interests of the personality and society. Any country trying to play a somewhat important role in the world affairs, has to be fully consistent in following this hierarchy today.

2. The national identity gets in the gripe of economization, which steadily forms the unified world economic space thus making impractical the models of national security and national development based on an isolationism, while making the integration into this forming space the only possible way to effectively protect the national interests. To reject the integration means to reject the full-fledged development.

3. In actual universal and comprehensive crisis of national identity, each state, of course, does everything possible to overcome it. And it is quite natural, that some state's attempts to defend its identity, sometimes, come across the similar attempts being taken by other states. There goes the 'struggle of identities'. In this competitive struggle, there is no mercy to anyone. And the states to win are those with the identity of greater historical, cultural, ethnic and political depth and force.

4. The end of the global confrontation of the two superpowers, the collapse of the bipolar world, development of globalization have not resulted, as some politicians (including some from the former USSR) thought, to 'diluting' the national interests in the 'universally-shared'. On the contrary, the traditionally narrow notion of the national interests, and sometimes just the national egoisms, came up to the foreground again. While the world community democratization is to go further and further, the national interests, probably would not be just withering off, but more and more expanding.

5. In the contemporary world, the national identity is being diffused with not the globalization only, but also the most powerful impact of postmodernist culture. By asserting the 'pluralism of meanings',



the equivalence of moral values, by mocking at the national traditions, by questioning the Christian and humanistic ideas of the Age of Enlightenment, by solemnly proclaiming the end to the project of 'Man' and the end of the World History itself, the Postmodern tries to emasculate national identity, to kill its content. In this sense, the Postmodern is the most vicious enemy of the national identity. At that, the Globalization fights against the identity on the side of the Postmodern.

*Alexander Dugin. POSTHUMANISM*  
The Man in the World of Postmodern

1. According to the accepted notion of historical age, there are three fundamental stages of development of mankind in a wider cultural context. It became possible to realize these stages because of a number of absolutely new phenomena sprang up in the past several decades. That period is called Postmodern, it has made possible to specifically classify the historical process which might be divided into three parts – the so called Premodern, or the traditional society; the Modern, i.e. the contemporary world, and the Postmodern.

2. Our society using the certain political technologies vigorously borrows some elements of the Postmodern, with no special care of going through the road of the Modern to the end. We have not passed it, got stuck at the stage of the High Modern with its Socialist idea, we have failed to pass it by themselves, shrugged it off and borrowed instead another paradigm right out of the core of the postmodern culture, in its most vanguard aspect. The Premodern lives in the myth space, all the Premodern space takes the mythological or sacral shape.

3. The man has his value in the paradigm of Premodern, the traditional society, in the model and project of the Modern, and in the model of the Postmodern. When does the humanism evolve? It seems clear already, that there is no humanism in the traditional society. There is theomorphism, if we mean some great revelations, or there is the absolutomorphism as in the Hinduism with its the Absolute – Brahma, whose reflection, game, dreams make up the empirical reality given to us. As we know, there was no man of the humanistic world in the Premodern.

4. The individual that has been the principal axis and the creator in the Modern is coming to the end. He has undergone such an interesting and serious mutation in the Postmodern, which might be compared, by its depth, to what had changed in the man during his transition from the traditional society to the Modern. It was there where the man's divine origin evanesced out of him, it was separated from him, and then was forgotten. Basically, there was no human at all, but the divine only. Later, there appeared the human, autonomous, self-sufficient. And the Postmodern is bringing the end to that.

5. The dividuality is a matter of principle for the Postmodern, for posthumanism. There is a possibility in the concept of the dividual to combine the man and the machine. Now it has already become possible along with the moral reasoning, whereas it had been fundamental philosophical and moral taboo before. This taboo is still in the focus of academic, philosophical, political discussions in the Western community. The essence of the transition is whether or not the man is the wholeness, is he an individual, or a dividual.

GEOPOLITICS

*Eugenie Vertlib (Germany). GEOSTRATEGICAL CONTEXT OF THE PROBLEMS  
OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND THE CENTRAL ASIA REGIONAL STABILITY (CONC.)*

1. The 'do-no-harm' strategy of deterrence is optimal for the Central Asia specifics. For this explosive 'boiler' is pierced by the lines of the conflicts between ethnic groups, religions, administrative bodies, clans and groupings, elites, popular movements. There, it is easy to incite crowd for protest actions under any slogans and for the purposeful actions to change the regime. For example, in summer of 1990, clashes between the Kyrgyzy and Uzbeks in the Osh Oblast of Kyrgyzia began because of a petty dispute over piece of land, which led to the fierce conflict with a great death-roll.

2. The Andizhan events of May 2005 clearly showed that to deter the situation coming out of control strict measures have to be used, when the regular army units do the policing. Reaction of President Karimov's reactive decision to get rid of the military base was so stunning, as though he had suddenly opened up the method of 'client' treating with the specific means that was applied to him: instigating the victim to activities resulting, besides the personal death of the 'guinea-pig', in forcible overthrow of the government – coup d'etat – helped by the lack of will on the part of the zombie himself.

3. Soft acquisition according to the modern orange technologies is sampled with the typology of 'colorful' power seizure by means of elections. In the past year and a half, there were three 'elector' revolutions in the CIS countries. They seem to become air-drop infectious before, during and right after the elections. Of course, a priori grudge over the election outcome is easy to set up for the society's natural discontent directed against ostensible calculation tricks and administrative resources used.

4. While the fierce opposition of the interests of the geopolitical actors is growing up in the Central Asia, Russia has found itself with no operational powerful unifying idea, nor indestructible will to win, nor nation unity, nor sufficient material means, nor strong mobile army, nor high-quality intellectual and administrative base. By its political and strategic importance, an object is worthwhile to be taken into account if its impact in situation changing exceeds 2 percent. According to Igor Yakovlev's conclusions, Russia, as far as this parameter concerns, «has been balancing somewhat on the verge of 2 percent long enough».

5. President Putin has formulated Russia's moral and forceful credo – align with a judo-wrestler. Which means to be «in harmony with the rest of the world and with oneself», and also to have «courage coupled with generosity». This Russian world-reaching perspective would certainly have bright future – unity of the East's wise soul (purport, contemplation) and the West's «Faustian» reason (actions).

#### *Vladimir Dergachev (Ukraine).* TECHNOLOGIES TRANSFORMATION IN THE NEWEST GEOPOLITICS

1. Russia is inevitably coming towards another milestone in its history, with certain public anxiety over the country's future. The parliamentary and presidential elections have seemed to become a common occurrence, after so many years of democratic development. Yet, perhaps, it is not true for the Euro-Asian Russia, where the role of a personality in power is still great, and one might speak of relative stability when there is none willing to experience another distemper. It is particularly dangerous when tactical problems of struggle for power dominate over the necessity of strategic vision, when there is possibility of disintegration of the federative state.

2. The newest geopolitics is overcoming the narrowness of traditional and new geopolitics with their over-powerful geographical or economic determinism. It makes the stress on the many-dimensional space allowing for variety of cultural and genetic codes. It is based, therefore, on capturing territories by means of the technology of manipulating the consciousness (subconsciousness) of citizens of the state chosen to be the object of impact.

3. A state's geopolitical power springs up, primarily, out of strength of mind, rather than of material resources. It is not by chance, the American administration watch the state of the world 'spiritual climate' that closely. The greater role of the American clergymen in the Eastern Europe is noted in the US State Department's annual report on freedom of religion in the countries around the world, prepared in September 2006.

4. Based on the knowledge of human nature, the newest geopolitics technologies are being effectively used against the post-Soviet government elites in the Eastern Europe, which had found inconceivable freedom of action and decided to be seen as the most business-like, wise, downy and holy. The major subjects for an 'attack' are not the industrial and other strategic establishments, but that potion of the government elite that lade with megalomania and inferiority complex.

5. In Russia, the 'orange revolution', in its pure form, is not foreseeable, neither a «democratic» protege of the West has any chance to win the absolute victory. But it is quite possible to have some party 'governed by love' victorious, capable to destabilize situation in the country and to weaken the Russian statehood. As far as Russia concerns, in the nearest future, the newest geopolitics technologies transformation will be redirected from compromising democratic slogans to usage of patriotic ideology of nationalism that counts on the national identity of the physical persons who strive for power, thus making the corruption more resourceful and absolutely invincible.

#### ECONOMICS

##### *Nikolay Mikhailov.* SYSTEMS FORESIGHT AND STRATEGIC PLANNING OF DEVELOPMENT

1. Weakening the past for the sake of a better future is always a prerequisite of any crisis. The problem is how the future is being understood, what is being taken from the past, and what is the procedure of choosing the best solution possible. And what the procedure is based upon. Either it is based on the revealed patterns and trends serving the national interests, or, to please the political conjunc-

ture, it is based on egoistical and group interests, and many governmental efforts have gone far away from scientific foresight and become too weak to rise the economic efficiency or to improve the people's quality of life.

2. To foresee a country's development within the world community framework and to actively influence the character and trend of this development can be done on the basis of scientific knowledge only. Than, if it is so, we must comprehend, why the science, in its present stage, has failed to meet this historical challenge? Perhaps, some explanation might be found in archaism of the historically developed and obviously out-of-date system of science-society relations that does not allow to rise above the egoistical interests of the state or some elites in the society.

3. Lately, the phenomenon of special demand of the foresight method is caused by two objective circumstances: first, in the few past years, the culture of academic and public examination of the decisions which the state was going to pass had been virtually lost; second, it became clear, that while the state became more active in building up the civil society in Russia, it is objectively conditioned to restore the institutions of academic and public examination.

4. The foresight method has principal specific difference from known methods of traditional forecasting development: it uses the system of measures (tooling) to involve into problem discussions, alongside with 'decision makers', experts capable to provide comprehensive forecast of the consequences of these or those decisions not just in the industrial and technological aspect, but also in the social, ecological and other ones. This allows to harmonize the interests of the government, business and society.

5. The foresight is one of the most effective methods of determining the priorities of scientific-technological and industrial development and of coordinating them with the social and economic interests. The method's core is the decisive role of the expert community. Of course, the experts should be mastered in intuitive thinking, as well as learned in specific academic problem in the case. The method provides for unique opportunities for the national science higher education establishments.

## **ROUND TABLE DISCUSSION**

### **15 YEARS OF THE CIS: STATUS AND PERSPECTIVES**

In November 2006, the round table discussion in view of the anniversary of signing CIS (Byelovezhskoye) Agreement was held at the National, Federal and International Relations Chair of the Russian Federation President Academy of State Service. The Chair's professors A.F.Dashdamirov, Dr.Sc. (Philosophy), A.N.Mikhailenko, Dr.Sc. (Politology), L. O. Ternovaya, Dr.Sc. (History), and post-graduate students V. I. Kelekhsaev and Ye.V.Kondrashova took part in the discussion. The opening speech was made by the Chair's Head, professor V.A.Mikhailov, Dr.Sc. (History). As the editors see it, the problems discussed at the «round table» might be of interest to the readers of our bulletin.

### **NATIONAL EDUCATION: WHAT IT SHOULD BE LIKE?**

To discuss the problem, the following experts had their say:

Professor O.K.Filatov, Dr.Sc. (Pedagogics), Rector of the Moscow State University of Technologies and Management; Professor I.M.Illinsky, Dr.Sc. (Philosophy), Rector of the Moscow Liberal University; Professor V.A.Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), Deputy Rector for research of the Moscow Liberal University; Professor S.I.Plaksy, Dr.Sc. (Philosophy), Rector of the National Institute of Business; Professor E.N.Yakovlev, Dr.Sc. (Physics and Mathematics); E.M.Spirova, Ph.D., Deputy Head of a laboratory; K.A.Mishina, Cand.Sc. (Pedagogics).

The round table discussion was presented by Professor P.S.Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy), Dr.Sc.(Philology).

The national education undergoes some substantial transformations. New technologies are being in use, modular education is being introduced, the Bologna Agreement has been signed to enter. What the national education is to be like? It is no secret, the opinions to this end differ within the society, not everybody agrees with the undergoing reforms. Education, as it is known, is the major sphere of the culture. The society may not be indifferent to what kind of national education we are going to have in the near future. That is why we should like to discuss some topical items:

1. What are the merits and shortcomings of the contemporary national education?
2. What the Russian education will be like, after the Bologna Agreement is signed?
3. In your opinion, what is the way to improve the system of education in our country?
4. What brings harm to the national education, what are its negative tendencies?
5. Is elite education possible, or there is to be mass education only?
6. Are non-state-run institutes of higher education needed in our country?

## PUBLICATIONS

### *Rasim Agayev (Azerbaijan). THE SECRET OF THE 'BLACK GARDEN'*

1. It is a hard task to find out an impartial view on what had happened and still happens around the Nagorny Karabakh and in the region itself for the past two decades from the huge amount of books, memos, memoirs, documents, and press articles. As Thomas de Vaal acknowledged himself, his book, *The Black Garden*, had been the first attempt to give a comprehensive picture of the Karabakh conflict from different perspectives.

2. The ideas of separatism are known to ripen in the minds of national elites, and they, as a rule, gain special destructive force when being powerfully supported from outside. The Karabakh Anschluss became de facto possible due to the West's favorable treatment of any separatist movement that served to undermine the state foundations of the USSR.

3. Any solution of the Karabakh crisis that is to break up Azerbaijan's sovereignty and territorial integrity cannot help be considered the dangerous precedent of forming up political and legal base for Armenia to intensify its policy of expansion, to put in new territorial claims to its neighbors.

4. The nations are free to choose and accumulate any ideas, guided by their history and culture, but they must not infringe upon the sovereign rights of other entities within this or that geopolitical space. This is a natural prerequisite of peaceful co-existence between the peoples whose neighborhood has been predestined by the history.

## NOTES ON A BOOK'S MARGINES

### *Elvira Spirova. GLOBALIZATION AS POST-IDEOLOGY* Concerning The Choice. Global Domination or Global Leadership? by Zbigniew Brzezinski (M., 2006)

1. In his book, Z. Brzezinski develops the strategic policy line for the USA, since he realizes, that by making wrong political steps America might become the besieged fortress. More over, it might fling the whole world into the state of chaos. According to Brzezinski, the American might has reached an unprecedented level. The world is innovatively effected with the US technological dynamism. Everywhere the many-sided and frequently unpretentious American masscult is being welcomed.

2. The problems covered by Z. Brzezinski in his book exclude some consistent analysis of the civilizations exertion the current history is faced. Z. Brzezinski is cared just of troubles the American foreign policy is faced. It is more difficult for America, he notes, to pursue consistent long-term policy based on thoughtful and impartial assertion of the current doctrinal and cultural ambitions of the Islamic world, and their actual threat for the global security.

3. As the author sees it, that today the globalization phenomenon has its pragmatic supporters and very emotional opponents. What comes out, then? Globalization itself is neither good, nor bad. It becomes the such the real agents of the world development will make it to be. Many globalization opponents do not consider it to be a true offspring of social evolution. They treat globalization as some theoretical idea to safeguard the primacy of economic values.

4. Z. Brzezinski's book is valuable for its extreme thoroughness in presenting the American concept of the US foreign policy. The author gives correct assessments to many contradictions of civilization development of the mankind, yet, he sees no way to overcome these contradictions by means of some balanced policy allowing for the current situation. The thing is whether the world is going to evolve along the lines drawn by Z. Brzezinski, or the history has some unforeseen fortuities in its stock? Leo Tolstoy's words came to mind, Everything had happened not the way Alexander I believed, not the way Napoleon intended, not the way Kutuzov wanted. Everything happened according to God's will.

### **NEW BOOKS THAT MIGHT BE OF INTEREST**

Reviewed by Elvira Spirova, Ph.D.

#### **THE BASIC INSTINCT**

Ron Polnborn. The Will and the Power. A Man In and Outside Power. M.: the Moscow Psycho-Social Institute, 2006, circ. 5000 copies, 728 pp.

#### **DECONSTRUCTION IN THE ASPECT OF POLITICS**

Aleinyk, P.S. The Man in the Philosophical Postmodernism. M., 2006, circ. 500 copies, 224 pp.

#### **SYSTEM OF VALUES**

Zinoviev, Alexander. The Cross-Road. M., 2006, circ. 5000 copies, 320 pp.

#### **LESSONS OF POLITICAL DIALOGUES**

The Russian Science of the International Relations: New Tendencies / Ed. by A.P.Tsygankov and P.A.Tsygankov. M., 2006, circ. 3000 copies, 416 pp.

## ОБ АВТОРАХ

**Агаев Расим Гусейнович** (Азербайджан) — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог, окончил Азербайджанский государственный университет.

С 1964 года в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

**Братерский Максим Владимирович** — российский востоковед и американист. После окончания Ленинградского государственного университета начинал переводчиком с восточных языков, затем работал научным сотрудником в Институте США и Канады, затем преподавал в Стэнфордском университете.

В настоящее время работает в Государственном университете — Высшей школы экономики. Сфера научных интересов включает анализ американской и российской политики в отношении «проблемных» государств, вопросы распространения ОМУ, региональные конфликты в Азии. В 2006 году защитил докторскую диссертацию.

**Вертлиб Евгений Александрович** (Германия) — академик РАН и Академии безопасности, обороны и правопорядка РФ, а так же ряда зарубежных академий, профессор Европейского Центра по изучению проблем безопасности (Германия), внештатный Советник председателя Комитета по международным делам и международным связям Парламента Кыргызской Республики.

В 1975 году получил статус политического беженца (США).

На протяжении ряда лет занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в различных институтах и организациях США и Италии.

Сфера научных интересов: аналитическая политология внешней политики, принятие политических решений, управление конфликтами и стабильностью общества, стратегии национальной безопасности.

Член Консультативного Совета неправительственных организаций при Комитете Государственной Думы по международным делам. Член редакционной коллегии журналов «Геополитика» (Украина), «Дон», «Центральная Азия: политика и экономика» (Казахстан).

Опубликовал более 200 статей, интервью, рецензий и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кавалер ордена Петра Великого I степени.

**Гомар Тома** (Франция) — руководитель программы Россия/Новые независимые государства в ИФРИ и преподаватель в специальной военной школе Сен-Сир. Эта статья написана по результатам семинара «Is Russia a Neo-Imperialist or Post-Imperial Actor?», организованного Ifri и Csis 6 ноября 2006 года.

**Гусейнов Вагиф Алиовсатович** — директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год — председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года — член Совета по внешней и оборонной политике.

Автор книг: трехтомника «От Ельцина к ...» (Хроника тайной борьбы), «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть» (Экономика и геополитика). Соредатор вышедшей в 2004 году книги «Иракский кризис и становление нового мирового порядка».

**Делягин Михаил Геннадьевич** — доктор экономических наук, академик РАЕН, председатель президиума — научный руководитель Института проблем глобализации, председатель Идеологического совета партии «Родина», действительный государственный советник II класса.

С 1990 по 1999 г. — аналитик аппарата Б. Ельцина и Правительства РФ. С 1994 года участвовал в подготовке посланий Президента России Федеральному Собранию и программ Правительства России. Основной разработчик программы Правительства России «О мерах по стабилизации социально-экономической ситуации в стране» (осень 1998), участник переговоров с МВФ и Мировым банком в январе — апреле 1999 года.

Длительное время был самым молодым доктором экономических наук (1998). Почетный профессор (2000) Цзилиньского университета (Китай). Профессор-исследователь МГИМО (2003).

Член общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации (1998), директоре Федеральной службы налоговой полиции (2000), председателе Счетной палаты (2000). Член Совета по внешней и оборонной политике (1999), Правления Всероссийского союза товаропроизводителей (2001), Наблюдательного Совета Всемирного антикриминального антитеррористического форума (2001), заместитель Председателя Российского Союза налогоплательщиков (2003), член Президиума Национального Инвестиционного Совета (2005).

Автор более 700 статей в России, США, Германии, Франции, Финляндии, Китае, Индии и др., семи монографий, из которых наиболее известны «Экономика неплатежей» (1997), «Идеология возрождения» (2000), «Мировой кризис. Общая теория глобализации» (2003), «Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?» (2005). Руководитель авторского коллектива книги «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи» (2000).

**Дергачев Владимир Александрович** (Украина) — русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления.

Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе: Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004).; Регионоведение (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005). Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и интернет-изданиях.

**Дугин Александр Гельевич** — философ, доктор политических наук, православный (единоверец — старообрядческое согласие, приемлющее священство МП), публицист, основатель идейного течения «неоевразийство», создатель современной российской школы геополитики.

Родился в 1962 г. В 1988–1991 гг. — главный редактор издательского центра ЭОН; С 1990 г. — главный редактор альманаха «Милый Ангел»; с 1991 г. — главный редактор журнала «Элементы», председатель Историко-Религиозной Ассоциации «Арктогея». Владеет 9 иностранными языками.

С 1998 г. — советник Председателя Государственной Думы, ректор «Нового университета»; с 1999 г. — председатель секции «Центр геополитических экспертиз» Экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при председателе Государственной Думы.

С 2001 г. председатель политсовета (лидер) Общероссийского общественно-политического движения «Евразия»; с 2002 г. — председатель политической партии «Евразия»; с 2004 г. — лидер международного «Евразийского движения».

Автор более 20 монографий, в том числе опубликованных в последние годы: «Русская вещь» (в 2 т., М., 2001), «Эволюция парадигмальных оснований науки» (М., 2002), «Философия традиционализма (лекции «Нового университета»)» (М., 2002), «Основы евразийства» (М., 2002), «Философия политики» (М., 2003), «Проект — Евразия», (М., 2004), «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» (М., 2004), «Философия войны» (М., 2004).

**Кортунов Сергей Вадимович** — доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ., действительный член Академии военных наук, заместитель Председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ.



С 1982 по 1994 г. работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ. Занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения. Принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, Конференция по разоружению, Комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОБСЕ и др.). Последняя должность в МИД РФ — начальник Управления по контролю за военными технологиями.

С 1994 по 1998 г. — консультант, референт помощника Президента РФ по национальной безопасности, заместитель Руководителя аппарата Совета обороны РФ — начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества.

С 1998 по 2001 г. — советник Руководителя Администрации Президента РФ.

С 1998 по 2002 г. — вице-президент Внешнеполитической ассоциации.

С 2004 по 2006 г. — начальник Управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ».

С 2006 по 2007 г. — начальник информационно-аналитического Управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ.

Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

**Марченко Геннадий Иванович** — доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, к.ф.н. Автор нескольких книг по политическому консультированию — «Имидж в политике», «Сценарирование и проектирование в политике», автор многочисленных статей на эту же тему, опубликованных в журналах «Власть», «КОСМОПОЛИС», «СОЦИС», «Вестник МГУ», «Политический маркетинг» и др. Участвовал в различных избирательных кампаниях в стране и за рубежом, является разработчиком реализованных на практике ряда управленческих и политических проектов.

**Михайлов Николай Васильевич** — доктор экономических наук, профессор, член Совета директоров АФК «Система», действительный государственный советник первого класса.

С 1961 г. работал на оборонных и научно-производственных предприятиях, в частности, в 1979–1987 гг. возглавлял НИИ Радиоприборостроения, в 1987–1996 гг. — Межгосударственную акционерную Корпорацию «Вымпел» (ранее — Центральное научно-производственное объединение «Вымпел»). В 1996–1997 гг. — заместитель секретаря Совета Безопасности РФ. В 1998–2001 гг. статс-секретарь Министерства обороны РФ — первый заместитель министра обороны РФ. С 1998 г. по настоящее время — член Президиума Высшей Аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки. Лауреат Государственных премий (1984 г. и 1997 г.). Награжден рядом государственных орденов и медалей.

**Спирова Эльвира Маратовна** — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

**Хойзер Беатрис** (Германия) — профессор Университета бундесвера в Мюнхене, в 2003–2004 гг. — профессор Потсдамского университета, в 1991–2006 гг. — преподаватель, старший преподаватель, профессор факультета оборонных исследований Королевского колледжа (Лондон).

**Холоден Павел Викторович** — сотрудник Института стратегических оценок и анализа.

**Ципко Александр Сергеевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты».

Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист».

С 1972 г. — старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии — ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. — доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. — консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. — профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. — директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 — профессор Вудро Вильсон-центра (США).

Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

**Шнайдер Эберхард** (Германия) – доктор, профессор Немецкого института международной политики и безопасности Фонда науки и политики в Берлине, а также профессор политологии в Университете Зиген. Аккредитован при Министерстве иностранных дел РФ в качестве корреспондента. В 1966 г. до его роспуска в 1970 г. – сотрудник Института по изучению СССР в Мюнхене от Комитета «Радио Свобода».

С 1976 г. до его роспуска в конце 2000 г. – сотрудник Федерального института международных исследований науки о Востоке в Кельне. В 1971–1976 гг. – референт по Восточной Европе в Международном институте политики и экономики в Гамбурге. Автор ряда публикаций, в том числе монографии «Российская политическая система», изданной на немецком и русском языках.

**Шумилина Инна Викторовна** – заместитель главного редактора Интернет-портала Mideast.ru, вице-президент НП «СМИ против терроризма и экстремизма».

# OUR AUTHORS

**Rasim G.AGAYEV** (Azerbaijan) – Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department).

Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya.

His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

**Maxim V.BRATERSKY** – the Russian scholar in Oriental and the American studies. Upon graduation from the Leningrad State University, worked as a Oriental languages translator, then was employed as a researcher by the Institute of the US and Canadian Studies, and lectured at the Stanford University later.

Currently, employed by the State University – Higher School of Economics (SU-HSE). Scientific/research interests include the analysis of the American and Russian policies towards the «problem» states, proliferation of the WMD, regional conflicts in Asia. In 2006, has got his doctor's degree.

**Mikhail G.DELYAGIN** – Dr.Sc. (Economics), Academician, the Russian Academy of Natural Sciences; Chairman of Presidium – Chief Researcher, the Institute of Problems of Globalization; Chairman of the Ideological Council of the ROD-INA (Native Land) political party. 1990–1999 – an analyst at the B. Yeltsin staff and at the Russian Federation Government. Since 1994, took part in drafting Russian President's Messages to the Federal Assembly, and programs for the Government of Russia. The principal author of the Russian Government «On measures to stabilize the socio-economical situation in the country» (Fall 1998); in January-April 1999, participated in the negotiations with IMF and World Bank.

For quite a long time was the youngest Dr.Sc. (Economics) degree-holder (1998). The honorable professor (2000) at the Tsyling University (China). Professor-researcher at the Moscow State Institute of International Relations (2003).

Member of the advisory councils at the Russian Federation Ministry of Internal Affairs (1998), at the Director of the Federal Service of Tax Police (2000), at the Chairman of the Accounts Chamber (2000).

Member, the Council on the Foreign and Defensive Policies (1999); the Board of the All-Russia Union of Commodity Producers (2001); the Supervisory Council of the World Anti-criminal Anti-terror Forum (2001); Vice-Chairman of the Russian Union of Tax-Payers (2003); Presidium member, the National Investment Council (2005).

Authored more than 700 articles published in Russia, the USA, Germany, France, Finland, China, India, etc., and seven monographs of which the following are better known – The Economy of Non-Payments (1997), The Ideology of Revival (2000), the World Crisis. The General Theory of Globalization (2003), the Russia After Putin. Is an 'orange-green' revolution inevitable in Russia? (2005). Headed the group of authors produced the book on Practice of Globalization: Games and Rules of a New Epoch (2000).The Russian Federation Actual Councilor to the State, 2nd class.

**Vladimir A.DERGACHEV** (Ukraine) – Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V. Lomonosov State University.

First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev.

Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including The Geopolitics (Kiev: VIRA-R, 2000); The Geoeconomics (Kiev: VIRA-R, 2002); The Civilization Geopolitics: Geophilosophy (Kiev: VIRA-R, 2004); The Geopolitics. Textbook (M.:UNITI-DANA, 2004).; The Regionology (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B. Vardomsky); the International Economic Relations (M.: UNITI-DANA, 2005); The Globalistics (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as Izvestiya, Literaturnaya Gazeta, Ekonomicheskaya

Gazeta, Obschaya Gazeta, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his Big Geopolitical Dictionary see at his personal web-site <http://www.dergachev.ru>

**Alexander G. DUGIN** – philosopher, Dr.Sc. (Politology), Orthodox believer (member of Edinoverie – the Old Belief Consent, accepting the Moscow Patriarchy Priesthood), publicist, the founder of the Neoevraziistvo ideological movement, an originator of modern Russian school in geopolitics.

Born in 1962. In 1988–1991, Chief Editor, the EON publishing center, Editor-in-Chief, the Lovely Angel almanac (about 1990), Chief Editor, the Elements magazine (since 1991), Chairman, the Arktogeya historical and religious association. Speaks nine foreign languages.

Since 1998, the adviser to the Chairman of the State Duma, Rector of the New University; since 1999, chairs the Center of Geopolitical Expert section at the State Duma Chairman's expert and consultative council on the national security problems.

Since 2001, Chairman of the Political Council (leader), the Eurasia All-Russian socio-political movement; since 2002, Chairman, the Eurasia political party; since 2004, the leader, the Eurasian Movement international organization.

Authored more than 20 monographs, including recently published *The Russian Thing* (in two volumes; M., 2001), *The Evolution of the Paradigm Principles of Science* (M., 2002), *The Philosophy of Traditionalism* (Lectures at the New University, M., 2002), *The Principles of Evraziistvo* (M., 2002), *The Philosophy of Politics* (M., 2003), *The Project – Eurasia*; *The Noursultan Nazarbayev's Eurasian Mission*; *The Philosophy of War* (all – M., 2004).

**Thomas GOMART** (France) – the Director of the IFRI programs on Russia / NIS, and the lecturer at the St.-Syr special military school (St.-Syr-l'Ecole). The article was written in the aftermath of the «Is Russia a Neo-Imperialist or Post-Imperial Actor?», conducted by the French Institute of International Relations (IFRI) and the Center for Strategic and International Studies (CSIS), on November 6th, 2006.

**Vagif A. GUSEYNOV** – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger».

Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajjana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP).

Author of several books: «From Yeltsin to...?» (volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)».

**Beatrice HEUSER** (Germany) – the professor at the Bundeswehr University in Munich, in 2003-04, was the professor at the Potsdam University, in 1991-2006, was the lecturer, the senior lecturer, the professor at the Department of Defense Studies at the King's College (London).

**Pavel V. KHOLODYON** – researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis

**Sergey V. KORTUNOV** – Dr.Sc. (Politology), the Chair of the World Politics at the SU-HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice-Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assembly Council of Federation Foreign Affairs Committee.

In 1982-94 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium- and short-range, and cruise missiles, SALT-1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.). The last Foreign Ministry position occupied – the Head of the Military Technologies Control Directorate.

In 1994–1998 – the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council – the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation.

In 1998-2001 – the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation.

In 1998-2002 – Vice-President of the Foreign Policy Association.

In 2004–2006 – headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint-Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society».

In 2006–2007 – Chief of the Info-Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry.

Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

**Gennady I. MARCHENKO** – Ph.D., Associated Professor at the Chair of Political Analysis of the Department of State Governance, the M.V. Lomonosov Moscow State University.

Participated in various election campaigns in the country and abroad, worked out some management and political projects which were put into practice.

Authored several books on political consulting, including *The Image in Politics*, *The Scripting and Designing in Politics*, and numerous articles to the subject published in such magazines as the *Vlast*, *KOSMOPOLIS*, *SOCIS*, Moscow State University's *Vestnik*, *Politichesky Marketing*, etc.

**Nikolay V. MIKHAILOV** – Dr.Sc. (Economics), professor, Member of the Board of Directors, the Systema Joint Stock Financial Corporation.

Since 1961, employee of the defense and research-and-production enterprises, in particular, headed the Scientific Research Institute of Radio & Instrument Production (1979–1987), the *Vypel* (Pennant) Interstate Joint Stock Corporation Pendant (1987–1996) (before – the *Vypel* Central Research-and-Production Amalgamation).

1996–1997 – Assistant Secretary, the Russian Federation Security Council.

1998–2001 – State Secretary – First Deputy Minister, the Russian Federation Ministry of Defense.

Since 1998 on, Member of the Presidium of the Supreme Certifying Commission at the Ministry of Education and Sciences.

Winner of the State Awards (1984 and 1997). Endowed with a number of government decorations (orders and medals). The Russian Federation Actual Councilor to the State, 1st class.

**Eberhard SCHNEIDER** (Germany) – the professor at the Science and Policy Fund German Institute of International Policy and Security in Berlin, as well as the professor in politology at the Zigen University. Accredited at the RF Ministry for Foreign Affairs as a correspondent. Employee at the Radio Freedom Committee Institute of the USSR Studies, since 1966 till the Institute's dissolution in 1970. Employee at the Federal Institute of International Studies on East in Cologne, since 1976 till the Institute's dissolution late in 2000. In 1971–1976 held position of a reviewer on the East Europe at the International Institute of Politics and Economics in Hamburg. Authored some publications, including monograph on *The Russian Political System*, published both in German and in Russian.

**Inna V. SHUMILINA** – Deputy Editor-in-Chief of the Mideast.ru Internet-portal; Vice-President of the Mass Media Against Terrorism and extremism organization.

Elvira M. SPIROVA, Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

**Alexander S. TSIPKO** – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «Literaturnaya gazeta», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University.

He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU.

In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA).

Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999.

Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

**Evgenie A. VERTLIB** (Germany) – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the Academy of Security, Defense and Law Enforcement of the Russian Federation, as well as some of the foreign Academies; the Professor at the European Center of Security Studies (Germany), the non\_staff Adviser to the Chairman of Committee on the foreignaffairs and international cooperation of the Parliament of the Kyrgyz Republic.

In 1975, was granted the status of political refugee (USA). For some years, was engaged in research and lecturing at various institutes and organizations in the USA and Italy. Scientific interests include foreign policy analytical politology, political decision\_making, conflict and society's stability management, strategies of national security.

Member of the NGO Advisory Council at the State Duma Foreign Affairs Committee. Member of the Editorial Boards of the Geopolitics (Ukraine), Don (RF), The Central Asia: Politics and Economy (Kazakhstan) magazines.

Published more than 200 articles, interviews, reviews, etc.

Member of the Russia's Union of Writers and the Union of Journalists.

Awarded the Order of Peter the Great, 1st class.

Институт стратегических оценок и анализа  
Бюро социально-экономической информации

## **ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ**

**№ 1(27)**

*Перевод:*

– с английского *Владимира Мисюченко*  
– с немецкого *Андрея Урбана*

Корректурa *А.В.Панюгиной*  
Верстка *Л.В.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ  
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций  
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

**Адрес редакции:**

109004 Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1  
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88  
Факс: (495) 911-92-77  
[www.isoa.ru](http://www.isoa.ru)  
E-mail: [issa@umail.ru](mailto:issa@umail.ru)  
[info@isoa.ru](mailto:info@isoa.ru)

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 21.02.07 г. Формат 70×100/16.  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Заказ № 546.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».



**ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ**  
в Объединенном каталоге  
**«Пресса России» – 44351, 44339.**  
Электронный адрес подписки в Интернете:  
[www.presscafe.ru](http://www.presscafe.ru)

**ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:**

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.  
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;  
факс +7 495 681-37-98.  
E-mail: [info@periodicals.ru](mailto:info@periodicals.ru)  
<http://www.periodicals.ru>

**SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD**

Via MK-Periodika or its partners:  
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;  
fax: +7 495 681-37-98  
E-mail: [info@periodicals.ru](mailto:info@periodicals.ru)  
<http://www.periodicals.ru>

**Подписаться и приобрести отдельные номера  
журнала «Вестник аналитики» можно в редакции.**

Тел.: 912-39-88, 911-97-78.  
E-mail: [issa@umail.ru](mailto:issa@umail.ru)

Стоимость одного номера журнала  
в редакции (без доставки) – 100 рублей.

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА  
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.  
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: [issa@umail.ru](mailto:issa@umail.ru)

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,  
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке



Извещение	Форма № ПД-4
	<b>ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»</b> (наименование получателя платежа)
Кассир	<b>ИНН 7718163808</b> (ИНН получателя платежа)
	№ <b>р/с 40702810900000080011</b> (номер счета получателя платежа)
	<b>в АКБ «Росевробанк» г. Москва</b> (наименование банка и банковские реквизиты)
	<b>к/с № 30101810800000000777 в отделении</b>
	<b>2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777</b>
	<b>Подписка на журнал</b> <b>"Вестник аналитики"</b> (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____
	_____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
	Квитанция
Кассир	<b>ИНН 7718163808</b> (ИНН получателя платежа)
	№ <b>р/с 40702810900000080011</b> (номер счета получателя платежа)
	<b>в АКБ «Росевробанк» г. Москва</b> (наименование банка и банковские реквизиты)
	<b>к/с № 30101810800000000777 в отделении</b>
	<b>2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777</b>
	<b>Подписка на журнал</b> <b>"Вестник аналитики"</b> (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____
	_____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)